

1

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

УБИТЬ БОГА

Сборник научно-фантастической прозы США

Перевод с английского

Санкт-Петербург
филиал «Васильевский остров»
1992

ББК 84.7 США
У 17

Издание осуществлено совместно с АО «МСТ»

Составление А. Сазонова

Оформление художника
Н. Зубкова

С $\frac{47003000000-155}{022(01)-92}$ без объявл. © А. Сазонов. Состав. Название серии. 1991.
© Н. Зубков. Оформление. 1991.
ISBN 5-7012-0313-1 © МНПП «ТЭКИНКОМ». Макет. 1991.

ФАРМЕР

«Убить бога»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Человек, преследующий скальп лица, который, как бумажку, гоняет ветер, представляет жутковатое зрелище.

На планете Радость Данте это привлекло внимание лишь некоторых прохожих. Причем любопытство скорее было вызвано тем, что этим занимался землянин, который сам по себе был здесь любопытным зрелищем.

Джон Кэрмоди бежал по длинной прямой улице мимо громадных башен, сложенных из гигантских гранитных блоков. Из темноты ниш на него взирали каменные изваяния каких-то монстров, с балконов и галерей его благословляли статуи богов и богинь.

Человек небольшого роста, казавшийся еще ниже на фоне циклопических стен, как безумный преследовал порхающую прозрачную пленку, гонимую сильным ветром. Казалось, она гримасничает, показывая то отверстия для глаз, то отверстия для ушей, то ухмыляющийся рот. На лоб спадала прядь длинных светлых волос.

Джон прибавил скорость: цель была близка. Но упрямая кожа не давалась, очередной порыв ветра подхватил ее и рванул ввысь.

Кэрмоди выругался и прыгнул, его пальцы коснулись кожи. Но она была неуловима. Выскользнув в последний момент, взлетела еще выше и повисла на балконе на высоте 10 футов от земли. Прямо возле ног каменного изваяния бога Иесса.

Тяжело дыша, растирая больной бок, Джон Кэрмоди привалился к основанию ближайшей колонны. Когда-то он был в лучшей форме и даже имел звание чемпиона Федерации по боксу в среднем весе, но с тех пор его аппетит увеличился и, соответственно, выросло брюшко и второй подбородок. Однако это его волновало мало. У него была грива иссиня-черных волос, жестких и прямых, напоминающих перья вороны, торчащих в разные стороны на голове формы редьки. Под куполообразным высоким лбом прятались острые черные глаза, левый был чуть-

чуть прищурен, что придавало Джону слегка глуповато-хитроватый вид. Нос был длинным и тонким, узкие губы едва прикрывали редкие, но острые зубы. Он посмотрел наверх и понял, что по стене ему явно не взобраться. Войти в дом тоже не удалось: окна были закрыты железными ставнями, железная дверь оказалась заперта. Над дверной ручкой красовалась табличка с надписью на местном языке: «Мы спим».

Кэрмоди пожал плечами и улыбнулся. Его мягкая улыбка разительно контрастировала с тем сумасшествием, что только что владело им при попытке завладеть скальпом. Он повернулся и пошел прочь. Ветер взвыл и с новой силой ударил ему в лицо. Кэрмоди согнулся и поспешил к стоящей на углу телефонной будке. Будка была огромна, как и все на этой планете, и могла вместить человек двадцать. Немного помедлив, Кэрмоди вошел внутрь, подошел к одному из шести аппаратов и взял трубку. Однако не стал садиться на каменную скамью, а, нервно переминаясь с ноги на ногу, сразу начал набирать номер, изредка кося взглядом в сторону входа.

Трубку, как обычно, сняла миссис Кри.

— Здравствуй, прелесть моя, — хриловатым голосом проговорил Кэрмоди, — я хотел бы поговорить с отцом Скеддером или отцом Раллуксом.

Миссис Кри хихикнула по своему обыкновению и ответила:

— Отец Скеддер как раз здесь. Подожди секунду.

Наступила пауза, и затем отозвался мужской голос:

— Кэрмоди? В чем дело?

— Ничего особенного, — сказал Кэрмоди — я думаю...

Он замолчал, ожидая комментариев, и улыбнулся, подумав, что Скеддер нетерпеливо ожидает продолжения, не в состоянии что-либо сказать в присутствии миссис Кри.

Он представил себе длинную физиономию монаха, изборозженную резкими морщинами, высокие скулы, впалые щеки, огромную лысину, тонкие злые губы, способные сжиматься до состояния узкой щели.

— Слушай, Скеддер, у меня есть кое-что новенькое. Может, это важно, может — нет, но во всяком случае это выглядит весьма странно.

Он замолчал, зная, что монах прямо исходит слюной от нетерпения, борясь между попытками сохранить невозмутимость и желанием рывкнуть на Кэрмоди, чтобы тот выкладывал все и поскорей. Но спорить все же пришлось — слишком велики были ставки.

— Ну так в чем же дело? Ты не можешь говорить по телефону?

— Могу. Но может это тебя не заинтересует. Скажи, пять минут назад с тобой или с окружающими не произошло ничего странного?

Наступила очередная пауза, затем Скелдер сдавленно прошептал:

— Да. Солнце как-то мигнуло и изменило цвет. У меня закружилась голова, появился жар. То же самое случилось с миссис Кри и отцом Раллуксом.

Кэрмоди помолчал, ожидая продолжения:

— И это все? И больше ничего?

— Нет. А в чем, собственно, дело?

Кэрмоди рассказал ему о скальпе лица, внезапно возникшем в воздухе перед ним.

— Ну как? Что ты думаешь по этому поводу?

— Нет. Кроме ухудшения самочувствия ничего не было.

Кэрмоди уловил фальшь в голосе монаха. Ну ладно, потом он выяснит, в чем дело. А пока...

Внезапно Скелдер заговорил вновь, из голоса исчезло напряжение, наверное, миссис Кри покинула комнату.

— Что же ты действительно хотел мне сказать?

— Хотел сравнить наши впечатления, и кроме того, я хотел рассказать тебе, что я видел в замке Бунт.

— Ты долго отсутствовал, — прервал его Скелдер. — Когда ты не пришел к ночи, я решил, что с тобой что-то случилось.

— Ты не звонил в полицию?

— Нет, конечно, нет, — проскрипел монах, — ты думаешь, коль я священник, то непременно и дурак? Потом, не настолько ты важная птица, чтобы беспокоиться о тебе.

Кэрмоди ухмыльнулся:

— Люби ближнего, как брата своего. Ну-ну. Правда, мне тоже не очень часто приходилось заботиться о ком-либо. Я просто опоздал — причем, всего на 24 часа, — пришлось принять участие в большом шествии и торжественной церемонии. — Он рассмеялся. — Это просто наслаждение — местная религия.

Тон Скелдера похолодел.

— Ты принял участие в языческой оргии?

Кэрмоди опять ухмыльнулся:

— Конечно. Совсем как в Риме, но не так сексуально. Много времени занимают довольно скучные ритуалы. Только ближе к ночи жрицы дали сигнал к началу оргии.

— И ты принял участие?

— Разумеется. С самой высшей жрицей. Эти люди не разделяют твоего отношения к сексу, Скелдер. Они не считают его грязным и постыдным грехом. Напротив, он для них — благословение и дар божества. То, что ты считаешь оскорблением и развратом, для них — чистота и благородство. Правда, я думаю, что ошибаетесь и вы и они:

секс — это то, что дает тебе преимущество и власть над другим. Все же их отношение к этому вопросу приятней, чем твое.

Скелдер сразу разозлился, его голос напомнил Джону учителя, отчитывающего нерадивого ученика.

— Ты не понимаешь наши догматы. Секс сам по себе не грех и не грязь. Он создан господом для того, чтобы живые существа смогли продолжить свой род. Секс у животных также невинен и безгрешен, как утоление жажды. Мужья и жены с помощью этой данной богом силы могут слиться в одном сладостном и священном объятии, могут достичь божественного откровения, экстаза, какой, вероятно, достигает человек, находясь в...

— О, господи, — взревел Кэрмоди, — не надо, не надо! Интересно, за кого принимают тебя твои прихожане, когда ты влезает на кафедру и несешь эту несусветную чушь? Боже, или кто там есть, помоги им!

— Во всяком случае, я согласен с догматами церкви. Мне понятно, что, хотя секс дозволяется в рамках брака, ты и сам считаешь его грехом. Он отвратителен, и чем скорее ты примешь душ после того, как совершишь этот грех, тем лучше.

— Однако в этой религиозно-сексуальной лихорадке аборигены выражают любовь и признательность к создательнице, давшей им радость жизни. Обычно они ведут себя вполне прилично...

— Кэрмоди, я не нуждаюсь в твоих лекциях! Я антрополог и великолепно изучил развратные обычаи этого народа и...

— Тогда почему же ты не изучаешь их на практике? — спросил Джон, похикивая. — Это твой долг антрополога. Почему ты посылаешь меня? Ты боишься оскверниться? Или ты боишься, что тебя соблазнят и обратят в их веру?

— Давай оставим этот спор, — переходя на бесстрастный тон, сказал Скелдер. — Я не желаю слушать отвратительные подробности твоего грехопадения. Я только хочу знать, обнаружил ли ты что-либо полезное для нашей миссии?

Кэрмоди нахмурился, услышав слово «миссия»:

— Конечно, дружище. Жрица утверждает, что богиня является как некая сила в телах поклоняющихся ей людей. Но все, с кем я беседовал, уверяют, что сын богини Иесс существует во плоти. Его многие видели и даже говорили с ним. Он был в городе во время Сна. Говорят, что он пришел сюда потому что он был здесь рожден, вырос, умер и вновь возродился.

— Я это знаю, — с отчаянием произнес монах. — Посмотрим, что скажет этот самозванец, когда предстанет перед нами. Отец Раллукс уже налаживает аппаратуру для записи его еретических измышлений.

— О'кей,— безучастно сказал Кэрмоди.— Я буду дома через полчаса, если по пути, конечно, не попадетсЯ смазливАя девчонкА. Но сейчас это маловероятно. Город как вымер.

Он повесил трубку и усмехнулся, представив гримасу отвращения на лице монаха. Теперь он, вероятно, стоит и, закрыв глаза, беззвучно читает молитву о спасении души Джона Кэрмоди, погрязшего в грехе, имя которому разврат. Затем непременно пойдет поделиться услышанным к отцу Раллуксу. Раллукс, одетый в синюю рясу ордена Святого Джайруса, покуривая трубку и возясь с аппаратурой, спокойно, без комментариев выслушает коллегу и бесстрастно отметит в очередной раз, что, мол, зря связались с этим Кэрмоди. Но, увы, они тут бессильны: ни заменить Кэрмоди на этой планете, ни изменить его характер они не могут. Так что придется работать с тем, кто есть.

Кэрмоди был уверен на сто процентов, что Скеддер не любит своего коллегу почти так же, как и его, Кэрмоди. Раллукс принадлежал к Ордену, весьма подозрительному в глазах святоши и консерватора Скеддера. Более того, Раллукс не скрывал, что он сторонник теории эволюции, которая родилась внутри Церкви. Последователи этой теории боролись за ее приоритет — и это течение было теперь настолько сильным, что уже не было сомнений, что грядет Новая Великая Ересь. Многие полагали, что возможен даже раскол Церкви. Хотя оба монаха старались сохранять ровные нейтральные отношения, но однажды Скеддер сорвался. Это случилось в ходе обсуждения обета безбрачия, даваемого священниками Церкви, хотя этот вопрос носил скорее характер дисциплины, нежели догмата.

Вспомнив красное разъяренное лицо Скеддера и слюни, которые разлетались из его орущего рта, Кэрмоди рассмеялся. Он и сам внес вклад в ярость монаха, раззадоривая его словесными булавами, в тайне удивляясь, как могут люди серьезно спорить о таких пустяках. По мнению Кэрмоди, только круглый идиот не видит, что жизнь отдельного человека — это глупая шутка, и единственный способ не стать самому дураком — это посмеяться вместе с шутником.

Странно, несмотря на то, что все трое ненавидели друг друга, судьба соединила именно их для выполнения одной задачи.

— Преступление порой соединяет самых разных людей,— сказал Кэрмоди однажды Скеддеру, пытаясь притушить ту ненависть, которая постоянно тлела в монахе. Но фраза не возымела своего действия. Скеддер отвечал ледяным тоном, что церковь работает с тем материалом, что находится под руками. Ну хотя бы с ним, с Кэрмоди. И потом, разве отвратить людей от фальшивой религии — преступление?

— Послушай, Скеддер, — сказал тогда Кэрмоди, — ты и Раллукс посланы антропологической Федерацией и Церковью для изучения так называемой Ночи Света на планете Радость Данте и, если получится, побеседовать с «живым богом» Иессом, доказать его лживость. Но вы хотите сделать нечто большее: схватить его, сделать ему инъекцию наркотика и заставить публично покаяться, признать, что религия аборигенов — обман. И вы думаете, что здесь нет состава преступления?

На это Скеддер ответил, что готов нести любое наказание, но не упустит возможности уничтожить фальшивую религию. Культ Иесса уже распространяется на другие миры. Он стал пародией на обряды Церкви, кроме того, эти жуткие оргии... Многие планеты уже отказались от Церкви. Пример тому мир звезды Комсоны. Сам епископ и его сорокатысячная паства стали ренегатами и...

Вспомнив эту беседу, Кэрмоди рассмеялся опять. Он подумал, что бы сказал Скеддер, если бы знал, что его слова «уничтожить религию» Кэрмоди понимает в буквальном смысле. У него свои соображения на это счет. Он нащупал в правом кармане тяжелый и прохладный «Магнум-мини», пистолет калибра 0.3, способный выпустить сто смертоносных разрывных «пчелок» без перезарядки. И если Иесс действительно существует, тело его будет напоминать решето, а кровь будет хлестать, как из дырявой бочки.

Кэрмоди очень хотелось увидеть сие зрелище. Если бы он увидел это, он перестал бы верить во что-либо раз и навсегда. Перестал бы? А если придется поверить? Ну и что? Что изменится? Произойдет чудо? А какое это имеет отношение к Джону Кэрмоди? Он существует вне всяческих чудес, и если погибнет, то уж, явно, не воскреснет. А поэтому он всегда старается взять максимум из того, что может предложить эта крохотная Вселенная.

Немного жратвы, немного хорошей выпивки, чтобы быть слегка навеселе и испытывать удовольствие, наблюдая страдания других, их суету, заботы, которых они могли бы легко избежать, если бы немного поработали мозгами. Насмехаться над ними — громаднейшее удовольствие, ибо только смехом можно заявить свету, что ты ничего не боишься и ни о чем не сожалеешь. Это была не поза, это — жизненное кредо Джона Кэрмоди, а на остальное — наплевать!

В момент саркастических размышлений Джон услышал, что его кто-то окликнул.

— Привет, Тэнди! — крикнул на местном наречии Кэрмоди. — А я думал, ты отправился спать.

Тэнди предложил ему сигарету, прикурил сам и, выпустив дым из ноздрей, сказал:

— Мне нужно закончить одно очень важное дело. Для этого нужно некоторое время, а затем — спать.

— Странно,— Кэрмоди сморщил лоб, мысленно отметив, что Тэнди явно что-то скрывает.— Я всегда считал, что вы, жители планеты, думаете обычно о высших материях, о природе вселенной, о самоусовершенствовании духа, но никак не об этих грязных деньгах.

Тэнди рассмеялся: — Мы не отличаемся от других рас. У нас есть свои святые, свои грешники и обыватели. Но, однако, в Галактике о нас думают что угодно. Одни считают нас народом аскетов, святош, другие, напротив,— развратными фанатиками, внушающими отвращение так называемым цивилизованным мирам. О нас рассказывают всякие небылицы, особенно о Ночи Света. Когда мы гостим на других планетах, к нам относятся как к уникалам. А я думаю, что каждая раса уникальна по-своему.

Кэрмоди не стал спрашивать, какое же важное дело помешало Тэнди сразу лечь спать. По местным обычаям это было невежливо. Он посмотрел на него поверх тлеющего кончика сигареты. Тэнди был ростом в шесть футов и довольно красив, на вкус местных красавиц. Как и большинство других разумных существ в Галактике, он был гуманоидом. И только подойдя ближе, можно было увидеть, что это не человек. По его лицу, волосам, напоминающим перья, по голубым ногтям и зубам сразу становилось ясно, что это житель мира Радости Данте, или Кэриен, как называли его аборигены.

Голову Тэнди украшал остроконечный серый колпак, кокетливо сдвинутый на бок. Прическа тоже была необычна: короткая стрижка, только над остроконечными волчьими бровями висели длинные голубые пряди. Его тело охватывал роскошный легкомысленный воротник из белого кружева, зато ярко-фиолетовый смокинг был очень строгого покроя. Широкий бархатный пояс серого цвета ловко стягивал талию. В общем и целом он производил впечатление денди, естественно, в туземном варианте.

Честно говоря, Кэрмоди относился к нему с подозрением: уж больно Тэнди смахивал на полицейского агента. С того самого дня, как Кэрмоди появился в этих местах, Тэнди не оставлял его своим вниманием. «Нет, дело, видно, не в этом,— решил Джон,— даже полиция должна спать».

Тэнди улыбнулся, обнажив полный набор ровных голубых зубов:

— Послушай, Джонни, я видел, как ты что-то упорно отлавливал на дороге. Кожу лица, не так ли? И, наверное, человека, а не кэрисна? Ведь именно человеческое лицо ты себе представил?

Кэрмоди растерялся, но не подал виду:

— Представил? Что ты этим хочешь сказать?

— Именно представил. Ты же сам видел, как она возникла из ничего перед тобой в воздухе.

— Бред! Этого не может быть!

— И тем не менее это так. Иногда это случается. Хотя обычно представляемое воплощается в том, кто представляет. Но твоя фантазия, вероятно, настолько сильна, что ты оказался способен породить объекты вне себя. И это тебя, видимо, сильно беспокоит.

— У меня нет проблем, которые я бы не мог разрешить сам, — деланно ухмыльнулся Кэрмоди. Сигарета его, как шпага, перскатывалась из одного угла рта в другой.

Тэнди пожал плечами:

— Дело твое, но мой тебе совет: садись-ка на корабль — последний, кстати, стартует часа через четыре — и улетай с этой планеты. Идет время Сна... мало ли что может с тобой случиться.

Кэрмоди чуть не рассмеялся, прикидывая про себя все варианты, и решил, что стоит докопаться до сути, а удрать он успеет.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в невозможное? Конечно, на вашей планете происходит много странного, но то, что я видел, это...

— Я знаю вас, землян, — прервал его Тэнди. — Вам все это кажется волшебной сказкой или кошмаром. Нет, мы, кэриены, не знаем, что такое кошмар...

— Ну конечно, — съехидничал Джон, — кошмары у вас строго дозированы, один раз в семь лет, и большинство из вас успешно спасаются, погружаясь в Сон. Мы же, земляне, палим на них глаза еженощно во сне обычном.

Он поморгал глазами, улыбнулся своей холодной улыбкой и добавил:

— Но я не такой, как все земляне. Я не вижу снов и, естественно, кошмаров.

— Я понимаю, — ответил Тэнди бесстрастно, без всякой злости, — вероятнее всего, ты отличаешься от всех землян полным отсутствием совести. Ведь земляне, если, конечно, у меня точная информация, страдают душевно, если им случается прикончить свою жену.

Кэрмоди поскущел. Конечно, Тэнди известно, почему ему пришлось бежать на Кэриен. Убийство жены не шутка, а с этой планеты выдачи нет. Но загадкой оставалось, почему Тэнди так спокоен и не старается проявить свое отвращение к убийце.

— Я возвращаюсь к мамаше Кри. Пойдешь со мною, Тэнди? — не желая продолжать скользкий разговор, спросил Джон.

— А почему нет. Сегодня она устраивает Последний Ужин перед погружением в Сон.

Они молча шли по улице, ветер уже стих, небо слегка посветлело. Вокруг возвышались циклопические, богато украшенные резьбой и статуями здания, постросенные навечно и способные выдержать любые катаклизмы, огонь, бурю, пока их обитатели спят. Кое-где встречались редкие прохожие, спешившие закончить неστοлжные дела, прежде чем погрузиться в сон. Толпы, которые еще вчера кишели здесь, исчезли, и с ними исчезли шум, суета, ощущение жизни.

Кэрмоди смотрел на молодую женщину, пересекавшую улицу, и думал, что если ее лицо закрыть чадрой, то ее ни за что не отличишь от земной. Те же длинные стройные ноги, широкие бедра соблазнительной округлости, тонкая талия, высокая грудь...

Внезапно свет мигнул. Он посмотрел на звезду. До этого ослепительно белая, она превратилась в бледнофиолетовый диск с темнокрасной окантовкой.

Джон ощутил головокружение, жар, застучало в висках, в глазах потемнело. Затем, так же быстро, как и пришло, головокружение пропало, слабость исчезла, а звезда опять стала ослепительно белой.

— Что же это? — спросил он хриплым голосом.

Теперь он вспомнил, что подобное явление произошло час назад. Тогда звезда так же изменила цвет. На фиолетовый или голубой? И тогда ему так же стало жарко и шла кругом голова. Но тогда все произошло мгновенно, как вспышка. Воздух в трех футах перед ним вдруг сгустился, стал ярким как зеркало. И в этом зеркале появилось лицо, нет, не лицо, а его кожа, тонкая пленка, которую тотчас подхватил ветер.

Кэрмоди вздрогнул. Снова поднялся ветер, ему стало холодно. И вдруг он вскрикнул: в десяти фунтах, гонимый по улице ветром, катился свернутый клубком кусок кожи. Джон сделал шаг вперед, готовясь броситься за ним. Затем остановился, покачал головой, потер в замешательстве кончик длинного носа и усмехнулся.

— Они не зацепят Джона Кэрмоди, — громко сказал он. — Пусть эта шкура, или что это там такое, катится к тому, кому принадлежит.

Он сунул в зубы сигарету и оглянулся на Тэнди. Тот стоял посреди улицы, склонившись над девушкой. Она лежала на спине. Ноги и руки свело судорогой, остекленевшие глаза были широко раскрыты, изо рта толчками вытекала окрашенная кровью пена.

Кэрмоди подбежал, взглянул и сказал:

— Ага, конвульсии. Все хорошо, теперь надо разжать ей челюсти, чтобы она не откусила себе язык. Тебя учили медицине?

— Нет, — ответил Тэнди, стараясь, чтобы платок, всунутый в рот девушке, не придушил ее. — Но моя профессия требует знания правил оказания первой помощи. Бедняжка, ей нужно было уснуть еще

вчера. Но я полагаю, что она не знала, что это так на нее подействует. А может знала и искала шанс излечиться.

— Что ты имеешь в виду?

Тэнди показал на светило:

— Когда оно меняет цвет, в магнитном поле мозга начинается целая буря. И вот тогда проявляется скрытая ранее тенденция к эпилепсии. Так происходит, если не лечь спать. Зачастую люди погибают, но тот, кто не погиб, излечится.

Кэрмоди с недоверием посмотрел на звезду:

— Вспышка на ней, в миллионах миль отсюда, может вызывать такие вещи?

Тэнди пожал плечами и встал. Девушка уже мирно спала.

— А почему нет? Мне говорили, что и на Земле ощущается влияние солнечных бурь. У вас, как и у нас, уже созданы карты климатических, психологических, деловых, политических и прочих циклов, которые определяются изменениями на поверхности Солнца. Их можно предсказать даже на столетие вперед. Чему же удивляться, у нас происходит то же, только с большей силой.

Джон даже растерялся, но затем быстро оправился:

— А как объяснить тогда физические проекции мысли?

— Мне бы хотелось это знать, — ответил Тэнди.

— Наши астрономы изучают это явление уже тысячи лет. И ваши ученые основали базу на одном из астероидов для изучения этого феномена. Но им пришлось ее покинуть в первый же цикл Сна. Это явление не поддается изучению: обычно исследователи во время Сна слишком заняты борьбой со своим физическим состоянием. И им не до изучения чего-либо.

— А приборы? Они ведь не подвержены действию вспышек?

Тэнди обнажил в улыбке голубые зубы:

— Разве? Они регистрируют такие дикие вспышки волн, будто сами страдают эпилепсией. Может быть эти записи и имеют какую-либо ценность, но их значение до сих пор тайна.

Он помолчал, а затем продолжил:

— Хотя есть трое, кто мог бы все разъяснить. Но они не хотят.

Он вытянул руку:

— Вот эти.

Кэрмоди проследил взглядом направление, куда указывала рука Тэнди. В конце улицы находилась группа статуй из светлой бронзы: Богиня Бунт, защищала своего сына Иесса от второго сына, его брата-близнеца бога зла Алгули. Он был выполнен в виде отвратительно-го дракона.

— Они?...

— Да, они.

Кэрмоди усмехнулся:

— Ну уж не думал, что такой интеллигентный человек, как ты, способен исповедовать такую примитивную философию.

— Интеллигентность не имеет отношения к религии, — отпарировал Тэнди. Он опять склонился над девушкой, поднял ее веко, пощупал пульс. Одной рукой он снял колпак, другой описал круг.

— Она мертва.

Им пришлось задержаться еще на пятнадцать минут. Тэнди позвонил в госпиталь, и вскоре прибыл длинный локомотив красного цвета. Водитель прыгнул с высокого сиденья и сказал:

— Вам повезло. Это наш последний вызов. Через час мы ляжем спать.

Спустя три минуты красная машина рванула с места.

Потом, когда они уже шли по улице, Джон спросил:

— А кто выполняет обязанности пожарных, полицейских и врачей во время Сна?

— Нашим зданиям пожары не страшны. А что касается полиции, то во время Сна у нас нет Закона. Во всяком случае, в вашем понимании.

— А как насчет полицейского, который хочет излечиться?

— Я сказал, что закон на это время отменяется.

Вскоре они покинули деловой центр и оказались в жилом квартале. Дома здесь не стояли в ряд, впритык друг к другу, а были отделены один от другого зелеными насаждениями. Простора было больше, но чувство массивности и вечности, застывшее в камне стен, все еще оставалось. Здания были сработаны из огромных гранитных блоков, двери и окна защищались металлическими решетками. Даже собачьи будки были сделаны так, что могли выдержать атомную бомбардировку. Вид будок сразу напомнил Кэрмоди, что животная жизнь тоже застыла. Птицы, которых еще вчера было немало, теперь исчезли. Собаки и кошки, в изобилии прогуливавшиеся по улицам, тоже пропали. Даже цикады замолкли. Все спали.

Они остановились перед домом, принадлежавшим женщине, которую Кэрмоди называл мамаша Кри. Именно здесь правительство Кэриена организовало пансион для инопланетных гостей. Это был четырехэтажный кольцевой дом из мрамора и гранита, окруженный садом.

Длинная извилистая аллея вела к входу. На полпути Тэнди остановился возле одного из деревьев.

— Какое оно странное, — сказал Кэрмоди, — напоминает человека.

Дерево действительно было странным: ствол снизу был раздвоен и расстался на уровне пояса, два толстых сука напоминали руки, расставленные как бы в жесте удивления.

— Если бы я шел здесь ночью, я бы решил, что кто-то вышел прогуляться.

— Ты почти угадал, — отозвался Тэнди. — Пошупай кору. Настоящая, да? Но это только на первый взгляд. А под микроскопом ее клеточная структура выглядит довольно любопытно. В ней переплелись признаки клеточного строения человека и растения. Как ты думаешь, почему?

Он помолчал, загадочно улыбаясь. А затем сам ответил:

— Это муж миссис Кри.

Кэрмоди холодно переспросил:

— Да?

Затем рассмеялся:

— Он что, вел малоподвижный образ жизни и в конце концов одревенел?

Тэнди поднял брови:

— Точно. В период своей человеческой жизни он предпочитал сидеть, смотреть на птиц, читать философские сочинения... Был молчалив, избегал шумного общества, презирал труд. Миссис Кри зарабатывала на жизнь, сдавая дом. Она сделала жизнь мужа несчастной, непрерывно его тормоша и попрекая бездействием, но так и не смогла сдвинуть его с места. Наконец, желая избавиться от нее, он стал бодрствовать во время Сна. И это произошло. Многие говорят, что ему не повезло. Но я так не думаю. Он получил то, к чему стремился — вечное спокойствие.

Тэнди рассмеялся.

— На планете Радость Данте каждый может получить то, что хочет. Вот почему сюда ограничен въезд гражданам Галактической Федерации. Очень опасно, когда подсознательные желания каждого исполняются полностью и буквально.

Кэрмоди почти ничего не понял, но решил слукавить.

— Ты что, решил меня напугать так, чтобы я улетел или погрузился в Сон? Ничего не получится. Напугать меня трудно.

Внезапно улыбка его погасла. Он застыл, глядя перед собой. Силы оставили его, тело было охвачено жаром. В трех футах перед ним воздух завибрировал, превратился в зеркало, и из него материализовалась кожа лица.

— Мэри!

Он мог бы дотронуться до кожи, лежащей на обочине аллеи, но это уже было выше его сил. И только желание показать бесстрашие заставило его нагнуться и поднять это.

— Настоящая? — спросил Тэнди.

Откуда-то из глубин естества Кэрмоди взял силы, чтобы изобразить смех.

— На ощупь совсем как у нее. Гладкая, почти атлас. У нее была самая совершенная фигура в мире.

Он нахмурился:

— Пока не начался разлад...

Кисть его разжалась, и кожа упала на землю.

— Пустая, совсем как она. Ничего в голове, ни капли мозга.

— Ты очень холоден, — сказал Тэнди, — или туп. Мы еще это выясним.

Он поднял кожу и расправил ее на вестерке.

Кэрмоди увидел, что здесь не только лицо, но и передняя часть шеи и плечей. Длинные светлые волосы струились паутиной по ветру, под черными ресницами уже был виден белок глаз.

— Ты чем-то озабочен? — спросил Тэнди.

— Я? Я тут ни при чем. Я даже не знаю, как это происходит.

Тэнди притронулся к его голове и левой стороне груди:

— Они знают.

Он сложил кожу и спрятал ее в свой мешочек на поясе.

— Пепел к пеплу, — заметил Джон.

— Посмотрим, — ответил Тэнди.

К этому времени на небе появились облака. Одно из них закрыло звезду. Сист, отфильтрованный облаком, сделал все серым, призрачным. Внутри дома этот эффект выглядел еще более зловещим. Когда они вошли в столовую, их встретила целая группа привидений. Мамаша Кри, пилот с Веги по имени Арс и два землянина. Все сидели за круглым столом в большой комнате, освещенной лишь семью свечами. Позади хозяйки виднелся каменный алтарь с изваянием богини, держащей на руках близнецов. Иссе спокойно сосал правую грудь, а Алгули впился зубами и когтями в левую. Богиня взирала на них со счастливой материнской улыбкой. В центре стола, возвышаясь над канделябрами, блюдами и кубками, стояли символы богини Бунт: рог изобилия, горящий меч и руль.

Мамаша Кри, низенькая, круглая, с огромным бюстом, заулыбалась им навстречу. Ее голубые зубы в этом полумраке казались черничными.

— Здравствуйте, джентльмены. Вы как раз попали к последнему Ужину.

— Последний Ужин? — спросил Кэрмоди, направляясь в ванную. — Ха! Я буду играть роль своего тезки доброго старого Джона, апостола Иоанна. А кто у нас Иуда?

Он услышал негодующее фырканье Скледера и тихий голос Раллукса:

— В каждом из нас сидит маленький Иуда.

Кэрмоди не мог удержаться, чтобы не уточнить:

— Ну тогда все зависит от процентного содержания, — и затем ушел, весело хохоча. Когда он вернулся и сел за стол, то с улыбкой взглянул на вытянутое лицо Скледера.

— Передай соль, пожалуйста, — попросил он. — Да не рассыпь.

И тут же захохотал, когда Скледер все же рассыпал ее:

— А вот и Иуда!

Лицо монаха вспыхнуло, и он рявкнул:

— С таким поведением, мистер Кэрмоди, я очень сомневаюсь, что ты переживешь эту Ночь.

— Побеспокойтесь о себе, — ответил Кэрмоди. — А я намереваюсь подыскать себе хорошенькую девочку и полностью сосредоточиться на ней. Я даже не замечу, как пролетят эти семь дней. Советую то же сделать и тебе, приор.

Скледер поджал и без того узкие губы. Его физиономия была прямо-таки создана, чтобы выражать негодование — многочисленные морщины на лбу и щеках, костлявые челюсти, длинный мясистый нос олицетворяли сейчас грозного судию. На нем как бы отпечатались пальцы Создателя, слепившего это лицо и, не разгладив, бросившего в печь для обжига.

Сейчас оно покраснело, проявляя признаки человеческого естества. Светлые серо-голубые глаза горели огнем из-под золотистых бровей.

И тут заговорил отец Раллукс, и голос его прозвучал, как холодный душ.

— Гнев не относится к числу наших добродетелей.

Страшным человеком был этот священник. Нос-пуговка, широкие пухлые губы, большие уши, рыжая шевелюра — эдакий добродушный ирландец. Однако, из широких плеч вырастала толстая, перевитая мышцами шея, а могучие руки заканчивались сильными цепкими кистями. Из-под длинных женских ресниц честно и открыто на собеседников смотрели большие влажные глаза, но при этом по их спинам бегали мурашки и возникало ощущение опасности.

Кэрмоди всегда удивлялся, как этот монах стал партнером Скледера. Он не пользовался такой известностью, как последний, но имел известный авторитет среди антропологов. В их предприятия они

выполняли разные функции и старшим считался Скелдер. Тощий монах был главой консервативной фракции в Церкви, которая пыталась реформировать мораль во всей Вселенной. Его аскетическая фигура появлялась на всех планетах, где существовала хотя бы одна секта. Грозовым голосом он обличал нудизм на пляжах, супружескую неверность, сексуальные извращения и все прочее, что ранее осуждалось Западным Земным Обществом, и к чему теперь Церковь относилась вполне терпимо и даже разрешала, если это не противоречило социальным устоям на данной планете. Скелдер использовал весь авторитет Церкви, чтобы вернуть мир к прежним стандартам, а когда либералы обвиняли его в консерватизме и викторианстве, он с радостью принимал эти обвинения и заявлял, что хотел бы вернуть старые добрые времена. Все это объясняло тот яростный взгляд, который он метнул в сторону Раллукса.

— Господь становился гневен, когда к тому вынуждали обстоятельства. Вспомни меня во Христе и фиговое дерево!

Он вытянул длинный палец в сторону оппонента:

— Заблуждаются те, кто считает его только мягким Иисусом! Достаточно прочесть Евангелие, чтобы убедиться, что он был жесток во многих случаях, что...

— О боже, я голоден, — сказал Кэрмоди.

Он действительно был голоден, будто не ел целую неделю.

— В течение семи следующих дней вы будете есть страшно много. Энергия будет расходоваться быстрее, чем возобновляться, — заметил Тэнди.

Мамаша Кри вышла и вернулась с блюдом кексов.

— Здесь семь штук, джентльмены. Каждый из них олицетворяет одного из семи отцов Иесса. Такие кексы у нас всегда выпекаются к праздникам, а Последний Ужин перед Сном тоже праздник. Я думаю, джентльмены, вы их отведаете. Кусочек кекса и глоток вина символизируют не только то, что вы вкушаете кровь и плоть Иесса, но и то, что вы получаете возможность и способность создать собственного бога, как сделали эти семеро.

— Раллукс и я не можем совершить святотатства, — ответил Скелдер.

Миссис Кри была разочарована, но лицо ее тут же просветлело, когда Аре, Кэрмоди и Тэнди заявили, что они отведают угощения. Кэрмоди при этом решил, что симпатией и поддержкой миссис Кри стоит заручиться на будущее.

— Я думаю, — сказала женщина, — что вы, святые отцы, изменили бы свое мнение, если бы знали историю семерых.

— Я знаю ее, — опять ответил Скелдер. — Прежде чем направиться сюда, я изучал вашу религию. Насколько я помню, дело было так: вначале богиня Бунт путем непорочного зачатия родила сыновей-близнецов. Когда они выросли, один из них, злой, убил другого, разрезал на семь частей и закопал в разных местах, чтобы мать не смогла собрать части и воскресить сына. Злой сын, Алгули, как вы называете его, правил миром, и только материнское вмешательство не позволило ему уничтожить род людской. Но везде было зло. Люди погрязли в грехе. Но были и праведники, которые молили богиню вернуть к жизни Иесса. И открылось им, что если найдется на планете одновременно семь праведников, Иесс воскреснет. Многие ушли на поиски, но целых семь веков их не могли найти, а зла в мире становилось больше и больше.

Но вот однажды собрались вместе семь человек, семь праведных.

Бог зла Алгули, чтобы уничтожить их, погрузил в Сон всех, кроме самых закоренелых грешников. Но семеро успешно преодолели Сон и вошли в духовную и физическую близость с богиней, — лицо Скелдера при этих словах исказила брезгливая гримаса. — Каждый из них стал ее любовником, и все семь частей Иесса соединились, Алгули погиб, а семеро праведников превратились в малых богов и стали консортами Матери-Богини. Иесс вернул мир в лоно добра. С Алгули поступили так же, как до этого он поступил с Иессом: семь кусков его брэнной плоти зарыты в разных местах. С тех пор добро парит над злом, но зла осталось еще много, и легенды утверждают, что если одновременно соберутся семь великих грешников, они могут во время Сна вернуть к жизни Алгули.

Скелдер замолчал, саркастически улыбнулся и сказал:

— Конечно, существуют разные версии мифа, но я рассказал самое существенное и общее для всех вариантов. Это обычная история борьбы добра и зла, которая встречается во всех религиях Галактики.

— Может, это и общая тема всех религий, — сказала мамаша Кри, — но остается фактом то, что семеро человек создали бога. Я знаю это, потому что видела его на улицах, касалась его одежды, была свидетелем того, как он творил чудеса, хотя ему и не очень нравится это занятие. И я знаю, что во время Сна грешники не раз пытались вернуть к жизни Алгули. Ибо тогда они будут править миром и все их желания будут исполнены.

— Уважаемая миссис Кри, я не собираюсь ругать твою религию, но откуда тебе известно, что тот, которого ты видела, действительно Иесс? — спросил Скелдер. — И как могут обычные люди сотворить бога из ничего?

— Я знаю, потому что я знаю,— произнесла женщина сакраментальную фразу религиозных фанатиков всех времен и народов.

Она коснулась своей необъятной груди:

— Что-то там говорит мне об этом.

Кэрмоди издевательски рассмеялся:

— Она побила тебя, монах. Твоим же оружием. Разве Церковь не пользуется такими же аргументами в спорах, когда ее загоняют в угол?

— Нет,— холодно ответил Склдер,— это не так. Нам нет необходимости защищаться. Здание Церкви стоит твердо и на века, несмотря на все наскоки атеистов и удары властей. Церковь несокрушима, как ее учение. Она проповедует истину!

Кэрмоди фыркнул, но все же отказался от дальнейшего спора. Какая разница, что думает Склдер и иже с ним? Кэрмоди желал действия, ему надоела бесцельная болтовня.

Миссис Кри поднялась из-за стола и отправилась мыть посуду. Джон встал и последовал за ней, высказав желание помочь на кухне. Мамаша Кри встретила эти поползновения благосклонно, правда она понимала, что Кэрмоди делает это не просто так, и все же это льстило ей.

Действительно, Джону необходима была информация и еще раз информация. Уже на кухне он атаковал мамашу Кри вопросами.

— Ну-ка, хозяйшюшка, Расскажи мне правду. Ты действительно видела Иесса? Так же, как видишь меня?

Женщина передала ему тарелку:

— Возьми-ка вытри. Что касается Иесса, то я видела его гораздо чаще, чем тебя. Он даже один раз обедал здесь.

Кэрмоди с трудом проглотил сообщение о столь прозаическом контакте с божеством.

— Неужели? И после этого он ходил в уборную? — спросил он, считая это самым надежным способом отличить божество от простого смертного.— Можно предположить, что бог ест, но испражняется?.. Не очень-то это божественное деяние...

— Конечно,— сказала мамаша Кри.— Ты думаешь, что у бога Иесса кишки и желудок отличаются от твоих?

В это время на кухню вошел Склдер, как бы для того, чтобы выпить воды, но на самом деле его мучило любопытство.

— Конечно,— сказал монах,— как и у всех людей. Скажи мне, мамаша Кри, давно ли ты видела Иесса?

— Когда я была еще ребенком, лет пятьдесят назад.

— И с тех пор он несколько не постарел и выглядит таким же молодым? — саркастически ухмыльнулся Склдер.

— О нет, теперь он старик и может вот-вот умереть.

Земляне удивленно переглянулись.

— Здесь что-то не так, — сказал монах, — по нашим понятиям, бог умереть не может.

Тэнди, который тоже зашел в кухню, услышал последние слова и вмешался:

— А разве ваш Христос не умер на кресте?

Скелдер закусил губу, затем улыбнулся.

— Я прошу простить меня. Должен признаться, что я поддался приступу гнева, и это затуманило мою память. Я забыл о различиях между божественной и человеческой сутями Иисуса. Я рассуждал как язычник, но забыл, что и языческие боги смертны. Может, у вас Иесс тоже имеет и божественную и человеческую природу. Этого я не знаю, до этих тонкостей я еще не добрался. Но я постараюсь понять ваши религиозные верования.

Он замолчал, сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и продолжал:

— Но все же я думаю, что между Христом и Иессом есть разница. Христос воскрес и был вознесен на небо, чтобы соединиться со своим Отцом. Более того, его смерть была необходима: он принял на себя грехи человеческие, страдал за них и этим спас людей.

— Если Иесс умрет, то он когда-нибудь возвратится вновь.

— Ты меня не понимаешь. Коренная разница в том, что...

— Значит, ваша религия истинная, а наша — нет?! — смеясь, перебил Тэнди. — Но кто может сказать: где правда, а где ложь? Где факт, где миф? Все, что влечет действие, — факт, но тогда, если миф вызывает действие, то и он — факт. Слова, которые произносятся здесь, умрут, вибрация воздуха, вызываемая ими, угаснет, но кто знает, умрет ли этот эффект, что возбудили они?

Внезапно в комнате потемнело, и каждый инстинктивно схватился за что-нибудь для поддержки: за спинку стула, за край стола... Кэрмоди ощутил волну тепла, прошедшую сквозь него, и увидел, что воздух стал сгущаться, превращаясь в стекловидную массу. И из этой зеркальной стены фонтаном ударила кровь, прямо ему в лицо. Она ослепила его и, наполнив рот солоноватым вкусом, потекла в горло.

Послышался крик, но это кричал не он, а кто-то рядом. Кэрмоди отшатнулся, выхватил из кармана платок, вытер лицо и увидел, что стекловидная туманность исчезла, исчез и фонтан крови. Но стол и участок пола возле него были залепаны красным.

«Тут не меньше десяти кварт, — прикинул он про себя. — Как раз столько должно было бы вылиться из человека, который весит сотню фунтов». Затем он увидел, как на полу у большой плиты борются

мамаша Кри и Скелдер. Миссис Кри одолевала монаха, она была тяжелей и, вероятно, сильнее его. С невиданной ранее агрессивностью женщина сдавливала горло священника, тот отчаянно защищался.

Кэрмоди захохотал, и звук его смеха разрушил сумасшествие, охватившее миссис Кри. Она замерла, как бы очнувшись, захлопала глазами, опустила руки и промолвила:

— Боже, что же я делаю?

— Ты хочешь лишить меня жизни! — прохрипел Скелдер, — Ты сошла с ума!

— О! — выдохнула она и, не обращая ни к кому в отдельности, пробормотала: — Это пришло раньше, чем я ожидала. Пойду-ка я спать. А то мне вдруг показалось, что я ненавижу вас за непочтительное отношение к Иесу. И тогда мне захотелось убивать. Конечно, я была раздражена несколько вашими словами, но не до такой же степени!

— Эге, — заметил Тэнди — да твой гнев, мамаша Кри, не столь безобиден, как ты думаешь. Он сидит в твоём подсознании, и сейчас ты не смогла удержать его.

Внезапно его очередная сентенция была прервана: мамаша Кри увидела, что Кэрмоди и половина кухни залиты кровью, и истерически взвизгнула.

— Закрой рот, — прорычал Джон и шлепнул ее по губам.

Она замолчала и, поморгав глазами, сказала дрожащим голосом:

— Сейчас я уберу все это. Я не хочу после Сна отскребать засохшую кровь. Ты не ранен, случайно?

Он не ответил, вышел из кухни, поднялся по лестнице в свою комнату. Сбросил окровавленную одежду и резко обернулся на скрип двери. На пороге стоял Раллукс.

— Я начинаю бояться, Кэрмоди. Если это будет происходить постоянно, то не уверен, что мы сумеем уцелеть.

— В чем дело? Ты действительно испугался? — спросил Кэрмоди, сдвигая липкую майку и отправляясь под душ.

— Да. А ты?

— Я? Испугался? Нет, я никогда и ничего не боялся. Я просто не знаю, что такое чувствовать страх.

— Я сильно подозреваю, что ты не знаешь, что такое чувствовать вообще, — сказал Раллукс. — Я даже сомневаюсь, есть ли у тебя душа. Вернее, она, конечно, есть, но запрятана так глубоко, что никто, даже ты сам, не можешь ее увидеть. Вот это, пожалуй, страшнее всего!

Кэрмоди фыркнул и стал намыливать голову.

— Уважаемый падре, один врач говорил, что я конгениальный психопат, неспособный воспринимать принципы морали. Я рожден без понимания: где — грех, а где — добродетель. Вероятно, это болезнь мозга, у меня явно чего-то не хватает. Наверное, того, что делает человека человеком. Тот эскулап заявлял, что я из тех редких типов, перед которыми наука 2256 года от рождения Христова абсолютно беспомощна. Вот так-то.

Кэрмоди замолчал, вышел из-под душа, вытираясь мохнатым полотенцем. Затем он улыбнулся:

— Ты, конечно, понимаешь, что со всем этим я не мог согласиться. И я удрал от этой клистирной трубки, сбегал с Земли, улетел на край Галактики, самую далекую планету Федерации Спрингбод. Там я пребывал почти год, пока меня не откопал Располд, эта чертова космическая ищейка. Но я ушел от него и очутился здесь, на Радость Данте, планете, где не действуют законы Федерации. Но все же, не торчать же здесь вечность! Правда, здесь не так уж худо: еда, выпивка, женщины. Но я хочу показать Земле, что она всего лишь конюшня для глупых меринов. Я хочу вернуться назад и жить в свое удовольствие, не опасаясь ареста.

— Ты сошел с ума, тебя арестуют сразу же, как ты ступишь на трап корабля!

Кэрмоди рассмеялся:

— Ты так думаешь? А ты знаешь, что Бюро Расследования получает информацию от БУДИМа?

Раллукс кивнул.

— БУДИМ — это всего лишь чудовищная белковая память и, возможно, компьютер. В ячейках своей памяти он хранит информацию о некоем Джоне Кэрмоди. Он приказывает искать меня. Но если придет информация, что я умер? Тогда БУДИМ отменит все приказы и отправит информацию в архив. И тогда колонист с ... ну, скажем, с Чейденвулли, проводящий здесь отпуск, решает лететь на Землю, свою родную планету. Кто будет его беспокоить, даже если он как две капли воды похож на Джона Кэрмоди?

— Но это же абсурд! Во-первых, откуда БУДИМ получит необходимые доказательства твоей смерти? А во-вторых, когда ты приземлишься в земном порту, твои отпечатки пальцев, твой спектр излучения мозга — все будет занесено в картотеку.

Кэрмоди ухмыльнулся:

— Я не хочу тебе говорить, как будет устроено «во-первых», а на счет «во-вторых»... ну и что же? Данные о каком-то колонисте, родившемся черт знает где, заносятся в картотеску первый раз... Кто их будет проверять? Я даже имя могу не менять.

— А если тебя узнают?

— В мире, где живет десять миллиардов людей? С такими шансами я не боюсь рискнуть.

— А если я расскажу о твоём плане властям?

— Разве мертвые говорят?

Раллукс побледнел, но сдержался. Его лицо выражало благочестие, большие сияющие глаза смотрели на Кэрмоди честно и открыто. Он робко произнес:

— Ты хочешь убить меня?

Кэрмоди скорчил гримасу:

— Нет, это не потребуется. Не думаешь же ты, что вы со Скелдером пройдёте через Ночь и останетесь живыми и в здравом рассудке? Ты разве не видишь, что происходит только при слабых единичных вспышках? А ведь это только начало! Что же будет, когда начнется Ночь?

— Но что происходит с тобой? — белыми сухими губами спросил испуганный Раллукс.

Кэрмоди пожал плечами, пригладил мокрые волосы.

— Очевидно, мое подсознание проецирует части тела моей Мэри. Можно сказать, реконструирует преступление. Но как можно чисто субъективные представления преобразовать в объективную реальность, я не знаю. Тонди говорит, что на этот счет существует несколько теорий, которые пытаются объяснить все это с точки зрения науки, без привлечения сверхъестественных сил, так сказать. Ну да бог с ними. Я не переживал, когда резал тело Мэри на куски, не буду переживать и сейчас, когда эти куски будут возникать передо мной из воздуха. Я проплыву через океаны крови, но своего достигну.

Он помолчал, глядя на Раллукса сузившимися глазами, улыбнулся криво. Затем спросил:

— А что ты видишь во время вспышек?

Раллукс еще больше побледнел, осенил себя крестным знаменем.

— Я не знаю, отчего я говорю тебе, но я скажу: я был в Аду.

— В Аду?

— Да, горел в Аду. Вместе с остальными грешниками. С девяносто девятью процентами тех, кто жил, живет или будет жить.

Пот струился по его лицу.

— И это не было иллюзией. Я ощущал боль. Свою и других.

Он замолк, а Кэрмоди, разглядывая его, склонил голову на плечо, подобно любопытной птице.

— Так вот что беспокоит тебя более всего.

— Может быть, может быть, — прошептал монах.

— Но как ты можешь думать об этом? Даже твоя Церковь отрицает адский огонь. Хотя по моему мнению, многих стоило бы хорошо поджарить. Я бы с удовольствием поработал кочегаром в Аду, вытапливая из людей жир эгоизма...

Раллукс с сарказмом спросил:

— Ты так ненавидишь эгоистов?

В ответ Кэрмоди в который раз ухмыльнулся и вышел за дверь.

Миссис Кри уже вымыла все и собиралась спать. Она объявила, что оставила для удобства гостей двери открытыми, и надеется, что когда проснется, то не найдет все грязным. Нужно вытирать ноги перед входом, выбрасывать окурки из пепельниц, мыть за собой посуду... Затем она расцеловала каждого из них и расплакалась, говоря сквозь слезы, что, наверное, видит их всех в последний раз, и просит прощения у мистера Склдера за свой отвратительный поступок.

Старый монах был растроган и даже благословил ее.

Через пять минут она приняла снотворное и удалилась к себе.

Тэнди тоже стал прощаться:

— Если меня застанет Ночь в пути, до того как я доберусь домой, то мне волос-нволей придется бодрствовать. Так как не будет пути назад. Через семь дней я стану богом, или трупом, или монстром.

— А что вы делаете с монстрами? — спросил Кэрмоди.

— Ничего, если они безвредны, как муж мамыши Кри. В противном случае — уничтожаем.

Затем он пожелал всем «удачной Ночи» и подал руки по земному обычаю. С Джоном он прощался последним, долго держа его руку в своей и глядя прямо в глаза.

— Это твой последний шанс стать чем-нибудь. Если ночь не заморозит твою душу, если ты останешься айсбергом с ног до головы, каким и был, значит ты создан таким. Если в тебе осталась хоть искра, дай ей разогреться, даже если тебе будет очень больно. Бог Иесс однажды сказал:

«Если ты получишь жизнь, однажды ты ее потеряешь».

В этом нет ничего особенного. Боги других рас, пророки всех рангов в разные времена говорили то же. Однако, это правда. Тысячу раз правда.

Когда Тэнди ушел, три землянина поднялись наверх и взяли с полки три шлема. Их венчали небольшие коробочки, из которых торчали довольно длинные антенны. Они одели шлемы и привели их в рабочее состояние.

Склдер долго рассматривал себя в зеркале.

— Я уверен, что ученые мира Джунд не ошибались в своих расчетах. Они говорят, что этот прибор выполняет роль детектора электро-

магнитного излучения, он же вырабатывает противофазные волны, которые гасят мощность внешнего магнитного поля. Мы можем пройти через самую сильную магнитную бурю без всяких последствий для себя.

— Надеюсь, что это так, — ответил Раллукс, — и благодарю создателя за этот шлем.

— Я тоже, — отозвался Скеддер. — Но я полагаю, что мы оба можем полностью довериться господу и обнажить головы и души навстречу всем силам зла этой планеты.

Кэрмоди цинично усмехнулся:

— Давай. Тебя никто не удерживает. Ореол мученика только украсит тебя.

— У меня есть приказ, — сухо ответил Скеддер.

Раллукс вскочил и начал расхаживать взад и вперед.

— Я не понимаю, каким способом магнитное излучение этой звезды может возбудить атомную структуру живых существ на планете, столь удаленной от нее. И в то же время зондировать подсознание, познание, подавляя будто железными тисками разум, создавать немислимые психоматические измерения. Звезда становится фиолетовой, распространяет невидимые лучи, порождает образы чудовищ, живущие в самых глубинах подсознания, или образы золотых богов. Кое-что, правда, я понимаю. Изменение частоты электромагнитного излучения нашего Солнца тоже влияет на Землю, и не только на климат и погоду, но и на поведение землян. Но как может светило воздействовать на плоть и кровь так, что эластичность кожи уменьшается, кости становятся мягкими, изменяют форму таким образом, что уму непостижимо. Ведь в генах этого нет и в помине!...

— Мы еще не настолько знаем, что такое гены, чтобы понять, что в них заложено, а что — нет, — прервал его Кэрмоди. — Когда я был студентом и изучал медицину, я насмотрелся много странного.

И он замолчал, вспоминая прошедшие дни.

Скеддер, прямой и тонкогубый, сел в кресло. Сейчас шлем делал его более похожим на солдата, чем на священника.

— Это не должно длиться долго, — сказал Раллукс, продолжая расхаживать по комнате. — Скоро наступит Ночь. Если Тэнди сказал правду, то в первые двадцать часов все, кроме нас, конечно, кто остался, погрузится в коматозное состояние. Мы не должны — у нас шлемы, — и пока все спят, мы...

— ...будем делать свою грязную работенку, — закончил Кэрмоди.

Скеддер подскочил в кресле:

— Я протестую! Мы здесь проводим научные исследования и сотрудничаем с тобой только потому, что есть работа, которой мы...

— ...не желаем пачкать свои блеснькие ручки,— опять режюмировал Джон.

В этот момент в комнате потемнело, наступил темно-фиолетовый полумрак. Их настигло головокружение, чувства как бы оставили плоть. Все это продолжалось только секунду, но ее, впрочем, хватило на то, чтобы у них подогнулись ноги и все трое разом рухнули на пол.

Кэрмоди с трудом стал на четвереньки. Он покачал головой из стороны в сторону, как бык, которого хватили дубинкой по черепу. Затем он выдохнул:

— О, вот это да! Хорошо, что на моей башке шлем!

Он поднялся на ноги. Все мышцы онемели и буквально разрывались от боли. Комната, казалось, была завешена фиолетовой мглой. Было сумрачно и тихо.

— Раллукс, что с тобой? — раздался удивленный, полный ужаса голос Скелдера.

Бледный, как призрак, с лицом, перекошенным гримасой боли, Раллукс вскрикнул, сорвал с головы шлем, поднялся на ноги и бросился из комнаты. Его шаги прогрехотали по лестнице, и затем хлопнула входная дверь.

Кэрмоди повернулся ко второму монаху:

— Он явно сошел с ума... О, боже, что с тобой?

Разинув рот, Скелдер тупым взглядом уставился на настенные часы. Внезапно он повернулся к Кэрмоди.

— Пошел вон, болван,— прорычал он.

Джон удивленно моргнул, затем спокойно повернулся и бросил через плечо:

— Пожалуйста, я не испытываю особого удовольствия от общения с тобой.

Он с интересом посмотрел на Скелдера, который, странно прихрамывая, направился к двери.

— Отчего ты хромашь?

Монах промолчал и странно, бочком вышел из комнаты. Вскоре внизу опять хлопнула дверь. Кэрмоди долго стоял в одиночестве, о чем-то размышляя. Затем он взглянул на часы, они показывали время, день, месяц и год. Фиолетовая вспышка началась в 17.25, сейчас было 17.30. Значит, прошло пять минут.

— Пять минут? — изумленно протер глаза Кэрмоди.— Нет, пять минут плюс еще 24 часа!

— Неудивительно, что я так голоден и у меня болит все на свете,— решил Кэрмоди, сбросил шлем на пол и отправился на кухню. Осто-

рожно открыл дверь, опасаясь неожиданностей. Но все обошлось. Постановившая, он достал из холодильника пищу, сделал себе сэндвичи, с удовольствием поел, а затем проверил оружие. Только после этого направился к двери.

Раздался телефонный звонок.

Кэрмоди колебался, но все же решил ответить.

— Черт бы их всех побрал! — подумал он.

Он поднял трубку:

— Хэлло!

— Джо! — отозвался приятный женский голос.

Кэрмоди отдернул трубку от уха, как будто в ней пряталась кобра.

— Джон! — снова слышался тот же голос, но теперь более далекий и призранный.

Кэрмоди глубоко вздохнул, расправил плечи и решительно поднес к уху трубку.

— Джон Кэрмоди слушает. С кем я говорю?

В ответ короткие гудки.

Он медленно положил трубку на рычаг.

Когда он вышел из дома, то обнаружил, что на улице стемнело. Лишь фонари, расположенные на расстоянии сотни футов друг от друга, да огромная зловеще-фиолетовая луна, висящая над горизонтом, освещали улицу. Небо было чистым, но звезды казались очень далекими. Их свет едва пробивался сквозь туман до поверхности планеты. Огромные здания казались темно-фиолетовыми айсбергами, плывущими сквозь прозрачный мрак.

Только подойдя ближе, можно было различить их в деталях. Город затаил. Ни лая собак, ни песни ночных птиц, ни звука шагов, ни скрипа дверей, ни смеха, ни голосов. Все звуки умерли.

Возле тротуара стоял автомобиль. Кэрмоди немного засомневался, сможет ли он им управлять. Но четыре мили до замка, да еще в этом загадочном фиолетовом тумане, пешком — довольно долгая и неприятная прогулка. Не то, чтобы он боялся, но лишние сложности совершенно ни к чему. С одной стороны на автомобиле легче скрыться от опасности, с другой — он будет замечен за милю.

Наконец, он решил, что первую половину пути он проедет, а затем отправится дальше пешком. Он открыл дверцу и сразу же схватился за пистолет, но быстро опомнился. В автомобиле лицом вниз лежал мертвый человек. Кэрмоди осветил его лицо фонариком, оно представляло сплошную кровавую маску. Очевидно, водитель был из тех, кто ищет свой шанс. Но ему явно не повезло. Вспышка звезды инициировала болезнь наподобие рака, которая мгновенно разнесла ему лицо так, что даже уничтожила нос.

Кэрмоди вытащил труп на тротуар, завел и прогрел двигатель, отжал сцепление и медленно двинулся вперед.

Он ехал, включив фары и прижимаясь к обочине и думая о голосе в телефонной трубке, пытаясь понять, что это могло означать.

— Следует признать, — думал он, — я, силой своего воображения, могу создавать из воздуха материальные объекты, значит, я передатчик энергии.

Он хорошо понимал, что сам он не содержит таких энергетических запасов, которые можно преобразовать в материю. Если бы он попытался сделать это, то сгорел бы до черных головешек. Значит, он не генератор, а передатчик, преобразователь. Звезда энергию излучает, он — преобразует в материальные объекты. Здорово! Значит, он каким-то образом, не понимая как, воссоздает свою умершую жену. Как инженер или скульптор. Единственное, что он мог предположить, что весь процесс регулируется его подсознанием. Каким-то образом его клетки репродуцируются во вновь создаваемом теле Мэри. Может, клетки отражаются в том зеркале, что возникнет в сгущающемся воздухе, и таким образом появляется отражение как бы его самого? Все это вполне можно представить, но как быть с чисто женскими органами? Правда, в его памяти еще сохранились сведения о женской анатомии. В свое время, будучи студентом, он часто препарировал трупы в анатомке. Кроме того, он освежил память, когда резал тело Мэри на части. Он делал это вполне научно, по всем правилам прозекторской. Он даже нашел и рассмотрел четырехмесячного эмбриона, главную причину своего гнева и отвращения к жене. Этот маленький уродец превратил самое прекрасное тело в мире в чудовище с раздутым животом, и он наверняка отобрал бы часть любви, которая целиком должна принадлежать ему, Джону Кэрмоди. Он не желал отдавать даже крохи этой любви. И затем, когда он предложил ей избавиться от ребенка, а она отказалась, он настаивал, она сопротивлялась и кричала, что не любит его, что этот ребенок не от него. Тогда он рассердился и впервые в жизни разгневался. Нет, гнев это не то слово. Глаза его застилала красная пелена, все стало вокруг кроваво-алым.

Да, это случилось в первый и последний раз в жизни. И потому он здесь. Черт, но ведь могло быть все иначе? Пожалуй, все-таки нет: он не мог равнодушно смотреть на то, как его женщина превращается в урод. Но хватит думать о том, что было. Каждый реалист должен рассматривать только факты. Клетки Мэри должны быть женскими, но они явно не женские, если являются зеркальным отражением его клеток. А ее мозг? Даже если тело будет женским, так как он более или менее знаком с его строением, мозг новой Мэри не может быть

мозгом старой Мэри. У него сложнейшая структура: миллиарды нейтронов, извилин...

Нет, никто не в состоянии воссоздать его! Если у нее есть мозг, а он должен быть, то это мозг Джона Кэрмоди. А если так, то мозг хранит его память, характер, привычки. Это, однако, неожиданно — обнаружить свое «я» в теле Мэри. Тут неизвестно, как поступить. Но он же Джон Кэрмоди, он выпутается из любой ситуации.

Он рассмеялся при этой мысли. А почему бы не отыскать Мэри? Он будет опять обладать самой прекрасной женщиной, которая имеет его мозг и всегда и во всем согласна с ним.

Он снова рассмеялся. Он был рад, что создание его воображения находится вне его, а не внутри, как это происходит с другими. Может, это потому, что у него замороженная душа? Ну что же, тем лучше. Эта холодность исключает субъективность, выгоняет воображаемое наружу, позволяет с ним бороться, не быть беспомощной жертвой, вроде девушки-эпилептики, или мужа мамыши Кри, или человека с лицом, изъеденным раком.

Думать о той, которая выглядит как Мэри. Если она создание твоего разума, как Афина Паллада — создание Зевса, то в момент ее рождения у нее должен быть разум его, Джона Кэрмоди. Но затем она становится независимым существом, со своими мыслями и поступками.

Итак, Джон Кэрмоди, если ты вдруг обнаружишь, что потерял свое тело и находишься в женском, которое когда-то убил и расчленил, и будешь знать, что в ее теле находишься именно ты, что же ты будешь делать?

— Я, — пробормотал он про себя, — восприму это как очевидность. Определенные для себя рамки, в которых мне предстоит жить. Но что же я буду делать? Чего я хочу? Я хочу улететь с Радости Данте, вернуться на Землю или на любую другую из планет Федерации, где я легко смогу найти богатого мужа. Я ведь буду самой прекрасной женщиной в мире.

Он хмыкнул при мысли об этом. Он представил себя женщиной, думая, как это будет выглядеть в действительности. Прекрасная женщина с его умом может завоевать всю Вселенную, схватить ее за хвост и крепко держать...

Он...

И тут он стиснул руль и резко выпрямился. Новая мысль обожгла его.

— Но отчего я сразу не подумал об этом? — сказал он вслух. — Мой бог, если мы сможем прийти к соглашению — если не сможем, я заставляю ее — черт побери, это же прекрасное алиби! Я никогда не

признавался, что убил ее. И они не смогли найти ее труп. Так что я возвращаюсь с ней на Землю и говорю:

«Джентльмены, вот моя жена. Она, как я вам и говорил, просто исчезла. Попала в катастрофу, потеряла память и каким-то образом очутилась на Радости Данте...». Звучит, однако, не очень правдоподобно, но такие вещи происходят довольно часто. «...Вы не верите этому? Возьмите ее отпечатки пальцев, сделайте анализ крови...»

Но не получится ли в результате экспертизы, что за внешностью Мэри обнаружат его, Джона Кэрмоди? Возможно. Но вполне может быть, что она имеет собственные отпечатки. Он не раз видел их, они вполне могли отпечататься в его сознании и их можно респондировать в теле новой Мэри.

Но установка ЕЕГ?! Она моментально установит, что импульсы ее мозга не отличаются от мозгового излучения Джона Кэрмоди. Правда, иногда при травмах головы форма импульса изменяется, что, кстати, сможет стать доказательством всей этой истории. А дзета-волны? Они ведь укажут, что субъект — мужчина. Это наверняка заинтересует экспертов, и они займутся данным фактом поподробней. Единственное условие для того, чтобы дзета-волна изменила свой ритм, — это изменение пола субъекта. Исследование покажет, что ее гормоны в основном женские. Или нет? Если ее клетки — зеркальное отражение его клеток, то и гены — тоже. Может быть, и гормоны? А внутренние исследования? Не покажут ли они, что внутренние органы квази-Мэри мужские, а не женские?

Во второй раз Кэрмоди был грубо низвергнут с небес на землю, но его сознание уже уцепилось за другую возможность алиби: во время пребывания на Радости Данте она наверняка попала бы под воздействие фиолетовой вспышки. А это могло привести к странным изменениям в ее организме, тут и форма мозговых волн, и гормоны, и внутренняя перестройка организма.

Разве не так? Все это следствие воздействия электромагнитного излучения звезды. Конечно, все это привлечет самое широкое внимание, и ей придется пройти через тысячи не очень приятных опросов. Но если ее воля будет тверда, а нервы — из стали, то она пройдет через все это и потребует права на восстановление Федерального гражданства. И законники, хоть и неохотно, но признают за ней это право и позволят жить там, где она пожелает. А после этого какую великолепную пару составят они с Джоном Кэрмоди!

Если бы она не стремилась к встрече с ним, зачем бы тогда она являлась к нему, звонила по телефону ... Если ее разум — зеркальная копия его разума, почему бы ей не думать о том же, что и он?

Кэрмоди нахмурился и стал посвистывать. Было еще одно, что он не мог проигнорировать, хотя это было ему не по нраву. Может быть, она вовсе не Джон Кэрмоди в образе женщины? Может она все же Мэри?

Ну это он поймет тотчас, как увидится с ней. В этом случае его планы изменятся не намного, с учетом ситуации. Его пистолет даст ему то уникальное возбуждение и переживание, которое он давно ожидает.

И тут, в пурпурном тумане, он различил мужчину и женщину. Женщина была одета, а мужчина совершенно обнажен. Они обвили друг друга руками, мужчина страстно прижимал женщину к железному телу уличного фонаря.

Она не сопротивлялась этому порыву и даже помогала, подлаживаясь под неуклюжие движения мужчины.

Кэрмоди хрипло рассмеялся.

Услышав смех, резко разорвавший густую тьму туманной ночи, мужчина поднял голову и уставился безумным взглядом на землянина.

Это был Скелдер, но узнать его было трудно. Его длинное лицо, казалось, удлинилось еще больше. Бритый череп был покрыт нежным пушком, который даже во мраке ночи казался золотым. Ноги его совершенно деформировались и являли нечто среднее между ногами человека и быка. Колени прогнулись назад, ступни изогнулись так, что он мог передвигаться только на носочках, как балерина на пуантах. Вместо пальцев ступни украшали желтые роговые наросты — копыта.

— Бычьи ноги! — выкрикнул Джон, не в силах сдержать злорадства.

Скелдер отпустил женщину и повернулся к нему лицом. На нем ясно проступали отвратительные козлиные черты. Старый монах стал глупым сатиром.

Кэрмоди закинул голову и опять расхохотался, но тут же резко осекся и замолчал, забыв закрыть рот.

Женщиной была Мэри.

Он, как парализованный, смотрел на нее, она же улыбнулась и весело помахала ему рукой. Затем покачала бедрами, точно также, как это делали до нее миллионы других женщин, соблазняя мужчин. При других обстоятельствах это выглядело бы довольно комичным, если бы не одна подробность: фигура у Мэри была точь в точь, как у любой женщины на шестом месяце беременности.

Кэрмоди вдруг ощутил два противоречивых чувства одновременно. Во-первых, дикое животное влечение к Скедлеру, во-вторых, грубую плотскую страсть к Мэри.

Он в ужасе закричал зубами. Против этого был только один вид защиты. Джон выскочил из автомобиля, обежал его и бросился за ними с пистолетом в руке. Он стрелял и стрелял в красный туман.

Скедлер как-то странно хрюкнул, упал на землю и покатился, как стопка белья из прачечной, которую гнал востер отчаяния. Мэри резко обернулась, рот ее был раскрыт в безмолвном крике, руки простерты в мольбе. Она покачнулась и рухнула наземь.

Внезапно Джон споткнулся, ощутив тяжелый удар в грудь, а затем второй, в живот. Он чувствовал, что сердце его разрывается, что он падает, что кровь хлещет из него фонтаном, что он проваливается в бездонный мрак...

— Кто-то выстрелил в меня, — подумал он. У него появилось ощущение конца.

Огромная Вселенная, просталась с ним, издевательски хохоча в лицо ...

Кэрмоди очнулся. Он лежал на спине, и мысли медленно ворочались в его голове. В небе, высоко в небе растопырила багровую ладонь луна. Как будто мифический великан швырнул ввысь перчатку, бросая вызов самому господу.

Ну, Джонни, маленький толстяк, ничтожество, одетое в тонкую кожу, сдавай карты, твой ход.

— Снова игра, — прошептал Кэрмоди и с трудом поднялся на ноги. Руками он ощупал тело, ожидая наткнуться на дыры от пуль. Но все было цело, и следов от крови не было, хотя одежда была влажной. Слава богу, влажной не от крови, от пота.

— Так вот, значит, как умирают, — подумал он. — Это ужасно, потому что чувствуешь себя абсолютно беспомощным, как ребенок. Постепенно к нему вернулась способность размышлять. Очевидно, все эти ощущения, поразившие его, на самом деле испытывали Скедлер и Мэри, когда в них вонзались пули. Они как бы передались ему, и он получил такое шоковое потрясение, что надолго потерял сознание и даже решил, что умер.

— А что, если бы я продолжал так думать? Я действительно бы умер? Так что же это такое, в конце концов?

— Не будь дураком, Джонни, — сказал он себе. — Что бы ты ни делал, не будь дураком. Ты просто испугался... до смерти.

Он подошел к Мэри и перевернул ее тело. Крик из темноты заставил его подпрыгнуть. Он повернулся и, держа пистолет в руке, стал глядываться во тьму.

— Склдер! — позвал он.

В ответ раздался вопль, скорее звериный, чем человеческий.

Улица тянулась прямо ярдов на сто, а затем поворачивала. На углу стоял высокий дом, каждый из шести этажей которого нависал над предыдущим. Он был похож на телескоп, воткнутый острым концом в землю. Из-за угла вышел Раллукс, лицо его было искажено гримасой боли. Увидев Кэрмоди, он замедлил шаг.

— Отойди в сторону, Джон! — крикнул монах.

— Ты не должен заходить сюда. Иди прочь! Это мое место. Я хочу быть здесь. Здесь место только для одного, и оно — мое!

— О чем ты говоришь, черт побери? — рассердился Кэрмоди.

Он все время держал священника на мушке оружия. Было неизвестно, к чему может привести этот сумасшедший разговор.

— Ад! Я говорю об Аде! Неужели ты не видишь это пламя, не чувствуешь его? Оно сжигает меня, когда я в нем, и сжигает других, когда меня в нем нет. Отойди в сторону, Джон, позволь мне спасти тебя, освободить от мучений. Я уже научился немного управлять им и могу выйти из него, когда рядом никого нет. Тогда оно начинает искать другую грешную душу. Найдя ее, Пламя Ада накидывается на нее, но когда я снова вхожу в Пламя, оно отпускает ее, перебрасываясь на меня. Я делаю так, невзирая на жуткие муки.

— Ты сошел с ума, — оторопел Кэрмоди. — Ты...

И вдруг он дико вскрикнул, выронил пистолет и стал кататься по земле, хлопая руками по одежде.

Это исчезло так же внезапно, как и возникло. Он сел, дрожа и всхлипывая.

— О боже! Это действительно было Пламя, огонь!

Раллукс шагнул вперед и встал рядом с Кэрмоди, стиснув кулаки и бешено вращая глазами, как бы в поисках пути для бегства из своей невидимой тюрьмы. Но увидев, что Джон потянулся к нему, он остановил свой взгляд и сказал:

— Кэрмоди, никто не заслуживает таких мук, даже самый отвратительный грешник, как ты.

— Это приятно слышать, — ответил Кэрмоди, но голос его уже не был так насмешлив, как обычно. Он испытал на себе те мучения, которые переживал монах. Его очень интересовало, как это получается. Как мог Раллукс проецировать свои галлюцинации на другого человека, чтобы тот почувствовал то же самое? Единственное, что приходило ему в голову в качестве объяснения, было то, что излучение звезды воздействует на мозговое излучение отдельных людей так, что намного увеличивает иллюзии. И это происходит без прямого контакта. Значит, в этом нет никакой тайны. Такая передача энергии

давно известна. Радиоволны переносят звук и изображение, при помощи слуха мы можем слышать другого человека, даже не видя его. Но в данный момент эффект был поразительным. Он вспомнил свои ощущения, когда пули, разорвавшие тело Мэри, отзывались в его теле болью, вспомнил ужас смерти, охвативший его существо...

Это было действительно ужасно, независимо от того, его это было ощущение или Мэри. Если в течение семи ночей каждый встречный будет давать ему свои ощущения, а он не сможет сопротивляться им... Нет, он не будет так беспомощен. Он убьет всякого, кто сгенерирует и передает ему свои ощущения.

— Кэрмоди! — крикнул Раллукс, очевидно, стараясь громкостью голоса заглушить непереносимую боль. — Кэрмоди, ты должен понять, что не Пламя преследует меня, а я преследую Пламя, я хочу гореть в Аду! Но не думай, что я отрекся от веры, от своей религии и буду вечно там, где горит адский огонь. Нет, я верую еще тверже, чем раньше! Я не могу не верить! Но... я охотно отдаю себя пламени, так как не верю, что справедливо обрекать на страшные муки девяносто девять процентов богом сотворенных душ. О, если это справедливо, тогда мое место — среди них!

И хотя я верю в каждое слово святого писания, я отказываюсь занять место на небесах среди праведников. Нет, Кэрмоди, я останусь среди проклятых навеки в знак протеста против божьей несправедливости. И если мучиться так, что спасутся от Ада девяносто девять и девять десятых душ и лишь одна попадет в Ад, я шагну в огонь и встану рядом с ней. Я скажу:

«Брит, ты не одинок. Я буду с тобой до тех пор, пока господь не сжалится над нами!»

— Но ты, Кэрмоди, не услышишь от меня ни проклятий, ни мольбы. Я буду стоять и гореть, пока эта несчастная душа не освободится и не воссоединится с остальными счастливыми...

— Ты сошел с ума, — пробормотал Джон, хотя он и не был до конца уверен в этом.

Лицо Раллукса все еще было искажено болью, но все же, несмотря на мучения, он понемногу становился самим собой.

Кэрмоди несколько удивился и, пожав плечами, отправился обратно к автомобилю. Раллукс что-то кричал ему вслед, что-то предупреждающее или ободряющее. В следующую секунду Джон ощутил страшное жжение в спине. Ему показалось, что на лопатках вспыхнула одежда.

Он обернулся, выхватил оружие и выстрелил в монаха, хотя не мог различить его сквозь вспышку пламени.

Внезапно ослепительный свет и нестерпимый жар исчезли. Кэрмоди заморгал, стараясь адаптироваться к резкому переходу в полутьму и увидеть тело Раллукса. Он полагал, что галлюцинации исчезли вместе с жизнью того, кто их породил. Но на тротуаре лежал только один труп, труп Мэри.

Вдали на улице мелькнул силуэт и скрылся за углом. До слуха Кэрмоди донесся крик. Священник преследовал свои галлюцинации, по-прежнему сражаясь за высшую справедливость.

— Пусть идет, — сказал Джон. — Пусть, раз уж он таскает с собой свое Пламя.

Теперь Мэри была мертва, и настало время дать себе ответ на некоторые вопросы, которые уже давно мучили его.

Он принес из автомобиля молоток и твердую отвертку. С их помощью он продолбил в черепе трупа отверстие. Отложив инструменты, он взял фонарик и направил луч на пробоину. Он понимал, что не сможет отличить мозг мужчины от мозга женщины, но ему хотелось знать, есть ли там мозг вообще. Может быть там просто клубок нейронов для приема телепатических команд, которые излучает он. Если ее жизнь и поведение как-то зависят от работы его подсознания, то...

Мозга там не было. Было то, что он так и не успел рассмотреть более подробно. Он увидел только свернутые в кольца чашуйчатые щупальца, сверкающие рубиновые глазки, раскрытую пасть, оснащенную белыми клыками. Что-то ударило его из черепа, молниеносно и точно. Перед глазами поплыл багровый туман, и Джон опрокинулся на спину. Он даже не успел удивиться. Фонарик выпал из его руки и покатился по земле, пронзая светом ночь. Джон почувствовал, что лицо его распухает, как мяч, в который накачивали воздух. Огонь опять жег его тело, разливался по жилам, как будто в них вместо крови текло расплавленное серебро.

И от этого пламени нельзя было спастись, как спасся он от огня Раллукса.

Кэрмоди дико взвыл, вскочил на ноги и, наполовину обезумев, стал топтать существо из черепа. Зубами оно впилось в его щеку, а хвост еще скрывался в дыре. Эта тварь долго сидела, свернувшись клубком в черепе Мэри, и наконец дождалась своего момента: она выпустила свой яд в того человека, который создал ее.

И только когда чудовище было растоптано безжалостными каблукми Кэрмоди, и он увидел в обломках черепа два блестящих клыка, он остановился. И упал на колени рядом с Мэри. Все тело его, подобно сухому дереву, было охвачено огнем, и ужас того, что сейчас он сторит, исторг из его груди дикий крик...

В хаосе бешено крутящихся мыслей была одна, которая постепенно затопила все его существо: он убил себя.

...Где-то там, в освещенном луной пурпурном тумане, ударил гонг.

Медленно, нараспев считал рефери: ...пять, шесть, семь...

Кто-то в толпе — Мэри? — кричал:

— Вставай, Джонни, вставай! Ты победишь, Джонни-бой, подымайся, нокаутируй эту скотину! Не дай досчитать до десяти! Джонни!

— Восемь!

Джон Кэрмоди застонал, сел и попытался подняться, но тщетно.

— Девять!

Зазвенел гонг. Зачем же подниматься, если ударил гонг. А, это начало нового раунда.

— Вставай, дерись. Пошли в ад этого громилу, — прошептал он.

Счет «девять» еще висел в воздухе, точнее в фиолетовом тумане.

— С кем я дерусь? — спросил Кэрмоди и встал.

Ноги его дрожали, глаза чуть приоткрылись. Все тело разламывалось от боли. Левая рука пошла вперед, резкими тычками шупая воздух, подбородок спрятался под левое плечо, правая рука наготове. Она уже однажды выиграла ему звание чемпиона.

Но с кем драться? И рефери пропал. И зрители. Нет кричащей Мэри. Только один он. Но где-то ударил гонг.

— Это телефон, — пробормотал он и осмотрелся.

Звук раздавался из большой гринотной будки невдалеке. Напрягая все силы, преодолевая чудовищную головную боль, он направился к ней. Он поднял трубку.

— Хэлло, — сказал он, удивляясь, зачем это делает, ведь звонят не ему.

— Джон? — отозвался голос Мэри.

Трубка упала, ударилась о стенку, и тут же и она и аппарат разлетелись вдребезги, когда Кэрмоди всадил в них всю обойму из пистолета. Кусочки пластика рассекли кожу лица. Кровь потекла по щекам, по шее и подбородку.

Неуверенно, спотыкаясь и чуть не падая, он побежал прочь, повторяя про себя:

— Идиот! О боже, какой идиот! Надо же потерять так голову!

Внезапно он остановился, сунул оружие в карман, достал платок и отер кровь с лица.

Только теперь он осознал, что означает этот голос.

— О, пресвятая дева Мария! — простонал он.

Даже в таком состоянии он не потерял способность холодно и трезво мыслить. Он думал, что надо взять себя в руки. Нельзя поз-

волить себе испугаться. Он попытался рассмеяться, но с губ слетел только шелест, а в горле что-то заклокотало.

— Но я же убил ее, — прошептал Джон. — Дважды.

Он выпрямился, сунул руку в карман и крепко сжал рукоять оружия.

О'кей. Значит, она может возвращаться к жизни. Значит, и это зависит от него. Он будет убивать ее, а она воскресать снова. И так все семь ночей. В таком случае весь город будет завален ее трупами. И они будут ужасно смердеть.

Он попытался опять улыбнуться.

— Но я не собираюсь их убирать, на это есть мусорщики.

Кэрмоди направился к автомобилю, но по пути решил еще раз взглянуть на тело Мэри.

На асфальте темнела лужа крови, кровавые отпечатки вели в ночь. Но труп исчез.

— Отлично. Почему бы и нет? — прошептал он. — Если воображение способно создать из ничего плоть и кровь, то оно способно и уничтожить все это. Ведь это же принцип Наименьшего Сопротивления, Экономика Природы, Закон Минимальных усилий. Джон, старина, никаких чудес в мире нет! Все происходит вне тебя, Джонни. У тебя внутри все о'кэй, все без изменений.

Он вскочил в автомобиль и поехал. Стало немного светлей, и он прибавил скорость.

Разум его тоже очнулся от потрясений и заработал как обычно: четко, ясно, быстро.

— Господь сказал: «Восстаньте из мертвых» — и они восстали, — шептали его губы. — Чем я не бог? Если бы я сумел это сделать на другой планете, там я был бы богом. Но здесь я один из многих, скиталец в ночи...

Дорога вытянулась по прямой, как луч лазера. Уже можно было различить замок Бунт в конце улицы. Но пурпурный туман, залитый светом луны, делал его очертания призрачными. Можно было только догадываться, что замок сделан из камня, а не соткан из бесплотных теней.

В небе сияла луна. Золотисто-пурпурная в центре и серебристая по краю. Она была огромна, казалось, что она падает на землю, и это ощущение усиливалось легким смещением оттенков в пурпуре тумана.

Когда Кэрмоди смотрел на нее, луна разбухала, стоило отвести взгляд, она съеживалась.

Он решил ехать и смотреть сквозь ветровое стекло на этот шар. Нельзя было терять времени. Вокруг был туман, полный опасностей.

И он чувствовал себя маленькой мышью в окружении огромных пурпурных котов, и ему вовсе не нравились эти ощущения.

Он встряхнулся, освобождаясь от гипнотического действия луны. Нельзя терять бдительности.

Кэрмоди подогнал машину к цоколю статуи в центре улицы. Статуя укроет автомобиль от глаз тех, кто мог стоять перед замком или наблюдать из его окон.

Он выбрался наружу, обошел памятник кругом. Насколько позволял видеть туман, вблизи не было ни души. Кое-где валялись неподвижные тела людей. Еще больше их было на лестнице, ведущей к порталу замка. Но опасности не было. Он осторожно приблизился. Остановился. Глазам открылось жуткое зрелище. Груды искалеченных тел. Вряд ли кто из них притворялся мертвым. Скорее всего, это действительно трупы.

Он прошел мимо и поднялся по лестнице.

Лес темных колонн тянулся ввысь. Их верхушки терялись в клубах тумана. По форме клубы тумана напоминали мужские и женские конечности, руки и ноги.

За ними была тьма. И тишина. Где жрецы и жрицы? Где хор, где чудотворцы, где истерические женщины, залитые кровью и потрясающие ножами, которыми они в священном исступлении наносили себе раны? Раньше... Раньше здесь царили безумие, рев, шум. А теперь был только мрак и поющая тишина. Действительно ли в замке живет Иесс, как утверждал каждый из тех, с кем он говорил? Может, он и сейчас здесь и ждет, когда пройдет Ночь Света? Если верить легендам, то Иесс не может быть уверен в благосклонности матери-богини. Ведь если победит Алгули, смерть настигнет Иесса. И восторжествует зло. И когда кончится Ночь и проснутся Снящие, миром будет править другой бог. Все поклонники Алгули будут праздновать победу вплоть до наступления следующей Ночи, которая может кончиться их поражением.

Сердце Джона бешено забилося. Какой величайший поступок — убить Бога! Только один из миллиарда может похвастаться этим. Убийство бога! Если его, Джона Кэрмоди, репутация была достаточно высока и до этого — его очень хорошо знали в Галактике, — то какова же она будет после такого поступка? Ни одно из прежних его деяний не может сравниться с этим! Ни одно!

Он стиснул ручку пистолета и шаг за шагом медленно двинулся вперед. Там прятался мрак. Изредка он оглядывался и различал в просветах колонн пурпурные лучи. Свет колебался, как занавеска на ветру. Он снова обернулся лицом к тьме.

А может кто-то заставляет его идти в Замок? Просцирует на него свои желания?

Он остановился. Такое положение вещей ему не нравилось.

— Не суетись, Джон, не стоит нервничать,— прошептал Кэрмоди.— Пусть там сам бог, ему не одолеть тебя. Ты просто не можешь себе этого позволить. А впрочем, черт возьми, какая разница? Или ты, или он. Но мне хочется убить его. Показать этим недоноскам, кто я есть.

Он и сам, правда, не знал, что и кому хочет показать. Может, в том, что он желает выделиться из всех, есть что-то плохое? Может быть. Плевать.

Он отбросил сумбурные мысли. Дело, вот о чем надо думать.

И тут, без всякой помощи органов чувств, он ощутил, что вступил на территорию Замка. Хотя он ничего не видел, но отчетливо представил полированные красные плиты пола, простирающиеся на целую милю от входа.

Стены тоже были зеркально гладкими. Они плавно переходили в купол потолка. В отличие от наружных стен, богато украшенных статуями, внутренние были голыми, как полость морской раковины.

Он медленно пошел вперед. Колени его были слегка согнуты. Он готов был прыгнуть назад при малейшем звуке. Тьма по-прежнему сгустилась вокруг. Она как бы вливалась в глаза, уши, ноздри и наполняла его собой.

Свет зади пропал. Но Кэрмоди был чужд сомнений. Он действовал по своей воле, у него была цель.

Он шел очень медленно. Шаг за шагом преодолел половину пути, часто останавливаясь и прислушиваясь. И наконец, когда он уже решил, что кружит на месте, нога его коснулась чего-то твердого. Он опустился на колени и ощупал преграду рукой. Это была первая ступень. Он прислушался. Все было спокойно. Тогда Джон стал взбираться наверх, пока не добрался до трона Бога.

— Посмотрим,— пробормотал он.— Кресла смотрят в сторону прохода. Значит, если я пойду прямо, то доберусь до маленькой двери в стене. А там...

А там, как говорили ему, находится Арче Убунтэ, Святая Святых. Чтобы попасть туда, надо войти в эту дверь. Туда допускались только посвященные. Высшие жрецы и жрицы, государственные деятели и, конечно, прошедшие Ночь Света.

Это была зала, где свершались главные таинства. Именно здесь, если верить легенде, родились Иесс и Алгули. Здесь являлась иногда сама богиня Бунт. И здесь она становилась супругой Семи

праведников или Семи грешников, чтобы вновь родить кого-либо из своих сыновей.

Дверь никогда не запиралась. Ни один абориген, который не ощущал себя достойным, не осмеливался войти туда. Даже избранные при входе подвергались страшной опасности.

— Богиня не очень привередлива в еде и часто голодна, — гуляла по планете несловица. При этом произносивший ее делал жест, спасающий от гнева Бунт.

Сначала Кэрмоди был убежден, что религия этого мира, как и все религии Галактики, основана на обмане и суеверии. Теперь уверенность в этом уступила сомнению. На этой планете происходило слишком много такого, чего не могло произойти нигде.

Его рука коснулась стены. Камень был теплым. Чересчур теплым. Как будто с обратной стороны пылало пламя. Он толкнул, и стена поддалась. Открылась дверь. Там тоже царил мрак.

Он долго стоял, придерживая дверь и не решаясь войти, но не желая и оставаться. Может быть, там западня?

— Черт побери! — прорычал он. — Все или ничто!

Он распахнул дверь и вошел. Тотчас за его спиной мягко, почти беззвучно, сомкнулись створки. Путь назад отрезан.

Сначала он хотел включить фонарик, чтобы видеть опасность и парировать ее первым. Но затем счел это глупым. Не стоит обнаруживать себя. Нужно двигаться в темноте, она его союзник. Он — кот, остальные — мыши.

Кэрмоди медленно двинулся вперед, прислушиваясь через каждые три шага. Но тишина была абсолютной. Он слышал только пульсацию крови в своем теле и биение своего сердца.

— А может это Его сердце?

Звуки были похожи на бой далекого барабана, обтянутого мягкой кожей. И эти звуки приближались к нему.

Он попытался определить источник звука. Может, это фантом? Или какая-то машина, в которой ритмично движется поршень? А может быть, подумал он, это комната просто резонансная камера, где воспринимаются и усиливаются звуки его собственного сердца?

Нет, это абсурд.

Тогда что это?

Движение воздуха охлаждало его потное лицо. В комнате была ровная температура, но дышал он так, будто ему было очень жарко, и в то же время озноб охватывал все его тело. Более того, он ощущал странный запах, он представлял смешение запаха древности, каменных стен и чего-то еще незнакомого и тревожного.

Кэрмоди беззвучно выругался и остановился, стараясь подавить дрожь. Ему это удалось, но теперь сам воздух вокруг него завибрировал. Может, это тот самый эффект, с которым он уже сталкивался? Эффект, когда воздух начинал сгущаться и как будто превращался в зеркало. Неужели Мэри снова возникнет перед ним? В этом мраке?!

Но он тут же усмехнулся.

— Я прикончу ее, — подумал он. — Прикончу. Так, чтобы ей не из чего было воскресать.

Не забываясь более ни о чем, он достал фонарик.

Тонкий луч прорезал темноту и уперся в стену. Он провел лучом по комнате. В круге света оказалась каменная статуя. Огромная обнаженная женщина шестидесяти футов высотой с большим количеством разбухших от молока грудей. Одной рукой она извлекала из своего чрева младенца, другой прижимала к себе второго.

Первый плакал от ужаса. И было чему пугаться: острые клыки мамы явно нацелились на его шейку. Лицо богини было прекрасным пособием для психиатра, изучающего феномен раздвоения личности. Например, глаза: первый, — вззирающий на плачущего ребенка, был страшен, второй, полуприкрытый ресницами, спокойно, с материнской любовью смотрел на второго ребенка. Одна сторона ее лица — воплощение любви, другая — кровожадной свирепости.

— О'кей, — пробормотал Джон Кэрмоди. — Так вот она какая, великая богиня Бунт. Зловонный идол грязных язычников.

Луч фонаря опустился. Каждую из ног обнимали двое детей лет пяти, если судить по их размерам. Иесс и Алгули. Оба смотрели на мать со страхом и надеждой.

Он повел лучом дальше. Луч осветил каменный алтарь, наполовину прикрытый темнокрасной бархатной тканью. В центре алтаря высился громадный золотой канделябр. Его круглое основание было выполнено в виде свернувшейся в кольца змеи. Свечи в канделябре не было.

— Я ем ее, — сказал мужской голос.

Кэрмоди повернулся и чуть не нажал на курок. В круге света оказался человек, сидящий в кресле. Он был огромен, массивен, лицо его было красиво даже по земным понятиям.

Он был очень стар. Его прежде голубые волосы поседели, лицо и шея иссечены морщинами.

Он откусил очередной кусок от наполовину съеденной свечи. Его челюсти энергично двигались, а взгляд устремлен на Джона.

Землянин остановился в нескольких ярдах от старика:

— Полагаю, что ты и есть великий бог Иесс?

— Ну ты и нахал, — ответил человек. — Но я отвечу на твой вопрос. Да, я Иесс, но не надолго.

Кэрмоди решил, что человек не так уж опасен, и снова повел лучом фонарика по залу. В конце него он увидел арку и ступени, ведущие вверх. Там, на высоте сорока футов вдоль стены тянулась галерея, на которой могло бы уместиться с полсотни зевак. В другом конце была такая же лестница и такая же галерея, и все.

— Ты Иесс или обманщик? — опомнился Джон.

— Я действительно Иесс, — старик снова отхватил кусок свечи.

Вздохнув, он продолжал:

— Сон моего народа тревожен. Их мучают кошмары. Чудовища рождаются в глубинах их сознания. В противном случае ты бы сюда не смог добраться. Кто знает, что увидит эта Ночь? Может, торжество брата моего Алгули? Он давно спорает от нетерпения в долгом изгнании, — он взмахнул рукой, — если, конечно, это будет угодно матери.

— Мое любопытство может мне дорого обойтись, — рассмеялся Кэрмоди, но тут же осекся: смех, отражаясь от стен, вновь возвращался к нему, как будто зал хохотал над ним.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Иесс.

— Ничего особенного, — ответил Кэрмоди.

Он подумал, что должен убить этого человека, или бога, кто его разберет, пока есть такая возможность. Если здесь появятся его приверженцы, за жизнь Кэрмоди и гроша ломаного не дадут. Но с другой стороны: а если это не Иесс, а просто примитивная подставка? Стоит, пожалуй, выждать. Кроме того, кто может похвастать, что говорил с живым богом?

— Что тебе нужно? — спросил Иесс.

— Ты можешь мне дать все? — поинтересовался Кэрмоди. — Но я привык добиваться всего сам. Давать и получать — свойства, чуждые моему характеру.

— Это всего лишь две из огромного числа тех добродетелей, которыми ты не страдаешь, — сказал бог и рассмеялся, — так что тебе нужно?

— Это мне напоминает сказочку о волшебном принце, — заметил Кэрмоди. — Я хочу тебя.

Иесс поднял брови:

— Ты, очевидно, служишь Алгули. Это прет из всех твоих пор, слышится в каждом ударе твоего сердца. Зло в самом твоём дыхании. Иесс наклонил голову и закрыл глаза.

— Однако, однако в тебе что-то есть.

Он открыл глаза:

— Ты несчастный страдающий маленький дьявол. Ты погиб в тот самый момент, когда похвастался, что живешь так, как не смеет жить никто. То...

— Заткнись! — крикнул Кэрмоди, но тут же взял себя в руки, улыбнулся и сказал:

— А ты шутник, приятель. Но я прошел через многие ужасы этой Ночи, которые многих сделали сумасшедшими.

Он направлял ствол оружия на Иесса.

— Ты от меня не скроешься. Но зато ты можешь поздравить себя с тем, что получишь то, что имеют немногие. Правда, они, бедняги, позабыли похвастаться своими приобретениями, а теперь и вовсе не смогут, их нет в живых.

Он ткнул пистолетом в свечу в руке Иесса:

— Зачем ты это ешь? Церковные крысы жрут свечи от бедности. Неужели ты так же беден?

— Ты мне не поверишь, но тебе вряд ли приходилось есть такие дорогие свечи, — ответил Иесс. — Это самая дорогая свеча в мире. Она сделана из плоти моего предшественника, смешанной с воском божественных пчел. Эти пчелы освящены моей матерью. Их всего двадцать одна. Это самые прекрасные пчелы на планете, а может, и во всей Вселенной. За ними ухаживают жрицы храма на острове Ванбербо. Каждые семь лет накануне Ночи изготавливается свеча из праха Иесса, умершего 763 года назад, с добавками священного воска. Она вставляется в этот канделябр и зажигается. А я сижу и жду, пока миллионы Спящих ворочаются, стонут в наркотическом сне, а рожденные ими кошмары бродят по улицам и убивают. Когда свеча слегка обгорает и оплавливается, я нюхаю дым и затем, в соответствии с древним ритуалом, съедаю ее. Таким образом я вкушаю божественное, соединяюсь с Богом, возрождаю его начала в себе. Когда-нибудь, возможно, этой ночью, я умру. Мою плоть и кости растворят, смешают с воском и сделают свечу. И я сгорю, как жертва моей матери. Дым свечи выйдет из храма и распространится в ночи. Я буду не только сожжен, но и съеден богом, который придет после меня. Но только если это будет Иесс. Алгули не ест Иесса, и наоборот. Зло жаждет зла, а добро — добра.

Кэрмоди усмехнулся:

— Неужели ты веришь во все это?

— Я это знаю.

— Примитивная религия. И ты, цивилизованное существо, вкручиваешь мозги своим поклонникам, тупым, ограниченным идиотам?

— Ты не прав. Если бы я был на Земле, то твои обвинения были бы справедливы. Но ты прошел через Ночь — дурное предзнаменование для меня — и должен знать, что здесь возможно все.

— Я уверен только в одном, что все происходящее здесь можно объяснить физическими законами, пока нам еще не известны. Но это меня уже не касается. Я скажу тебе одно: готовься к смерти...

Иесс улыбнулся.

— Каждого ждет смерть.

— Я имею в виду, что ты умрешь сейчас! — рявкнул Кэрмоди.

— Я живу уже 763 года. Я устал, а уставший бог не нужен людям. Да и Матери не нужен уставший сын. Я умру, умру этой ночью, вне зависимости от того, кто победит — добро или зло. Я готов. Если ты не оружие моей смерти, то будет другое.

Кэрмоди закричал:

— Я ничье оружие! Я делаю то, что хочу, привожу в действие только свои планы! Только свои!

Иесс снова рассмеялся:

— Слышу, слышу. Не так уж ты силен, коли приводишь себя в бешенство, чтобы убить.

В ответ Кэрмоди нажал спусковой крючок. Пули ударили в тело Бога. Кровь брызнула фонтаном, плоть разлетелась во все стороны, голова раскололась на части. Руки взметнулись вверх в последнем бессильном жесте, а затем упали, ноги дергались в конвульсиях... Затем кресло вместе с его владельцем рухнуло на пол.

Кэрмоди стрелял до тех пор, пока обойма не опустела. Он подсветил фонариком и перезарядил оружие.

Сердце его бешено стучало, руки подрагивали.

Это был пик его карьеры, его шедевр. Ему приятно было думать о себе как о художнике, великом художнике преступления. Может быть, величайшем. Теперь уже никто не будет сомневаться в его славе, никто не смеет обойти его. Кому еще так повезет? Убить бога!

Но через мгновение ему стало грустно. Что делать теперь, когда он достиг вершины? Он стал размышлять. В громадной Вселенной явно есть что-либо потрудней, и оно ждет его. Нужно выбраться из этой каши и искать новое дело, более сложное, опасное и... почетное.

До полного успеха пока было далеко, надо было еще выбраться отсюда. Истинный шедевр только тогда шедевр, когда он проработан и завершен до мелочей. Нельзя допускать, чтобы его схватили.

Кэрмоди достал плоский контейнер, вскрыл его и полил тело Иесса бесцветной жидкостью. Отошел подальше и поджег одежду бога. Тело вспыхнуло, дым и запах горелого мяса растекся по залу.

Кэрмоди рассмеялся. Туземцы теперь никогда не смогут сделать свечу из своего божества. Теперь он будет окисляться до тех пор, пока не обратится в пепел, современная химия — вещь надежная.

Но осталась еще полусъеденная свеча, которую Иесс выронил, когда первые пули настигли его.

Джон поднял ее. Сначала у него появилось желание бросить свечу в огонь, но подумав, Кэрмоди ухмыльнулся и откусил кончик. Свеча имела горьковатый привкус, но была вполне съедобной. Он улыбнулся при мысли о том, что съедение этой свечи — тоже уникальное событие. Убийство богов в этих стенах — дело обычное, но вот свечу, кроме сыновей Бунт, еще никто не ел. Божественное, однако, занятие.

Но даже посдая столь необычную пищу, Джон не забывал о поисках выхода. В нише за основанием статуи богини он увидел узкий проход. Если он пролезет в него, то наверняка найти выход из замка у него будет шансов побольше.

Но подойдя к проходу, он понял, что теперь придется платить за невоздержанность в еде. Живот у него явно великоват для такой щелочки. Джон попытался протиснуться боком, но ощутил себя пробкой в узком горлышке бутылки. Он дергался, думая, как же сюда пролезают другие. Затем до него дошло, что и худой здесь может застрять. А значит, это вовсе и не дверь. Зачем же эта щель? Ловушка!

Он с трудом вырвал свое тело из объятий холодного камня и отскочил в сторону. Щель сразу же стала уже. Он не верил своим глазам — она стремительно смыкалась. Значит, точно ловушка. Как же выбраться отсюда?

Где-то позади раздались голоса. Женские и мужские. Он резко обернулся и увидел, что дверь, через которую он вошел, теперь распахнута. Через нее входили люди. Первые из вошедших с ужасом смотрели на охваченное пламенем тело своего бога.

Кэрмоди издал дикий вопль и бросился к двери сквозь дым. Его пытались остановить, но он открыл стрельбу. Кэриены бросились врассыпную. Кэрмоди бежал за ними. Кашель разрывал его грудь, глаза жгло, из них в два ручья текли слезы. Но он бежал, пока наконец не вырвался на улицу; здесь стало легче: легкие очистились от дыма. Только теперь он перешел на обычный шаг. Через четверть мили он остановился. Что-то пресграждало ему путь. Это «что-то» оказалось статуей местного политического лидера Бэна Дрэмона. Чем-то он там прославился, но чем? Кэрмоди точно не помнил. Так вот, его сбросили с пьедестала, но там, где теперь должно было быть пусто, стоял Бэн Дрэмон. Другой.

Джон ухватился за край пьедестала и одним легким движением взобрался на него. И оказался один на один со статуей. Нет, не со

статуй. С человеком. Кэриеном. Он стоял в том же положении, что и низвергнутый Бэн Дрэмон. Правая рука поднята в приветствии, в левой — жезл, рот открыт в немом крике.

Кэрмоди коснулся кожи лица, более темной, чем у аборигенов, но светлее, чем бронза статуй.

Она была твердой, гладкой и холодной. Если это и не металл, то нечто весьма похожее. Насколько можно было разглядеть, глаза потеряли свою окраску. Джон нажал на одно из глазных яблок пальцем, но оно уже было твердым, как камень. Однако когда он сунул палец левой руки в открытый рот лжестатуи, то ощутил, что язык еще мягкий.

Поразительно! Как же человек может превратить свою протоплазму с мизерным содержанием меди и других металлов в твердый сплав? Вероятно, это опять воздействие звезды, Кэрмоди сразу же вспомнил мужа миссис Кри.

Да, поистине человек может быть богом. Нет, богом — это слишком громко, титаном. Но титаном, не умеющим распорядиться своей мощью. Ну почему человек может иметь это могущество только Ночью? Ведь его хватило бы, чтобы покорить всю Вселенную! Не было бы ничего невозможного! Человек мог бы передвигаться с планеты на планету, с Авеню замка Бунт на Радости Данте до Бродвея на Манхеттене на планете Земля, отстоящей на 1500000 световых лет. Человек мог стать кем угодно, сделать что угодно, играть звездами в пространстве, как ребенок играет мячом. Время, пространство и материя перестали бы быть стенами, они стали бы дверьми, через которые можно пройти куда угодно. Человек мог стать кем угодно: деревом, как муж мамыши Кри, статуей, причем не прибегая к сложной технологии, не зная химии и биологии.

Во всем этом был один недостаток. После всех этих метаморфоз, человек не мог совершить другого чуда: воскресить себя. Ибо превращаясь — умирал.

Эта статуя должна была умереть, как должен умереть Скеддер, превратившийся в придаток своей прихоти. Он умрет, как умрет Раллукс, горящий в воображаемом пламени иллюзорного ада. Они все умрут, все. «А как насчет тебя, Джонни-бой,— подумал он.— Ты хочешь только Мэри? Какой вред от нее? Все остальные обрекают себя на страдания и гибель. Но какие страдания в том, что ты дашь жизнь Мэри? Неужели ты исключение?»

— Я, Джон Кэрмоди,— прошептал он.— Я всегда был, есть и буду исключением...

Откуда-то сзади и снизу до него донеслось рычание. Затем крики людей. Снова рычание, чьи-то предсмертные вопли. И опять рев. И

затем странный звук, будто лопнул мешок. Кэрмоди почувствовал, что ноги его стали мокрыми до колен. Он посмотрел вокруг и увидел, что луна зашла за горизонт и подымается солнце. Неужели минула ночь, а он так и стоял здесь в пурпурном тумане? Стоял и грезил?

Он моргнул и покачал головой: он опять поддался чужому влиянию. Его опять захватили бронзовые мысли человека-статуи, и для него время потекло столь же медленно и сонно, как для этого бронзового истукана.

Наконец, он пришел в себя. Попытался двинуться, но понял, что прикован к этому монументу. И не только мысленно. Палец, который он сунул в рот статуи, теперь был крепко зажат бронзовыми зубами. Кэрмоди попытался вырвать его, но тщетно. Пальцу совсем не было больно, он онемел, а может, уже стал бронзовым?

Вероятно, человек-статуя еще не полностью перешел в бронзу и, почувствовав палец во рту, он стал закрывать рот автоматически, а может — по злему умыслу. Он закрывал его медленно, всю ночь, а когда взошло солнце, процесс металломорфозы полностью завершился, и рот теперь уже никогда не откроется, так как душа покинула бронзовое тело.

Он быстро осмотрелся. Его тревожило не только то, что он не может освободиться от этой западни, но и то, что сейчас он у всех на виду. И что еще хуже — он выронил пистолет. Оружие лежало у самых его ног, но как он не извивался, он не мог дотянуться до него.

Он выпрямился и посмотрел на улицу. Никого.

Затем взглянул вниз, вспомнив, что ночью ноги его почему-то стали мокрыми. Засохшая кровь струпьями висела у него на ногах.

Думая о фонтане крови на кухне, он пробормотал:

— О нет, только не это! Но после внимательного осмотра понял, что Мэри здесь ни причем. Кровь принадлежала чудовищу, лежавшему у подножия пьедестала. Мертвые глаза смотрели в пурпурное небо. Чудовище было вдвое выше среднего кэриена, а все тело покрыто густой голубоватой шерстью. Ноги его стали огромными, ведь им приходилось выдерживать тяжесть большого тела. Толстый извивающийся хвост был похож на хвост тиранозавра, которого Кэрмоди когда-то видел на иллюстрации. Ногти на руке и ногах превратились в когти, а лицо приобрело звериную форму. Оно заострилось, челюсти потяжелели, острые клыки зловеще поблескивали в пасти. Они намертво зажали руку какого-то несчастного, видимо, павшего во время боя, звуки которого Кэрмоди слышал ночью. На мостовой глянцево блестящие черные лужи.

Шесть человек вышли из-за угла и остановились, глядя на Кэрмоди. Они были безоружны, но в выражении их лиц было нечто, что

встревожило Джона. Он опять попытался выдернуть палец. И опять ничего не вышло. Он посмотрел в мертвые глаза статуи, увидел угрюмую ухмылку и понял, что уговорить ее явно не удастся. Статуя — не человек. Он стиснул зубы. «Если они не помогут мне, — подумал он, — а я не вижу причин, почему они должны помогать, мне придется пожертвовать пальцем. Это единственное, что осталось, если я хочу освободиться. Достаточно только достать нож из кармана...»

Один из людей, как будто прочтя мысли Кэрмоди, насмешливо сказал:

— Давай, землянин, отрежь его, если ты, конечно, не боишься изувечить свою драгоценную лапку.

И тут Кэрмоди узнал Тэнди.

Отвстить он не мог, так как все шестеро дружно расхохотались над ним, попавшим в столь сложное и щекотливое положение. Они издевались над ним, спрашивали, надолго ли он устроился наверху потешать прохожих. Они прямо-таки катались по земле от хохота, взвизгивая и хлопая себя по ляжкам.

— И этот шут хотел убить бога? — задыхался от смеха Тэнди. — Хотел убить бога, а сам сунул палец в медную кастрюлю и не может вытащить!

Спокойнсь, Кэрмоди, им не удастся тебя завести.

Однако думать всегда легче, чем исполнить задуманное.

Он устал, очень устал. Вся гордость и самомнение покинули его. Ноги едва держали тело. Казалось, он стоит тут целую вечность. Внезапно паника охватила его. Сколько же времени он торчит тут? Сколько прошло времени с тех пор, как кончилась Ночь?

— Тэнди, — сказал один из людей. — Неужели ты серьезно думаешь, что этот тип так могущественен?

— Вспомни, что он сделал, — ответил Тэнди.

Он обратился к Кэрмоди:

— Ты убил старого Иесса, приятель. Он знал, что так случится и сам предупредил меня об этом, еще до того, как наступила Ночь. И теперь мы ищем Седьмого, чтобы возлюбить Мать-богиню и стать отцами маленького Иесса.

— Значит, ты солгал мне! — заскрипел зубами Кэрмоди. — Ты не пошел спать!

— Ну-ну, парень, если ты вспомнишь, что я сказал, ты поймешь, что я сказал только правду, но довольно уклончиво. Ты же понял мои слова так, как тебе самому хотелось.

— Друзья, — сказал один из спутников Тэнди. — Мы напрасно теряем время и даем нашим противникам преимущество. Этот человек, несмотря на свое явное могущество, обладает грязной душой. Я

вообще сомневаюсь, есть ли у него душа. А если и есть, то такая маленькая и ничтожная, такая трусливая, что даже ответственность за грехи не желает взять на себя.

Остальным это показалось невероятно смешным и они весьма издевательски захохотали.

Дрожь охватила все тело Кэрмоди. Презрительные насмешки долбили его как шесть отбойных молотков: один за другим, потом все вместе, затем по очереди. Его, который всегда считал себя выше любой насмешки и презрения. И внезапно он обнаружил, что барьер моральной защиты рухнул, рухнул под градом издевок.

Он опять стал выдергивать палец изо рта в тщетной надежде освободиться. И вдруг увидел еще шестерых людей, шедших по улице по направлению к нему. Они, так же как и первая шестерка, были безоружны, осанисты и горделивы. Они остановились перед Кэрмоди, не обращая внимания на группу Тэнди.

— Это он? — спросил один.

— Вероятно, — ответил другой.

— Его нужно освободить?

— Нет, если он захочет примкнуть к нам, то он освободиться сам.

— Но, если он пожелает примкнуть к ним, то он тоже может освободиться сам.

— Землянин, — сказал третий. — Тебе оказана великая честь. Ты первый из чужаков, кому оказана такая честь.

— Идем, — сказал четвертый, — Идем с нами в Храм, ты познаешь счастье в объятиях богини, ты станешь одним из отцов Алгули, истинного бога этого мира.

Кэрмоди вновь обрел душевное равновесие. Очевидно, он имеет большую ценность не только для этой шестерки, но и для другой. Правда, если первые и пытались его заполучить, то делали это весьма странно. Но еще более странным было то, что ни один человек ни с той, ни с другой стороны не был отмечен какими-либо знаками добра или зла. Все они были красивы, хорошо сложены, уверены в себе. Единственное, что их отличало, это то, что люди, упоминавшие Исса, были в хорошем настроении, они охотно и весело смеялись. Поклонники Алгули, напротив, были угрюмы и напряжены.

— Я им нужен, всем нужен, — прошептал он и вслух крикнул:

— Что вы мне дадите?

Первые шестеро переглянулись, пожали плечами, а Тэнди сказал:

— Мы не дадим тебе ничего, что ты не можешь дать себе сам.

Высоченный красавец из второй шестерки презрительно усмехнулся и ответил:

— Когда ты придешь с нами в Замок Бунт и ляжешь в постель богини, дабы стать отцом Алгули, ее темного сына, ты познаешь истинное блаженство. И в течение ряда лет, пока бог будет расти и взрослеть, ты будешь одним из его регентов, и тебе будет доступно все в этом мире...

— А кроме того, — перебил сторонника темных сил Тэнди, — ты получишь страх, что тебя в один прекрасный момент прикончат те, кто не пожелает делить с тобой богатства и роскошь. Ни для кого не секрет, что Семь грешных отцов Алгули всегда плетут заговоры друг против друга. Им приходится это делать, так как они не могут доверять друг другу. И каждый раз из семерых выживает один, который и становится первой жертвой Алгули в день его совершеннолетия. Алгули не хочет иметь отца — простого смертного.

— А отчего один из отцов не убьет самого Алгули? — спросил Кэрмоди и красн глаза заметил, как люди из второй шестерки вздрогнули и переглянулись.

— Он действительно маленький ребенок, его нужно кормить, нянчить, менять пеленки, — ответил Тэнди. — Он бог, но вобрал в себя сущность тех, кто его создал. А так как большинство людей мечтает о бессмертии, он, их сын, стал бессмертен. Поэтому он жил бы вечно, пока живут на планете люди. Но он бог Зла, он не доверяет своим отцам и убивает их. Но вот парадокс: как только это происходит, он начинает стареть и со временем умирает. Семена зла, заложенные в нем, распускаются цветами недоверия, страха, ненависти.

— Все это понятно, — сказал Кэрмоди, — но отчего бог добра Иесс может стариться и умирать?

Люди Алгули рассмеялись, и один из них крикнул:

— Хорошо сказано, землянин!

Терпеливо, будто непонятливому ребенку, Тэнди опять пустился в объяснения.

— Хотя Иесс и бог, но он воплощен в человеке из плоти и крови. Поэтому он живет как человек и должен умереть как человек. Он так же вобрал в себя сущность своих создателей. Но создали его не мы, Бодрствующие, его создали Спящие. Они грезят во сне и определяют в снах сущность божества. Если в мире много зла, то скорее всего родится Алгули, если же много добра — Иесс. Мы, отцы, не самая главная определяющая сила. В конце концов все определяет воля шести миллиардов спящих жителей планеты.

Тэнди помолчал, бросил взгляд на Кэрмоди, как бы желая вдохнуть в него искренность. А затем продолжил:

— Не буду скрывать. Ты для нас ценен тем, что ты землянин, житель другой планеты. Только недавно мы, кэриены, стали задумы-

ваться о религиях других миров, о том, что они означают. Мы стали понимать, что Великая Мать, Бог, Первопричина, Создатель Вселенной — как видишь, их везде всяк зовет по-своему — думает не только о нашей планете, песчинке в море мироздания. Его творения разбросаны везде. Поэтому Спящие, зная, что они не одни во вселенной, что у них есть везде множество братьев, желают быть отцами бога единого для всех живых существ мироздания. Возрожденный Иссс уже не будет прежним. Он будет отличаться от него, как дитя отличается от отца. Он будет иметь в жилах кровь людей с других планет, мы надеемся на это. И мы, вместе с ним, тоже будем лучше. Вот отчего ты нужен нам, Кэрмоди.

Тэнди показал на врагов:

— И эти шестеро тоже хотят тебя, хотят, чтобы ты стал седьмым, но по другой причине. Если ты станешь одним из отцов Алгули, то он, вероятно, распространит свою власть на другие планеты, и отцы его смогут грабить и топтать не только свою, но и другие, чужие планеты.

Кэрмоди ощутил, как в нем вспыхнула алчность и надежда. Откуда-то из глубины измученного тела появились новые силы. Захватить богатейшие миры, нацепить на шнурок и носить на шее, как ожерелье из драгоценных жемчугов! Обладая могуществом регента Алгули, он может творить что угодно! Ничего недозволенного нет! И в этот момент вторая группа решила, что пришло время действовать. На Кэрмоди обрушилась волна их объединенной воли. И он, беззащитный, рухнул под напором этой волны.

Тьма, тьма, тьма...

Тьма...

Он, Джон Кэрмоди, всегда будет таким, каким он хотел быть: сильным, надменным, сметающим на своем пути. Его тело, разум, душа закалятся в черном пламени тьмы, и ничто не будет в состоянии устроить Джона Кэрмоди. Целые народы будут умирать, звезды остывать и гаснуть, планеты рушиться на свои солнца — и только он, Кэрмоди, будет властелином Вселенной. И всегда он будет одним и тем же, сегодня и завтра, всегда тем же твердым и сверкающим, как черный алмаз, Джоном Кэрмоди.

И тут в бой ринулась первая группа. Но они не обрушились на него объединенной волей, они просто открылись ему, сняли защитные барьеры. В них не было никакой угрозы, и он не чувствовал, что они, подобно слугам Алгули, скрывают черные замыслы. Они раскрылись полностью, до самых глубин своего существа.

Свет, свет, свет...

Свети...

О, это было нечто другое, чем воздействие зла! Он вдруг почувствовал, что его разорвало на сотни тысяч кусков, ощутил, что он летит, стремительно и неудержимо, одновременно во всех направлениях.

Это было непонятно, а потому страшно. Он молча закричал, пытаясь собрать сотни тысяч кусков в одно целое, стать снова Джоном Кэрмоди. Боль была ужасной, экстаз — тоже.

Он понял, что потерпел поражение.

— Ты должен умереть, — сказал Тэнди, — уничтожить старого, прежнего Джона Кэрмоди и сотворить нового, лучшего. Новое божество всегда лучше старого, умершего.

Кэрмоди резко отвернулся и от тех и от других. Он достал из кармана нож, нажал на кнопку, и из рукоятки выскочило серовато-голубое жало.

У него был только один путь освободиться от бронзовых челюстей. И он пошел по этому пути.

Было больно, но не так сильно, как он ожидал. Да и крови было меньше, чем представлялось. Он мысленно перекрыл все сосуды, и они повиновались, они закрылись, как закрываются цветы в ожидании ночи.

Однако эта процедура была очень утомительна. Он дышал так, будто пробежал сотню миль. Ноги подрагивали, лица стоящих внизу расплывались. Он едва мог стоять.

Из группы Алгули вышел человек и протянул руки.

— Прыгай, Кэрмоди, — позвал он, — прыгай, я поддержу тебя.

У меня сильные руки. Мы разгоним этих слабаков, войдем в Замок и...

— Погоди!

Женский голос доносился откуда-то из-за спины. Громкий и повелительный и в тоже время полный музыки.

Все замерли.

Кэрмоди обернулся.

Мэри.

Мэри, живая и невредимая. Как будто он не всаживал в нее целую обойму. Она ничуть не изменилась. Кроме одного. Ее живот был чудовищно огромен. Казалось, она готова родить прямо сейчас.

Предводитель второй шестерки спросил:

— Кто эта земная женщина?

Кэрмоди хотел ответить, но его опередил Тэнди:

— Она была его женой. Он убил ее на Земле и сбежал сюда. И в первую же Ночь Сна он создал ее.

— О-о-о!

Люди в группе поклонников Алгули охнули и отшатнулись.

Кэрмоди удивленно уставился на них. Очевидно, эта информация внесла какие-то осложнения, какие, правда, он пока не мог понять.

— Джон, — сказал Мэри. — Совершенно бессмысленно убивать меня столько раз. Я буду всегда возрождаться. Я уже готова родить дитя, которое ты не хотел. Он появится через час. На рассвете.

Спокойно, но каким-то особым, звенящим голосом, выдающим его внутреннее напряжение, Тэнди спросил:

— Ну, Кэрмоди, кем же он будет?

— Кем? — глупо переспросил Джон.

— Да, — продолжал предводитель поклонников Алгули, снова приблизившись к пьедесталу. — Кем? Иессом или Алгули?

— Так вот оно что! — сказал Кэрмоди. Экономия Природы, Богини, или что там есть еще. Зачем трудиться над созданием ребенка, когда вот он, под рукой.

— Да! — громко сказала Мэри. — Джон, ты же не хочешь, чтобы дитя стало таким, как ты? С темной замороженной душой?

— Человек, — сказал Тэнди. — Неужели тебе не ясно, что ты уже сделал выбор? Разве ты не знаешь, о чем думаешь?

Кэрмоди покачнулся и едва не упал в обморок, но не от слабости.

Свет, свет, свет... Огонь, огонь, огонь...

— Дай себе раствориться в нем. И, как феникс, ты возродишься вновь.

— Держи меня, Тэнди, — прошептал Джон.

— Прыгай, — ответил Тэнди, громко рассмеявшись.

Шестерка Иесса ликовала.

Люди Алгули завопили в ужасе и бросились врассыпную.

Туман стал реже, сменил цвет с пурпурного на бледно-фиолетовый. Над горизонтом медленно появился огненный шар, фиолетовый цвет которого быстро сменялся белым, как будто кто-то стянул вуаль с лица планеты.

Те из поклонников Алгули, что не успели скрыться, зашатались и упали наземь. Конвульсии сотрясали их тела, с хрустом ломались кости. Через некоторое время на мостовой лежали неподвижные тела.

— Если бы ты сделал другой выбор, — сказал Тэнди, все еще поддерживая шатавшегося от слабости Кэрмоди, — то тогда бы мы валялись мертвыми в пыли.

Они медленно направились к Замку, кольцом окружив Мэри, которая еле плелась, то и дело сгибаясь при приступах боли. Кэрмоди, шедший за ней, стискивал челюсти и стонал, так как испытывал непонятное и невероятное для мужчины состояние — предродовые схватки. Он был в этом не одинок, остальные так же закусывали губы, прижимая руки к животам.

— Что с ней будет потом?— шепотом спросил Джон у Тэнди.

— Она выполнит свою миссию, когда родится Иесс,— ответил кэрисн.— Затем она умрет. Она умрет, когда закончится сон. Сейчас она жива только потому, что мы вливаем в нее часть своей энергии. Нужно торопиться. Скоро все проснется и не будут знать, кто правит в мире, Иесс или Алгули. Они не будут знать, радоваться им или рыдать. Мы не вольны оставлять их в сомнениях. Мы обязаны идти в Замок. Там, в покоях Святой Великой Матери пройдет обряд святого совокупления. И тогда Мэри разрешится от бремени создания твоей ненависти и любви и умрет. Затем мы должны обмыть ребенка и показать его народу.

Он дружески похлопал Кэрмоди по руке и вдруг сильно сжал ее.

Джон не почувствовал боли от этого пожатия, его разрывала боль другого рода. Она волнами накатывалась на него и отступала, смешиваясь с экстазом от мысли, что он даст жизнь божеству. Радость охватила все его существо. И на фоне этой боли и радости, в нем уверенно зрело решение заплатить за все, что он сделал в своей противоречивой жизни. Нет, это не было желание самонаказания, ненависти к самому себе. Он должен... должен постараться изменить мир, вселенную, которая доселе редко улыбалась разумным существам.

Что надо делать для этого, какие средства выбрать, какую поставить цель — он еще не знал. Это придет позже.

Сейчас он был полностью поглощен последним актом великой драмы Сна и Пробуждения.

Внезапно он увидел лица двух людей, которых уже не чаял увидеть. Раллукса и Скелдера. Те же, но и другие, изменившиеся. Исчезло страдание с лица Раллукса, его сменило спокойствие и умиротворенность. Исчезла жестокость и резкость лица Скелдера. На его губах играла мягкая улыбка.

— Значит, вы удачно прошли через все,— хрипло прошептал Кэрмоди.

— Да,— ответил Скелдер.— Мы оба прошли сквозь огонь. Ты ведь знаешь, что каждый на этой планете получит то, чего по-настоящему хочет.

Белое светило замерло в зените. И тогда тишину разорвал первый детский крик...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— И теперь я должен опять вернуться на Кэрисн? — сказал отец Джон Кермоди. — После двадцати семи лет?!

Он вел себя довольно спокойно, пока кардинал Фэксинс излагал, что от него хочет Церковь. Но ему трудно было долго пребывать в неподвижности. Более всего сейчас ему хотелось взмахнуть руками и улететь подальше от кардинала и от всего того, что он представляет.

Джон вскочил и стал расхаживать взад-вперед по полированным плитам паркета, нервно сжимая руки то за спиной, то на груди. Внешне он мало изменился за эти годы, но теперь на нем была сутана священника ордена Святого Джайруса.

Кардинал Фэксинс сгорбился в кресле. Его умные зеленые глаза остро поблескивали над крючковатым носом. Он был похож на одряхлевшего от старости ястреба, уже не очень уверенного в себе, но готового броситься на жертву при первой возможности. Лицо в морщинах, седина в волосах. Ему уже было 175 лет, и это сказывалось на его характере.

Внезапно Кермоди остановился:

— Ты действительно думаешь, что только я пригоден для этой миссии?

— Да, и к тому же более всех, — выпрямился в кресле кардинал, как бы готовясь к нападению. — Я уже говорил тебе, насколько это важно. Полагаю, что одного раза достаточно, ты же интеллигентный человек. Ты посвятил свою жизнь Церкви и даже чуть не получил епископское кресло.

Намек был ясен, и даже чересчур. Кэрмоди хорошо знал, что его решение жениться после отмены обета безбрачия для служителей Церкви разочаровало кардинала, прочившего его в епископы мира Чейдснвулли.

Фэксинс бросил взгляд на желтые цифры, вспыхнувшие на экране монитора:

— У тебя есть всего два часа на подготовку. Я думаю, что ты будешь в порту вовремя.

Кэрмоди рассмеялся и ответил:

— Ну что я могу поделать? Мне приказывают, но при этом говорят, чтобы я схал добровольно. Хорошо. Я поеду. Но я должен предупредить Анну. Для нее это будет удар.

Кардинал засрзал в кресле:

— Жизнь священника не всегда легка и приятна. Она знает об этом.

— Я знаю, что она знает! — резко ответил Кэрмоди. — Я знаю, что ты ей наговорил перед нашей свадьбой.

— Мне жаль, Джонни, — сказал старик с легкой улыбкой. — Реальность не всегда безоблачна.

— Да. И ты даже забыл о своем хваленом немногословии, за которое тебя зовут «Три фразы». Ты обрушился на нее как торнадо.

— Еще раз прошу прощения.

— Ладно, забудем это, — усмехнулся Кэрмоди. — Что сделано, то сделано. Мне несколько не жаль Анну. Единственное, о чем я сожалею, что я не женился на ней лет двадцать назад. Я крестил ее, и она всю жизнь прожила в моем приходе.

Он помолчал, колеблясь, а затем продолжил:

— Прости меня. На сборы мне нужно минут десять. Я позвоню Анне и засду за ней. Она проводит меня в порт.

Кардинал пожал плечами:

— Делай как знаешь.

Кэрмоди плеснул в стакан виски, выпил и пошел в спальню. Там он достал небольшой чемодан, бросил его на постель. «Мне хватит и одного, — подумал он. — Анна вряд ли будет возражать. Она всегда старается быть готовой к самым невероятным событиям».

Он нажал кнопку на плоском диске, прикрепленном к запястью. Центр диска засветился, и раздался тоненький сигнал.

Кэрмоди продолжал собирать вещи, не желая зря тратить время и зная, что она вскоре ответит на вызов. Однако когда все было собрано, ответа все еще не было и он начал беспокоиться.

Джон подошел к видеотелефону и набрал номер миссис Ругон. Она ответила сразу же. При виде Кэрмоди ее полное лицо засветилось радостью.

— Отец Джон! Я только что хотела звонить вам. Я говорю об Анне! Она хотела пройтись по магазинам и должна была вернуться полчаса назад. Я думала, что она, может быть, пошла домой.

— Ее здесь нет.

— Может, она забыла одеть переговорное устройство? Ты же знаешь, как она рассеянна, особенно теперь, когда в ее голове только мысли о ребенке. О небеса! Алиса плачет! Я должна бежать. Но ты мне позвони, когда Анна отыщется. Если она придет сюда, я ей скажу, чтобы она позвонила домой.

Кэрмоди связался с магазином Рейнкода. Клерк сообщил, что миссис Кэрмоди ушла минут пятнадцать назад.

— Она не сказала, куда собирается идти?

— Она хотела зайти в клинику, святой отец.

Кэрмоди с облегчением вздохнул:

— Благодарю.

Он связался с клиникой. Дежурный ответил, что миссис Кэрмоди ушла пять минут назад.

Джон успокоился, но положив трубку, задумался. Что-то тревожило его. Почему она не отвечает по устройству личной связи? Оно вышло из строя? Маловероятно. Его можно сломать разве что ударом молотка. Возможно миссис Ругон права, Анна в последнее время рассеянна. Ну например, мыла руки и оставила прибор в туалетной.

Он снова вернулся к чемодану. Анне, конечно, не понравится, как он все уложил, но времени нет.

Зазвонил телефон. Кэрмоди подошел к экрану. На нем появилось лицо полисмена. Кэрмоди ахнул, и в его животе что-то оборвалось. Спину прошиб холодный пот.

— Сержант Льюис, святой отец, — представился полицейский. — Я очень сожалею, но у меня плохие известия, сэр... о вашей супруге, сэр.

Кэрмоди не ответил. Он смотрел на грубое лицо Льюиса и ждал.

— ...ее сразу не сумели опознать, не было документов. Но лицо ее цело, и друзья, что были поблизости, назвали нам имя... — говорил сержант. — Я очень сожалею, но для официального опознания требуется ваше присутствие.

И только теперь слова полицейского дошли до сознания Кэрмоди. Анна уехала из клиники на автомобиле. Под сиденьем разорвалась бомба. Так что опознать ее сразу было нелегко.

— Благодарю, сержант. Я сейчас буду.

Он отошел от аппарата и отправился в соседнюю комнату. Кардинал, увидев бледное лицо Кэрмоди, вскочил с кресла, столкнув со стола стакан, разлетевшийся вдребезги.

Джон коротко поведал о случившемся. Фэксинс зарыдал. Позже, когда Кэрмоди отошел от шока, он понял, что кардинал в глубине души нежно любит его, хотя о нем и говорили, что он настоящий сухарь.

— Я пойду с тобой,— сказал кардинал.— Но сначала надо позвонить в порт и отменить твой полет.

— Не надо,— ответил Кэрмоди. Он вернулся в спальню, взял чемодан и вышел. Кардинал молча смотрел на его действия.

— Я должен ехать,— сказал Джон.

— Сейчас ты не в форме.

— Я знаю. Но я приду в себя.

Зазвонили в дверь. Вошел доктор Аполлониус с портфелем в руке:

— Прошу прощения, отец. Я принес то, что поможет вам,— он вынул из кармана лекарство.

— Не надо,— покачал головой Кэрмоди.— Кто вас вызвал?

— Я,— сказал Фэксинс.— Я думаю, тебе следует его принять.

— Твоя власть не распространяется на медицинские дела,— ответил Кэрмоди. Мягкий звук разнесся по комнате. Джон поставил чемодан, подошел к стене, открыл дверцу шкафа и достал оттуда цилиндр.

— Почта,— сказал он, не обращаясь ни к кому в частности. Он заглянул в шкаф, чтобы убедиться, что там больше ничего нет. Закрыл дверцу, вернулся к чемодану, сунув письмо в карман.

По пути в морг кардинал сказал Джону:

— У меня не хватило бы жестокости приказать тебе отправляться в Кэриен, но если ты хочешь этого сам... Анна...

— ...всего лишь один человек, а судьба миллионов зависит от меня,— закончил Кэрмоди.— Я знаю.

— Да, и еще одно. Полиция,— безучастно продолжал Кэрмоди.— Интересно, кто так ненавидел меня, что убил Анну. У нее не было врагов. Но если полиция задержит меня для допроса, я опоздаю на рейс.

— Предоставь это мне,— сказал Фэксинс.

Далее Кэрмоди все делал как во сне. Он поднял простыню без каких-либо ощущений и долго смотрел на почерневшее лицо с открытым ртом. Затем повторил капитану все, что перед этим говорил кардиналу. Нет, у него нет подозрений, кто мог подложить бомбу. Кто-то вернулся из прошлого Кэрмоди и в знак мести убил Анну.

Два священника ехали в порт на такси. Они проехали мимо здания Ордена Св. Джайруса. Двадцать три года назад это здание стояло на окраине маленького городка. Теперь оно стало центром огромной столицы планеты. Там, где раньше двухэтажные дома были редкостью, теперь громоздились 20-этажные коробки и кубы. Все улицы были вымощены каменными плитами, шоссе бетонированы. Когда

Кэрмоди прибыл сюда впервые, он утонул по колени в жидкой грязи, как только сошел с трапа корабля, и увидел грязные развалины этого богом забытого места.

Анна. Если бы он не женился на ней, она была бы жива. А он восседал бы в сверкающем кресле епископа и вершил делами Церкви на планете. На ней, правда, проживало всего пятьдесят миллионов человек, а когда он впервые прибыл сюда, здесь жило вообще в 50 раз меньше.

Анна. Когда он сказал, что не уверен в правильности своего решения жениться на ней, она заявила, что если не станет его женой, то уйдет в монастырь. Он рассмеялся и ответил, что она читалась романов и оторвалась от жизни. Ей нужен мужчина. Если это будет не он, то найдется кто-нибудь другой.

Тогда они поссорились, но все закончилось объятиями. На следующий день он улетел на Землю с ежегодным отчетом. На это потребовалось две недели, и он с радостью вернулся на свою планету и снова увиделся с Анной...

Он глубоко вздохнул и зарыдал. Кардинал пришел в сильное смущение, но сразу же взял себя в руки, прижал голову Джона к своей груди и стал поглаживать его волосы, произнося слова утешения. Затем он сам не выдержал и заплакал. Слезы капали на щеку Кэрмоди.

Когда они прибыли в порт, Кэрмоди сел прямо и вытер слезы.

— Я уже в норме. Хорошо, что мне предстоит долгая поездка. Если бы я остался здесь, я совсем бы расклеился. Каким примером был бы я для тех, кого сам должен утешить в горе? Или тем, кого я убеждаю, что смерть — это скорее повод для радости, чем для горя, так как те, кто умирают, освобождаются от грехов этого мира. Я всегда знал, что эти слова немного стоят.

Кардинал молчал. Пятиэтажное здание порта занимало площадь в тридцать акров. Оно было из мрамора, добываемого в горах недалеко от столицы. Главный зал был набит людьми со всех планет Федерации, а также другими разумными существами. Большинство летели по делам фирм и правительств, и лишь некоторые, у которых было достаточно средств, путешествовали ради собственного удовольствия. В другой части здания находилось Бюро иммиграции. Здесь толпились люди, обладавшие меньшим достатком и еще меньшим счастьем.

Священники прошли сквозь толпу, одетую в самые разнообразные платья, различных моделей и покроев, меняющие цвет и другие свойства в зависимости от освещения, температуры, давления и так далее. Это помогало людям приспосабливаться к жизни на других планетах.

Кэрмоди попрощался с кардиналом и направился к турникету. Подготовка и проверка межзвездного путешественника занимает всего полчаса. Джон разделся и передал платье для санобработки, сам же направился в блок медицинского контроля, где провел минуты две, пока невидимые лучи зондировали его тело. После этого он получил сертификат, удостоверяющий, что космическое путешествие не повредит его здоровью. Выйдя из медблока, Кэрмоди получил обратно уже обработанную одежду: шляпу с круглыми полями, сутану и прочее. С этого момента он уже не имел права выходить в другие части Космопорта.

Ему передали второе письмо, уже прошедшее обработку. Женский голос из громкоговорителя пояснил, что оно отправлено с Земли. Джон взглянул на штемпель и адрес. Там стояло его имя, а так же имя отправителя — Р.Располд. Кэрмоди снова сунул письмо в карман.

Тем временем все его бумаги были готовы. Он подписал документ, подтверждающий личную ответственность Кэрмоди за свою жизнь на планете Радость Данте. Кроме того, Джон застраховал свою жизнь на время полета: половину страховки завещал Ордену, четверть — дочери, остальное — благотворительным учреждениям.

Он завершил все формальности всего за несколько минут до посадки на борт небольшого лайнера «Белый мул» компании «Саквелл Стеллар Лайн».

Спутниками Кэрмоди оказались четверо людей, причем трое из них летели на другие планеты, и лишь один, Рафаэль Абду, так же отправлялся на Кэрисн. Он был среднего роста, около 190 сантиметров, среднего телосложения, однако отличался чрезмерными размерами ног и рук. На широком мясистом лице темнокоричневого тона выделялись слегка раскосые глаза, вероятно, сказывалась монголоидная примесь в крови. Голову украшала пышная шапка курчавых каштановых волос.

Согласно документам он жил на Земле, а на Чейденвулли провел две недели и собирался следовать дальше. В графе «Род занятий» значилось «Экспорт — импорт», что могло означать все что угодно.

Дежурный по радио пригласил всех садиться. Через минуту секция, где находились путешественники, отделилась от здания порта и поехала по направлению к «Белому мулу». Лайнер представлял собой полусферу, плоской частью лежащую на взлетной площадке. Его белая керамитовая облицовка сверкала в лучах полуденного солнца. Секция приблизилась к борту звездолета, и вскоре пассажиры оказались в небольшой камере, вероятно служившей шлюзом. Оттуда они перешли на свои этажи. Для пассажиров на корабле было три этажа: первый, второй и третий классы. У Кэрмоди был билет третьего

класса. Этого требовал режим экономии, которого придерживался Орден. Помещение третьего класса оказалось залом, не уступающим хорошему театру. Почти все восемьсот кресел были заняты. В зале стоял непрерывный гул голосов. Теперь Кэрмоди пожалел, что у него не первый класс, там все-таки спокойней, отдельные каюты.

Но думать об этом было уже поздно, и он занял свободное место.

Стюардесса проверила его ремни и поинтересовалась, знаком ли он с правилами. Джон кивнул утвердительно головой. На громадном экране перед креслами появилось улыбающееся лицо пилота. Он поприветствовал пассажиров и коротко рассказал о маршруте полета. После этого экран на некоторое время угас, а затем на нем появилось изображение знаменитого комика Джека Венкса. Кэрмоди не испытывал желания смеяться, но чувствовал, что следует отвлечься. Нужно было что-то такое, что встряхнуло бы его, отодвинуло горе на второй план.

Он достал из-под кресла шлемовидное устройство с опускающимся экраном в виде забрала, одел на голову и опустил экран. Тут же до его слуха донесся голос капитана корабля:

— ...предназначен специально для того, чтобы каждый пассажир, если желает, мог смотреть нашу программу, а при отсутствии такого желания — отключиться.

На экране появилось изображение порта и взлетного поля. Послышался голос капитана:

— ...Три, два, один, ноль!

Кэрмоди знал, что произойдет, и прикрыл глаза от вспышки. Порт исчез. Планета Чейденвулли и ее яркое солнце — тоже. Кубки кипящего вина стояли на черном столе: красный, зеленый, белый, голубой, фиолетовый... Одноглазые чудовища космоса смотрели с экрана...

— ...сейчас вы находитесь на расстоянии 50000 световых лет,— прорвался откуда-то голос капитана,— планету Чейденвулли уже не разглядеть отсюда, а ее солнце кажется всего лишь одной из миллионов звезд, рассеянных во вселенной. Сейчас наш корабль разворачивается в направлении следующего прыжка. Протеиновый компьютер, о котором я вам уже говорил, сейчас сориентируется в межзвездном пространстве, и через некоторое время корабль будет готов к прыжку.

На экране снова вспыхнули звезды. Кэрмоди вспомнил, что все это видел уже много лет назад. И вдруг у него защемило сердце, он почувствовал себя одиноким странником, выброшенным в космическое пространство... Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным.

— Компьютер вычислил курс, и мы готовы к прыжку, — продолжало звучать в головных телефонах. — Следующий прыжок снова перенесет нас на 50000 световых лет. Мы вынырнем из подпространства в сотне миль от планеты Магомет...

Какова минимальная дальность прыжка, Кэрмоди не знал. А максимальная зависела от количества двигателей корабля и их мощности. «Белый мул» мог прыгнуть отсюда прямо в туманность Андромеды. Он мог преодолеть полтора миллиона световых лет за доли секунды. До планеты Кэрисн было уже близко.

Вспыхнула чернота, и замигали раскаленные шары. И вот перед Кэрмоди возник диск планеты с континентом в форме червяка, поверхность которого кое-где была прикрыта разводами облачности. Диск стремительно надвигался. Несмотря на то что Кэрмоди видел это не раз, он отшатнулся. А затем, придя в себя, не мог не восхититься точностью и красотой маневра посадки.

Несмотря на двухчасовую стоянку, Джон не вышел из корабля. Не хотелось опять проходить процедуры санобработки и прочие формальности.

Кроме того надо было прочесть письма и просто побыть одному.

Он зашел в бар, заказал бурбон и вошел в отдельную кабину. Сделал пару глотков и извлек из кармана письма. Он долго вертел трубки конвертов в руках, не решаясь вскрыть их. Но любопытство взяло верх, и он сунул неподписанное первое письмо в проекционное устройство, висевшее на стене. Экран монитора засветился, и на нем показалось то, что заставило Кэрмоди отшатнуться, но он быстро взял себя в руки. На экране была маска, изображение изуродованного человеческого лица...

В наушнике заговорил хрипловатый мужской голос:

— Кэрмоди, это письмо от Фратта. Сейчас твоя жена мертва. Ты пока не знаешь, кто это сделал и почему. Но я тебе все объясню. Много лет назад ты убил сына Фратта и ослепил его самого. Ты сделал это спокойно и хладнокровно, хотя в этом деянии не было необходимости.

Теперь приходится страдать тебе. Но не только из-за смерти жены, но и из-за того, что сам не будешь ведать, где и когда примешь смерть. Смерть от руки Фратта.

Ты умрешь не так легко и быстро, как твоя жена. Тебе еще предстоит встретиться с медленной и трудной смертью, гнусная тварь!

Экран мигнул, и голос пропал.

Кэрмоди дрожащей рукой вытер пот со лба. Значит, его предположения оправдались: месть старого врага за прегрешения молодости. И за то, что он совершил тогда, он потерял жену и свое счастье. Анна, бедная Анна...

Он вновь прослушал письмо.

Фратт? Фратт? — мучительно вспоминал Кэрмоди. — Это имя мне ничего не говорит. Я не помню такого человека, но обязательно должен вспомнить. У меня ведь превосходная память... Но те годы были буквально напигованы событиями. Я совершенно не думал о жертвах. О, боже, прости меня, я даже не знаю имен тех, кого убивал. Сын Фратта? Может быть, он? Но я не помню сына. О, боже!

Он выпил еще, страстно желая спиртным смыть в небытие свое прошлое. Теперь это был не тот Джон Кэрмоди, которого знал Фратт. Имя и тело были те же, но внутри он совсем другой. Тот Джон умер на Кэрисне.

Но другие-то живы, и они помнят старого, прежнего Кэрмоди. Они не забыли и не простили его.

Он выпил еще бурбон. Сейчас уже поздно что-либо предпринимать. Но во всяком случае ему нужно быть настороже. Фратту не просто будет застать его врасплох.

Он ударил кулаком по столу и чуть не разбил стакан. К дьяволу Фратта! Если Кэрмоди когда-то представлял зло, то теперь он отсекся от этого. Фратт теперь поменялся с ним местами, на нем кровь Анны.

Но затем Джон подумал о том, что ведь это он виновен, что Фратт обратился к греху. Если бы он не сделал то, что сделал, то Фратт не стал бы ненавидеть.

— И во всем, что он сделал и сделает, виновен буду только я.

И тем не менее знакомый огонь пробежал по его жилам.

— Господь сказал: «Я буду мстить». И он мстил всеми доступными средствами.

— Нет, — сказал он себе и покачал головой. — Я рационалист. Я должен простить и любить своего врага как брата. Именно это я проповедовал столько лет и сам верил в это. Или мне казалось, что верил.

Он снова ударил кулаком по столу.

— Но я ненавижу! Я ненавижу! О, боже, как я ненавижу!

Но кого? Себя?

Он допил свой стакан и звонком вызвал стюарда. Когда тот принес новый стакан, Кэрмоди решил ознакомиться со вторым письмом. На экране он увидел комнату Располда в его квартире на шестнадцатом этаже огромного дома в Денвере и ее хозяина. Располд был похож на одетый в костюм клинок: длинный, худой, с блестящими черными волосами, карими глазами, острыми и сверкающими, как два томагавка. На лице выделялся большой нос картошкой. На Располде была алая мантия с черным воротником, одежда служащего Прометеус Интерстеллар Лайн. В этом не было ничего удивительного,

знаменитый детектив любил часто переселиться. Такая у него была работа.

Располд помахал приветственно рукой:

— Привет, Джон, старый грешник! Прости за короткое письмо.

Он забежал по комнате, продолжая говорить глубоким баритоном.

— Через несколько минут мне пора уходить, и я не знаю, сколько мне придется идти по этому следу.

Джон, пока я занимаюсь тут одним делом — ты ведь видишь мою одежду? — я случайно узнал кое-что важное. Поверь мне, очень важное. Группа богатых и фанатичных адептов твоей религии — мне очень жаль, но это так — решили убить Иесса, бога Кэриена. Они наняли убийцу, может быть, даже нескольких, для этой цели. Я не знаю имен, но вероятные убийцы с Земли. Во всяком случае, удастся покушение или нет, но последствия могут быть ужасными. Сам я не могу заняться этим делом, у меня своих забот достаточно. Я уведомил спецслужбы, и они, несомненно, послали на Кэриен своих ребят. Может, они успеют предупредить Иесса, а может — нет.

Мне кажется, что тебе самому захочется заняться этой проблемой. Я говорю это потому, что убийца может пройти через Ночь, стать Алгулистом и, следовательно, будет очень опасен. Противостоять ему сможет только человек, тоже прошедший испытания Ночи. И лучше, если это будет землянин. Но все это — предположения, попытка покушения может быть предпринята еще до наступления Ночи. Следовательно, времени останется еще меньше. Возможно, ты сочтешь, что все это тебя не касается. Может быть, Иесс сам способен позаботиться о себе. Однако здесь замешаны самые крупные убийцы высшей квалификации. Ты не знаешь их. Ведь боссы твоей юности уже сошли со сцены.

Располд перечислил десять имен, описал каждого. И поспешил попрощаться самым дружеским способом.

Кэрмоди отключил монитор и потянулся к стакану, но затем отдернул руку. Не время напиваться. Дело не только во Фратте — а он вполне мог быть на борту корабля, — возникали новые проблемы. Необходимо информировать кардинала. Если информация Располда верна, а сомневаться в ней не стоит, значит, Церковь в еще большей опасности. Убийство Иесса религиозными фанатиками может вызвать взрыв внутри самой Церкви.

— Идиоты! — выругался Кэрмоди. — Слепые, набитые ненавистью идиоты!

Он вновь включил прибор и продиктовал письмо кардиналу. Затем вызвал стюарда и отправил послание. Наконец встал и вернулся в зал.

Он сидел один не более десяти минут, прикрыв глаза и не обращая внимания на экран. Затем над головой зазвучал чей-то голос:

— Отец, это кресло свободно?

Молодой священник-иезуит стоял рядом с ним, показывая в улыбке длинные зубы. Высокий и тощий, с длинным аскетическим лицом. У него был ирландский акцент, и он тут же представился как отец Пол О'Грейди из Дублина. Его посылали на новое место службы, и он очень нервничал.

— Я чувствую себя таким одиноким, мне кажется, что мое сердце разрывается на части.

— Успокойтесь, — сказал Кэрмоди. Ему не хотелось говорить, но ведь нужно было подбодрить коллегу.

— Многие испытывают такое же состояние в таких* ситуациях. Хотите выпить? До старта еще есть время.

О'Грейди отрицательно покачал головой:

— Нет. Мне не нужна подпорка.

— Подпорка! — усмехнулся Кэрмоди. — Не будьте смешны, сын мой. Скоро все пройдет. Вы снова почувствуете под ногами твердую почву и узрите голубые небеса над головой.

О'Грейди помолчал, обдумывая слова Кэрмоди. Затем сказал:

— Я так нервничаю, что забыл спросить ваше имя, отец.

Кэрмоди представился.

Глаза иезуита расширились.

— Вы не тот Джон Кэрмоди... который... отец... — он запнулся.

— Продолжайте.

— Отец фальшивого бога Иесса на Кэриене.

Кэрмоди кивнул.

— Говорят, что вы летите туда с особой миссией? — вырвалось у О'Грейди. — Говорят, что вы летите, чтобы низвергнуть Иесса и объявить эту веру фальшивой!

— Кто так говорит? — спокойно спросил Джон. — И, пожалуйста, потише.

— О, все говорят, — ответил иезуит, махнув рукой, как бы показывая на всю вселенную.

— Ватикану будет интересно узнать, как хранятся его тайны, — сказал Кэрмоди. — Ну что же, да, я лечу на Кэриен, но не для того, чтобы свергать Иесса.

— Но вы не собираетесь сменить веру? — взволновался О'Грейди.

— Нет. Я считаю, что многие люди просто не понимают эту религию, но моя вера в Иисуса непоколебима.

— Может быть, вы задержитесь на планете Спрингбод и прочтете несколько проповедей. У меня есть информация, что наша паства

пошатнулась в вере и склоняется к вере Кэриена. Кто, как не вы, бывавший там, знающий тамошние обычаи, сможет разоблачить так называемые чудеса и так называемого бога.

— У меня нет времени, — ответил Кэрмоди. — Более того, я бы разочаровал вас. Так называемые «чудеса» реальны, а насчет Иисуса... так даже сам Господь не ведаст, действительно он Спаситель планеты или нет. Пока не ведаст.

Кэрмоди наклонился к уху иезуита:

— Предупреждаю тебя, что наша встреча и разговор не должны быть кому-либо известны. Миссия моя секретна, иначе ты будешь строго наказан, и твоя карьера сильно пострадает. Так что держи язык за зубами!

О'Грейди заморгал белесыми ресницами, и на его покрасневшем лице отчетливо отразилось страдание. Остальной путь до места своего назначения он молчал, в одиночку борясь со своим страхом.

Когда «Белый мул» совершил посадку, Кэрмоди решил выйти. Ему хотелось немного поразмять ноги и взглянуть на знакомые места. И кроме того это была последняя из планет, населенных выходцами с Земли.

Город и порт сильно изменились со времени последнего посещения Кэрмоди планеты Спрингбод. Белых конусов оставалось еще достаточно много. Они раньше служили жилищами бимитам, теплокровным обитателям планеты, внешне напоминавших земных термитов. Они питались древесиной, а из своих экскрементов строили конусы. Первые земные колонисты перебили бимитов и стали строить свои дома между конусами. Теперь на месте этих первых лачуг возвышались небоскребы из металла и пластика.

На планете был громадный порт, принимавший и отправлявший множество кораблей. Кэрмоди с полчаса погулял возле здания порта, а затем пошел обратно, чтобы пройти санобработку. Огромная толпа загородила ему дорогу. Он сначала не понял, что было причиной ее возбуждения, диких воплей, ругательств. Затем он заметил на груди у многих значки общества Христианского Спасения, и что они окружают кучку мужчин и женщин, которые мало чем отличались от своих преследователей, разве что своим испуганным видом.

Но когда Кэрмоди пробрался через толпу поближе, он разглядел на пальцах мужчин и женщин золотые перстни. На них были изображения круга, перечеркнутые двумя фаллоподобными копьями. Кэрмоди приходилось видеть такие перстни на Чейденвулли, он знал, что их владельцы поклоняются богине Бунт. Мужчины и женщины стояли, стараясь не обращать внимания на насмешки и оскорбления,

которыми их осыпали. Предводителем людей из общества Спасения был толстый высокий большеносый священник.

Кэрмоди узнал его сразу, хотя не видел лет двенадцать. Это был отец Кристофер Бакелинг, брат Джона по ордену.

Кэрмоди протиснулся поближе к нему. Увидев монашескую сутану, толпа утихла и расступилась. Джон занял позицию между Бакелингом и поклонниками Бунт.

— Отец Бакелинг, что здесь происходит?

Глаза Бакелинга расширились от удивления.

— Отец Кэрмоди! Что вы здесь делаете?

— Во всяком случае, не нарушаю спокойствия. Зачем вы мучаете этих людей?

— Мучаем! — закричал священник. — Мучаю! Кэрмоди, я вас хорошо знаю. Вы здесь, чтобы возбуждать смуту!

Он в бешенстве замахал руками:

— Посмотрите на этого человека, отец Джон!

В группе истязаемых выделялась фигура высокого, красивого человека.

— Посмотрите на него! Это бывший священник Геден! Теперь он поклонник грязного идола, богини Бунт!

Женщина в толпе завизжала:

— Геден — антихрист! И он еще был моим исповедником! Его надо сгноить за решеткой...

— Его нужно закидать камнями! — крикнул Бакелинг. — Камнями! Или повесить, как Иуду! Он предал нашего Господа, продал Сатане...

— Заткнись, Бакелинг, — хрипло выдохнул Кэрмоди. — Чем больше ты орешь на людях, тем хуже. Я думаю, что все нужно делать тихо и спокойно.

Кэрмоди пытался говорить ровным голосом.

— Я пытаюсь убедить вас, чтобы вы не поддавались ненависти. Помните слова Господа: «Возлюби врага своего!»

Но все было напрасно. Наэлектризованная толпа фанатиков не желала ничего слушать. Вспыхнула стычка. Кэрмоди наносил и отражал удары. Послышались полицейские свистки. Крики. Ругань. Внезапно в голове Кэрмоди как бы разорвался снаряд и все погрузилось во тьму.

Он очнулся оттого, что полисмен в черно-белой шляпе пытался привести его в чувство. Прежде чем Кэрмоди успел что-либо сказать, двое подхватили его под руки и повели к выходу. У дверей стояли две машины, куда грузили тех смутьянов, которые не успели скрыться. Но с ним обращались несколько иначе, чем с остальными. Вежливо

посадили в кабину, рядом сел полицейский, а с другой стороны Бакелинг, прижимающий к носу платок, покрытый бурыми пятнами.

— Видишь, что ты наделал? — бубнил он. — Ты затеял смуту, ты обесчестил нашу Церковь.

Кэрмоди расхохотался, но тут же со стоном умолк, помятые ребра давали о себе знать.

— Нас арестовали? — спросил он лейтенанта.

— Отец Бакелинг предъявил обвинение против вас, святой отец. — Лейтенант протянул телсфон Кэрмоди: — Вы можете вызвать адвоката.

Кэрмоди, не обращая на него внимания, повернулся к незадачливому «инквизитору».

— Послушай, Кристофер, если меня задержат и я не успею на корабль, ты будешь иметь крупные неприятности. Очень крупные.

Бакелинг вытер нос платком, хмыкнул.

— Не угрожай мне, Джон. Помни, я знаю, кто ты: грязный мошенник, и ничего больше.

— Тогда я позвоню, — сказал Кэрмоди. Он взял трубку, лейтенант включил устройство.

— Номер епископа Замбы? — спросил Джон.

Бакелинг открыл рот, лейтенант удивленно моргнул. В кабине повисло молчание.

— Отлично. Лейтенант, номер!

Полисмен вздохнул, полистал справочник:

— 606, сэр.

Кэрмоди набрал номер и через секунду связался с епископом. На экране появилось лицо мулата. Оно нахмурилось, и низкий голос произнес:

— Кэрмоди? В какую историю ты попал?

Джон коротко изложил суть происшедшего.

— Я слышал уже о происшедшем в порту, — сказал Замба, — и предпринял кое-какие шаги.

Кэрмоди повернул аппарат так, чтобы епископ увидел Бакелинга.

Замба нахмурился еще сильнее:

— Бакелинг? Значит, это правда, что вы учинили безобразную драку? Это вы направили толпу своих прихожан на поклонников Бунт?

Бакелинг замер, а затем пролепетал что-то в свое оправдание.

Епископ опять принялся за Кэрмоди.

Но Кэрмоди уже овладел положением:

— Это долгая история, епископ. Здесь трудно разобраться сразу. Но у меня нет времени. Я должен лететь на Кэрисн. Это очень важная миссия, в успехе которой заинтересован сам Святой отец!

— Да, я знаю,— ответил епископ,— я получил инструкции. Но тебе не стоит ввязываться ни во что, что может задержать тебя.

— Я понимаю. Но таков уж я есть. А теперь мне надо успеть на корабль.

Епископ обратился к лейтенанту, и вскоре конфликт был исчерпан. И оба священника расстались. Бакелинг ушел, брызгая слюной и изрыгая проклятия, Кэрмоди был доставлен в порт. Там, в отдельной кабине, ему еще раз пришлось говорить с Замбой.

— Я слышал, у тебя случилось горе, Кэрмоди,— начал беседу епископ.— При обычных обстоятельствах следовало бы дать тебе попомниться, но твоя миссия очень важна.

— Да, ваше преосвященство.

— Конечно, но я знаю о твоей задаче в общих чертах. Не мог бы ты объяснить мне все поподробнее? Поверь, это не просто любопытство. Я глубоко заинтересован в исходе дела и умею держать язык за зубами.

Кэрмоди закурил, а затем сказал:

— Я могу сообщить вам, что моя миссия имеет две стороны. Во-первых, я должен убедить Иесса не посылать миссионеров на другие планеты, во-вторых, уговорить не заставлять всех жителей Кэриена проходить через Ночь.

Замба был потрясен.

— Я не знал, что Иесс желает сделать всех своих сторонников Бодрствующими. Зачем ему это?

— Ну, окончательного решения он не принял еще. Но, вероятно, таким образом он хочет избавиться от своих соперников, приверженцев Алгули. Он хочет, чтобы на планете жили только те, кто поклоняется ему.

Епископ понимающе кивнул:

— И Иесс будет рассылать этих фанатиков как своих миссионеров?

— Да.

Епископ опять нахмурился:

— Ватикан считает, что тебе удастся уговорить Иесса?

— Скорее всего, в Риме считают, что я единственный, кто на это способен.

— Многие знают, что ты прошел через Ночь... и, кроме того, поговаривают, что ты один из отцов Иесса.

— Действительно. Я столько повидал и пережил на Кэрисне, что хватит и на десяток сказок. Но я на самом деле прошел через Ночь.

Что, если я скажу вам, что чудеса Ночи реальны? Что бог Иесс действительно рождается от мистического брака богини и семи отцов? А если узнают, что я был опаснейшим преступником и, пройдя через метаморфозы Ночи, стал праведником? Тогда многие будут считать, что это дело рук богини Бунт, и миссионеры Иесса снимут обильную жатву.

— Но ведь ты не стал поклонником богини?

— Я стал бы им, если бы остался на Кэриене. Но я вернулся на Землю и принял сан.

— Я все еще не понимаю, — сказал епископ, — ты не утверждаешь, что Иесс и Бунт фальшивые боги и, тем не менее, считаешь нашу религию истинной. Как можно сочетать такие противоположности?

Кэрмоди пожал плечами.

— Я не сочетаю их. У меня есть вопросы и сомнения. И очень много. Но пока нет ответов. Может, в этот визит мне удастся получить разъяснения?

Кэрмоди попрощался с епископом, получил благословение и взошел на борт «Белого мула» всего лишь за минуту до старта. Он обнаружил, что почти все приверженцы кэриенской религии, из-за которых он чуть было не остался на планете, тоже здесь.

Вслед за Кэрмоди взошел еще один человек, невысокий мускулистый мужчина примерно одного возраста с Джоном, что-то между 30 и 100 годами. У него были густые черные выющиеся волосы, широкое горбоносое лицо с сильным подбородком. Он был одет во все белое: шляпа с широкими полями, костюм в обтяжку, пояс, сапоги. В руках он держал толстую книгу в белом переплете. Кэрмоди вздрогнул. По этой одежде он узнал представителя одной из самых могущественных религиозных групп, Каменный Фундамент Церкви.

Фундаменталисты, или, как их иногда называли, Твердолобые Ослы, были фанатиками, которые считали, что им удалось вернуться к Первой Вере Первых Христиан. Но его удивили не религиозные убеждения нового пассажира. Нет! Он узнал его! Значит, остался еще кое-кто из «старой гвардии» преступного мира!

Это был Аль Лефтин. Они узнали друг друга, как же, ведь в ряде дел они были сообщниками.

Кэрмоди окликнул Лефтина. Тот вздрогнул и приблизился. Больше всего его удивила сутана Джона.

— Как, и ты?..

— Да, я теперь отец Джон.

— Я тоже покинул грех. Я декан Истинной Церкви. Хвала Господу, я вовремя увидел глубину своего падения, раскаялся и теперь проповедую слово Божье.

— Я счастлив, что ты обрел мир,— сказал Кэрмоди,— но скажи, зачем ты летишь на Радость Данте? Ты хочешь пройти через Ночь Света? Приближается ее время.

— Никогда! Моя церковь послала меня для исследования ритуалов, предвещающих Ночь. Накануне ее я обязан вернуться и сделать доклад. Сам Старейший послал меня.

— Зачем это вам? В библиотеках содержится и так немало информации.

— Нет, слишком многие из нашей паствы перешли в эту поганую веру. Я должен увидеть все своими глазами, снять фильм и показать верующим. И тогда они сами увидят сатанинское язычество Кэриена и прогонят миссионеров Иссы.

Кэрмоди не стал говорить Лефтину, что таких попыток было уже немало и все они закончились крахом. Чаще всего эффект был противоположен ожидаемому, зритель становился любопытен и желал испытать чудеса сам.

Они еще немного поболтали. Лефтин вспомнил былые приключения, теперь они казались такими далекими.

Стюардесса объявила взлет. Через десять минут бортового времени корабль был в атмосфере Кэриена.

Снова Кэрмоди прошел через процедуру осмотра. Он потерял из вида Лефтина, но, зайдя в туалет, снова неожиданно на него наткнулся. Монах курил! Это мало подходило слуге Истинной Церкви и было более чем удивительно. Фундаменталисты считали табак, алкоголь и женщин страшным злом. Лефтин поднял глаза и растерялся. Он попытался оправдаться, но для Кэрмоди было все равно, курит он или нет, сам Джон курил с большим удовольствием. Но слабое подозрение зародилось у него в душе.

Но тут же его отвлекло появление знакомых лиц. В просторном холле он увидел своего старого друга Тэнди. Он почти не изменился с тех давних времен, только появились седые прядки в волосах, округлость в фигуре. Но по-прежнему обаятельная улыбка обнажала сверкающие голубые зубы. А выражение счастья не покидало лица. Его сегодняшнее высокое положение не изменило его вкусов. Он, как и раньше, носил удобную и недорогую одежду.

Тэнди бросился к Кэрмоди с распахнутыми объятиями.

— Как поживаешь, отец Джон? — спросил Тэнди.

Он улыбнулся, и Кэрмоди понял, что слово «отец» имеет двойной смысл.

— Прекрасно, а ты, отец Тэнди?

— Так же, — ответил кэриенец и повернулся к остальным. — Позволь мне представить...

И последовала долгая и несколько сухая церемония знакомства с различными чинами планеты. Их ранг оказался столь высок, что Кэрмоди даже пришел в смущение. Когда все разошлись, Тэнди повел Кэрмоди к своему автомобилю. Как и большинство других машин, он работал на принципе антигравитации.

За окнами мелькали улицы, наполненные шумной толпой людей. Город разросся.

— Наше население увеличилось в четыре раза, — комментировал картины города Тэнди. — А старый город превратился в Мегполис, хотя центр остался без изменений.

— Неплохо, — ответил Кэрмоди. — Скажи, ты еще связан с полицией?

— Нет. Но я имею влияние на префекта. Как и каждый из Отцов. А что?

— Со мной на корабле прибыл один человек по имени Аль Лефтин. Много лет назад он был наемным убийцей. Сейчас он декан Каменного Фундамента Церкви, но боюсь, что это ширма, и род его занятий не изменился. Существует возможность, что его послали с Земли, чтобы убить Иесса. Тебе что-нибудь известно?

— Кое-что я слышал. Я пошлю полицию по следу Лефтина. Но в праздничной толпе это будет нелегким делом.

— А не найдете ли вы возможности арестовать его?

— Ни малейшей. Правительство избегает осложнений с Федерацией и старается меньше задевать ее граждан.

Кэрмоди помолчал. Затем опять сказал:

— И еще одно. Вероятно, здесь есть еще один человек. Но это уже касается только меня.

И он рассказал Тэнди о письме с угрозами и назвал имя Фратта.

Тэнди задумался. Наконец он спросил:

— Ты думаешь, землянин Абду и есть Фратт?

— Возможно, но не обязательно.

— Хорошо, я пошлю за ним частного детектива. Полиции сейчас не хватает, слишком большой наплыв народа.

Тэнди остановил машину перед отелем. Они разобрали багаж и отправились в апартаменты, предназначенные Кэрмоди, отбиваясь на ходу от попыток репортеров взять интервью. Номера Кэрмоди были на седьмом этаже. Стены были сработаны из хорошего камня, двери из железа — это было надежное место. Даже мебель была из гранита.

— Теперь так уже не строят, — с тенью грусти отметил Тэнди. Он налил вина в два многогранных кубка. — За твоё здоровье, Джон.

— За твоё. И за всех хороших людей. Пусть бог благословит своих детей.

Он выпил горьковатое вино и вернулся к деловому тону.

— Я хочу видеть Иесса. Когда это можно будет сделать?

Тэнди улыбнулся:

— О, ты совсем не изменился. Иессу также не терпится увидеть тебя. Но у него сейчас много дел. Я увижу завтра его секретаря и назначу встречу.

— Но тут возникает одна проблема, — продолжал он, — твой визит может вызвать некоторое смятение умов. Большинство людей считает тебя приверженцем богини Бунт и будут явно шокированы тем, что один из Отцов — другой веры. Как может Отец Иесса не быть поклонником богини?

— Моя церковь задает тот же вопрос. Я сам этого не знаю. Надо сказать, что когда я прибыл сюда впервые, я не был атсистом, но и не чувствовал склонности к какой-либо из религий. После того, как я прошел через Ночь, я ощутил нечто несобъяснимое в своей душе. И это привело меня к Церкви.

Тэнди поднялся и сказал:

— Я ухожу, чтобы встретиться с Иессом. Позвоню тебе позже.

И он ушел.

Кэрмоди распаковал чемодан, принял душ, смывая последние следы усталости. Не успел он одеться, как послышался стук в дверь. Кэрмоди откинул крюк. Двери на Кэриене не отличались от земных, но были не подвешены на петли, а вращались на стальном стержне, подобно турниксту. Дверь номера была очень тяжелой, но двигалась легко, как балерина. Кэрмоди чуть отступил назад, чтобы придержать половину двери, которая двигалась в номер. Он увидел, как мужчина-кэриенец, стоящий на пороге, сунул руку в карман. Кэрмоди не стал дожидаться. Он тут же бросился вперед на ту сторону двери, которая двигалась в коридор. Незванный гость с оружием в руке входил в комнату. Его намерения стали ясны. Кэрмоди резко нажал на свою половину двери. Убийца получил сильный удар дверью по спине и влетел в комнату. Кэрмоди остался в коридоре. Обманутый убийца рванулся за ним. Джон понял, что ни сил, ни дыхания ему не хватит, чтобы бежать по коридору, и бросился опять к той части двери, которая двигалась обратно в комнату. Оказавшись в номере, мгновенно накинул внутренний крючок. Из-за железа дверной плиты послышалось злобное проклятие. Кэрмоди бросился к телефону и стал звонить дежурному в холл отеля. Через минуту рядом с номером был полисмен. Но убийца, разумеется, скрылся. Кэрмоди успокоил нервы бокалом вина и начал размышлять. Может, этот убийца нанят Фраттом? Нет, вряд ли. Фратт хотел мстить лично. И смерть должна была быть мучительной. Кэрмоди подумал о Лефтине. А если он не тот, за

кого себя выдает? Если его облик только прикрытие, то он, скорее всего, попытался бы похитить Кэрмоди. Так как, если он наемный убийца и послан убить Иесса, то ему нужна информация о живом бже, его привычках.

Кэрмоди допил вино и стал расхаживать по комнате. Он не мог уйти, ждал звонка от Тэнди. Но ожидание затягивалось, и это нервировало священника.

Зазвонил телефон. Кэрмоди взял трубку, и экран засветился. На него смотрел секретарь главы правительства Абог.

— Я немного рано, отец. Но нам надо поговорить. Могу ли я войти?

Кэрмоди кивнул. Через несколько минут раздался стук. Кэрмоди приоткрыл дверь и выглянул. Полисмены, потрясенные роскошью одежд Абога, стояли навтыжку.

Абог переступил порог, и сразу же опять зазвонил телефон. На этот раз на экране было лицо землянина.

— Джек Гилсон, — представился он, — агент Службы Внеземной Безопасности.

— Вы можете подождать, мистер Гилсон? У меня посетитель.

— Ждать — моя работа, — сказал агент и улыбнулся.

Кэрмоди отключил связь и повернулся к Абогу.

— Выпьете что-нибудь?

Абог в знак согласия склонил голову.

— При обычных обстоятельствах я не стал бы беспокоить Вас, — сказал он. — К несчастью, время не терпит. И поэтому, с Вашего позволения, перейду сразу к делу.

— Хорошо. Я люблю прямоту.

— Наше правительство, отец, никогда не вмешивалось в Ваши личные дела и в Вашу веру. Пока. Но теперь мы должны спросить...

— Спрашивайте.

Абог глубоко вздохнул и затем спросил:

— Вы приехали сюда, чтобы объявить о переходе в веру богини, или мы ошибаемся?

— И это все? Нет, я не перехожу в веру богини Бунт. Я тверд в своей вере.

— О!

Абог был явно разочарован. После долгой паузы он произнес: — Может, Вы употребите свое влияние, чтобы отговорить Иесса от одного шага. Ведь Вы его отец.

— Я не знал, что обладаю подобным влиянием. От чего же я должен его отговорить?

— Мой шеф, премьер, очень обеспокоен. Если Иесс решит, что все население планеты должно остаться бодрствующим, нас ждет

катастрофа! Те, кто выживет, может быть и очистятся от зла, но много ли их будет? Многие ли смогут пройти через Ночь? Статистики предсказывают, что погибнет три четверти населения. Наша цивилизация погибнет!

— Иесс знает об этом?

— Ему говорили. Он согласен, что предсказание верно. Но допускает, что не исключены и ошибки. Прошедшие через Ночь очистятся от зла — это главный его аргумент.

— Может, он и прав, — заметил Джон.

— Но может, он и ошибается. Мы думаем, что он все же ошибается. Но даже если он прав, подумайте, что произойдет! Даже при наличии статистической ошибки погибнет не менее одной четверти людей планеты. Это же массовое убийство! Мужчины, женщины, дети!

— Это страшно!

— Страшно?! Это дико, ужасно! Даже Алгули не мог бы придумать такого. Если бы я не был уверен, я бы подумал...

Он замолчал, встал с кресла, подошел к землянину и прошептал: — Ходят слухи, что той ночью родился не Иесс, а Алгули. Но достаточно умный, чтобы объявить себя Иессом.

Кэрмоди улыбнулся и сказал: — Вряд ли можно считать эти слухи серьезными.

— Конечно, я не так глуп, чтобы верить этому. Но эти слухи говорят о настроении народа, о его смятении. Они не могут понять, как великий и добрый бог может допустить такое.

— Ваши священные книги предсказывали такое событие.

Абог был явно напуган.

— Да. Но никто и никогда серьезно в это не верил. Только горстка фанатиков-ортодоксов. Они даже молились, чтобы это произошло.

— Что будет с теми, кто откажется пройти через Ночь?

— Каждый автоматически будет считаться поклонником Алгули и попадет в тюрьму.

— Ну а если массовое сопротивление? У правительства не будет времени и возможности справиться с народом.

— Нет, кэриенцы будут послушны Иессу.

Чем больше слушал Кэрмоди, тем меньше ему нравилось все это. Женщин и мужчин еще можно было заставить пройти через Ночь, но детей! Пострадают невинные, и многие из них погибнут!

— Я не в состоянии этого понять, — сказал он, — но я, как вы понимаете, землянин.

— Но Вы попытаетесь уговорить его не делать этого?

— Вы говорили с другими Отцами?

— С некоторыми. Но я ничего не мог добиться. Они выполняют любую волю Иесса.

Кэрмоди помолчал немного и сказал: — Хорошо, я попытаюсь отговорить Иесса от выполнения его замыслов. Но сведения о моем разговоре не должны просочиться в прессу и на телевидение. Если это произойдет, я от всего отрекусь.

Абог обрадовался. Улыбнувшись, он сказал:

— Очень хорошо. Может быть, Вам удастся сделать то, чего не удалось другим. Решение Иесса еще не объявлено публично, так что время имеется. — Он поблагодарил Кэрмоди и удалился.

Священник перезвонил Гилсону и попросил его подняться. Затем предупредил охрану о том, что у него будет еще один гость. Снова зазвонил телефон. На этот раз на экране возникло лицо Тэнди.

— Мне очень жаль, Джон. Иесс не может увидеться с тобой сегодня вечером. Но он будет ждать тебя завтра ночью в Замке. Как ты собираешься проводить время?

— Вероятней всего, одену маску и пойду на улицу.

— Это твоё право, как Отца, — сказал Тэнди. — Остальные земляне, вероятно, будут весьма недовольны. Согласно правилам, если они не пожелают пройти через Ночь, они должны оставаться в отелях. Боюсь, будет достаточно недовольных, туристов и ученых. Но таков закон, новый закон.

— Вы много на себя берете, Тэнди.

— Но я не превышаю власти. Эти новые правила — хороший способ избавиться от множества неприятностей. Мне бы очень хотелось побродить с тобой по улицам, но у меня много дел. Власть связана с ответственностью, ты же знаешь.

— Конечно. Спокойной ночи, Тэнди.

Он выключил экран и отвернулся от него, но не надолго. Опять раздался звонок. На этот раз на экране появилось не лицо, а какая-то ужасная маска. Она заслоняла весь экран, но по шуму, сопровождающему изображение, можно было догадаться, что звонят из будки на одной из центральных улиц. Искривленные губы маски шевельнулись, и Кэрмоди услышал искаженный голос:

— Кэрмоди, это Фратт. Я хотел взглянуть на тебя, прежде чем ты умрешь. Я хотел увидеть, страдаешь ли ты так, как страдали я и мой сын.

Священник старался быть спокойным.

— Фратт, я не знаю вас. Я даже не могу припомнить случай, о котором вы говорите. Почему бы вам не прийти ко мне и не поговорить? Может, тогда все встанет на свои места?

Наступила пауза, такая долгая, что Кэрмоди было подумал, что Фратт согласится. Но затем последовал решительный отказ.

— Хорошо. Назовите сами место и время встречи. Я приду, и мы все обсудим.

— О, мы и так встретимся, тогда, когда ты будешь меньше всего ожидать. Я заставлю тебя потеть и страдать от страха. — Экран погас. Кто-то постучал в дверь. Кэрмоди открыл, вошел Гилсон.

— Боюсь, что ничем не смогу тебе помочь, святой отец. Мне только что объявили, что землянам запрещено покидать отель.

— Это моя ошибка, — сказал священник. Он рассказал Гилсону о содержании двух предыдущих телефонных разговоров.

— Пойдем в ресторан, пообедаем, — предложил Кэрмоди. — В отеле есть повар-землянин для тех, кому не по нраву кэриенская пища.

В ресторане за одним столом сидели Лефтин и Абду. Они оба были заняты едой и вид у них был не совсем довольный. Кэрмоди сел за их стол и Гилсон последовал его примеру. Агент представился как бизнесмен с Земли.

— Твою просьбу о встрече с Иссом отклонили? — спросил Кэрмоди у Лефтина. Тот в ответ хмыкнул и сказал: — Они были очень вежливы, но дали понять весьма недвусмысленно, что я смогу встретиться с богом только после Ночи.

— Ты можешь лечь спать, — сказал Кэрмоди. — Впрочем, если Исс запретит сон, то этот запрет может распространиться и на иностранцев.

Лефтин был в ярости. Кэрмоди повернулся к Абду:

— А вы возвращаетесь? Сейчас вы вряд ли закончите дела.

— Запрещение покидать отель застало меня врасплох, но я могу вести свои дела по телефону.

— Я не думаю, что вам удастся сделать много. Ведь большинство контор в это время закрыто,

— Местные жители похожи на землян. Всегда найдется несколько таких, которые будут делать свои дела, пусть даже вокруг все рушится.

— Да. А здесь спокойно, — сказал Кэрмоди. Он осмотрелся. Если не считать официанта, они были единственными посетителями в ресторане. В отеле было тихо, на лицах служащих лежал отпечаток угрюмости.

Кэрмоди немного поболтал со своими сотрапезниками о тишине, архитектуре и нравах Кэриена. Затем, оставив Гилсона, попрощался и ушел в номер. Оттуда он позвонил Гилсону в ресторан.

— Я собираюсь уйти ненадолго. Мне нужно встретиться со старым другом. Кроме того я хочу дать Фратту возможность нанести удар. Может, при этом мне удастся нейтрализовать его.

— Он может нанести этот удар в спину.

— Я буду осторожен. И еще одно, я попытаюсь добиться вашего освобождения из этого «плена» в отеле. Но, конечно, не из-за Фратта, мне интересней Лефтин, очень не хотелось бы, чтобы он ушел из-под вашего контроля.

Затем Джон вызвал Тэнди и рассказал о своих намерениях. Тэнди ответил, что это легко устроить. И он тут же отдал соответствующие распоряжения.

— Сможет Лефтин ускользнуть из отеля?

— Не знаю как сейчас, а раньше — вполне свободно. Не забывай, у него отличная школа.

— Скажу тебе правду. Нас беспокоят не только убийцы с Земли. До наступления ночи могут выступить и Алгулисты. Когда я говорю «Алгулисты», я имею в виду не только тех, кто прошел через Ночь. Существует тайное общество, большинство из членов которого и не пыталось это сделать. Они проникли в государственный аппарат, и я не уверен, что наш разговор сейчас не прослушивается.

— Вот здесь я что-то не понял, — сказал Кэрмоди. — Почему Алгулисты, прошедшие через Ночь, еще живы? Ты, надюсь, хорошо помнишь ту Ночь: когда я сделал окончательный выбор, они пытались бежать, но все погибли. Я считал, что они остаются живыми, только если побеждает Алгули. Но из услышанного от тебя я понял, что они преспокойно здравствуют и сейчас. Почему?

— Те шестеро погибли потому, что мы семсро этого хотели, их убила наша объединенная воля. Но через Ночь стремятся пройти и другие алгулисты, не только их предводители, Отцы Алгули. У нас нет информации о них и поэтому они остались живы. Ты знаешь, что исповедовать веру в Алгули запрещено. Это карается смертью. В случае победы сил зла, я думаю, будет наоборот.

— Благодарю, Тэнди. Я хотел бы сейчас нанести визит мамаше Кри. Полагаю, она живет все там же.

— Вот этого я не могу сказать. Я очень давно ее не видел.

Кэрмоди одел костюм, заказанный для него. В него входила маска птицы. Одев ее, он вышел из отеля, предварительно заглянув в ресторан. Гилсона, Лефтина и Абду там не было.

После гробовой тишины отеля на улице в уши Кэрмоди ударила буря криков, музыки, света, барабанного боя, треска петард. Улицы были забиты веселящимся народом в масках.

Джон медленно шел через толпу. Через некоторое время он свернул на боковую улицу, здесь было меньше людей и шума. Там он поймал такси, которое медленно двинулось к окраине. Здесь удалось проехать быстрее, но то и дело приходилось останавливаться, пропуская людей в масках. Только через полчаса Кэрмоди был у дома мамы Кри. Уже показалась огромная луна, и ее блики легли на крыши. Кэрмоди вышел, расплатился и попросил таксиста подождать. Он пошел по тропинке, постоял перед деревом, которое было когда-то мужем мамы Кри. Затем постучал в двери дома. Никто не ответил, света в окнах не было. Он снова постучал. Тишина. Тогда он повернулся и пошел обратно, но тут скрипнула дверь, и чей-то голос спросил: — Кто здесь?

Кэрмоди вернулся, снял маску.

— Джон Кэрмоди, землянин, — ответил он. Из двери в полосе света появилось лицо старухи. Но это была не миссис Кри. Старуха явно напугалась и прокаркала: — Миссис Кри здесь больше не живет.

— Может быть вы знаете, где ее найти?

— Не знаю. Она, говорят, решила пройти через последнюю Ночь, с той поры о ней никто ничего не слышал.

— Очень печально, — сказал Кэрмоди. И ему действительно было жаль миссис Кри. Он все же любил эту старую женщину.

Он вернулся к такси. Когда он подходил к машине, из-за угла вынырнул автомобиль с горящими фарами и помчался к нему. Кэрмоди юркнул за такси, чувствуя, что со стороны это выглядит глупейшим образом. Но это произошло автоматически. И не зря. Раздались выстрелы, зазвенели стекла, вскрикнул водитель такси. Автомобиль исчез в конце улицы. Кэрмоди выглянул из-за капота. Вдруг раздался взрыв, ослепивший и оглушивший его. Он припал к земле. Когда он встал на ноги, из такси валили густые клубы дыма, бушевало пламя. Кэрмоди увидел тело шофера, навалившегося грудью на руль. Он бросился искать телефон. На этот раз ему явно не везло, куда бы он не звонил, ответа не было. После звонка Лефтину ему отвстили, но на экране был полисмен в голубой форме. Кэрмоди представился, и у офицера полезли глаза на лоб, он не ожидал встретиться с одним из Отцов Исса. С почтительностью, на какую он только был способен, он ответил: — Землянин Лефтин исчез час назад. Каким-то образом разрезал решетку на окне и спустился по веревке. Полиция ищет его, но он в карнавальном костюме.

— Проверьте землянина Рафаэля Абду, — попросил Кэрмоди. — Вы не знаете, где Гилсон?

— Гилсон ушел сразу после бегства Лефтина. Подождите немного. Сейчас мы выясним, где мистер Абду. — Через пять минут офицер доложил: — Мистер Абду в своей комнате, сэр. Кроме того, мистер

Гилсон, сэр, передал вам номер телефона, по которому можно с ним связаться.

Кэрмоди отключился и набрал данный ему номер. На экране возникло лицо Гилсона. Громкие голоса и смех слышались из-за его спины.

— Я в таверне, на углу Виилграр и Тувдон-стрит, — сказал Гилсон. — Подожди, я одену маску. Я снял ее, чтобы ты узнал меня.

— Как дела? — спросил Кэрмоди. — О бегстве Лефтина я уже знаю.

— Знаете? Я выследил его. Он здесь, в таверне, говорит с каким-то парнем. Вероятней всего, кэриенцем, лица увидеть невозможно, оно в маске, но ногти и затылок... Лефтин одет в коричневый костюм, видимо изображающий какое-то животное. Что-то вроде оленя: на маске рога. А его собеседник вырядился под зверя типа кошки.

— Подождите меня там, я вызову такси.

Отключившись и вызвав такси, Кэрмоди взял немного наличных. Стоило показать водителю кредитку крупного номинала, как таксист улыбнулся, и вскоре Джон неся по улицам со всей возможной скоростью, нарушая всевозможные правила дорожного движения. Гилсон ждал у таверны. Кэрмоди перебрался с ним парой слов, и они двинулись дальше.

Лефтин и его собеседник сидели за столиком в самом дальнем конце. Манеры кэриенца напомнили Кэрмоди что-то знакомое, а когда человек-кошка встал и направился в туалет, священник узнал его по походке.

— Это же Абог, — сказал он. — Секретарь премьер-министра. Какого черта он здесь делает?

Абог был здесь явно не для своего удовольствия. Может, его шеф был членом тайного общества Алгули? Возможно, он слышал об этом убийце и решил использовать его в своих целях.

— Послушайте, Гилсон, — сказал Кэрмоди. — С этого момента нам не следует доверять полиции. Кто-нибудь из полисменов определенно является двойником. Сейчас вы отправляйтесь в отель. Я же продолжу следствие.

— Мне не хочется оставлять вас одного.

— Этот мир я знаю лучше, чем вы. А кроме того, если вы не хотите пройти через Ночь, то вам лучше здесь не задерживаться. — Гилсон ушел. Священник облокотился на стойку, прихлебывая пиво. Потом перебрался поближе к столику, столь интересовавшему его. Но в таверне было настолько шумно, что услышать что-либо было крайне трудно. Внезапно эти двое поднялись и быстро направились к двери. Кэрмоди немного погодя направился за ними. Очевидно, Лефтин что-то почуял, а Абог обернулся, оглядывая зал. Они уже вышли, а

Джон был на пути к двери. И тут в таверну ввалились три полисмена, блокируя вход. Со стороны второго выхода так же показались голубые форменные рубахи. Вряд ли двое заговорщиков заметили слежку, скорее всего это обычная предосторожность: если кто-то следит, то его задержит полиция. Кэрмоди направился к туалету. Никем не замеченный выбрался из окошка. Но когда он вышел из кустов на аллею, он услышал спокойный твердый голос:

— Стоять! Руки на голову!

Кэрмоди поднял руки. Повернув голову, он увидел полисмена. Его держали на мушке пистолета.

— Повернись! Руки на стену! Быстро!

— Я ничего не сделал, офицер,— забормотал Кэрмоди на языке простонародья Кэриена. Он начал поворачиваться, затем сорвал с лица маску и швырнул ее в лицо полисмену. Раздался выстрел. Пуля ударилась в каменную стену. Кэрмоди рывком бросился под ноги офицеру. Тот упал через него и не успел опомниться, как Кэрмоди уже был на его спине и сильно надавил пальцами за ушами. Полицейский дернулся и обмяк.

Джон поднял маску и револьвер. Добежав до конца аллеи, он одел маску, а оружие сунул в карман. Сзади послышались свистки и выстрелы. Кэрмоди упал на землю. Над ухом противно засвистели пули. Он перекатился за угол, вскочил на ноги и побжал. Через минуту он смсшался с шумной уличной толпой. Делать больше было нечего. Абога и Лефтина он уже упустил. Лучше возвращаться в номер. Он так и сделал, выпил кубок вина и лег спать. Разбудил его телефонный звонок. Это был Тэнди. Он выглядел плохо выспавшимся, лицо осунулось, глубокие морщины пролегли от носа к кончикам губ. Но он улыбался.

— У меня хорошие вести,— сказал он.— Иесс встретится с тобой сегодня вечером.

— Хорошо. Теперь скажи, может быть так, что эта линия прослушивается?

— Кто знает. Вполне. А что?

— Мне нужно поговорить с тобой. Прямо сейчас. Это очень важно.

— Почему бы тебе не прискать ко мне? Или ты предпочитаешь другое место?

— За твоим домом могут следить.

Тэнди погасил улыбку.

— Даже так? Хорошо. Я приеду сам. Жди меня перед отелем. Через полчаса.

Через некоторое время Кэрмоди вышел из отеля. И сразу же подкатил Тэнди на своем длинном черном автомобиле. Правая дверца

открылась, и Кэрмоди уселся на переднем сиденье рядом с Тэнди. Они отъехали от отеля на два квартала и остановились у детской площадки.

— Можешь говорить свободно, — сказал Тэнди. — У меня включена защитная электронная система — подслушать невозможно.

Кэрмоди рассказал другу о событиях прошедшей ночи.

— Я предполагал нечто подобное, — пожевал губами Тэнди. — Но мы ничего не сможем сделать. У нас нет улик. Можно арестовать Абога. Но что дальше? Нужны доказательства. Однако, как говорите вы, земляне, вовремя предупрежденный имеет две пары рук.

Кэрмоди рассмеялся, оценив шутку. По кэриенским легендам злой дух, нападавший на неосторожных путников, имел четыре руки. Тэнди продолжал. — Премьер может быть вовсе и не Агулист. Но он глава правительства и должен заботиться о народе. Я не завидую его сегодняшнему положению. Он должен поддерживать равновесие между желаниями Иесса и существованием государства. Кроме того, я думаю, он не уверен, что успешно пройдет через Ночь. И этого он боится более всего.

— Да, не все через нее пройдут. Тем более, что по идее Иесса очищению должны подвергнуться все. Кстати, а при чем тут дети?

— Но Иесс так решил!

— Хорошо. Не будем спорить. Что мы будем делать с премьером и Абогом?

— Усилим охрану Иесса. Твою охрану. Я уже приказал переселить тебя на 14 этаж. Поставим для охраны надежных людей.

— Что же, все это разумно.

Тэнди завел мотор и поехал к отелю. Кэрмоди молчал. Кардинал давал ему указание уговорить Иесса отказаться от всеобщего бодрствования. Но с этой точки зрения Церкви оно было бы даже желательным. Если Кэриенская цивилизация пошатнется от такого урона, Кэриен еще долго не сможет посылать своих миссионеров в другие миры.

Что же говорить Иессу? Забыть об инструкциях кардинала и укрепить Иесса в его решении заставить всех пройти через Ночь? Или действовать согласно указаниям кардинала, и тем самым подорвать мощь Церкви? Хотя она сама и не подозревает об этом. У Кэрмоди сомнений не было. Предотвратить массовое убийство, мучения и несчастья. Он не был бы христианином, если делал бы по-другому. А там посмотрим...

Тэнди высадил его у входа в отель. Кэрмоди попрощался и вернулся в номер, но уже на 14 этаж. Охрана устроилась в коридоре. Кэрмоди позвонил Гилсону, но не нашел его. Это уже было странно. Джон

вызвал начальника охраны и выложил ему свои опасения. Тот сказал, что может послать своих людей на поиски, но боится, что это бесполезно, в праздничной толпе трудно найти кого-либо. Пока они препирались, позвонил полисмен и доложил, что в аллее в 4-х кварталах от отеля найден труп Гилсона.

Кэрмоди застонал.

— Это точно Гилсон, сержант?

— Да, сэр! Мы проверили отпечатки.

Начальник охраны удалился. А Кэрмоди в ярости начал расхаживать взад-вперед по комнате. Его бесило то, что он должен сидеть взаперти, когда нужно действовать — и действовать энергично.

Он был уверен, что Лефтин имеет отношение к смерти Гилсона. Возможно, к этому причастен и Абог. Но он ничего не мог сделать, ничего. И где Лефтин? Где бы он ни был — он готовит убийство Иесса.

Кэрмоди рассвирепел так, что готов был сам удушить фанатиков с Земли, нанявших Лефтина. Как странно, что последователи Алгули и последователи Христа оказались вместе.

В дверь постучали. Кэрмоди откинул засов, ожидая увидеть полисмена. Но в комнату вошли два кэриенца с револьверами в руках. В коридоре двое других связывали полицейских. Кэрмоди с поднятыми руками попытался вглубь комнаты. Связанных полисменов затащили в комнату, они были невменяемы. Кэриснец подал священнику маску и костюм.

— Оденьте это! — приказал он.

Кэрмоди в сопровождении похитителей поднялся на 15 этаж и оказался в номере, расположенном над его собственным. У каменного стола в центре гостиной стоял Рафаэль Абду. Рядом с ним сидела женщина-землянка. В ее облике было нечто странное и даже провинциальное. Ее длинные белые волосы были уложены в высокую прическу. Сморщенное лицо некогда было красивым. Глаза ее были закрыты большими солнечными очками.

— Ты уверен, что это и есть Джон Кэрмоди? — спросила она Абду по-английски.

Абду неторопливо ответил: — Не будь смешной. Заговори с ним и сразу узнаешь его голос.

— Хорошо.

— Говори, Кэрмоди, — прошипел Абду. — Леди хочет услышать твой голос.

— Вот, значит, кто такой Фратт. Я ошибся, — сказал Кэрмоди. — Я думал, вы мужчина.

— Это он! — закричала она. — Я не забыла этот голос!

Она схватила Абду рукой, на которой были видны набухшие вены.

— Прогони остальных! Пусть убираются!

— Хорошо,— ответил Абду. Он взял со стола пачку местных денег, отсчитал каждому сопровождавшему священника определенную сумму. Четверо вышли, а один остался. Он связал руки Кэрмоди, затем усадил его в кресло и связал ноги. Затем прикрутил тело к креслу веревкой.

— Рот? — спросил он. Абду перевел вопрос женщине.

— Нет,— ответила она.— Если захочу, я сама заткну ему пасть.

— Я все еще не знаю, кто ты,— сказал Кэрмоди.

— Твоя память все еще затуманена твоими дьявольскими делами,— сказала она.— Но зато я не забыла. И сейчас это самое важно.

Кэриенец вышел, и Абду запер за ним дверь. Наступила тишина. Кэрмоди пригляделся к женщине. Внезапно откуда-то изнутри всплыли воспоминания. Это была женщина, у которой он в свое время выведал план крепости, где находились сокровища Старониф. Он бежал на планету Белакс, чтобы укрыться там. Располд и другие напали на его след на Спрингбодс, но он бежал. На Белаксе, планете, населенной англичанами и скандинавами, он играл роль удачливого бизнесмена и долго не обращал внимания на сокровища Старониф, ему не хотелось влезать в неприятности снова. Но когда он решил, что Располд потерял его след, он не смог сопротивляться искушению далее. Он затратил четыре месяца на подготовку операции. Собрал группу, в ней был и Лесфтин. Подкупил одного из охранников, что само по себе было нелепое дело, на всю Галактику они славились честностью. Но правитель этого маленького государства почуял что-то неладное. Он уволил всех охранников, нанял новых, сменил систему сигнализации и даже перестроил здание хранилища. Кэрмоди боялся, что подкупленный охранник заговорит, и он убил его. Пришлось зайти. Ему удалось узнать, что единственным служащим правителя, избегнувшим увольнения, была секретарша его личной канцелярии. Более того, утверждали, что она любовница правителя. Джон пришел в ее дом за сутки до налета. Миссис Джеральдина Фратт жила с сыном. Женщина выдержала все пытки, но не дала нужной информации. Тогда он переключился на сына.

Бедная женщина сама повела их в крепость. Когда дело было сделано, Кэрмоди толкнул мать и сына в подвал и бросил туда гранату. Этот взрыв произвел много шума, их преследовали. Располд опять взял след. Кэрмоди едва спасся, потеряв сообщников и сокровище. Именно после этого он оказался на Радость Данте.

— Я думал, что вы оба погибли,— сказал он.

— Мой сын закрыл меня своим телом, — ответила она. — Мое лицо изувечено осколками, я потеряла зрение. Мой сын умер. — Она сняла очки, и Кэрмоди увидел пустые глазницы.

— Но ты бы могла сделать себе новые глаза! — воскликнул он.

— Я поклялась, что не увижу света, пока ты не заплатишь за то, что сделал. Я истратила уйму денег и времени, чтобы отыскать тебя. Я очень боялась умереть, не отомстив тебе. Но, благодаря Богу, я нашла тебя!

— Вы все эти годы искали меня? — удивился Джон. — Но кого вы нанимали для этого?

— Этим занимался Рафаэль Абду. Он верный и преданный человек. Все свое состояние я потратила на поиски, и вот теперь, когда от него почти ничего не осталось, ты найден.

— Значит, как только у вас кончились деньги, и он понял, что их больше нет, он сразу же нашел меня? — саркастически спросил священник. — Хорошо, что он все-таки не зря получал деньги. Могло бы случиться, что он бросил бы вас, после двадцати девяти лет хорошо оплачиваемой и легкой работы. О, это действительно верный и преданный человек.

— Заткнуть ему пасть, миссис Фратт? — спросил Абду.

— Нет, пусть говорит. Слова не изменят моего намерения.

— Миссис Фратт, после того, как я покинул эту планету, найти меня было совсем просто. Полиция и Церковь знали о моем месте пребывания. Абду просто надувал вас.

— Ты очень скользкий тип, — ответила она. — Тебе удалось скрываться. Но теперь кончено.

Кэрмоди, несмотря на холод, царивший в комнате, покрылся липким потом.

— Миссис Фратт, — сказал он, стараясь не показать овладевшего им отчаяния, — я могу понять, почему вы хотите отомстить мне, хотя за эти годы я раскаялся и стал другим. Но я не могу понять, почему вы убили невинного человека, мою жену.

Она стиснула ручки кресла:

— Что? О чем ты говоришь?

— Вы знаете, черт подери, о чем я говорю! — хрипло сказал он. — Ты убила мою Анну! И теперь ты мало отличаешься от меня. Ты запачкана той грязью и кровью, что и я. Ты в том же грехе, что и я, и поэтому не надо говорить о справедливости и возмездии.

— О чем ты говоришь? — прошептала она, поворачивая свою слепую голову к Абду. — При чем здесь твоя жена? Я даже не знала, что ты женат! Ты сказал, что она убита? Убита?

Заговорил Абду:

— Я говорил вам, мэм, что с ним надо быть очень внимательным. Вот и сейчас он хочет своими рассказами привести вас в смущение. С его женой все о'кей. Она провожала его в порту. Я сам это видел.

Лицо женщины вспыхнуло яростью.

— Ты лжец, Кэрмоди! Что ты еще скажешь, чтобы спасти свою шкуру?

— Я сказал правду. Моя жена убита бомбой. И сразу после ее смерти мне позвонил человек в маске. Он сказал, что это ты ответственна за ее смерть.

— Ты лжешь!

— Тогда, может быть, ты мне объяснишь другое? Если ты хотела захватить меня живым, зачем твои люди пытались убить меня и моего друга здесь, вчера?

Она стала бледной, как стена.

— В своей ненависти ты убила не только мою жену, ты повинна в смерти водителя такси. Его убило еще одной бомбой, которая предназначалась мне.

— Он опять лжет, — прорычал Абду. — Он скажет что угодно, лишь бы отсрочить наказание. А у нас осталось десять часов до отлета последнего корабля, надо спешить.

— О, я сделала ошибку, когда отказалась восстановить зрение. Я хочу видеть его мучения.

— Ничего, мэм. Вы их услышите.

Кэрмоди молчал. Он смирился с неизбежным и решил умереть достойно.

— Помогите мне, Рафаэль, — сказала миссис Фратт. Она встала и направилась к Кэрмоди. Абду сорвал ткань со стола. Сталь сверкнула в лучах света. Длинные ножи, пила, крючки... Несколько дубинок, пара бритв, молоток, клещи...

Женщина слепо ощупала лицо Кэрмоди.

— Скальпель, Рафаэль.

Абду вложил сталь в ее протянутую руку. Она коснулась пальцами лба Кэрмоди, отдернула руку. Затем коснулась подбородка, Джон схватил зубами ее руку. Она вскрикнула, попыталась ее выдернуть, но не смогла. Кэрмоди поднял ноги и ударил ее в живот. Согнувшись вдвое, она полетела на Абду. Затем выпрямилась и упала на пол. Абду посмотрел на скальпель в своей руке. Он был в крови, кровь лилась из раны в спине миссис Фратт. Он выронил скальпель и склонился над ее телом.

— Это ты убил ее своим ударом, ублюдок, — прошипел Абду.

— Я не хотел этого, — ахнул Кэрмоди. — Но, черт побери, не мог же я сидеть и ждать, пока она прирежет меня, как барана.

— Этот трюк не пройдет у тебя второй раз,— сказал Абду и зашел сбоку.

— Зачем тебе это, Абду? Ты хорошо пожил за ее счет. Разве этого мало?

— Да, это так. Но я любил эту женщину. И, кроме того, мне всегда было интересно знать, из чего сделан ты.— Он обхватил сзади шею священника и нанес порез на его щеке.

— Тебе больно, скотина? — ласково спросил Абду.

— М-м-м,— промычал, закусив губы, Джон.

Абду приложил лезвие к яремной вене:

— Один нажим и все будет кончено. Как тебе это нравится?

— Боюсь, что этого мне сейчас хочется больше всего,— простонал Кэрмоди.— Господь простит меня!

— А теперь мы тебя поджарим,— сказал Абду. Он бросил скальпель на стол. Снял с левой ноги священника туфель и носок. Достал коробок спичек. В этот момент в дверь постучали. Мулат выхватил пистолет. Стук не повторился, но зато затрезвонил телефон. Абду нахмурился, но продолжал свое мерзкое дело. Он вогнал деревянную иглу под ноготь большого пальца Кэрмоди и поджег ее. Священника скрутило от боли. Телефон продолжал звонить. Абду взял ленту, заклеил ему рот и схватил трубку. Кэрмоди хотелось услышать разговор, но огонь стал припекать кончик пальца, и Джон не мог ничего слышать от боли, разрывавшей все его существо. Хотя возможности видеть он не потерял. Стальной засов двери начал дымиться за спиной Абду, который все еще говорил по телефону. На засове появилась тоненькая черточка, потек расплавленный металл. Дверь стала поворачиваться. Абду обернулся на скрип, выругался, выхватил револьвер и выстрелил. Что-то круглое вкатилось в комнату и взорвалось густым облаком желтого дыма, окутавшего Абду. Он стал едва виден в клубах газа, но Кэрмоди различил, как руки его схватились за горло. Абду покачнулся и упал лицом вперед. Через секунду в комнату ворвались люди в противогазах и в униформе кэриенских командос. Один из них бросился к Кэрмоди и попытался вытащить деревянную иглу из-под ногтя, но лишь обломал обгоревший кончик. Он поднялся, махнул рукой второму, который тут же всадил иглу шприца в предплечье Кэрмоди. Спасительное забвение опустилось на священника.

Он проснулся в постели. Боль в пальце и на лице исчезла. Тэнди смотрел на него. Он улыбнулся и похлопал по руке Кэрмоди.

— Все хорошо. Ты в полной безопасности, во всяком случае, пока. Мы вовремя поспели.

— С Абду покончено?

— Нет, он жив. В тюрьме.

— Он сказал что-нибудь о своих связях с Лефтином и Абогом?

— Он рассказал все. Абду руками Лефтина хотел убить тебя. Это люди Лефтина организовали покушение у дома миссис Кри. Но мы уверены, Лефтин действовал абсолютно независимо от Абога. Абог не заинтересован в твоей смерти. Ведь ты один можешь отговорить Иесса от обязательного и всеобщего очищения... Ты, дружище, влип в самую паутину заговора.

Кэрмоди попробовал пошевелить пальцами ноги:

— Не больно.

— Станет больно, когда кончится действие наркотика. Но ты же можешь терпеть боль.

Кэрмоди сел на постели. Он чувствовал слабость, головокружение и, как ни странно, голод.

— Мне хочется есть. Сколько времени?

— Через час встреча с Иессом. Ты сможешь идти?

— Я в полном порядке. Что ты предпримешь относительно премьеры и Абога?

— Решать будет Иесс. Ситуация очень сложная. Не хватает времени. Кроме того, мы еще не нашли Лефтина.

Кэрмоди встал с постели. Когда он поел, вымылся, он уже был прежним Кэрмоди.

— Идем, — сказал Тэнди. — Я такого никогда не видел. Вероятно, они обеспокоены будущим решением Иесса. Сидят по домам и ждут у экранов телевизоров указа.

Автомобиль объехал огромный замок и остановился у входа. Часовые приветствовали их, а офицер открыл двери. Тэнди и Кэрмоди вошли в кабину лифта. Тэнди нажал кнопку пуска.

— Я не пойду с тобой. Представлять тебя не нужно, хоть это и предполагается. Иесс знает тебя по фотографиям. Да и кто еще может войти к нему из землян, кроме тебя?

Кэрмоди начал нервничать. Кабина остановилась. Тэнди открыл двери, и они вышли в небольшой холл. Затем Тэнди вставил ключ в замок овальной двери и повернул его. Такой же ключ он подал Кэрмоди.

— Такой ключ есть у каждого Отца.

Кэрмоди колебался.

— Иди, — сказал Тэнди. — Иесс должен быть в соседней комнате. Я буду ждать внизу.

Кэрмоди кивнул и шагнул к двери. За ней была большая комната, освещенная одной лампой. Стены были обтянуты красным штофом, а пол закрывал толстый, мягкий зеленый ковер. Окон не было, но

воздух был свеж и прохладен. На противоположной стороне зияла открытая дверь.

— Войди,— услышал он мягкий глубокий баритон.

Кэрмоди вошел в комнату, которая оказалась еще больше. Здесь стены были задрапированы зеленым. На них висели картины. Мебель была проста: черный деревянный стол, несколько мягких удобных кресел, кровать. Здесь был телефон, телевизор, узкий книжный шкаф из черного дерева. На столе были разбросаны книги и журналы. Иесс стоял у стола. Он был высок, голова Кэрмоди едва доставала до его плеча. Мускулистое тело было обнажено. Черные волосы, совсем земные, падали на плечи. Лицо его было красивым, хотя и кэриенским. У Кэрмоди перехватило горло, когда он увидел в нем черты Мэри. Уши Иесса были волчьими, но зубы лишь слегка голубыми, а на руках не четыре, а пять пальцев. Что-то сжало грудь Кэрмоди и выдавило у него рыдание. Он бросился к Иессу, обнял его. Иесс тоже плакал. Затем он высвободился из объятий Кэрмоди и усадил его в кресло.

— Я долго ждал этого,— сказал он.— Но я знал, что это будет нелегко. Мы чужие друг другу. Боюсь, что этот барьер будет существовать всегда.

Впервые Кэрмоди не нашел, что сказать. Да и что он мог сказать?

— Как видишь, отец,— продолжал Иесс,— я действительно твой сын, наполовину землянин. И это главный аргумент в пользу того, что религия великой моей матери должна распространиться на другие миры.

Кэрмоди, придя в себя, улыбнулся:

— У тебя есть одна моя черта — прямота. Есть и другая — агрессивность. Хотя я не уверен, что это положительное качество.

Иесс улыбнулся и сел в кресло с другой стороны стола.

— У меня другой вопрос. Почему ты, мой отец, исповедуешь другую религию? Мне казалось, что ты должен быть ярым сторонником моей.

— Мне часто задают этот вопрос,— ответил Кэрмоди.— Но я знаю одно, что та вера, которую я выбрал, единственная для меня и другой не будет.

— Значит, ты считаешь мою мать фальшивым божеством?

— Совсем нет. Она — воплощение Создателя здесь, на Кэриене. Как обратная сторона одной медали. Так думаю я. Но моя церковь еще не дошла до этой мысли. И, я полагаю, не дойдет. Я пришел, чтобы отговорить тебя от одного действия. Я...

— Я знаю, зачем ты здесь. Твоя Церковь прислала тебя, чтобы ты добился того, чего хочет мой премоуэр. Но все мои политики — Алгулисты, а значит — враги.

— Следовательно, ты уже все решил.

— Еще в прошлом году. Алгулисты падут.

— Но что будет с детьми?

— Жизнь — борьба. Один ее выдерживает, другой — нет. Бунт дает, но никогда не берет обратно. Она считает: пусть происходит то, что происходит.

Кэрмоди сидел молча. Он понял, ему не переубедить Иесса.

— После окончания Ночи, когда мы все очистимся, — продолжал Иесс, — мы начнем интенсивное проникновение на другие планеты. Я намереваюсь сам посетить их.

— А это не опасно? Ведь тебя может убить какой-нибудь религиозный фанатик.

— Нет. Появится другой Иесс. Сейчас я пишу Книгу Света. Она будет скоро закончена. В ней изложены основные принципы нашей религии. Я изложу в ней будущее мира. И это будут не двусмысленные пророчества, подобные библейским, это будет четкое и ясное описание грядущего, которое понять сможет каждый. И когда книгу переведут на языки Галактики, распространят по всем мирам — это будет величайшая победа нашей религии. Никто не устоит перед ней.

Кэрмоди почувствовал, как волосы на его голове зашевелились от ужаса.

Иесс рывком поднялся и сказал: — Мы еще увидимся с тобой.

Кэрмоди тоже встал: — Я могу всем сказать о твоём решении?

— Пока не надо. — Иесс стремительно обошел стол, обнял Кэрмоди и поцеловал его.

— Не печалься, отец. Есть много такого, что ты не в состоянии понять, это надо принять, так, как ты принял чудеса Ночи.

— Я приму это с радостью. Но я не приемлю страдание и смерть, которые последуют за твоим решением.

— Они необходимы. Иди, и пусть Бунт будет с тобой.

— Бог с тобой, сын мой.

Тэнди ждал Джона внизу.

— Ну как? Что ты почувствовал?

— Потрясен. И встревожен.

— Ты закончил свою миссию. Почему бы тебе не отправиться домой?

— Не знаю почему, но я не могу. Что-то говорит мне, что мои дела еще не закончены здесь. Могу сказать тебе, что теория Иесса о

всеобщем спасении мне очень не нравится. Является ли она истиной, божественной правдой? Единственной правдой?

Кэрмоди вернулся домой и лег в постель. Он спал долго и встал, когда день начал клониться к середине. Он спустился в пустой ресторан и заказал завтрак. После завтрака Кэрмоди вышел на улицу. Там было множество людей, стоящих у общественных телеэкранов в ожидании речи Иесса. Многие уже сняли маски. Кэрмоди вернулся в номер и попытался почитать книгу по истории Кэриена, но мысли его были где-то далеко. Он захлопнул книгу и включил телевизор.

Диктор читал вступительную речь. Время шло, а он все говорил и говорил. Прошло еще полчаса, и Кэрмоди понял, что произошло что-то неладное. Он попытался дозвониться до Тэнди, но номер был занят. Прошли еще полчаса, диктор говорил по-прежнему.

И вдруг диктор объявил:

— Люди Кэриена, ваш Бог!

Появился Иесс. Он улыбнулся и сказал:

— Народ мой! Я...

Экран погас. Кэрмоди выругался и выскочил на улицу. Он схватил за воротник служащего отеля: — Станция! Где телестанция?

— Три квартала к востоку, Отец, — ответил потрясенный бой.

Кэрмоди протолкался через толпу. Все что-то кричали. Одни были в панике, другие — в ярости.

Подбежав к станции, Кэрмоди увидел клубы дыма, вырывающиеся из окон. Огромная толпа мешала полицейским и врачам войти в здание. Кто-то схватил Кэрмоди за плечо. Он повернулся и увидел Тэнди.

— Что случилось?

— Должно быть, Лесфин подложил бомбу. Затем пришел Иесс и... Ты видел, что экран погас. Меня задержали по дороге к станции. Мой шофер ранен.

— Ты думаешь, он погиб?

— Не знаю. Что это?

Раздались крики. Толпа расступилась. Иесс, закопченный, окровавленный, но живой медленно шел сквозь толпу. Он махнул Тэнди.

— Берите автомобиль и едем на студию компании Фуурал, — сказал Иесс.

Тэнди и Кэрмоди повели бога к машине. Народ плакал от радости, видя Иесса живым. Некоторые падали на колени, пытаясь коснуться его забрызганных кровью одежд.

Через минуту все трое сходили на студию. Иесс молчал. Затем, почти без выражения, приказал: — Выводи самых надежных людей, Тэнди. Нам понадобится охрана.

Тэнди схватил трубку и набрал номер. Автомобиль остановился, и они вышли. Кэрмоди чувствовал, что опасность еще не миновала, поэтому не поднялся в студию. И не напрасно. Как только дверь за Иессом закрылась, в комнату ворвался кэриенец с оружием в руках. Он тут же получил по голове бронзовой статуэткой. Кэрмоди наклонился, поднял поблескивающий сталью автомат. Он вышел в коридор и увидел трупы охранников и нападавших. Вытащив из дверной ниши дрожавшего служащего студии, он послал его за медицинской помощью. Затем вернулся в холл и снял с предохранителя оружие. Через десять минут вышли Иесс и Тэнди. Оба выглядели очень усталыми.

— Дело сделано, — сказал Иесс. — Теперь все пусть будет так, как пожелает богиня. — Они ехали в Замок, и люди на улицах расступались при виде вооруженного эскорта. Кэрмоди вглядываясь в лица и маски, вдруг крикнул:

— Стой! Это он! — Он выскочил из машины и бросился к человеку в маске, который был похож на Лефтина. Охрана не успела ничего сообразить. Человек обернулся и побежал. Кэрмоди, потрясая оружием, устремился за ним. На секунду он потерял Лефтина из виду, но затем заметил его в дверях магазина готового платья. В магазине было пусто. Кэрмоди бросился в служебное помещение. Здесь не было никого, он повернулся и хотел выйти в торговый зал. И тут послышались шаги, что-то обрушилось на его голову.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на мостовой у магазина. Возле уха выросла приличная шишка. Оружие исчезло. Вокруг него было тихо. Началась Ночь. Он был потрясен тем, что увидел на улицах. Везде, куда бы он не бросил взгляд, громоздились трупы. Мужчины, женщины, дети, застреленные, проткнутые холодным оружием, разрезанные лучем лазера. На боку валялся танк. Его буквально вывернуло взрывом. Солдаты были мертвы. Кровь ручьями текла по улицам.

Кэрмоди увидел автомат и поднял его. Пройдя несколько кварталов, он обнаружил перевернутый мотоцикл. Мотор еще работал, и колеса бешено вращались. Кэрмоди отключил двигатель, поднял мотоцикл, полой суганы стер кровь с сиденья, и через минуту мощная машина рванулась по улице. Но уже через пару кварталов Джон понял, что проехать не удастся: мотоцикл скользил и шел юзом. Вся мостовая была завалена трупами и залита кровью. Он бросил его и пошел пешком. Подойдя к Замку, он услышал выстрелы и увидел бегущих людей. Джон бросился в какую-то дверь, подскочил к разбитому окну. Впереди толпы бежал человек. Пуля ударила в окно.

Кэрмоди отшатнулся и выскочил на улицу. За ним раздались шаги. Кэрмоди упал на четвереньки, преследователь — на него.

— Тише, это я, Тэнди!

Кэрмоди вздохнул с облегчением. Они оба вскочили на ноги и укрылись за стеной. Тяжело дыша, обменялись информацией.

— Я искал тебя, когда началась смута. Замок окружен Алгулистами. Но они представляют собой неорганизованную массу. Очередная вспышка может вызвать у них междоусобицу.

— Как нам попасть в Замок? — спросил Кэрмоди.

— Я знаю путь. Но необходимо, чтобы никто не смог выследить нас. Если это произойдет, падение Замка — дело пятнадцати минут.

Тэнди привел Джона на городской рынок, находившийся в квартале от Замка. Пройдя через горы трупов и завалы из дымящейся мебели, они оказались в маленькой конторе. Тэнди остановился, ощупал каменную стену и нажал одну из плит. Каменный блок медленно пополз вперед. Тэнди встал на четвереньки и протиснулся в темный проход. Землянин без колебаний последовал за ним. Они оказались в темном узком коридоре, единственном источнике света в котором было то отверстие, через которое они проникли. Тэнди встал на ноги, что-то нажал и плита встала на место. Тут же свет залил коридор.

— Туннель очень низкий и узкий. Он идет резко вниз, — сказал Тэнди. — Иди за мной, только не очень близко. Здесь есть ловушки, мне не хочется, чтобы мы попали туда оба.

Кэрмоди шел за Тэнди, внимательно оглядываясь вокруг. В пыли он заметил отпечатки чьих-то следов и указал на них Тэнди.

— Я сам никогда здесь не был. Но я хорошо изучил карту подземных ходов. Немногие ее знают. Но даже...

Он резко остановился и поднял руку. Кэрмоди осмотрел стены и пол, но ничего подозрительного не заметил.

— Что случилось?

Тэнди показал на потолок: — Видишь это пятно? Это знак. Теперь смотри на меня и делай как я.

Он начертил на полу линию, затем отошел немного назад. Разбежался и прыгнул метра на два от черты. Обернулся к Кэрмоди.

— Теперь ты.

Кэрмоди повторил его маневр. Присоединившись к Тэнди, он спросил: — А что было бы, если бы мы пошли по полу.

— Там нет пола. Там люк, внизу — густая клейкая масса, из которой невозможно выбраться, одновременно в Замке включается сигнал тревоги. Преступника находят и извлекают из ловушки, если он к тому времени еще жив.

Они прошли еще метров пятьдесят и уткнулись в небольшую железную дверь. Тэнди достал ключ и отпер ее. Они вошли в небольшую комнату, отперли следующую дверь и попали в коридор, ведущий к лифту. Тэнди вошел в лифт, поманив за собой Джона. Кабина тронулась и остановилась на следующем этаже. Они вступили в широкий коридор и прошли по нему с полмили. По стенам было множество дверей, но все они были заперты. Вскоре, поплутав по боковым коридорам, они оказались в той самой комнате, где много лет назад Кэрмоди убил старого Иесса. Новый Иесс был здесь. Вокруг него собрались Жрецы, Жрицы и Отцы, которые радостно приветствовали пришедших.

— Как обстоят дела? — спросил Тэнди.

— Премьер и Алгулисты осадили Замок. У них есть артиллерия и лазеры, но они пока не осмеливаются стрелять по зданию. Они объявили войну мне, но боятся причинить вред дому Великой Матери. Они никого не впускают и не выпускают. Я думаю, они начнут атаку ночью. — Иесс положил руку на плечо Тэнди и продолжил: — Идемте в мои покои, Отцы. Я хочу показать вам кое-что.

— Смотрите, — крикнул Жрец и указал наверх.

На галерее стоял Лефтин. Он облокотился на перила и целился из базуки в Иесса. Кэрмоди поднял ствол автомата и дал очередь. И только потом он смог восстановить в памяти все то, что произошло. Столб огня и дыма поглотил Лефтина. Взрывная волна сбила Кэрмоди и всех остальных с ног. Только Иесс удержался. Оглушенный Кэрмоди вскочил на ноги и увидел на галерее большое красное пятно, похожее на спрута, раздавленного на камне. Он поднялся на галерею. На полу валялась искореженная базака. Кровь, сломанные кости, куски кровавой плоти — вот все, что осталось от Лефтина. Тэнди, который поднялся за Джоном, сказал: — Я думаю, одна из твоих пуль попала в ствол, и снаряд разорвался, не вылетев.

— Да, мне повезло.

— Ты думаешь? Я не уверен в этом.

— Ты имеешь в виду... Иесс или Бунт нацелили мое оружие?

— Кто знает? Может быть, Иесс, но он об этом не скажет.

— Это был просто случай.

— Как хочешь. Я не могу тебе ничего доказать. Лефтин, или те, кто его нанял, нашли один из подземных ходов. Этого можно было ожидать. Интересно, что они еще знают?

Тэнди решил проверить остальные туннели и, взяв охрану, исчез в лабиринте коридоров.

Иесс достал из ящика стола магнитофонную кассету и протянул ее подошедшему Кэрмоди.

— Я продиктовал это час назад. Последняя глава Книги Света.

Я сам не помню, о чем там говорится, через меня диктовала мать-богиня, и я выполнил ее волю. Возьми ее и сохрани. Когда ночь кончится, то увидишь, что там предсказаны грядущие события во всех деталях. Я не помню какие, но знаю, что это так.

Кэрмоди сунул кассету в карман:

— Зачем ты даешь ее мне? Ты думаешь, что не переживешь эту Ночь?

— Я не знаю ничего, кроме того, что ты должен взять эту кассету. Ты обещаешь опубликовать ее содержание?

— Почему я, священник враждебной тебе религии, должен это сделать?

— Потому что я доверяю только тебе. И это все.

— Без предварительной консультации с Ватиканом я не могу тебе ничего обещать. Я не знаю, каково будет решение. Пойми, на карту поставлено многое, если не все.

— Хорошо. Но общай, что сначала ты послушаешь пленку сам. Затем действуй, как сочтешь нужным.

— Я согласен. А теперь я хочу побыть один. Где это я могу сделать? Мне есть о чем подумать.

— На крыше Замка, тебя туда проводят.

Иесс указал путь, затем обнял Кэрмоди и прошептал:

— Ты мой отец. — Он резко обернулся и пошел прочь, за ним, шурша одеждами, поспешила свита. Кэрмоди с восхищением смотрел ему вслед.

Когда Джон поднялся на крышу, он застыл в изумлении. Он думал, что она будет плоской пустой площадкой. Однако все пространство крыши занимали статуи. Здесь были невообразимые чудовища и люди, были и изваяния прежних Иессов, среди них Кэрмоди сразу заметил последнего, с раной на лбу и отстреленным ухом, он держал наполовину съеденную свечу. Кэрмоди подошел к краю крыши. Город замер, как бы скорчившись от непереносимой боли. Кос где стояли клубы дыма и пурпурный туман. Но вот снизу донеслись крики, выстрелы. Алгулисты, осаждавшие Замок, пришли в возбуждение. Это началась вспышка на Звезде, и Джон ощутил ее. Он покинул крышу и спустился вниз. В большом зале собрались последние обитатели Замка. Иесс, стоя у большого стола, простер руку и начал петь. Высоким, красивым голосом он выводил песню на древнем языке Кэриена. Все взялись за руки. Тэнди держал правую руку Кэрмоди, Жрица — левую. Они стояли плечом к плечу, образуя полумесяц, в центре которого стоял Иесс. Иесс пел, и Кэрмоди чувствовал, как сквозь его тело как бы пробегает слабый электрический ток. Голос

Иесса становился громче и громче, сила тока — больше и больше. Кэрмоди стал вздрагивать. Воздух под потолком комнаты стал сгущаться. В комнате стало вдруг пронзительно холодно. Пот стекал по спине Джона. Ледяной холод, статический заряд, ощущение страха — все смешивалось в нем. Сердце его опускалось вниз, ноги дрожали. Душа его трепетала.

— Держись, — прошептал Тэнди. — Мне не лучше, но мы должны устоять. Если не устоим, мы погибли! Бунт не прощает слабости.

Двери распахнулись, и в комнату ворвалась толпа. Большинство из них были в обычном виде, но некоторые уже подверглись метаморфозам. Их предводитель, человек, которого Кэрмоди не мог узнать, держал в руках меч, окрашенный кровью. Над верхней губой у него виднелись два клыка, кожа затвердела и поблескивала, нос вытянулся и стал похож на клюв. Он вскинул меч и открыл рот, чтобы подать команду. И... замер. Меч выпал из рук и зазвенел на каменном полу. Замерли и остальные мятежники. Иесс продолжал петь. Подумевая, двинулся вперед, окаменевших Алгулистов окружили и безжалостно убили. Один Кэрмоди не принимал участие в резне, хотя ему и хотелось убивать.

Иесс прекратил пение и осмотрелся. Неприятные ощущения медленно покинули Кэрмоди.

— Здесь нет премьер-министра и Абога, — сказал Иесс. — Они, должно быть, у дворца и ждут, когда соберутся семь Отцов Алгули. Но пока Мать-богиня на моей стороне. Ну что ж, пусть попробуют еще раз.

Кэрмоди вышел из комнаты и поднялся на крышу. Здесь он стал молиться. Внезапно внизу опять послышались крики и выстрелы. Кэрмоди повернулся и бросился к лифту. Внизу стреляли, он бросился на звуки боя. В конце коридора он нашел Тэнди и нескольких жрецов, поливавших огнем проход. Враг вел ответный огонь, но вслепую.

— Где Иесс?

— В своих покоях. — Тэнди взглянул на часы: — Ночь скоро кончится.

Внизу раздался взрыв. Защитники были отброшены взрывной волной и ослеплены. Сквозь дым нападавшие бросились вперед. Борьба была короткой и жестокой. Все Алгулисты были убиты. Из защитников в живых остались только Тэнди, Кэрмоди и три Жреца. Они бросились по лестнице на следующий этаж и заняли новые позиции. Снизу полетели гранаты, Кэрмоди пинками сбрасывал их обратно. За спинами защитников появились Иесс и Верховные Жрецы. Они вместе поднялись на крышу и укрепились там, завалив выходы на лестницу. Иесс работал вместе со всеми, то и дело поглядывая

на клубы пурпурного тумана. Они уже стали светлеть, и сквозь них стал виден белый диск звезды.

— Скоро появится богиня, — сказал Тэнди.

— И тогда мы спустимся вниз и посмотрим, что осталось от нашего мира.

Иесс остановился. Глаза его были направлены в небо.

— Мать здесь, — прошептал он. — Я не звал ее, но она пришла!

Остальные замерли в молчании. И вдруг раздался плач ребенка. Родился бог Алгули! Иесс не умер, а Бог Зла был рожден!

— Все конечно, — сказал Иесс. — Все перевернулось, прежний порядок нарушен.

— Еще не все, — ответил Кэрмоди, вытащил из кармана передатчик, нажал кнопку и стал говорить.

Над Замком появилась огромная сфера, корабль опустился и завис над крышей. Открылись люки. Вскоре осажденные были в кабине звездолета. Через час корабль опустился на далекое западное побережье континента.

Джон Кэрмоди попрощался с Иессом.

— Я продолжу борьбу — и мы победим. Злу никогда не одержать победы над Добром, — сказал он на прощанье Отцу.

— Я бы остался с тобой, но я должен быть в Риме и доложить.

Иесс улыбнулся: — И что же ты доложишь?

— Правду. Власть Сна и Ночи кончилась. Что создадите вы — Бодрствующие на этих развалинах — я не знаю. Но я знаю одно — Добро вечно...

Где-то в глубоком Космосе затерялась пылинка Звездолета. Маленький священник, преклонив колена, молился: — Господи, спаси моего сына... Укажи ему верный путь... Ему так трудно, ведь он всего лишь человек перед ликом твоим.

НОРТОН

«Всадник с Вордена»

ГЛАВА 1

Диппля не существовало ни на одной карте Корвара. Да и на схемах Тилла, издаваемых для богатых туристов, были отмечены только две части города, жившие совершенно по-разному. Северо-Запад олицетворял богатство и роскошь. Это был яркий дурманящий цветок, к которому слеталась элита из сотен обитасмых миров, чтобы наслаждаться жизнью, удовлетворять свои капризы и пороки.

Восточная часть города была питательной средой для этого экзотического цветка. Тысячи людей трудились здесь, чтобы обеспечить функционирование космопорта, складов, магазинов, мастерских — всего, что необходимо для процветания столицы северного континента Корвара.

Многие, кого привлекала планета удовольствий — высокопоставленные особы, богачи, о состоянии которых судачила вся Галактика, — не хотели бы знать, не хотели бы даже слышать о третьей части Тилла. На его изнеженном теле это был незаживающий шрам, нанесенный войной.

Вся южная оконечность блистательного города была нагромождением унылых обшарпанных бараков, за стенами которых жили люди с унылыми серыми лицами. Таков был Дипплъ, город в городе, город, которого нет на карте, город искалеченных судеб и беспросветной нищеты, особенно постыдной в соседстве с благоухающим цветком, каждый лепесток которого стоил миллионы.

Дипплъ был протуберанцем социальных взрывов, потрясающих Галактику. Вселенская война, охватившая два космических сектора, каждый протяженностью в сотни парсеков, закончилась превращением многих цветущих миров в груды пепла и разделением сферы влияния между противоборствующими державами. Уцелевшие в катаклизмах планеты отошли к одной из двух послевоенных империй, Конфедерации или Союзу. Тех, кто перекраивал космические карты,

нимало не заботил малозначительный казус: многие колонисты дальних миров оказались теперь бездомными.

Впрочем, насильственная миграция началась еще до войны. Тогда для размещения солнечных батарей на окраинных планетах колонистов-пионеров сгоняли с их земель и переселяли во временные резервации. Так на Корваре появился Дипплъ. Пропаганда широко-масштабного Проекта по использованию даровой энергии светил и патриотический ажиотаж первых месяцев войны создали вокруг переселенцев некий восторженный орсор. Но чем больше планет превращалось в шлак в атомном пламени, чем больше миров меняло хозяев, становясь товаром в имперских сделках, тем больше людей оказывались выброшенными из привычной жизни, тем теснее кварталы барачков смыкались вокруг цивилизованных городов.

Отношение местного населения к «непрощенным приживалам» изменилось. И на Корваре Дипплъ стал считаться не иначе, как позорным пятном, с которым необходимо покончить. Однако это оказалось не просто, как не просто в этом мире покончить с бедностью и безработицей.

У человека, попавшего в Дипплъ, жизненный выбор был невелик.

Он мог каждое утро вставать в длинную очередь у Центрального Распределителя, где конкурентами на получение работы были сотни таких же неприкаянных иммигрантов, не имеющих ни гражданства, ни средств к существованию.

Он мог какими-то путями раздобыть внушительную сумму для вступительного взноса в незаконную и опасную, но богатую и влиятельную Унию Воров.

И еще он мог подписать контракт и стать колонистом на какой-нибудь дикой планете. Таких в замороженном состоянии грузили на космические корабли, и никто их больше не видел. Да и сами они плохо представляли себе, какой будет их новая жизнь.

В сырой предрассветной мгле возле стены Центрального Распределителя едва угадывались сумрачные тени. Это люди из Дипплъ уже заняли свою очередь. Одни, приходящие сюда утро за утром, давно отчаялись и молча сидели у стены на корточках с поникшими плечами и осунувшимися лицами. Другие, более нетерпеливые, слонялись у заветной двери, которая вела в мир сытой жизни и твердого заработка.

Трой Кронг смотрел в небо, провожая взглядом исчезающие звезды. Над Тиллом занималась заря. И снова, в который раз, вспомнился Ворден, его родной мир. Небо там было серебряной чашей, опрокинутой над бескрайней равниной. Ее сплошь покрывали высокие травы: бледно-зеленые, розовато-сиреневые, лиловые, серебристые. И все

это переливалось, меняло цвет, волнуясь под ударами ветра. Никогда не забыть тепло ласкового солнца, затянутого легкой радужной дымкой. И горделивую игру мышц на крупе животного, на котором он, Трой, несясь все вперед и вперед по сочной траве. Он будто снова был в числе других юных Всадников, которые широким полукругом обходили сейчас стадо тупанов, отрезая пасущихся животных от реки и зыбучих песков.

Это было его последнее утро на пастбище. В полдень он увидел, как на травяной равнине появились безобразные обугленные круги, выжженные дюзами кораблей Совета. А спустя несколько дней весь его народ был погружен в пузатые транспортники и переправлен на Корвар.

Их было трое Кронгов. Отец — большое тело, добрая улыбка, сильные руки, которые умели все. У него был дар находить полное и совершенно необъяснимое взаимопонимание с любым животным. Прощание: отец в тесноватом ему военном мундире возле разверстой пасти транспортного корабля... Старший Кронг так и не вернулся.

Мама... Ее унес Большой Кашель. В тот год от него погибли многие в Диппле.

Из маленькой семьи Кронгов остался лишь Трой, долгоязычный парнишка, который кое-что умел и об очень многом мечтал. Но ни его умения, ни желания не были нужны Корвару. Он был по натуре слишком честен и слишком ненавидел приказы и дисциплину, чтобы податься в колонисты или вступить в Унию. Из-за сего упрямого независимого нрава юноша почти не приобрел здесь новых знакомых. А старых, с Вордена, оставалось все меньше: мужчин послали воевать, а их семьи, судя по всему, оказались особенно легкими жертвами Большого Кашля...

Заветная дверь, наконец, отворилась. Сидевшие возле стены встали и сгрудились возле входа. Трой машинально провел руками по своему тощему и длинному туловищу, хотя особенно прихорашивать наряд ему вряд ли стоило. Выданные давным-давно «иммигрантские» брюки были выношены так, что из некогда синих стали серыми. Узкие ступни свободно болтались в слишком широких башмаках со звонкими магнитными бляшками в подметках. На плечи было наброшено что-то вроде сюртука без рукавов. И лишь одно в его одежде было оттуда, из прежней жизни: широкий пояс Всадника, хорошо смазанный, сверкающий тщательно отполированными серебряными звеньями. Они располагались особым узором. Это было единственным наследством Троя. Там, на далеком Вордене, остались тупаны, у которых на белых шкурах красовались клейма с таким же узором. Ланг Кронг был Хозяином Пастбища и Владельцем Стада. А его

упрямый независимый сын из всех ремесел признавал только одно — вольную жизнь Всадника.

Подошла очередь Троя к автомату-классификатору. Он приблизился к машине судьбы, молодой, сильный, еще не сломленный Дипплом. В его душе теплилась надежда: двое, что были перед ним, уже отправились ставить штамп о приеме на работу. Этот знак на запястье давал человеку из Диппла свободу передвижения в городе.

Диппльмен заученно проговорил в равнодушную черную щель микрофона положенную формулу:

— Кронг, класс второй, Ворден, любая разрешенная работа...

Он весь напрягся в ожидании ответа, даже пригнулся, расставив ноги, словно перед ним был не механизм, а живой коварный враг. Каждое утро Трой говорил в этот микрофон одинаковые слова и получал незамедлительно: «не требуется». На этот раз пауза затянулась. Быть может, ему наконец повезло, и в классификаторе есть подходящий запрос?

Он сосчитал до пяти. Молчание. До десяти... В микрофоне зашипело. Неужели?

— Знание животных?

— Не хуже, чем у любого ворденца... — Это граничило с похвалой, но Трой шел напропалую.

Молчание. Казалось, машина размышляет. Те, что стояли в очереди позади юноши, сдерживали нетерпение, ожидая приговора «задумавшегося» компьютера.

— Работа, — извлек автомат. Трой перевел дух. — На неопределенный срок. Нанят к Коссу Кайгеру, уровень один, квадрат шесть. Явка немедленно.

Веселое цоканье башмаков сопровождало путь Троя к автомату-штамповщику. Юноша вложил руку в отверстие, се обдало жаром. Трой поглядел на запястье — там отпечатался рабочий знак.

— Уровень один, квадрат шесть, — громко произнес Трой. Он не боялся забыть, но ему очень хотелось вслух назвать адрес своей работы.

...Шестой квадрат располагался в том квартале делового Тилла, где торговали самыми роскошными и дорогими товарами. Странно, что сюда направили человека из Диппла. Обычно служащие этих престижных магазинов были коренными корварцами, наделенными всеми гражданскими правами. И как все это связано со знанием животных? Кронг вскочил на один из движущихся тротуаров, выставив напоказ временную татуировку на руке — для патрулей.

В этот ранний час улицы были еще малолюдны, над головой лишь изредка слышался стрекот флиттеров. Магазины пока не работали, их богатые витрины закрывали сейчас глухие ставни. Все здесь оживет попозже, ближе к полудню. Квартал заполнится туристами и состоятельными владельцами вилл. Для них обход магазинов считался одним из дорогих, но ярких развлечений — ведь в Тилл широкой рской стскались предметы роскоши со всей Галактики. А после войны этот поток сделался еще полноводнее, вобрав в себя экзотику прежде независимых миров.

Трой прершел на другую движущуюся ленту. Чем ближе продвигался он к сердцу района богачей, тем больше вызывал недоуменных взглядов. Здесь и одежды носили из совсем других тканей, чем брюки иммигранта. Его вихрастая голова контрастировала с замысловатыми прическами прохожих, а пояс Всадника и отсутствие оружия на нем вызывали презрительную мину у встречных мужчин, носивших драгоценные браслеты, шейные цепи и украшенные самоцветами пояса с непременным ножом — атрибутом полноправных граждан.

Вот и шестой квадрат. Архитекторы и планировщики превратили этот аристократический торговый район в море зелени, обрамляющее каждое строение. В этих искусственных джунглях немудрено и заплутать. Трой соскочил с ленты тротуара, увидев столб с информатором.

— Кайгер, — произнес он в микрофон.

— Кайгер, — слышался отзыв, и тут же захлебывающийся от восторга голос затараторил: — Джентль Хомо и Джентль Фем! Магазин Кайгера — это собрание живых сокровищ всей Галактики. Вы увидите единственных в своем роде рыб с Лумии, хамелеона-доффла, меняющего свой драгоценный наряд у вас на глазах, бесценных обитателей лесов Факкса. Спешите к Кайгеру, к его экзотическим животным!

В ту же минуту возле указателя вспыхнула огненная точка. Она отделилась от столба и повисла в воздухе перед Троем. Но он не торопился следовать за этим маячком... Магазин животных. Вот с чем связан запрос классификатора. Но не слишком ли самонадеян был его, Троя, ответ? Ведь он расстался с Ворденом десять лет назад, да и там ему было далеко до таких знатоков животных, как, например, Кронг-старший. И все же... Люди почему-то уверены, что компьютер Распределителя никогда не ошибается.

Дрожащая искорка плыла перед Троем, увлекая его вглубь парка, декорированного красными, зелеными, желтыми, синими, серебристыми кустами и деревьями, собранными сюда с десятка планет. И среди этой переливчатой живой листвы юноше вдруг страстно

захотелось, чтобы Кайгер нанял его к себе, хотя бы на сегодняшний день.

Огненная точка остановилась и заплясала возле увитой плющом двери. Трой подошел — искорка погасла. У него перехватило дух при взгляде на витрину магазина Кайгера. Она была разделена на четыре сектора, в каждом — уголок своего неповторимого ландшафта с экзотических планет. Среди привычной им растительности сновали маленькие обитатели. И хотя это было лишь трехмерной съемкой, она потрясала воображение, завораживая прохожих.

С трудом оторвавшись от витрины, Трой подошел к двери, в которую были вкраплены искусно вырезанные из цветных материалов фигурки причудливых насекомых. Звонить? Вроде некуда. Стучать? Или искать служебный вход? Пока юноша раздумывал, среди стайки искусственной мошкеры появился прозрачный овал. Оттуда на Троя глядело очень смуглое черноглазое лицо, на котором было написано безразличие с оттенком презрения.

Кронг показал татуировку на руке. Глаза довольно долго всматривались в запястье юноши, потом лицо исчезло. Дверь взлетела вверх, и вместе с ней вспорхнули насаскомые, показавшиеся в этот миг живыми. Перешагнув порог, Трой окунулся в смесь самых разнообразных запахов, вызвавших воспоминание о загоне с молодыми тупанами. Он едва скользнул взглядом по холлу, стены которого были украшены трехмерными картинками жизни экзотических миров. Рассматривать их было некогда: смуглое лицо человека, открывшего дверь, выражало нетерпение. Даже Троя, привыкшему на Корваре к самым неожиданным обликам гостей из дальних миров, вид его проводника показался необычным. Тот был мал ростом — по грудь юноше, но пропорциональное телосложение не напоминало фигуру карлика. Пучки черных с завитками волос покрывали не только голову, но и верхнюю губу и подбородок. Обычный костюм гражданина дополняли кожаные перчатки и более внушительный, чем принято в Тилле, поясной нож.

— Идем... — произнес человек и поманил Троя пальцем. Пройдя этот холл и другой, поменьше, оба вышли в коридор с несколькими дверьми. Они были закрыты, но доносившиеся оттуда миазмы и звуки подтверждали, что здесь содержат множество животных.

Маленький проводник подошел к самой последней двери, вложил палец в отверстие замка и, когда панель скользнула в стену, посторонился, пропуская Троя. Человек, находившийся в комнате, выглядел несколько странно для преуспевающего торговца. Люди этого сословия старались перещеголять друг друга в замысловатости причесок и фасонов одежды, обилии драгоценностей. Все это должно привлекать всеобщее внимание, кричать о богатстве и конкуренто-

способности торгового дома. Этот же человек вовсе не блистал сияющими нарядами. Костюм, облегающий сильное тело, был пошит из дорогой, но темной ткани. Никаких драгоценностей, только на правой руке браслет ветерана-космонавта с посверкивающим узором нескольких далеких созвездий. Гладко выбритый череп словно был готов сию минуту утонуть в шлеме косморазведчика. Сильный загар, покрывающий голову и лицо, подчеркивал рваный шрам возле правого уха. Он еще больше удивил Троя: от подобного дефекта легко избавляет несложная пластическая операция.

Несмотря на все эти несоответствия, перед юношей, скорее всего, был сам Кайгер. Он пристально рассматривал Троя, наконец, заговорил с легким акцентом:

— Классификатор сообщил, что вы с Вордена. Глядя на вас, я бы скорее подумал о Мидгре...

Что ж, бывший космонавт неплохо разбирался в расах, населяющих разные миры.

Трой пожал плечами:

— Я родился на Вордене.

Но Кайгер, словно не слыша, продолжал:

— Мидгр. А может, Земля?..

Юноша упрямо вскинул голову.

— Ворден.

Ему рассказывали, что отец Ланга Кронга — уроженец Мидгра. А самые истоки... Кому дано проследить их в поколениях странствующих пионеров дальних миров?

— Значит, Ворден... И вы уверены, что понимаете в животных? — Серые глаза космическим холодом обдали фигуру дишльмена, задержались на поясе с любовно начищенным серебряным узором. — Хозяин Пастбища?

Трой промолчал. Зачем этот человек дразнит его? Все знают, что на Вордене нет теперь Хозяев, а Пастбища стали территорией Конфедерации. Ни один иммигрант не может вернуться на родину.

— Ну, ладно. — Кайгер хлопнул себя по коленям. — Если классификатор прислал вас, значит, нет ничего лучшего. — Он поднялся, кивнул на смуглого человечка. — Это Зум, будете в его распоряжении. Скоро придет груз с Чагерра, вы вместе поедете за ним. Все ясно? — Голос торговца, сухой и жесткий, резанул почище бритвы.

Трой молча кивнул. Он считал, что ему все ясно...

Зум так и не произнес ни слова. Он жестом поманил за собой юношу и вывел его через заднюю дверь во двор. Там в несколько ярусов стояли контейнеры и клетки, но поглядеть на их обитателей Трой не успел — Зум уже был у флиттера. Как только оба сели в

кабину, маленький человечек включил управление. Сделав в воздухе круг, машина взяла путь на Космопорт.

Близилась середина дня, и воздушное движение заметно оживилось. В разных направлениях сновали рои частных флиттеров, а также грузовые фургоны, крошечные одноместные флайеры. Зум искусно лавировал в этом скопище крылатых машин, и скоро они приземлились возле посадочных площадок порта.

Смуглый кивком приказал Трою следовать за собой. Миновав ряд дверей и коридоров, они оказались в таможенном зале. Зума здесь, видимо, знали — через два контрольных пункта их пропустили без вопросов. У третьего барьера Зум выложил перед охранником опознавательный диск и гортанно произнес:

— Кайгер.

— Правый сектор, третий блок...

Они пошли по длинному пакгаузу; по сторонам тянулись отсеки с каками-то тюками, ящиками, контейнерами. Суeta множества грузчиков говорила о ценности находящегося здесь багажа, который рискованно доверять бездушным роботам.

Зум подошел к одному из отсеков и вставил диск в прорезь замка. Решетка, скрипнув, отворилась. Перед ним стояли на полу два больших плетеных короба и укутанная со всех сторон клетка, тоже внушительных габаритов. Взглянув на эти громоздкие грузы, Зум бросил:

— Сходите за тележкой.

Трой быстро отыскал стоянку моторных тележек. Здесь былолюдно. Трою показалось, что среди многих озабоченных лиц служащих он увидел одно знакомое. Юноша выкатил из круга свободную тележку и, включив ее на активный режим, повел по коридору. На ходу он раздумывал: каким образом здесь, в самом центре галактической сокровищницы, оказался человек, недавно вступивший в Унию Воров? Похоже, он здесь работает. Но для этого необходимо пройти барьеры изощренных проверок, в том числе зондирование мозга. Любого, кто имеет дурные помыслы, немедленно обнаружат. Все это так, но человек, тащивший по двору какую-то корзину, точно был из Дипля. Звали его Жулни Вармс, и меньше месяца назад он вступил в Унию...

Зум поджидал у входа в бокс. Трой остановил платформу, и они вдвоем начали погрузку. Обе корзины оказались довольно тяжелыми; когда они заняли свое место на тележке, юноша остановился передохнуть, глядя на оставшуюся в одиночестве клетку с перепуганными обитателями.

Впрочем, нет, не перепуганными. Оба существа проявляют любопытство, оживление, но страха нет... Трой остолбенело глядел на плотно укутанную клетку. Как он это узнал, не видя ее содержимого?

Он снова ощутил исходящую из-под упаковки волну острого интереса. И прикосновение. Нет, не физическое... Что-то очень легкое пробежало по его телу, ощупало лицо — и затаилось...

Подошел Зум, они взяли клетку и понесли ее к платформе. Трой напрягся... Нет, никаких ощущений. Ничего. Так что же это было? И было ли?

ГЛАВА 2

Они бережно водрузили клетку на заднее сиденье флиттера, рядом с корзинами. Изнутри не доносилось ни звука, но еще дважды Трой почувствовал то же легкое касание. Отвозя тележку к стоянке, он гадал: ощущает ли Зум этот незримый контакт? Если да, то, вероятно, считает это делом обычным? И что же это за существа там, внутри?

В Диппле, где оказались выходцы из самых разных миров, Трой не раз слышал рассказы о всяких диких животных. Но никто не говорил о существах, входящих в контакт с человеческим разумом. С разумом!

Трой споткнулся и встал как вкопанный. Вот что это за прикосновение! Он нашел ему название — мысленный контакт!

Юноша стоял, задумавшись. Пальцы машинально поглаживали серебряные звенья на поясе. Ему нужно быть осторожнее. Диппл научил: гляди, слушай, но не спеши делиться своими выводами — иначе недалеко до беды.

Почувствовав что-то, он резко обернулся. Неподалеку стоял, опершись на ящики, Вармс и с подчеркнутым безразличием смотрел в сторону. Но только что — Трой был уверен — Вармс глядел на него! Новоявленный член Унии боялся, что Трой сообщит о нем патрулям? Но пока Вармс не делает ничего, что повредило бы Кайгеру, которому Трой сегодня служит, он ничего никому не скажет.

Юноша никак не показал, что узнал Вармса, и двинулся обратно. Неподалеку он увидел носильщика, что-то горячо доказывавшего таможеннику. Тот, придерживая одной рукой громадное зеркало, другой ощупывал небольшую трещинку на сияющей поверхности. Грузчик отрицательно мотал головой, не желая признавать своей вины. Они вертели зеркало так и этак, и вдруг Трой увидел отражение пристально глядевшего на него лица. Вармс! Если Троя не касается,

как оказался новообращенный вор в штате таможи, то его не может не волновать, почему Вармс неумело, но настойчиво следит за ним. Интересуется их грузом? Зачем? Странно...

Щедрое солнце роняло ослепительные блики на корпуса и крылья флиттеров, воздушных фургонов, изящных флайеров. Стоянка тщательно охранялась: кроме торчащих по периметру патрульных вышек территорию обшаривали невидимые щупальца сканнеров. Трой решил, что страхи его напрасны: здесь ограбление попросту невозможно, а в воздухе им никто не сможет угрожать. Вот если бы они возвращались наземным способом, тогда да, риск налицо.

Однако, чем это занят Зум? Он убирает крылья, вот уже под брюхом флиттера показались колеса... Машет Трой: мол, давай, садись в машину.

— Почему на колесах? — спросил Трой, устранивая в кабине свои длинные ноги. — Не быстрее ли будет и назад лететь по воздуху?

Толстые губы на смуглом лице скривились, что, видимо, означало улыбку.

— Зачем нам быстрее, если мы отвечаем за груз, требующий осторожного обращения?

Юноше это объяснение не показалось удачным. Животным, успешно перенесшим космический рейс, вряд ли повредит небольшой перелет до магазина. Как ни крути, есть основания заподозрить прямую связь между решением Зума и поведением Вармса. Быть может, присутствие Троя — тоже часть их плана, чтобы все, что произойдет, свалить на нового работника?

Да нет, вряд ли. Во-первых, за рулем не он, а Зум. Во-вторых, он нанят только сегодня через неподкупный компьютер, а прежде слыхом не слыхал ни о Кайгере, ни об этом грузе. И потом: Зум — доверенный работник Кайгера, с чего бы ему замышлять худое против хозяина? С другой стороны — чем объяснить их наземное путешествие?

Трой достаточно хорошо знал географию Тилла, чтобы заметить, что Зум делает крюк, хотя к шестому квадрату есть прямой путь. Но взглянув на непроницаемое смуглое лицо, юноша воздержался от вопросов: правдивого объяснения все равно не последует. Тогда он расслабился на сидении, поудобнее устроил ноги и стал ждать, что будет дальше.

Сзади, где на сидении покоилась клетка, не доносилось ни звука. Зато Трой вновь ощутил волну активности. На сей раз она была адресована не ему, а вызвана интересом к окружающему. Но разве могут эти существа воспринимать что-либо через толстую упаковку?

Его подмывало хоть краешком глаза взглянуть на обитателей клетки. За это он бы отдал многое. Но, разумеется, не работу. Из-за глупого любопытства он немедленно может вернуться в Дипль.

Машина продолжала кружить по городу с непонятной юноше целью. Зум сосредоточенно маневрировал в потоке транспорта. Трой не отрывал глаз от экранов внешнего обзора: не покажется ли поблизости Вармс? Ничего вокруг не внушало подозрений, но если тут замешана Уния, так и должно быть. В любой их соседних машин может затаиться злоумышленник. Может, стоит насторожить Зума?

Тот с невозмутимым видом управлял флиттером. Трой же ощущал нарастающую в душе тревогу. Она, вероятно, передалась обитателям клетки. Оттуда проникали возбужденные импульсы нетерпения, настороженности, стремления предостеречь.

Следующие мгновения показались невероятно длинными, так много они вместили. Трой повернулся было к Зуму, не в силах больше оставаться наедине со своими сомнениями. И тут сзади донесся крик. Опасность! Она близко, рядом! Трой нагнулся к ящику, где обычно хранится оружие. Но крышка не поддавалась. Зум рванул машину вперед, они оказались на площади, за которой начинались авеню торговых кварталов. Смуглолицый водитель, не снижая скорости, ловко лавировал между другими флиттерами и пешеходами, пересекавшими эспланаду. Трой был напряжен, он прислушивался к клетке, но ее обитатели молчали. Впрочем, юноше и так было ясно: вот-вот что-то случится.

Кажется, это понимал и Зум — он гнал машину, как сумасшедший. Еще немного — и они вырвутся из транспортного потока, но... Трой успел только вскинуть руку, оберегая голову, когда их флиттер врезался в другой. Стук под ногами заставил юношу опустить глаза: от толчка крышка оружейного ящика сорвалась с запора и съехала набок, в щели виднелся приклад станнера. Одна рука Троя, принявшая на себя удар, онемела. Но другая потянулась к оружию.

Юноша повернул голову: Зума рядом не было. При столкновении его выбросило из кабины, и теперь он лежал возле искалеченной и распахнутой дверцы. Но вот маленький человечек зашевелился и поднялся. Из раны на руке хлестала кровь. Зум пошатнулся и привалился здоровым плечом к флиттеру.

Трой, распахнув дверцу со своей стороны, спрыгнул вниз со станнером в руке. И вовремя: с угрожающим видом на раненого Зума надвигался владелец флиттера, в который они врезались. На смуглом лице блеснула зловещая улыбка, Зум выхватил нож. Столпившиеся вокруг зеваки не спешили вызывать патруль: ни тот, ни другой водитель не прибегнул к станнеру — стало быть, дело шло к запрещенному законами, но уважаемому в народе, посидинку чести. Но

Трой так не думал, он не верил в возможность такого количества роковых случайностей. Да и предупреждение из клетки...

Одна рука по-прежнему висела плетью, пришлось пристроить станнер на колено. Солнечные блики метались, отраженные быстрыми клинками сражавшихся. Зум отступал, он отчаянно оборонялся, опершись спиной о флиттер.

«Точный прицел важнее скорости», — словно услышал Трой голос отца. Юноша плавно нажал спуск. Легкий шелест — и соперник Зума отлетел к своему флиттеру, обалдело мотая головой. Зум остался на месте. Трой перезарядил станнер. Вдруг из клетки донесся пронзительный крик. Юноша отпрыгнул. Нож, просвисев возле его уха, вонзился в столб.

Трой взглянул на человека, метнувшего клинок. Тот уже отступал в толпу, однако его место занял другой. Желая быть удачливее напарника, он, прищурившись, прикидывал дистанцию броска. Трой вскинул оружие, целясь в голову. А если она защищена силовым экраном? Уния располагает самой лучшей техникой, а в том что перед ним люди Унии, Трой уже не сомневался. Акция наверняка оплачена по высшей ставке: кого-то очень интересует предназначенный Кайгеру груз.

Но выстрелить юноша не успел. Над головой человека с ножом прямо из воздуха возникла блестящая лента. Она свилась кругами и опустилась, мигом спеленав нарушителя по рукам и ногам. Такие же путы обездвижили и его соучастника. Оба дергались с тем успехом, с каким мухи пытаются вырваться из сетей паука.

Трой поспешил отбросить от себя станнер: не хотелось и на своих плечах ощутить паутину, наброшенную патрульными. Он направился к Зуму. Тот успел потерять много крови, его лицо, еще не остывшее от ярости поединка, напоминало устрашающую маску варварских племен. Зум пошатывался, держась за висевшую на одной петле дверцу флиттера. Трой заглянул внутрь: клетка была на месте, оттуда не поступало никаких сигналов, ни звуковых, ни мысленных.

Послышался стрекот крыльев, рядом сели два флиттера с эмблемами патруля. Трой рассказал служителям порядка о столкновении, не упомянув, разумеется, про сигнал из клетки. Тут он с удивлением увидел, что из патрульной машины выходит Кайгер. Быстро осмотрев груз, торговец распорядился отправить Зума к медикам. Вместе с Троем они вытащили корзины и клетку из поврежденного флиттера и перенесли на тротуар.

Кайгер подошел к офицеру Патруля:

— Все цело. Попытка грабежа не удалась. А если бы и удалась, не принесла бы похитителям выгоды.

— Почему? — Руки офицера, державшего звукозаписывающий прибор, были покрыты чешуйками, блестящими на зеленоватой коже. Все это выдавало уроженца Кварцкена.

— Здесь животные, которым нужна привозная пища и специальный уход. Я заказал их для Джентль Фем Сан ди Варр...

В голосе кварценца проскользнуло почтение.

— Тем более отрадно, торговец, что ваш товар не попал к налетчикам. — Он кивнул на спеленутых злоумышленников: — Этими мы займемся, а ценных животных нужно поскорее доставить на место. Но ваш флиттер сильно пострадал...

— Да, мне нужна другая машина.

Офицер щелкнул пальцами, подзывая помощника. — Срочно флиттер для торговца!

Тот что-то забормотал в переговорное устройство. Кайгер повернулся к Трою и указал глазами на валявшийся станнер: — Это вы им воспользовались?

Трой кивнул.

— Ясно. — Кайгер поднял оружие и протянул офицеру. — Даю присягу, что оружие применил мой человек, защищая мое имущество, — произнес он требуемую Законом формулу.

— Ваше заявление записано, торговец.

Трой даже покраснел. Такой присягой защищают проверенного, постоянного служащего. Неужели Кайгер намерен...

Додумать не удалось. Вызванный для них флиттер уже приземлился, и оба занялись погрузкой багажа. Из-за плотной ткани клетки по-прежнему не было сигналов. Были ли они вообще? Были! Юноша не сомневался в этом, и его снедало любопытство.

Не удивительно, что выбор похитителей пал на этих животных, наверняка очень редких и безумно дорогих. Заказчица — жена Суа Сарфа, главы одной из Пятидесяти Благородных Семей планеты Вульф в скоплении Ш-3. В это созвездие аристократов не допускался никто, даже сверхбогачи не могли мечтать быть принятыми в круг Пятидесяти. Однако это не мешало Джентль Фем Сан ди Варр большую часть времени жить вместе с супругом на Корваре, планете наслаждений. Отсюда они вершили судьбы не только своей, но и шести других планет. Правда, политики Ш-3 сохраняли лояльный нейтралитет в междоусобицах двух космических империй. И все же столь странный стиль правления своим народом мог спровоцировать бунты и даже военный конфликт. Впрочем, Суа Сарф был не единственным правителем, имевшем постоянную резиденцию на Корваре.

— У вас есть семья? — вопрос оборвал размышления Троя о сильных мира сего.

— Нет, торговец.

— Хотите полный контракт?

— С вами?

— Да. Зум ранен. Ему нужна замена. Как знать, — Кайгер искоса глянул на юношу, — может быть, вас ждет лучшая доля, диплом?

— Я согласен на полный контракт, торговец.

Трой изо всех сил старался не выдать волнения. Откуда бывшему космическому разведчику знать, что означает для последнего уцелевшего Кронга это предложение!

Кайгер взялся за управление. Флиттер взмахнул крыльями, взмыл над злополучной площадью и лег курсом на Шестой квадрат. Вскоре они уже были во дворе магазина. Трой получил указание перенести корзины на склад. Повинуясь набранному Кайгером коду, автомат повел флиттер обратно на стоянку.

Клетка стояла посреди двора. Любопытство Троя достигло предела. Он обратился к хозяину:

— А ее куда?

Кайгер окинул ее странным взглядом, от которого по телу юноши пробежали мурашки. Потом торговец подошел к запакованному кубу, повернул какой-то невидимый снаружи рычаг — и покровы, укутывающие клетку, упали. Трой увидел ящик, обитый изнутри легким пластиком — амортизация, не лишняя в космическом рейсе. Два существа сидели рядышком у зарешеченной стенки, обернув хвосты вокруг лап.

Одно было настолько черным, что даже отливало в синеву. А может быть, так отсвечивала масть второго животного, оно было мельче и изящнее, с голубоватым мехом, более темным на голове и нижней части лап. Две пары зеленовато-синих глаз, напоминавших акварины, с живым интересом изучали Кайгера и Троя.

— Знаешь, кто это? — спросил торговец.

Юноша пожал плечами.

— Кошки с Земли! — торжественно объявил Кайгер.

ГЛАВА 3

Трой в упор глядел в голубые глаза животных, но не мог удловить и намека на какой-то тайный контакт. И все же он был убежден, что их мысленная связь в миг опасности не была плодом его воображения.

Хозяин открыл дверцу. Черная кошка встала, грациозно потянулась, выгибая спину, и, осторожно ступая мягкими лапами, вышла во двор. Следом, чуть позади, двинулась голубая. Оба животных удовлетворяли свой интерес к новому месту, осматриваясь и принюхиваясь.

— Кссс... — Кайгер вытянул руку и дал черной ее обнюхать.

Вообще кошки не были особой редкостью, они входили в экипаж почти каждого космолета. Эта традиция появилась много веков назад. Под влиянием звездных излучений поколения четвероногих космонавтов дали совершенно новый тип животных, лишь отдаленно напоминавших своих земных пращуров. У тех кошек, которых Трой приходилось встречать близ Порты, не было ни таких стройных лап, ни столь изящной морды с настороженными ушками, ни такого изумительного меха.

Черная кошка взвилась в воздухе и устроилась на крыше высокой клетки. Из ее пасти раздался требовательный крик, похожий на тот, который услышал Трой при столкновении флиттеров. Кайгер улыбнулся.

— Что, проголодались? — Он нашел глазами одного из служащих и приказал: — Принесите пакет с пищей.

Тот сходил на склад, где стояли корзины.

Кайгер вскрыл пакет и вытряхнул его содержимое в чашку, стоявшую в нише клетки. Сухая масса начала разбухать и вскоре сделалась желеобразной. Кошки подошли, придирчиво обнюхали пищу и деликатно начали есть.

Трой понял, что Кайгер никому не доверит уход за этими великолепными животными. Между тем, у него работал целый штат служащих: двое во дворе, остальные, как и Трой, внутри магазина. Хотя ушибленная рука еще побаливала, юноша старательно исполнял все поручения хозяина.

Вскоре он уже знал расположение помещений. Торговый салон соединялся с кабинетом шефа коридором с четырьмя дверьми. Две вели к вольерам с птицами, вернее, пернатыми, в общем, со всем, что летало, но не классифицировалось как насекомые. Трой быстро запомнил, кому из крылатых постояльцев нужно сыпать в кормушку зерно, кому — семена. Некоторые питались диковинными плодами; были и хищники, предпочитавшие мясо или рыбу.

За тростей дверью все стены были уставлены аквариумами. Трой лишь бросил беглый взгляд на обитателей морей, омывавших континенты дальних планет. В этом водном царстве хозяйничал опытный служащий, помощь ему не требовалась.

Четвертое помещение было отведено для мелких животных, но кошке юноша там не обнаружил, Кайгер забрал клетку в свой кабинет. Другие зверюшки, за которыми Трой ухаживал, не вступали с ним в необычный контакт. Одни были доброжелательны, другие — капризны и требовательны, все старались привлечь его внимание с помощью лап, хвостов и немислимой какофонии звуков. Все это его забавляло, но не больше.

Во время обеда он ушел со своей миской во двор, не пытаясь сесть за общий стол с остальными служащими. Обитателей Диппла и граждан Корвара разделяла стена, о которой ему не дали бы забыть. А после обеда он смотрел, как увозили кошек.

Во главе процессии вышагивал домашний робот с клеткой и корзиной пищи. За ним следовала увешанная драгоценностями компаньонка высокой особы. Сама Джентль Фем шествовала в сопровождении Кайгера. Разглядеть ее лицо было трудно. Согласно моде, оно было раскрашено яркими звездами, а с головы на рот и подбородок спускалась темная вуаль, олицетворявшая супружескую скромность. Исключительно элегантный туалет был, в отличие от наряда компаньонки, лишен драгоценностей.

Она благосклонно беседовала с торговцем, произнося слова с резким акцентом. Было ясно, что покупательница в восторге от своего приобретения. Когда вся эта компания приблизилась, Трой укрывлся в комнате с рыбами: боялся, что не сумеет скрыть своей горечи.

Он понимал, что не имеет для подобных чувств никаких оснований. Кошки были заказаны для удовлетворения тщеславия одной из богатейших дам Корвара, она их забирает, чем же он, работник-однодневка, смеет быть недовольным? Наоборот, все сложилось в его пользу, ведь Зум какое-то время не сможет работать...

Из задумчивости Троя вывел голос хозяина, видимо, тот уже распрощался с высокопоставленной особой. Трой выскользнул в коридор и хотел уйти, но Кайгер окликнул его. Они прошли в кабинет. Трой не верил глазам: хозяин включил скоммутированную с Центральным Распределителем панель, и на ней светилась полоса длиной в целую ладонь. В целую ладонь!

— Семидневный контракт, — полувопросительно сказал Кайгер. — Без вылета с планеты. Ну что, Кронг, согласны?

Трой слотнул. Семь дней работы были неслыханной удачей. Семь дней... А дальше?

— Продление возможно? — он сам удивился собственной нескромности.

— Возможно, — Кайгер ответил так уверенно, что в груди юноши бухнуло от радости. Но он спокойным шагом подошел к столу и аккуратно положил правую ладонь на яркую полосу.

— Трой Кронг, Ворден, класс второй, принимает семидневный контракт у Кайгера, без вылета с планеты, — произнес он формулу найма и отступил в сторону.

Теперь на полосу легла ладонь хозяина.

— Косс Кайгер, разрешенная торговля, заключает семидневный контракт с Кронгом. — Отчеканив эти слова, хозяин бросил в микрофон: — Прошу зарегистрировать.

Металлический голос удостоверил: — Записано.

Кайгер уселся в кресло.

— Возьмите на складе униформу магазина. Вечером вам нужно быть в Диппле?

Трой не успел соскучиться по унылой конуре в бараке. А нехитрое свое имущество он утром запер в ячейку, которая откроется только от прикосновения его ладони. Юноша отрицательно мотнул головой:

— Нет, торговец, туда мне сегодня не нужно.

Ему показалось, что Кайгер остался доволен.

— Зум по ночам дежурил в магазине. Во дворе тоже остается сторож. Это необходимо: наши животные слишком дорогие. За ночь сделаете два обхода...

Звук гонга возвестил о каком-то нетерпеливом покупателе. Торговец заторопился в салон.

— Переоденьтесь, Кронг, и за дело, — бросил он, вместе с юношей покидая кабинет.

Форма магазина Тройю понравилась, она была привычного темно-синего цвета. на этом фоне пояс Всадника выделялся особенно живописно. Этот наряд был бы еще эффектнее, будь на поясе нож, но... от Диппла временного работника отделяла слишком мизерная дистанция.

Магазин работал до позднего вечера. Покупателей было много, Трой не раз приходилось выносить в салон клетки с затребованными животными. Сейчас он пытался водворить обратно в решетчатое жилище визжащий комок. Это был детеныш существа, которое считалось животным, хотя имело шесть лап и перья вместо шерсти. Лапы беспорядочно молотили воздух, а голова с несоразмерно большими

ушами вертелась во все стороны, обозревая мир. Наконец испоседу удалось запихать к трем таким же забавным собратьям. Трой, переводя дух, наблюдал за возней симпатичных уродцев. Он не заметил, как за спиной очутился Кайгер. Хозяин кашлянул, и когда юноша обернулся, показал на дверь.

— На ночь она запирается. Там, — он махнул рукой на постройку в другой стороне двора, — находится охрана. Если что — вот, нажмите это. Такая сигнализация есть в каждом помещении. Ночные обходы в три часа и в шесть. Да, еще вот что, вы можете слышать животных. Вот так... — он повернул находящуюся под кнопкой рукоятку коммуникатора, и в коридор ворвались щебет, визг, лай и еще тысячи звуков. — Двор вас не касается, его охраняет другой человек.

— Я понял, — крикнул Трой.

Хозяин пересек коридор и демонстративно запер свой кабинет, приложив палец к замку. Он явно хотел, чтобы Трой увидел эту процедуру.

Проводив взглядом экс-космонавта, юноша преисполнился ответственности за свою миссию. Он заглянул в помещение пернатых. Свет был притушен, в клетках едва угадывались силуэты их нахохлившихся обитателей. Проверил во всех комнатах сигнализацию, красная подсветка кнопок успокаивала: включено. В небольшом закутке, выгороженном на складе, стояла койка. Юноша прилег, но сон долго не шел к нему: перед глазами проплывали картины его первого трудового дня...

Ему понадобилось всего трое суток, чтобы совершенно освоиться у Кайгера. Животные уже знали Троя. Он сумел подружиться даже с диким и очень своснравным ястребом, который не брал корм даже от Кайгера. Юноша не слышал в свой адрес замечаний, в нем крепла надежда на продление контракта.

Наблюдая жизнь магазина, Трой установил, что торговец занимался не только продажей, но и скупкой. Через задний ход нередко проскальзывали посетители, обычно в форме Космической Службы. В руках у многих были тщательно укутанные клетки. По приказу хозяина юноша сразу же направлял таких гостей в кабинет шефа. Если бы Кайгер в это время занимался в салоне с покупателями, существовал особый сигнал вызова.

В результате подобных визитов коллекция магазина пополнялась новыми живыми диковинами. Но их обычно размещали во дворе, где содержались не слишком ценные экземпляры. К тому же, по наблюдениям Троя, выходило, что личных посетителей хозяина было значительно больше, чем новинок из дальних миров. Правда, многие могли оказаться бывшими товарищами экс-космонавта, решившими проведать его, пользуясь заходом их кораблей на Корвар. Вовсе

фантастичной казалась связь этих посещений с нападением на флиттер и поведением Вармса.

Впрочем, так ли уж она фантастична? Богачи ищут на планете развлечений удовлетворения всех своих страстей и пороков. Поэтому в Тилле процветал незаконный ввоз крепких напитков и наркотиков. Этот подпольный промысел прибыльнее любого законного бизнеса. Заниматься им могли в первую очередь те, кого не слишком дотошно досматривают на таможне. Торговля животными — закрытые клетки, контейнеры с экзотической пищей — как нельзя лучше могла маскировать контрабанду. Трой тут же подумал: если Кайгер играет с законом, его это не должно касаться.

Четвертый день контракта начался, как обычно, с кормления животных и уборки клеток. Незадолго до обеда Троя вызвали в салон — там ждал покупатель, которого интересовали хищные птицы Хаттра. Кайгер находился тут же, он был занят с высокопоставленной посетительницей, носившей титул Первого Великого Вождя Сидона. Ее народ, населявший три планеты у далекого угасающего светила, жил по законам матриархата. Но Первый Великий Вождь не только пользовалась неограниченной властью в своем мире, но имела известное международное влияние: Сидон занимал выгодную стратегическую позицию на фланге Галактического Сектора.

Посетительница была в весьма почтенном возрасте, делавшем особенно нелепым ее экстравагантное прозрачное одеяние, без всякой меры усыпанное драгоценностями. Тощая угловатая фигура, резкий каркающий голос отнюдь не добавляли Первому Великому Вождю женственности и обаяния.

Трою невольно вспомнилась другая богатая особа, купившая кошек, насколько больше в ней было вкуса, подлинного аристократизма. Эта явилась за кошками, чем немало озадачила Кейгера: его фирма гарантировала, что у купленных здесь животных не окажется на Корваре двойников. Но Кайгер недаром слыл торговцем экстра-класса.

—...Почему непременно кошки? — брови хозяина, демонстрируя недоумение, взлетели вверх. — Уверяю вас, Джентль Фем, что среди земных животных есть множество не менее красивых и умных. Вот взгляните...

Сверху по стене спустился экран, остановившийся на уровне глаз посетительницы.

Трой вспомнил о своем покупателе и предложил ему посмотреть серию снимков с пернатыми Хаттра. Но клиент жестом остановил юношу: он с интересом смотрел на свистившийся экран.

— Ну, что скажете? Это редчайшее животное на Земле зовется лисой, — с гордостью проговорил Кайгер, нажимая кнопки проектора, чтобы продемонстрировать товар в наиболее выгодных ракурсах.

Существо на экране выглядело как живое. Густой длинный мех переливался всеми оттенками от желтого до красно-коричневого. Лапки у основания были черными, а кончик пушистого яркорыжего хвоста — белым. Остромордую головку венчали аккуратные ушки. Зверек был крупнее кошки и выглядел иначе. Но было и нечто общее: живой взгляд зеленоватых глаз, любопытных, смывленных, как показалось Троя, лукавых и даже разумных.

— Лиса... — прошептал покупатель Троя, задумчиво рассматривая трехмерный снимок. — Значит, лиса... И кошки...

Казалось, этот человек решает какую-то трудную задачу. Неужели и его обуревают тщеславное желание иметь самое дорогое и редкое, что есть у Кайгера — змных животных?

В салоне воцарилась благоговейная тишина, все глядели на экран. И в этом безмолвии каркающий голос царственной дамы прозвучал особенно резко.

— И сколько же галактических кредитов это будет стоить, торговец?

— Для вас, Джентль Фем, предложу пару великолепных лис. Да-да, они, как и кошки, содержаться парами (Кайгер знал, какие струны в душе честолюбивой посетительницы нужно задеть!) А стоимость... — И тут хозяин назвал сумму.

Еще три дня назад Трой решил бы, что он ослышался: Цифра превышала стоимость стада тупанов! Но теперь юноша лишь спокойно прикидывал, как долго продлится торг.

Покупатель Троя, похоже, потерял всякий интерес к происходящему. Он повернулся к юноше:

— Мне говорили, что здесь есть и ястреб?

— Да, Джентль Хомо.

— Он уже испытан в воздухе?

— Нет. Путешествие в корабле напугало птицу, ей необходимо время, чтобы успокоиться.

Взгляд желтоватых глаз упал на пояс юноши.

— Ворден?

— Я там родился, — лаконично ответил Трой.

— Значит, и с ястребом охотились?

Губы юноши дрогнули, еще немного — и его лицо озарила бы улыбка. Но тут же вокруг рта вновь залегла твердая складка.

— Я видел такую охоту, Джентль Хомо. Давно... До войны.

Этот человек заинтересовал Троя. Он не походил на космонавта. Но лишь один из многих тысяч корварцев мог безошибочно узнать пояс Ворденского Всадника, и только один из миллионов имел представление о том, что ворденцы владели земным искусством охоты с ястребом.

Отобрав на складе снимки, юноша возился с просктором, незаметно разглядывая между тем необычного посетителя. Тот был высок ростом, не ниже Троя, но значительно старше его, как минимум лет на десять. Тело сильное, подтянутое, хотя этот человек не похож на аристократа из виллы, щедро оплачивающего штат медиков и инструкторов, чтобы сохранять хорошую форму. Партикулярная одежда исключала его принадлежность к любой из трех официальных служб. Но загорелая кожа, какая-то особая грация выдавала в нем человека действия. Одновременно в облике незнакомца присутствовал налет аристократизма. Уступая требованию моды, длинная прядь волос на темени была перехвачена парой золотых колец. Сами же волосы отливали старым серебром. Свободный костюм сшит из прочного металлопласта, светлорыжевеного, с переливчатой золотистой искрой. Но ни отделанная жемчугом рукоятка поясного ножа, ни самоцветы, сверкающие на браслетах, не делали незнакомца похожими на праздного франта, какими кишит этот город.

— Я вижу вас здесь впервые. А где Зум? — в его голосе звучал живой интерес к собеседнику, без всякого намека на снисходительность.

— Он ранен... Авария флиттера... — Трой решил не вдаваться в подробности, но все же после секундной паузы, добавил: — Я здесь временно... Недельный контракт.

— Дипль? — Незнамец сказал это просто, без столь брезгливой нотки, которая делала это слово бранным среди граждан Тилла, и тут же перевел разговор:

— Вы собирались показать мне снимки, — напомнил он, усаживаясь против экрана.

Юноша собрался подкатить поближе к клиенту столик с напитками, но незнамец отрицательно качнул головой.

— Включайте.

Замелькали трехмерные изображения, красочный парад обитающих на Хаттре крылатых хищников, которых можно обучить для охоты. Но, просмотрев всю коллекцию, покупатель развел руками:

— Если можешь получить первый сорт, не хочется брать второй. Раз у Кайгера есть ястреб, и он в порядке, мне больше ничего не нужно. — Он провел ногтем по курительной палочке. Кончик задымился, по салону поплыло ароматное облачко.

— А, Кайгер! — крикнул он подошедшему хозяину. — Ну что, сторговались? Долго ли Большая Мать трех планет будет ждать новой игрушки?

Трой уловил возникшее вдруг напряжение, едва ощутимое, словно немой сигнал из клетки с кошками. Какой-то невидимый барьер разделял торговца и покупателя. Но внешне оба держались спокойно, даже любезно. Кайгер уселся напротив посетителя:

— Ей ждать недолго: на подходе партия с Гаммарана.

— Вот как? Рискованный, но прибыльный бизнес — земной импорт, не так ли?

Бывший космонавт пожал плечами:

— На земных животных колоссальный спрос. Кстати, друзья по Космослужбе шепнули мне, что скоро на вывоз этого товара будет официальное разрешение.

— Понятно. — Покупатель кивнул, и, помолчав, добавил: — Все правильно. Торговля лучше войны. Если вы сможете вовлечь Землю в постоянный товарооборот, Совет одобрит такую деятельность.

Снова между этими двумя пробежал ток напряженности.

— Теперь вот что, — незнакомец откинулся в кресле, загасил дымящуюся палочку. — У вас есть, я слышал, ястреб...

Кайгер повертел в руках пластиковый шар, затем поднес его ко рту и сдалвил, сделал глоток освежающего напитка.

— Да, есть. Но он не готов к продаже, птицу необходимо испытать в полете.

— Естественно. Договоримся так: я отправляюсь для инспекции в Дикие Земли, там и испытаю ястреба... с помощью вашего человека. Вот сго, — кивок в сторону Троя.

Кайгер смерил юношу холодным взглядом.

— Да, он знает, как работать с ястребом. Когда и насколько вы сдате, охотник?

— Дня на три. В этот раз решил добраться до Больших Болот. А насчет времени вылета... Скажем, послезавтра. Как раз и ястреб успеет прийти в себя. Так как насчет вашего парня?

Кайгер не замечал, что его рука стиснула шар с напитком и жидкость течет на пол, но в его голосе не было ни тени раздражения.

— Договорились. — Он посмотрел на Троя: — Будьте готовы поступить в распоряжение охотника Рерна.

Человек в искрящемся золотом костюме молча кивнул, встал и вышел неслышной поступью, которая сейчас показалась Трою естественной. Кайгер остался сидеть, его взгляд был обращен к двери.

— Рерн, — обронил он, и что-то неуловимое проскользнуло в его тоне. — Охотник Рерн... — Глаза Кайгера сузились, лицо казалось высечено из темного камня.

Юноша тоже глядел на дверь, за которой исчез незнакомец. Так вот они какие, рейнджеры Диких Земель, о которых в Тилле ходят легенды! На планете развлечений у охотников была нелегкая роль: охранять первозданную природу обширных лесов и степей, чтобы богатые туристы имели возможность с экранов своих флайеров наблюдать величественную дикость расстилающихся внизу девственных просторов. Все охотники были потомками пионеров Корвара, за сменившиеся с тех времен поколения их занятие стало наследственным.

Клан, к которому принадлежал Рерн, обосновался на севере. Быть может, он или его братья как раз и нашли там экспедицию Куфлонна, которую постигла участь столь же трагическая, сколь и загадочная? Трой вскинул голову. Что ж, пусть на его поясе не блестит нож! Но даже полноправному гражданину остается лишь мечтать проникнуть в Дикие земли, охраняемые бдительными следопытами от праздных посещений. А он через два дня отправится вместе с Рерном в эти таинственные заповедные места! Он, человек из Диппла, Трой Кронг, всадник из Вордена!

ГЛАВА 4

Жаркое солнце заливало торговый квартал. За дверьми магазинов и окнами, прикрытыми тентами от полуденных лучей, наступило затишье, поток дневных покупателей схлынул, вечерние еще не появились. Пользуясь свободной минуткой, служащие Кайгера собрались обедать. Трой с миской на коленях устроился во дворе, в тени складской стены. Из открытого окна кабинета Кайгера доносился голос диктора, сообщавшего новости дня:

—...загадочная и неожиданная смерть Саттор-лидера Варна Ди.

Трой едва не поперхнулся. Он глядел на флиттер, куда полчаса назад самолично загрузил контейнер с пищей. Ее предстояло доставить на виллу Саттор-лидера, любителя экзотики.

—...подал в отставку в прошлом году и отошел от руководства Советом, — продолжал голос в коммуникаторе.

—...Но его опыт использовался для консультаций по специальным проблемам. Например, утверждают, что Вари Ди был советником при

подготовке и заключении соглашения с Парном Пятым. Официальные круги не опровергли этих слухов.

Передаем обращение Совета: «С глубочайшим прискорбием...»

Трой не вслушивался в традиционные формулы соболезнований. Он машинально продолжал жевать, но мысли юноши были далеко. Смерть... «загадочная и неожиданная». Все, связанное с Саттор-лидером, косвенно касалось Троя, его семьи, его Родины. Ведь именно Варн Ди десять лет назад единолично решил сделать Ворден военной базой для Саттор-кораблей. Если бы не этот приказ... впрочем, — Трой усмехнулся, — сейчас это уже не имело значения...

— Кронг! — в дверях стоял Кайгер. — Срочно доставьте груз на виллу Ди.

Что ж, все правильно. Трой поднялся. Животным и после смерти хозяина нужно что-то есть. Однако к чему такая срочность? И почему отправиться туда должен именно он? Ведь есть более опытные и доверенные служащие. Но спрашивать об этом некого.

Флиттер-автомат уже был заряжен лентой с программой полета. Трою, занявшему место водителя ничего не оставалось, как глядеть на проплывавшую внизу панораму Тилла. Вряд ли возникнет необходимость брать управление на себя.

В жаркую погоду небо Корвара затягивала золотая дымка. Совсем как... Воспоминание о Родине сжало сердце. Мысли перешли на визит Рерна. Неужели послезавтра начнется их путешествие? После ухода охотника Трой дважды подходил к клетке и осматривал ястреба. В первый раз тот сидел нахохлившись и никак не отреагировал на предложенное лакомство — кусочек свежего мяса. Зато, увидев Троя вновь, птица затопталась когтистыми лапами на насесте и расправила могучие крылья. Это было хорошим признаком. Ястреб был примерно двух лет, самый подходящий возраст для приручения к ловчей охоте. Хотя птица была абсолютно дикой, она не пыталась ударить Троя клювом, когда он извлекал ее из клетки, как била всех других работников и даже хозяина. Может быть, ястреб почему-то больше доверял юноше.

— Немедленная посадка! Воздушный контроль! — раздался механический голос из динамика флиттера. На приборной панели загорелась красная точка. Трой очнулся от грез: прямо над ним, словно ястреб над добычей, завис патрульный Флиттер.

— Назовитесь! — прозвучал приказ.

Юноша нажал на панели кнопку, послав записанную заранее справку о цели и маршруте полета. Если воздушный пикет связан с

расследованием обстоятельств смерти Саттор-лидера, Трою, скорее всего, запретят посадку на вилле Ди.

Однако, к удивлению юноши, красная точка на панели его флиттера сменилась зеленой. Он продолжал полет и беспрепятственно достиг виллы бывшего руководителя Совета.

Следуя моде корварской знати, Ди избрал моделью для своей резиденции живописные руины, скопированные с жилищ аристократов давно умершей цивилизации планеты Кваун. Сквозь розовую и голубую листву экзотических кустарников виднелись искусно полуразрушенные стены дома. Присмотревшись, Трой понял, что это не копия руин, а подлинник. Сумма, израсходованная на доставку этой громадины с Квауна на звездных кораблях, была поистине астрономической. Вряд ли даже Варн Ди мог покрыть ее только за счет законных доходов...

Трой взвалил на плечи контейнер и зашагал к воротам виллы. В саду мелькали патрульные. Группа офицеров столпилась вокруг скрытого в зарослях необычного сооружения в виде монолитного каменного куба, памятника какой-нибудь древней цивилизации. Он был на многие тысячелетия старше виллы.

Одна из каменных плит, составлявших стены постройки, повернулась, в проеме показался человек в форме высшего патрульного офицера. И вдруг Трой ощутил невидимое прикосновение, напомнившее ему таможеню. Он почувствовал волну тревоги и страха, мольбу о помощи. И еще желание поделиться чем-то очень важным. Эти импульсы буквально пронзили мозг юноши, Трой непроизвольно поднес руки к вискам. Тут же он сконцентрировался на встречном вопросе: «Что случилось?»

Вдруг офицер, появившийся из куба, замахал руками и попытался схватить что-то, стремительно ускользнувшее в гущу зарослей. Сколько юноша не всматривался, он не увидел ничего, кроме... Качание листвы указывало путь беглеца. Он направлялся к вилле. Нет... К Трою! Вот над ним прыгнула ветка. Юноша едва успел скинуть ящик на землю, как маленькое дрожащее тельце опустилось на его плечо, лапки вцепились в куртку, а вокруг шеи обвился длинный змеевидный хвост. Трой осторожно, одной рукой, принялся ощупывать испуганное существо, успокаивающе поглаживая вздыбленную от возбуждения шерстку.

Возле плеча появилась круглая голова.

— Смерть... Убивать... — эти слова не были произнесены, но они вспыхнули в мозгу Троя, сопровождаемые размытой картиной: фигура мужчины, обвисшая в кресле. Трой потряс головой — изображение растаяло, но волны страха не ослабевали. Зверек, напротив, задрожал еще сильнее.

Трой оглянулся: к нему направлялся командир патруля в сопровождении двоих младших офицеров. Юноша на минуту забыл о том, что на его поясе нет ножа, что он — диппльмен. Решение во что бы то ни стало защитить слабого побороло привычную осторожность. Его рука погладила пушистое тельце, мозг посылал успокаивающие импульсы туда, в эту несоразмерно большую лопухую голову.

Группа офицеров приблизилась, начальник обратился к юноше:

— Кто такой?

Трой покрепче прижал к себе беглеца.

— Кронг. — Он кивнул на флиттер с эмблемой магазина.

— От Кайгера.

Один из офицеров тихо, с почтительной интонацией пояснил начальнику:

— Известный торговец животными. Вероятно, Саттор-лидер купил у него этого зверька...

Суровые глаза на жестком лице смотрели на Троя с выражением недоуменной брезгливости. Для высшего офицера вся эта возня с животными была незначительным, но требующим решения вопросом.

— Зачем вы здесь?

Трой тронул ногой контейнер:

— Плановая доставка, Джентль Хомо. Пища для животных Джентль Лидера.

Жесткое лицо повернулось к патрульному. Тот кивнул.

— Точно, Джентль Хомо. Согласовано на сегодня. Особый корм для... — он не сразу выговорил название зверька, — ... для куинкажу.

— Для... Что это такое?

— Оно с Земли, — пустился в объяснения младший офицер, — Крайне редкое животное, гордость Саттор-лидера.

— Куинкажу, говорите? С Земли? — Начальник приблизился к Трою, пытаясь разглядеть зверька, приткнувшегося к куртке юноши. — Зачем тогда животному рыться в столе Саттор-лидера? Кто мне может объяснить это?

— Угроза! — лапки еще крепче вцепились в плечо. Трою не нужно было этого предостережения: достаточно было взглянуть на лицо допрашивающего.

— Большинству животных присуще любопытство, Джентль Хомо. — Трой старался говорить как можно почтительнее. Он должен отвести беду от существа, просившего помощи.

— Вспомните каттанов, что водятся здесь, на Корваре. Разве они могут пробежать мимо любого свертка, не сунув в него нос?

Общительный патруль согласно кивнул. Трой вдохновенно продолжал:

— Нередко животное копирует поведение людей, которых часто видит. Скорее всего, Джентль Хомо, куинкажу подражал действиям и движениям своего хозяина. Ни о какой осмысленной цели не может быть и речи.

В душе же юноша предположил как раз обратное. Неужели и офицер всерьез что-то заподозрил?

Взглянув на старшего патруля, Трой увидел, что с сурового лица исчезло выражение недоверия. Кажется, удалось убедить высокий чин в безопасности животного.

— Значит так, — в голосе начальства вновь звучал металл, — нам тут сейчас не до зверинца. Возьмите животное и отправляйтесь обратно в свой магазин. Кайгер отвечает за имущество Саттор-лидера, пока здесь не закончилось следствие. Скажите хозяину, что так приказал комендант западного сектора.

— Слушаюсь, Джентль Хомо.

Юноша открыл дверцы флиттера. Он намеревался сначала пересадить зверька внутрь машины, а уж потом затащить тяжелый контейнер. Но животное отчаянно вцепилось в плечо, испуская не только волны страха, но и призыв к срочным действиям. Оно передавало Трою образ каменного убежища, куда необходимо проникнуть для завершения некоего важнейшего дела. Юноша же думал о том, как поскорее очутиться в воздухе, подальше от подозрительного и всемогущего Коменданта. Когда его мысленный отказ дошел до куинкажу, зверек начал кричать пронзительно, резко и требовательно.

— Убирайтесь живее, — поторопил их Комендант, морщась от воплей куинкажу. Он направился к каменному кубу, но его подчиненные остались возле флиттера, подгоняя Троя, пока юноша грузил ящик в машину; он почти оглох от угроз патрульных и громких протестов так и не расставшегося с его плечом животного.

Наконец флиттер взмахнул крыльями и поднялся в воздух. Куинкажу тут же замолк, видимо смирившись с действиями человека. Зверек перебрался на руку Троя и, захлестнув вокруг нее хвост, завертел головой, разглядывая все вокруг с интересом, не показавшимся юноше простым инстинктом любопытства. Трой был готов к новым попыткам мысленного контакта, но их больше не было.

Не успел флиттер сесть во дворе магазина, как зверек спрыгнул с руки, подскочил к дверце и забарабанил по ней лапками, явно просясь наружу. Трою пришлось ухватить испоседу за хвост — ему вспомнились стремительные прыжки куинкажу в саду Варна Ди. Крепко держа таким образом животное, юноша выпрыгнул из флиттера и направился к кабинету. В коридоре он чуть не столкнулся

с Кайгером. Стоило шефу увидеть Троя с куинкажу, мгновенно возникло то же поле напряжения, какое юноша ощутил во время беседы экс-космонавта и охотника. Но голос хозяина не выдал никаких других эмоций, кроме заурядного удивления.

— В чем дело? — бросил на ходу Кайгер, жестом приказывая Трою следовать за собой в кабинет. Зверек снова прильнул к груди юноши, ища покровительства, но в мысленное общение не вступал.

Трой вкратце рассказал шефу о происшедшем, не раскрыв, однако, тайны контакта с животным. Пройдя суровую науку Диппла, он усвоил, что знание может в нужный момент стать оружием для собственной защиты, но его разглашение способно вооружить противника. Пока он недостаточно доверяет Кайгеру, чтобы посвятить шефа в свою способность обмена мыслями с двумя видами земных животных.

Взглянув на трогательно прижавшееся к юноше существо, Кайгер не стал пытаться оторвать его от Кронга. Он задумчиво водил пальцем вдоль своего шрама.

— Это редчайший экземпляр. Вы правильно поступили, вернув его ко мне. Куинкажу очень эмоционален, а уж любопытен, как фоллес песчаных дюн. Своей неуклюжестью патрульные довели животное до истерики. Ему необходимо успокоиться — лустая клетка, вода, горсть орехов и никаких раздражителей. Действуйте.

Трой с большим трудом исполнил приказ, зверек ни за что не хотел отцепляться от его груди. Почему-то именно куртка юноши показалась животному наиболее надежным убежищем в полном опасости мире. Очутившись, наконец, в клетке, куинкажу повернулся к этому миру упругой пушистой спинкой и демонстративно свернулся в клубок.

Вечера в магазине Кайгера тянулись для Троя томительно: он с нетерпением ждал той минуты, когда все уйдут по домам и он останется один в опустевшем здании. Кроме предписанных шефом двух обходов, он нередко предпринимал и дополнительные вылазки к животным. Как можно было не навестить перед сном ястреба или забавных щенков с голубым оперением, встречавших юношу веселой возней и ревниво домогавшихся его ласки? За трое с лишним суток работы у него появилось немало пернатых и четвероногих любимцев.

Сегодня вечерние визиты завершились у клетки куинкажу. Трой сознательно концентрировал импульсы дружелюбия, посылая их упрямо пушистому шару. Но даже если зверек и понял его, то никак не отозвался. Юноша пожал плечами и вышел, предварительно включив звуковой коммуникатор.

Улегшись на койку, он перебирал события этого дня. Удовлетворенно подумав, что еще на несколько часов приблизился к назначенному Рерном сроку отлета в Дикие Земли, юноша улыбнулся, погружаясь в крепкий сон...

Неведомая сила подбросила его на постели. Тревога? Нет, все тихо. Что же разбудило его? Трой сел, мотая головой, чтобы прогнать заставшую глаза странную пелену. Стояла глубокая ночь, и хотя время обхода еще не наступило, он сунул ноги в башмаки.

Попытался подняться, но снова рухнул на койку, прижав пальцы к вискам, где тупо пульсировало непонятное давление. В душе нарастал упрямый протест, который помог преодолеть это невидимое воздействие. Да, именно воздействие, сомнений не было. На него напали каким-то неизвестным способом, парализующим мозг. Но он сумеет преодолеть этот коварный дурман. Сжав рукоятку станнера, Трой встал, бесшумно отворил дверь и выглянул в коридор.

Посмотрел направо: дверь в кабинет Кайгера заперта, порядок. Порядок? Нет, что-то не так. Прислушался — и понял: коммуникаторы в помещениях для животных включены, но он не слышит ни звука. Эта тишина ненормальна! Обычно коридор оглашен доносившимся из динамиков сопением, урчанием, щебетом...

Итак, животные молчат, а его голова словно набита ватой. Этому есть только одно объяснение: где-то рядом включен слиппер, устройство, погружающее в беспамятство живые существа. Хранение и тем более использование этого парализующего оружия строжайше запрещено законом; воздействие слиппера надолго расшатывает психическую регуляцию человека. Странно только, почему на Троя это излучение почти не подействовало, хотя успешно отключило животных?

Взяв станнер на изготовку, юноша еще раз проверил дверь кабинета шефа — заперта, замок цел. Дальше, мимо комнаты с аквариумами. Доносившиеся из динамика бульканье и всплески оповещали, что на водных обитателей слиппер не подействовал.

А вот у комнаты животных мертвая тишина. Там, внутри, находится кнопка для вызова охраны. Трой шагнул к двери и...

— Угроза! — вспыхнул в мозгу яркий сигнал. Трой инстинктивно отпрянул, и вовремя: обжигающий белый луч почти коснулся его лица. Наполовину ослепленный, юноша нажал курок и бросился на пол.

Неужели он промахнулся? Или человек, силуэт которого мелькнул в конце коридора, был как-то защищен от парализующего удара? Зловещая тень мгновенно исчезла, послышался щелчок дверного замка. Трой, шатаясь, поднялся на ноги. Держась за стену, добрался до

двери и нажал красную кнопку. Ночная тишина раскололась от рева сирены. Быть может, наружная охрана успеет перехватить злоумышленника во дворе... Юноша сполз по стене и присел на корточки, пытаясь прийти в себя.

ГЛАВА 5

Даже на оглушительный сигнал тревоги из помещения животных не последовало никакой реакции. Там по-прежнему царил гробовая тишина, это подтвердило версию о слиппере. Трой встал на ноги, не обращая больше внимания на слабость, и врубил полное освещение. Затем подошел к клеткам.

Все животные были погружены в неестественно глубокий сон. Все — кроме куинкажу! Круглые буравчики глазенок смотрели на Троя, лапки нетерпеливо скреблись о прутья клетки. Трой был уверен — отсюда было послано предупреждение, спасшее его от смертоносного луча. Юноша погладил решетку, всматриваясь в эти круглые смысленные глаза.

— Ты умница,— прошептал он.— Если бы еще знать, что все это означает...

— Сюда идут... Много...

Куинкажу мгновенно оказался в углу клетки и свернулся как прежде, в шар. Трой отошел на шаг и едва не упал, ступив ногой на какой-то круглый предмет. Он нагнулся и взял в руки невзрачный серый цилиндр: слиппер!

Взглянув на куинкажу, он усмехнулся: хитрец принял расслабленную позу, не желая отличаться от остальных животных, впавших в глубокий гипнотический транс. Теперь и Трой слышал шум и выглянул. По коридору бежали два охранника со станнерами, за ними — Кайгер с гораздо более смертоносным оружием. В руках шефа тускло поблескивал бластер, вероятно, торговец хранил его со времен своей космической службы.

Трой подал Кайгеру слиппер и рассказал о нападении, не забыв упомянуть про неуязвимость налетчика против станнера.

— Ну, это ясно. Личная защита,— торопливо пробормотал Кайгер и требовательно спросил: — Что похищено?

Юноша пожал плечами: — На первый взгляд вроде все на месте.

Хозяин быстро прошел вдоль стен с рядами клеток, вернулся и пристально осмотрел куинкажу. Что-то удержало Троя от откровенности, он не сказал торговцу, что этот зверек не поддавался действию

слиппера, да еще послал ему предупреждение об опасности. Кайгер тоже не спешил делиться со своим работником предположениями о целях нападения на магазин. Он вдруг резко провел костяшками пальцев по решетке клетки с куинкажу. Раздался дребезжащий звук, но зверек не шелохнулся, демонстрируя беспамятство.

Подойдя к юноше, хозяин взял его за подбородок и повернул к свету.

— У вас на щеке ожог, — в его тоне не было сочувствия, скорее — подозрение.

— Он стрелял из бластера, — пояснил Трой.

— Что здесь за шум? — выросший в дверях вооруженный патрульный отстранил плечом охранника и шагнул внутрь.

— Кто-то проник в мой магазин. Вот с этим... — Кайгер протянул патрульному слиппер.

— Ущерб?

— Никакого, если не считать ожога на лице работника.

Взяв Троя за плечи, хозяин вывел его в коридор и показал его патрульному.

— Манти! Тавелс! — Охранники подскочили на зов и вытянулись перед Кайгером. — Пройдите по всем помещениям и доложите результаты осмотра. С вами будет этот офицер, — кивок в сторону патрульного.

Трой терпеливо стоял, пока торговец наносил на его лицо антисептическую пленку.

— Только слегка зацепило. Странно: бластер не шутка.

— Он спешил, да и темно было...

Кайгер неотрывно смотрел на Троя пронизывающим взглядом. Он словно чувствовал, что работник чего-то не договаривает. Наконец, экс-космонавт отвел глаза.

— Похоже, он и в правду торопился, — торговец говорил, словно размышляя вслух. — Все это не вяжется. Судя по слипперу, тут действовала Уния... Есть у меня там парочка недругов, которые хотели бы насолить мне. Но... — он снова кинул на юношу испытующий взгляд, — люди Унии не промахиваются даже в спешке.

Трой пожал плечами:

— Быть может новичок?

Кайгер сжал руки в кулаки и положил их на стол.

— Так... Ну-ну. Что вам еще об этом известно, Кронг?

— В таможне я узнал одного новоиспеченного члена Унии.

Трой не стал бы сообщать об этом обычному торговцу. Но бывшему космонавту сказать стоило.

— Значит, вы считаете, что это — испытание для новичка? — Он помолчал. — Собственно, почему бы и нет? Он знаком с вами?

— Видел меня в таможне. Скорее всего, понял, что и я узнал его.

— Старая вражда? Попытка свести счеты?

— Со мной? Исключено. Мы никогда не общались. Я просто знал его имя, и только.

— Тогда я вовсе ничего не понимаю. Глупость какая-то. Зачем Унии мои животные? Их даже перепродать нельзя, слишком приметный товар.

Трой и сам недоумевал. Воровство на Тилле давно стало не просто бизнесом, но отточенным до совершенства искусством. Унию обычно интересовали бумаги или драгоценности: их легко спрятать, нетрудно найти и покупателя.

Но зачем связываться с животными, требующими особой пищи, специального ухода? Впрочем, у юноши мелькнула одна мысль...

— А если это работа по заказу какого-нибудь любителя?

— Невыгодно, — покачал головой Кайгер, — какой смысл заполучить украденное животное и потом постоянно скрывать его? Ведь для любителя высшее упоение именно в демонстрации уникальных экземпляров своей коллекции, возбуждающих зависть у коллег.

— Тогда еще вариант: помешать другому любителю, своему сопернику, получить редкое животное...

По выражению вскинутых на него глаз Кайгера юноша понял, что эта версия кажется торговцу правдоподобной.

— Может быть, вы попали в точку. В этом есть хоть какой-то резон... — пальцы торговца выбивали дробь на крышке стола

— Вы устали, ложитесь. Я сам сделаю обход.

Это было равносильно приказу. Трой послушно отправился к койке, даже разделся, но уснуть не удавалось. Юноша заставил себя закрыть глаза и расслабиться... Но что это?... Почему ему представилось кольцо отцовского аркана, нависшее над бегущим тупаном? Кольцо... Круг... Круг из мыслей! Он как бы висит в воздухе... Кто-то рядом обменивается мыслями, а он воспринимает эту немую беседу! Трой напряг внимание.

— ...слишком быстро умер. Не хватило времени разыскать эти бумаги...

— Значит, надо вернуться туда, — хлестнул грубый приказ.

— Нет. Плохо. Человек в мундире видел, как Шанг рылся в столе. Могут заподозрить...

— Не должны заподозрить! — напирал грубый. — Нужно проявить ловкость!

Трой не услышал импульса протеста, но уловил знакомую уже волну страха, граничащего с паникой. Ощущение было настолько ярким, что тело юноши начал бить озноб. Он сел на койке и открыл глаза. Но тут же вновь сосредоточился.

—...Тот, в мундире, хотел поймать Шанга. Могут переловить всех...

Грубый не отзывался. Похоже, раздумывает. Не мешает поразмыслить и ему, Трою. Чью беседу он слышит? Куинкажу и Кайгера? Тогда — шпионаж? С использованием особо коммуникабельных видов животных? Хозяин сознательно внедряет их в дома, где делается большая притика. Кайгер их слышит, хотя он не землянин... Или все же землянин? Юноша плохо знал расовые особенности других миров, а жаль. Зато Кайгер — знаток в этой области. Как он спрашивал тогда Троя о его происхождении... Назвал Землю...

До войны Земля была главной планетой Конфедерации. Но, потеряв в результате сражений и политических заговоров многих сильных союзников, она утратила былое могущество, превратившись в провинциальную планету. Да и Конфедерация раскололась на три небольшие группировки...

Но вот немая беседа возобновилась.

— Кто проник сюда ночью? — юноша уже почти не сомневался, что грубый «голос» принадлежит торговцу.

— Тот, кто не посвящен. Он вне схемы. На контакт не способен.

— Его кто-то послал. Тот, кто готовит ловушку и придумал приманку.

Трой понял. Если еще кто-то знает о контакте Кайгера с земными четвероногими, кража такого животного — верная приманка для хозяина.

А вдруг куинкажу доложит Кайгеру о способностях Троя? Или он решил сохранить это в секрете, рассчитывая на дальнейшую помощь юноши, уже выручившего его на вилле Ди? Помощь в борьбе? С кем? С хозяином? Ну и дела...

— Ты говоришь, он за пределами схемы? Действовал против меня? — вопросы грубо падали, как камни.

— Да, — подтвердил куинкажу (если это был он). — Чужому приказали сделать так, чтобы подняли тревогу, а когда вы придете — убить вас.

Убить... Игра идет очень крупная... Трой долго лежал, ожидая продолжения беседы. Но больше не уловил не одного импульса. Наконец, он погрузился в чуткий, тревожный сон. Часто просыпаясь, настороженно прислушивался. Из коридора доносились только привычные звуки животных, выходящих из гипнотического транса.

Трой уже сделал утреннюю уборку клеток и заканчивал кормление, когда Кайгер подозвал его к вольеру с ястребом. Заботливый уход сделал свое дело — птица преобразилась. Она гордо сидела на насесте, настороженно поворачивая из стороны в сторону голову, увенчанную хохлатым гребнем. Ястреб был очень молодым, его хвостовой плюмаж был едва намечен. Но, судя по всему, это был великолепный экземпляр пернатого хищника.

Великое множество миров, в том числе даже негуманоидных, зарадила страсть к ловчей охоте. Особенно вырос спрос на хищных птиц, когда пресытившаяся цивилизация вспомнила об искусствах и развлечениях своих древних пращуров. Аристократы исключили из охотничьего арсенала новейшее смертоносное оружие. Гораздо почетнее добыть трофей, полагаясь лишь на собственную сноровку да на помощь натасканных животных и птиц. Ястребы с их умом, понятливостью в дрессировке, природным инстинктом хватать, но не убивать свою жертву, побили все рекорды покупательского спроса.

Невзирая на боевой вид птицы, Трой подразнил хищника, постукивая пальцами по сетке. Ястреб ответил на эту непочтительность довольно благосклонно: заинтересованно подскочив к передней стенке клетки, словно прорсясь на волю.

— Попробовать приручить его? — спросил Трой.

Кайгер хлопнул в ладоши. Раньше это вызывало у хищника приступ ярости, теперь же ястреб только взглянул на источник шума и вновь с надеждой уставился на дверцу.

— Держите, — Кайгер бросил юноше толстую рукавицу.

Ястреб издал победоносный клич. Трой просунул защищенную руку в приоткрытую дверцу. Хищник настороженно повернул набок голову, но не ударил, а лишь коснулся прочной ткани крючковатым клювом. Еще мгновение — и когти вцепились в рукавицу. Трой, стараясь не делать резких движений, вышел с птицей в коридор.

— Аллаху-у-у!

Оба обернулись на неожиданно раздавшийся охотничий крик. У входа стоял улыбающийся Рерн.

— Я вижу, вашему питомцу пора в воздух.

Ястреб раскачивался, вонзив когти в рукавицу. Он радовался тому, что покинул клетку, но ничем не проявлял желания улететь от людей.

— Красавец! — восхищенный Рерн повернулся к Кайгеру. — Если он будет так же великолепен на охоте, сделка окажется выгодной для вас, торговец.

— Судить вам, Джентль Хомо.

— Отлично. Тем более, что мой отъезд в Дикие Земли неожиданно ускорился. Так что прошу отпустить вашего человека вместе с птицей прямо сейчас.

Кайгер не только не возражал, но с неожиданной готовностью вручил Трою ранец и другое походное снаряжение. Кажется, хозяин рад удалить его отсюда? Юноша тут же выругал себя за излишнюю подозрительность. В душе росла радость: путешествие состоится! Лишь одно омрачало Троя: невозможность оказаться наедине с куинкажу. Он много раз подходил к клетке, но рядом непременно был или Кайгер, или кто-то из служащих. При них зверек вел себя одно-значно: сворачивался в недружелюбный шар. Между тем тайны контакта все больше волновали юношу. Он даже хотел взять куинкажу с собой в путешествие, но не мог придумать, под каким бы предлогом это сделать. 4

Флиттер охотника был хорошо приспособлен к дальней дороге. При необходимости в нем можно даже заночевать, переждать непогоду. Место пилота занял Рерн, Трой устроил на заднем сидении клетку с ястребом, а сам сел рядом с новым патроном. Тот молча пилотировал машину.

Признаки светскости исчезли вместе с городским костюмом. Теперь на тренированном, сильном теле Рерна ладно сидели брюки и куртка из мягкой кожи, раскрашенной под цвет растительности желто-коричневыми пятнами. Распахнутый ворот обнажал крепкую загорелую шею. Вместо золотых колец волосы были стянуты ремешком. К широкому поясу охотника был подвешен станнер, а также тесак для рубки сучьев и множество других инструментов, каждый в специальном гнезде.

Флиттер описал крутую спираль, поднялся выше обычных рейсовых маршрутов и взял курс на север. Утопающие в зеленивиллы остались позади, но и здесь, в пригородной зоне, часто встречались дачные постройки. Прилегающий к Тиллю пригородный массив был под строгой охраной, но многие аристократы ухитрились раздобыть разрешение на лесной домик для ближней охоты.

Трой смотрел на приближающиеся Ларшасские горы. Вот первые сильно изрезанные отроги уже плывут вниз. Дальше за перевалом начиналась обширная лесистая местность, где присутствие людей уже почти не ощущалось. Охотничьи кланы сознательно поддерживали девственную неприкосновенность лесов, ревниво оберегая тайну незаметных троп. Для горожан Дикие Земли были непостижимой загадкой, никто не отваживался проникать дальше Ларшасса без проводников-рейнджеров.

Ястреб все чаще поглядывал вниз, его возбуждал зов дикой природы. Наконец, кабину Флиттера огласили требовательные крики.

Трой зацокал языком, стараясь успокоить плененную птицу, но тут впервые с начала путешествия раздался голос Рерна:

— Выпустите его.

Трой поглядел на ястреба с сомнением. А если хищник не захочет сидеть у него на руке и улетит? Жди тогда неприятностей. С другой стороны, нужно отучать птицу от клетки, иначе как с ней охотиться? Он натянул рукавицу и приоткрыл дверцу, подставив ладонь. В тот же миг ее крепко обхватили могучие когти. Трой, стараясь не тревожить ястреба, осторожно положил руку на колено. Хищник устроился поудобнее и завертел головой, разглядывая кабину, небо и раскинувшуюся внизу панораму. Успокоенный Трой тоже стал глядеть вперед на надвинувшуюся вплотную зубчатую стену, Ларшасс.

Они не сразу пересекли горы, какое-то время Рерн вел машину вдоль горной цепи. Спустя час внизу черным коридором открылось ущелье, стиснутое высокими скалами. Флиттер повернул к нему и вскоре над крыльями поплыла земля, недостижимая для жителей Тилла Терра Инкогнита. Рельеф здесь был сильно изрезан ущельями и скалами, среди леса мелькали нитки рек и ручьев, проблески укромных озер. Как ни старался Трой разглядеть побольше, детали ландшафта были размыты пеленой густого тумана, окутавшего землю.

— Предупреждение! — раздался из динамика голос.

Трой вздрогнул от неожиданности и удивленно взглянул на Рерна. Здесь не Тилл, откуда же патруль?

Рерн лениво наклонился к микрофону:

— Спасибо, принято. Я Рерн Доурсон.

— Есть. Предупреждение отменяется.

У Троя вертелся на языке вопрос. Но Рерн сам дал пояснение:

— Взгляните направо. Точно по траверсу.

Флиттер плавно спускался. Местность внизу была необычной: ни тумана, ни растительности, только песок и скалы. И еще какие-то развалины, явно искусственного происхождения, это было видно даже отсюда...

Трой внимательно уставился на охотника, тот бросил:

— Руворр... Проклятое место...

Они миновали стороной эти следы неизвестной цивилизации, исчезнувшей за много тысячелетий до высадки первых людей на Корваре. Флиттер снова держал курс на Север. Трой вспомнил все, что слышал о Руворре. Виденные сверху развалины были лишь частью циклопического сооружения, ушедшего глубоко под поверхность. Многомиллионные лабиринты залов и коридоров Руворра никто не сумел исследовать до конца.

— Древние сокровища... — прошептал Трой.

Рерн невесело усмехнулся.

— Сказки. Ничем не подтвержденные легенды. Тем не менее их ищут уже много веков и, разумеется, безуспешно. Даже судьба экспедиции Куфлонна мало чему научила искателей клада...

Загадочные руины остались за кормой. За резко очерченной невидимой границей окружавшей Руворр пустыни вновь заперestreла буйная растительность.

— Почему вокруг руин не растет ни травинки? — любопытство заставило юношу пренебречь дистанцией, разделявшей дипплемна и члена легендарного охотничьего клана.

— Версий на этот счет не менее дюжины. Из них только одна более или менее логична, хотя и она, скорее всего, ошибочна. В эту загадку пытаются проникнуть уже лет двести, с тех пор, когда в Руворр впервые высадились исследователи. Быть может, эту тайну сумели объяснить Куфлонн со своими людьми, прежде чем все они спятили и перебили друг друга.

— Я слышал, их вызыватель действует до сих пор?

Рерн пожал плечами:

— Приборы спасателей действительно уловили излучение, идущее откуда-то из глубины. Но увидев, что осталось от Куфлонна и остальных, они немедленно поставили заглушки. Теперь над Руворром установлены стационарные глушители, он окружен силовым барьером, не подпускающим ни один флиттер ближе двух миль ко входу в подземелье. Тем не менее здесь время от времени появляются доморощенные кладоискатели, жаждущие преодолеть барьер. Нам приходится их вылавливать. Обычно мы везем их в штаб и показываем снимки о том, что случилось с группой Куфлонна. Этого достаточно, чтобы у любого отпала охота исследовать Руворр...

— Но раз вызыватель действует...

Трой пытался представить себе, как это повлияло на трагедию в загадочных катакомбах. Археолог Куфлонн приобрел широчайшую известность, восстанавливая картины дочеловеческих цивилизаций с

помощью вызывателя, недавно созданного и еще малоиспытанного аппарата. Помещенный в какое-нибудь старое здание, аппарат, при наличии всех необходимых условий, начинал показывать нечто вроде фрагментов фильма о жизни прежних обитателей древнего сооружения. И хотя было немало разночтений и в датировке, и в смысле воспроизводимых прибором размытых образов и отрывочных сцен, все признавали неоспоримую ценность метода Куфлонна. Уже не раз мелькавшие в лучах прибора силуэты приводили к крушению одних и рождению других научных гипотез.

Три года назад Куфлонн решил вплотную заняться изучением тайн Руворра. Но на ближайших к поверхности земли катакомб учены не обнаружили ничего интересного: гроты и соединяющие их коридоры были пусты. Тогда Куфлонн обратился в Совет за разрешением использовать ретроспектор. Его просьба была удовлетворена при условии, что все найденное в древнем сооружении объявляется собственностью Корвара.

Однако вместо научного триумфа участников экспедиции ждала страшная смерть. Расследование этой загадочной трагедии велось втайне.

По слухам, комиссия пришла к выводу, что коллеги Куфлонна, долгие годы работавшие рука об руку, по необъяснимым причинам впали в буйное помешательство и зверски умертвили друг друга. Загадочная гибель экспедиции обросла множеством самых невероятных гипотез, в которых не последнее место отводилось каким-то зловещим эффектам, возникшим под воздействием ретроспектора. Видимо, не исключал подобной возможности и Рерн.

— Если прибор работает, — ответил он на вопрос Троя, — то чересчур эффективно. Кстати, спасательный отряд его так и не нашел, очевидно, он где-то на большой глубине. Хорошо хоть, что удалось заглушить излучение ретроспектора... А вот и наш маяк!

Почти прямо под ними призывно мигал яркий огонек. Флиттер описал круг и опустился на ровную площадку у самой опушки леса. Сумерки сгустились. Высокие деревья отбрасывали длинные тени, заслоняя полоску закатного неба, что еще золотилось над горизонтом. Ястреб крепче вцепился когтями в рукавицу, расправил крылья и резко вскрикнул.

Рерн засмеялся:

— Что, не терпится поработать? Подожди, брат, до рассвета.

От стены какого-то деревянного строения отделились две фигуры. Оба подошедших человека были, подобно Рерну, одеты в костюмы из кожи. У одного торчал за спиной охотничий лук.

Скользнув по Трою взглядом, оба стали с интересом рассматривать ястреба.

— От Кайгера, — не тратя времени на обмен приветствиями, указал на птицу Рерн. — А это Трой Кронг, он его приручает.

Еще один взгляд, тоже беглый, но цепкий, оценивающий.

— Просим к нашему очагу, — бесстрастно произнес старший из двоих охотников. Это, по всей вероятности, было здесь формальным актом вежливости к постороннему, к нему, Трою, чужому среди этих людей.

Ему, человеку из Диппля, было не впервой наталкиваться на подобное отчуждение. Но сейчас юноша почувствовал себя уязвленным. Ведь у Рерна было к нему другое отношение. Тот словно понял обиду Троя и поспешил на помощь.

— Всадник с Вордена, — сдержанно и уважительно произнес Рерн, — всегда желанный гость у очага Доурсона.

Но Трой был упрям.

— На равнинах Вордена больше нет Всадников, Джентль Хомо. Мой дом — в Диппле.

— Равнины остались в памяти, — проговорил Рерн.

— Мы отправимся сейчас на Пятый пост, там и заночуем. Ястреба берем с собой. Но не сажайте его в клетку, пусть привыкает.

Тропинка, что вилась между исполинскими деревьями, была едва видна в густых сумерках. Но рейнджеры шагали так уверенно, что наверняка не сбились бы с пути и в полной темноте. Тропа поднималась все выше, а достигнув гряды остроконечных скал, привела к обрыву, нависшему над поблескивавшим внизу большим озером.

Пятый пост находился в убежище, оборудованном в толще утеса. Странно, но жилища тех, кто охранял эти просторы, напоминали скорей шпионские тайники. Трой не сразу заметил тщательно замаскированный вход. Он вел в довольно просторное помещение: в каменных стенах темнели ниши, видимо, спальни. В памяти юноши всплыл вдруг родной Ворден. Там люди тоже сооружали жилье и фермы на долгие века, возводя стены из каменных глыб и толстых стволов деревьев. На века...

Ястреб на руке Троя пронзительно закричал. Тут же из дальней ниши донесся ответный крик. Птица расправила крылья, намереваясь взлететь, но Трой успел удержать пернатого питомца за когтистые лапы. Гребень на голове ястреба встал торчком, шея вытянулась, из глотки раздался нетерпеливый клекот. Рерн подошел к нише и отдернул занавеску, прикрывавшую вход. Трой увидел три насеста. На одном сидела птица, совершенно не похожая на ястреба.

Если тот был пламенем, то эта — дымной струей. Шарообразная гладкая голова с торчащими ушами, увенчанными кисточками, плавно переходила в туловище, покрытое пушистым серым опереньем. Громадные, темные в отблесках костра глаза состояли, казалось, из одних зрачков. Птица была по размерам мельче ястреба, но устрашающие когти и крючковатый клюв выдавали в ней хищника.

В круглых глазах, обращенных на ястреба, не было вражды, скорее дружелюбный интерес. Один из обитателей поста подставил руку в перчатке, птица тут же оказалась на его ладони.

— Овки, — успокоил Рерн, — неплохо уживаются с ястребами.

До этого Трой только понаслышке знал об этих искусных ночных охотниках. Тем временем человек вынес птицу из пещеры и, подняв руку, издал протяжный клич:

— Оооовку-у-у!

Рерн кивнул в сторону насестов. Трой поднес к одной из перекладин ястреба. Недоверчиво склонив набок голову, тот с минуту раздумывал и, наконец, перескочил на предложенное место. Взгляд птицы не отрывался от Троя, напоминая, что подошло время ужина.

Как только багаж Рерна и Троя был перенесен в убежище, встретившие их рейнджеры заспешили: за каждым был закреплен обширный участок местности, требовавший круглосуточного надзора. На прощанье они перескинулись с Рерном несколькими негромкими фразами. Юноша решил, что их стесняет его присутствие и, уйдя вглубь пещеры, принялся кормить ястреба, стараясь не обращать на себя внимание.

Вскоре оба охотника отправились в ночной обход своей территории. Рерн достал из рюкзака еду. Вдвоем они устроились возле костра на набитые душистой травой кожаные подушки. За ужином охотник разговорился. Трой боялся пропустить хоть одно слово. Ему было интересно слушать рассказ о жизни рейнджеров, об исследовании Диких Земель, бережной охране их экологии, которую так легко нарушить...

Это был богатый край. Но и отличную древесину, и ценнейшие лекарственные травы, и молодь местных животных для разведения — все сокровища из этой природной кладовой можно было использовать только под надзором и с согласия охотничьих кланов. Они были сильны и достаточно организованы, чтобы в случае необходимости отразить попытку вооруженного вторжения в заповедные места.

Тем не менее, столкновения браконьеров с охраной Диких Земель случались нередко, особенно на западных окраинах территории. Тут кланам было не обойтись без поддержки патрулей. Она им оказывалась,

всё дикая прелесть заповедника входила в программу удовольствий, предоставляемых на Корваре галактической элите. Многое об этом Трой знал и раньше, но Рери указывал конкретные даты и места событий, называл имена их участников. В устах охотника рассказ о борьбе за Дикие Земли казался полулегендой о мужественных и верных долгу рейнджерах.

Уж не приукрашивает ли Рери? — подумалось Трою. Его все больше удивляла неожиданная словоохотливость обычно неразговорчивого охотника. Тем более, что некоторые намеки рассказчика наталкивали на мысль, что жесткий статус заповедника не устраивает кое-кого в сферах большого бизнеса.

— На Корваре не обнаружено металлических руд, — говорил тем временем Рери. — Но если вдруг будет открыто ценное месторождение, сомневаюсь, что запрет на промышленные работы останется в силе...

— А как же Дикие Земли? Разве можно их уничтожить?

Трой вдруг осознал, что ему безразлична судьба этого вольного края. Юноша был здесь совсем недолго, но очарование первозданной природы разбудило в его душе полузабытое ощущение, рожденное под ласковым солнцем Вордена. Ему, словно птице, захотелось парить под открытым небом, его пьянил зов свободы.

Губы Рерна тронула горькая усмешка.

— История мало чему научила людей. Я знаю сотни планет, которые погубила человеческая жадность. Одни в один миг сгорели в атомном пламени войны, другие человек убивал долгие годы. Корвару выпала счастливая карта: он стал обителем сильных мира сего. Даже самые жадные из них не хотят жить на голой и бесплодной планете. Своей властью и богатством владыки мира обеспечивают неприкосновенность Корвара, где стоят их виллы, где кружится для них бесконечный калейдоскоп развлечений. Но не охладели ли они когда-нибудь к этой планете, как к надоевшей игрушке? Ведь ее недра могут таить гораздо более доступные богатства, чем сокровища Руворра...

— Что ж, Корвар процветает уже двести лет, — голос Троя слегка зазвенел, горло его сдавил горький спазм.

— По воле Саттор-Лидера Ди Вордену было отведено вдвое меньше времени...

Рери покачал головой.

— Годы — слабое утешение для человека, если сломан тот образ жизни, который ему близок. Благополучное прошлое только оттеняет черный ужас готовящегося убийства. А что касается Ди... Он был отравлен в своем собственном саду, и до сих пор не найден казнивший его человек. Саттор-Лидер ответил и за Ворден, и за многое другое.

Трой насторожился. Он почувствовал себя мышью, которую накрывала тень коршуна. Правду о причине смерти Ди власти держали в тайне. Откуда Рерну известно про яд? Быть может, охотник знает и о действиях куинкажу на вилле убитого хозяина?

Но охотник уже переменял тему разговора. Он принялся спрашивать Троя о его детстве. Все, связанное с Ворденом, с потерей семьи юноша вспоминал с болью, говорить об этом он не любил. Но неподдельное участие в тоне Рерна побудило Троя к искренности. Он даже признался, что постепенно начинает забывать Ворден.

— Равнины есть и здесь, на Корваре. Вам это ни о чем не говорит? — Охотник легко поднялся на ноги. — Если у человека есть время и способности, он может научиться многому. Вот ваша койка, Кронг. Пусть не явятся к вам дурные сны, — произнес Рерн ритуальное пожелание на ночь.

Трой подошел к ястребу. Убедившись, что птица спокойно спит, поджав, по обыкновению, одну лапу, юноша тоже направился к отведенной ему койке. Улегшись, он не ощутил привычной упругости пластика. Набитое в тюфяк душистое сено мягко охватило тело. Вскоре Трой уже спал. Ему ничего не снилось.

Его разбудили голоса птиц. Протирая глаза, Трой не сразу сообразил, где находится. Но тут же скатился с койки навстречу новому дню в Диких Землях. Выйдя из пещеры, он залюбовался видом на расстилавшуюся внизу долину с живописным озером. На водной глади юноша заметил какое-то движение. Вглядевшись, он понял, что это плывущий человек. По высеченным в скале ступенькам Трой спустился к берегу. Там лежала сброшенная одежда. Скинув рядом свою, он опасливо поболтал ногой в воде и, неловко бултыхнулся в озеро.

Юноша не решался удаляться от берега — плавал он не так хорошо, как тот, кого он заметил сверху. Неподалеку в озеро впадал довольно широкий ручей, прятавшийся в тени больших деревьев. Упавшие с них цветы и листья пестрели на поверхности и колыхались от каждого взмаха рук барахтавшегося Троя.

— Бр-р, холодно, Джентль Хомо, — крикнул юноша Рерну, который, энергично рассекая воду, приблизился к берегу.

Тот достиг мелководья и встал, давая воде стечь с длинных волос и загорелого тела. Взглянув на Троя, облепленного намокшими лепестками, охотник рассмеялся:

— Роскошное удовольствие — цветочная ванна?

Засмеялся и Трой, пытаясь смыть с себя прилипшие цветы.

— Я только последовал за вами, Джентль Хомо.

— Мое имя Рерн. Мы здесь не в Тилле.— Наскоро обтерев тело своей одеждой, охотник стоял, глядя на озеро. На его суровом лице заиграла легкая улыбка.

— Денек отличный. Скорее в путь. Там, на плато, мы испытаем нашего крылатого охотника.

Как и вчера, флиттер нес их на северо-восток. Деревья внизу поредели и вскоре исчезли совсем. Но это не была обожженная пустыня, как возле Руворра. Под ними простиралась высокая равнина, поросшая густой травой. Кое-где мелькали небольшие кусты. Они дважды спугнули стада крупных животных, которые, заслышав стрекот флиттера, убегали, сердито потрясая рогами и задрав хвосты. Их мощные крупы с переливавшимися при движении мышцами блестели на солнце.

— Дикий скот,— проронил Рерн.

— Но они покрыты чешуей, или чем-то похожим?

Трою вспомнились его тупаны, оставшиеся и наверняка погибшие на далеком Вордене. Они так же легко несли свои сильные тела, убегая от летящего флиттера.

— Нет, это не чешуя, как у рыб,— возразил Рерн,— а ороговевшие складки кожи.

— Им здесь привольно,— одобрительно сказал Трой.

— Не так все просто. Численность скота год от года падает, приплод молодняка уменьшается, и никто не знает причины. Специалисты, кстати, полагают, что когда-то эти животные были одомашнены.

— Их приручали те, что обитали в Руворре?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Рерн.

— Так что ж, Руворр — единственное напоминание о них?

— Получается так, и это тоже загадка. Если здесь жила целая цивилизация, то почему только один город? Или это маленькая колония какой-то межзвездной расы, погибшей много раньше, чем человечество проникло в космос? Это-то и хотел выяснить Куфлонн. Он же обнаружил еще один след древних, это севернее, за равнинами. Но те руины еще меньше Руворра... — Нет,— продолжал он,— непохоже, чтобы они были аборигенами. Да и нанумы, дикий скот, совершенно непохожи на других здешних животных. Скорее, это одичавшие стада той же исчезнувшей расы, сумевшие пережить своих первых хозяев.

Равнину сменила цепь пологих холмов, еще дальше пошли скалистые хребты. Но вот Рери указал на плоскую площадку, как бы отрезанную от мира кольцом высоких скал. Она вся была усыпана цветами, кроны редких деревьев золотились на утреннем солнце, отражаясь в зеркале горного озера. Этот заповедный уголок был так

прекрасен, словно его никогда не посещал человек. Но Рерн знал это место, он уверенно посадил машину у самой кромки воды. Ласковый ветерок ерошил поверхность озера легкой рябью.

Флиттер последний раз дрогнул и замер. Ястреб тут же расправил крылья и издал пронзительный крик.

— Счастливой охоты,— засмеялся Рерн и подбросил птицу.— Алла-ху-у-у!

Ястреб с победоносным криком взмыл и вскоре исчез в высоком небе.

ГЛАВА 7

Лежа в нагретой солнцем траве, юноша вдыхал дурманящий аромат, давно забытый им в трущобах Диппля. Его клонило в дрему, но он боялся потратить на сон хоть час этого удивительного дня. Довольный ястреб вдоволь налетался на просторе и теперь умиротворенно сидел на срезанной для него сучковатой ветке. Знойную тишину не нарушали стрекот и жужжанье обычных для такого места насекомых, их здесь было почему-то мало.

Чтобы победить сонливость, Трой решил немного размяться. Осторожно, чтобы не потревожить уснувшего неподалеку Рерна, он побрел по траве прочь от флиттера. Ветер трепал его вихрастые волосы, обдавал ласковой свежестью плечи и грудь. Трою вдруг вспомнился магазин Кайгера: ряды клеток с животными, и в одной — настороженный меховой шар. Куинкажу... И эти кошки... Ястреб, ставший за несколько дней совсем ручным. Земные животные вели себя по особому, они как бы шагнули навстречу человеку. Он, Трой Кронг, способен к контакту с ними. Юноша почувствовал, как стремительно расширяются горизонты его мира.

Он взглянул туда, где зарылся в траву спящий Рерн. Искушение обо всем рассказать охотнику овладело юношей, он почему-то знал, что тот поверит ему. Рерн первым из граждан Корвара обращался с Троем как с равным, словно забыв, что тот из Диппля. Здесь, в Диких Землях, юноша с каждым часом все полнее радовался жизни, он словно рождался заново. Решившись, он зашагал было к Рерну, но... поздно. Крылатая тень чужого флиттера двигалась совсем близко от них.

Рерн уже сидел в траве, наблюдая за посадкой машины. Не заглушая двигателя, из кабины выпрыгнул человек в городской куртке,

наброшенной на плечи поверх костюма охотника. После короткого разговора с незнакомцем Рерн подозвал Троя.

— Хосс доставит вас в Тилл, — приказал он, не вдаваясь в объяснения. — Передайте Кайгеру, что я куплю этого ястреба.

Он замолк и пристально поглядел на юношу, будто хотел сказать еще что-то. Но только пожал плечами, повернулся и быстрым шагом направился к свосму флиттеру.

Трой ничего не понимал. Досадливо отмахнувшись от недавних своих планов, он взял ястреба на руку и сел в кабину рядом с Хоссом. Машина круто поднялась и направилась на Север.

Они летели самым коротким путем и вскоре после полудня Трой уже переступил порог магазина. Кайгер встретил его в коридоре.

— А охотник Рерн? — хозяин вопросительно поднял брови.

Трой немногословно доложил о внезапном изменении планов рейнджера. Кайгер испытующе посмотрел ему в глаза, видимо, не удовлетворенный лаконичным известием о продаже ястреба.

— Что ж. Сажайте его в клетку и помогите кормить животных, — сухо приказал экс-космонавт.

Трой быстро обошел ряды клеток. Он искал куинкажу, но вместо него на юношу сквозь прутья глядело совсем другое существо, с острой мордочкой и небольшими внимательными глазами.

— Вернулись? — один из служащих, наливавший воду в кормушки, распрямился и кивнул Трою. — Нам пришлось за вас работать. Как слетали?

— Продал ястреба...

Юноша внимательно смотрел на новичка, поселенного в клетку куинкажу. Это тоже было земное животное — то самое, которое Кайгер демонстрировал на экране Первому Великому Вождю Сидона. Значит, Кайгер уже получил заказанную лису. Нет, лис! Второй такой же зверек свернулся в углу клетки пушистым клубком, напоминавшим куинкажу. Почему же этот не спит, неотрывно глядя на него внимательными глазами?

— Один спит, другой охраняет...

Кто ответил на его невысказанный вопрос? Лиса?

Теперь она села, обернувшись пушистым хвостом, и уже не проявляла признаков настороженности.

— У нас, я вижу, новенькие? — как можно небрежнее спросил Трой у служащего, кивнув на клетку с лисами.

— Вам не стоит интересоваться ими, диппльмен. Так приказал хозяин. Он сам будет ухаживать за ними.

— Кронг!

Трой вздрогнул, словно вошедший бесшумно в комнату Кайгер застал его за чем-то предосудительным.

— Вам здесь нечего делать. Ступайте, помогите Доунгу. — Кайгер подождал, пока юноша покинет комнату и следом за Троем дошел до помещения, где содержались морские свинки. Доунг возился в углу, наливая жирную на вид жидкость из большого аквариума в маленький, переносной. К стеклу большого аквариума присосалось настолько странное существо, какое, по мнению Троя, может быть только плодом больного воображения, а не творением природы.

У Кайгера ему довелось повидать и на трехмерном экране, и в натуре множество необычных животных. Но это... Оно было попросту жутким, один его вид вызывал страх и омерзение. К горлу юноши подкатила тошнота, он с трудом отвел взгляд от аквариума.

Тут он заметил невысокого человека в мундире правительственного чиновника. Лицо его было невыразительным, внешность — более чем зауридной. Лишь глаза, неотрывно наблюдавшие за манипуляциями Доунга, сверкали алчным пламенем, а язык быстро-быстро двигался по бескровным губам, как у ящерицы.

— Прекрасно, торговец. Отлично!

— Только не для меня, — пожал плечами Кайгер, косясь на аквариум. — Эти хур-хуры... — он сделал паузу, словно не мог подобрать нужных слов, — они... их вряд ли можно назвать прекрасными, гражданин Драгар.

Маленький человек оскорбительно выпрямился и стал похож на разъяренного ястреба.

— Они прелестны, торговец Кайгер, они просто очаровательны! Это будет самой яркой жемчужиной в моей коллекции! — Взгляд маленького человечка уперся в Троя.

— Этому служащему поручено помочь при перевозке? Полагаю, у него есть необходимый опыт обращения с подобным сокровищем? Вы, — он требовательно направил на Троя палец, — вы отвечаете за этот ценнейший экземпляр, пока он не окажется в моем бассейне!

Трой открыл было рот, намереваясь высказать все, что он думает о ценности хур-хура. Но, поймав предостерегающий взгляд Кайгера, вспомнил, что срок семидневного контракта истекает и нужно сделать все для его возобновления. Так или иначе, уговаривал себя юноша, аквариум, который заполнял сейчас Доунг, достаточно крепкий, в добавок он будет защищен глухим футляром, так что можно будет не смотреть на этот водоплавающий кошмар.

Доунг опустил в аквариум длинный прут и легонько тронул хур-хура. Трой, словно загипнотизированный, глядел, как чудовище расправил свои отвратительные щупальца с присосками и затем

обхватило ими стержень. Доунг поднял прут и перенес на нем хур-хура в маленький контейнер, который тут же наглухо закупорил герметичной крышкой. Все это было помещено в непрозрачный ящик с прикрепленным к нему широким ремнем.

Преодолевая отвращение, Трой взялся за ремень. Он чувствовал толчки и вибрации там, внутри: видимо, хур-хур обживал свое тесное жилище. Поборов искушение отбросить от себя подальше мерзкий груз, юноша поднял контейнер и накинул ремень на плечо.

— Тише! Осторожно! — приплясывая, вскрикивал Драгар при каждом движении Троя.

— Напрасно волнуетесь, гражданин, — Кайгер попытался успокоить нервного покупателя. — Они вполне сносно переносят транспортировку. А вот и пища для вашего питомца...

Кайгер вручил Драгару клетку с небольшими зверюшками, которые скулили и повизгивали, как будто предчувствуя свою близкую и ужасную гибель. Троя вновь одолел очередной приступ тошноты. Стиснув зубы, он поправил на плече ремень и отправился следом за маленьким человечком.

Он полагал, что эта пытка окончится у флиттера Драгара, где он вручит чиновнику свою ношу. Но тот настоял, чтобы Трой доставил хур-хура к нему домой. Юноше пришлось забраться в кабину и держать на коленях то и дело вздрагивающий от возни хур-хура контейнер. Путь к дому покупателя оказался очень долгим, тем более, что Драгар из опасения повредить драгоценному здоровью обитателя аквариума, вел флиттер лишь чуть быстрее скорости пешехода.

В довершение всего маленький чиновник был чрезмерно говорлив. Причем, разговаривал он не с Кронгом, он мыслил вслух. Помыслы его были сосредоточены на соперничестве с каким-то Мозелли, который, хотя и делал более удачную, чем Драгар служебную карьеру, но не имел в своей коллекции такого чуда как хур-хур.

— Изумительно! — Сверкая глазами, покупатель направил флиттер к окраине Тилла. — Он не сможет в это поверить! Я же, когда подойдет моя очередь устраивать товарищескую вечеринку, приглашу его и... ну, скажем, Виллина с Сержем. Я все сделаю хитро. Сначала продемонстрирую ему луппинских моллюсков, потом — прыгающих червей... Я буду терпеливо слушать, пока он бахвалится своими приобретениями. И только потом... Только потом! — Драгар отнял от руля одну руку и трепетно возложил ее на контейнер. — Потом он увидит хур-хура... У него никогда не будет такой коллекции. Никогда!

Тут маленький чиновник соблаговолил вспомнить, что у него есть спутник.

— Ну как, молодой человек, а? Ведь торговец Кайгер обязан дать мне сертификат, что это единственный экземпляр? И при жизни животного он не имеет права привезти на Корвар другой экземпляр, верно?

Трой впервые об этом слышал, но счел за благо не возражать.

— Да, гражданин, все правильно.

— Ха, ха, ха! У Мозелли никогда не будет хур-хура! Ведь эти красавцы живут двести, а то и триста лет! А торговец заверил, что это молодая особь. О, Мозелли позеленеет от зависти. Он только во сне сможет владеть таким прелестным хур-хурчиком.— И Драгар вновь любовно погладил крышку аквариума.

Похоже, его возбуждение передалось животному, которое начало вести себя так агрессивно, что Трою пришлось крепче стиснуть руками стоящий на его коленях ящик.

— Осторожно! Молодой человек, в чем дело? — Драгар посадил флиттер на дорогу и осуждающе уставился на Троя.

— По-моему, оно очень возбуждено, гражданин.— Трой кивнул на контейнер, по-прежнему сотрясавшийся от бросков животного.— Видимо, ему здесь тесно и хочется поскорее попасть в большой аквариум.

— Вы правы.— Драгар не стал поднимать флиттер в воздух и повел его по дороге. Впрочем, теперь они двигались много быстрее, нежели когда летели.

Драгар жил в небольшом коттедже на окраине торговой части Тилла. Отворив дверь прикосновением ладони к замку, маленький чиновник сделал Трою знак войти. Юноша невольно отшатнулся: такая атмосфера царила в жилище Драгара.

Он привык, работая у Кайгера, к стойкому запаху, свойственному скоплению животных. Но магазин был оборудован добротной системой вентиляции, благодаря чему воздух был достаточно чистым. В доме Драгара стояло удушающее зловоние, от которого темнело в глазах.

Помещение было как бы кусочком морского дна. Вдоль стен тянулись неярко подсвеченные зеленоватыми лампами аквариумы, а посередине комнаты плескался бассейн.

— Ради бога, не двигайтесь, молодой человек! — Драгар мелкими шажками пересек комнату, достал пустой аквариум и водрузил его на стеллаж в ряд с другим. Затем он стал сливать туда жидкости из

нескольких сосудов, время от времени прихихиваясь к получасовому коктейлю.

Трою было приказано не двигаться с места. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу: контейнер всил немало, к тому же его то и дело сотрясали удары. Плечо под ремнем ныло. Юноше ничего так не хотелось, как поскорее покинуть эту берлогу с ее отвратительными запахами и обитателями, из которых некоторые выглядели не менее жутко, чем хур-хур.

Но вот Драгар, видимо, остался удовлетворен приготовленной адской смесью. Он подозревал Троя. Кажется, он рассчитывает, что Трой пересадит хур-хура в аквариум, как это делал Доунг? Что ж, придется огорчить покупателя, Трой на подобные подвиги просто не способен.

Но нет. Юноша с облегчением увидел, что Драгар не рискует доверить ему столь ответственную процедуру. Стоило Трою снять с плеча и поставить на пол контейнер, маленький человечек замахал руками, приказывая юноше отойти подальше. Вооружившись стержнем, он успешно пересадил животное в новое обиталище.

— Вот так! — Победоносно просяив, Драгар протянул пустой аквариум и футляр Трою. — Теперь пусть он дня два-три побудет один. Я навещу его только для кормления.

Трою не терпелось поскорее уйти из этого зловонного дома.

— Я свободен?

Драгар, погруженный в заботы о новом питомце, посмотрел на Троя взглядом сомнамбулы.

— Что? Ну да, это все, молодой человек. Мы с вами прежде не встречались? Возможно, вы привозили мне корм в предыдущий раз?

— Нет, гражданин. Я недавно у Кайгера.

— Ах, да. Я вспомнил: тогда приходил Зум. А вас как зовут?

— Трой Кронг.

— Кронг... Это чужеземное имя.

— Я с Вордсена. — Трой двинулся к выходу, навстречу свежему воздуху.

— Ворден? — Драгар поморгал, как бы силясь представить себе звездный атлас и разглядеть на нем Ворден. — Стало быть, вы, как и Кайгер, были космонавтом?

— Я из Диппия.

— Вот как... — на лице Драгара отразилась характерная для корварца гамма чувств, от замешательства до раздражения. — Передайте Кайгеру: я доволен. Очень доволен. И обязательно напомните ему про сертификат. Должно быть совершенно точно удостоверено, что это — единственный экземпляр.

— Я не сомневаюсь, что хозяин не забыл об этом, гражданин.

Проводив юношу на улицу, Драгар указал ему на движущийся тротуар и стоял на пороге, пока диппльмен не скрылся из вида.

Увы, этим не кончились раздражения и разочарования, которыми оказался столь богат этот день, начало которого было таким прекрасным.

Еще утром Трой купался в чудесном озере, а вечером, вернувшись от Драгара, он увидел Зума, по-хозяйски расхаживающего у клеток. Он слегка прихрамывал, но передвигался быстро. При виде Троя на смуглом лице не отразилось никакой радости от встречи.

Итак, срок семидневного контракта истек, и теперь, когда выздоровел Зум, Кайгер вряд ли станет держать у себя Троя. Передаваясь этим несвеселым мыслям, юноша решил напоследок поухаживать за своими питомцами. Но, увидев молодого работника с мисочкой воды возле клетки с лисами, Зум отослал его прочь, демонстративно выполняя один всю работу. Трой изнывал от вынужденного безделья, стараясь пореже попадаться на глаза хозяину. Он с минуты на минуту ожидал известия, что его работа у Кайгера закончилась. Но уже подошло время закрывать магазин, а торговец молчал.

Тут его вызвали в помещение для животных. Возле клеток расхаживал Кайгер, поодаль стоял Зум с недовольной миной.

— Вы, Кронг, будете, как обычно, совершать ночью обходы.— Отдав это приказание, хозяин положил свою большую руку на плечо Зума и развернул его лицом к себе так, словно смуглый человек вовсе ничего не весил. Кайгер пристально посмотрел Зуму в глаза.— Вот так,— произнес хозяин тоном, не терпящим возражений.

Желтолицый метнул на Троя острый, как бритва взгляд. В эту минуту молодой диппльмен впервые в жизни пожалел, что ему отказано в праве носить у пояса нож.

Наконец, магазин закрыли. Животные уgomонились, стало тихо. Совершая первый обход, юноша особенно внимательно осматривал каждое помещение, заглядывая во все углы и закоулки. В душе нарастала смутная тревога, происхождение которой было непонятно...

У пернатых все было в порядке. Увидев Троя возле клетки, ястреб приветственно защелкал клювом. Он позволил юноше погладить свой боевой гребень и на секунду доверчиво прильнул головой к теплой ладони человека.

Войдя в комнату, где содержались животные, Трой понял источник своей непонятной тревоги. Где куинкажу? На его месте поселили теперь лис. Трой лишь сейчас сообразил, что за весь день не услышал ни от кого ни слова о любимце покойного Саттор-лидера. Неужели

животное затребовали как ценное имущество наследники Ди? Это предположение, однако, показалось сомнительным.

В памяти всплыла неслышная мольба куинкажу о помощи, обращенная к нему, Трою. Он должен отыскать зверька! И если это не удалось одним способом, нужно попробовать другой. Трой решительно отправился на склад, где стояла его койка, и лег, прикрыв глаза.

ГЛАВА 8

Он постарался до предела расслабиться, имитируя то состояние, когда до него донесся бессловесный разговор. Привычные звуки птиц и животных, раздавшиеся через коммуникатор, не мешали Кронгу.

—...Здесь... Снаружи...

Не слова, скорее аура тревоги, мольба о защите. Открыв глаза, Трой сел. Прием тут же прекратился. Значит... Он вновь улегся, смежив веки и постарался снова вникнуть в неслышную беседу.

— Рядом... Вне... Опасность...

Он лежал, почти не дыша, боясь пропустить хоть слово.

—...Оттуда... Страшно...

Так и есть, это зов о помощи. Но от кого? Он нашел конец нити и должен размотать весь клубок.

— Где? — он постарался, чтобы его мысленный вопрос (кому?) был выражен предельно четко.

Всплеск удивления, воспринятый им, был так силен, что юноша сжал руками голову.

— Кто? Кто? — настойчиво пробивалось в его мозг.

— Трой... — посланное имя не было понято, юноша ощутил импульс недоумения. Тогда он попытался вспомнить свой облик, который знал по отражению в зеркале. Сконцентрировал внимание на чертах своего лица. Нос... губы... глаза...

Волна замешательства скакнула. А контакт? Он сохранился!

— Кто? — Трой повторил вопрос, заранее уверенный в ответе: конечно же, это куинкажу.

Но в голове «проявились» вдруг забытые контуры остроносой мордочки с торчащими ушами и быстрыми блестящими глазами... Лиса!

Трой вскочил с койки. Скорее туда, в клеткам! В случае чего, если Кайгер или Зум застанут его возле животных, он может оговориться, что услышал в коммуникаторе некий непонятный шум и решил узнать его источник. Наученный опытом, юноша перед выходом из

склада взял станнер. С этим оружием в руке он на цыпочках двинулся к комнате с животными.

На клетку было брошено покрывало. Трой откинул его. Обезопасившись, он не спал, их глаза глядели настороженно. Но, осмотрев помещение, юноша не заметил ничего тревожного. Никаких признаков чужого присутствия. Трой опасался новой вылазки, ведь первая могла стоить ему жизни, если бы не предупреждение куинкажу.

— В чем дело? — ему почему-то не казалось фантастичным, что он обращается с вопросом к паре земных лис.

— Большой... Опасный...

Запас их слов был скудным, но в его голове мелькнула догадка.

— Большой... Кайгер?

Молчание. Ну, да: имя для них — пустое.

— Хозяин?

— Да! — последовал мгновенный ответ.

— Он... паника... решил, что лучше смерть...

— Для кого смерть? — рука Троя крепче обхватила рукоять станнера.

— Для тех, кто знает...

— Для меня? — вырвалось у Троя. Впрочем, в чем Кайгер может подозревать его? Что он, дипломат, такого знает?

— Он напрасно ждал ответа. Видимо, его вопрос сильно озадачил «собеседников».

— Да... — Но в этом «да» явно сквозило сомнение.

Трой предоставил себе куинкажу. Одна из лис встрепелась и попыталась в глубь клетки.

— Был. Здесь... Теперь — нет... Не здесь...

— Где он? — Трой напрягся, пытаясь уловить смысл.

Перед ним возникла картина плотно закутанной клетки, находившейся где-то вне магазина.

— Он во дворе?

После долгой паузы юноша принял довольно расплывчатое описание:

— Холодно... свежий воздух... Запахи — много...

Не знаем где... может быть, снаружи...

Выходит, лиса и сейчас в контакте с куинкажу? Почему бы и нет? Такая вероятность уже поразила Троя.

— Все закутано... ничего не видно...

Правильно. Скорее всего, зверек во дворе. Он в клетке, приспособленной для перевозок. Отыскать его сейчас, ночью, почти невозможно. Да и что это даст?

— Скрыться!

Они поняли ход его мыслей и попытались объяснить. Диалог явно утомил животных. Та лиса, что стояла ближе, часто дышала, высунув из пасти красный язык.

Трой был озадачен. Почему Кайгер прячет куинкажу, почему намеревается куда-то увести зверька? Попытаться проникнуть в эту тайну — значит нарваться на неприятности. Тут пахнет не просто увольнением, — его внесут в черный список. Любая работа на Корваре будет ему заказана. Подобное случалось с людьми из Диппля из-за гораздо более невинных поступков... Сейчас он накинёт на лисью клетку покрывало, выйдет отсюда и выкинет все это из головы. Надо думать о собственной безопасности!

Но о какой безопасности идет речь? О его способности общаться с земными животными знают и лисы, и кошки, и тот же куинкажу. Где гарантия, что они не раскроют его тайну Кайгеру? Стоит только торговцу заподозрить, что работник «слышал» прошлой ночью тот неоконченный разговор. Пожалуй, Трою не стоит терять четвероногих союзников...

Он не стал возобновлять контакт с уставшими лисами. Водворив покрывало на место, он бесшумно отворил заднюю дверь и, сунув за пояс станнер, выскользнул в темноту двора.

По заведенному порядку обходы здесь делал старший служащий. Крупные животные, содержащиеся в вольерах на воздухе, могли всполошиться, заметив Троя, и шумом выдать его охраннику. Приходилось двигаться крайне осторожно. Трой передвигался наугад, гадал, где может быть спрятана клетка с куинкажу, если, конечно, она вообще находится здесь.

Крадясь вдоль стены, преодолевая быстрыми перебежками открытые участки двора, он, наконец, достиг двери склада. Оттуда пахло приятными ароматами свежескошенного сена, сухих семян и плодов. Волна этих волнующих запахов напомнила ему чудесные часы, проведенные в Диких Землях. Быть может, именно в этот тревожный миг у Троя забрезжила идея (нет, еще не план, а робкая мысль), призрачная надежда на спасение, если торговец надумает отправить его обратно в Диппл.

Тяжелая дверь склада отворилась без скрипа. Войдя, Трой не стал закрывать ее плотно, чтобы через оставленную щель видеть, что делается во дворе. Где же клетка? И кто ее прятал, сам торговец или какой-нибудь работник? Зум...

Скорее всего, он. Вспомнилась недовольная гримаса желтолицего, когда хозяин оставил Троя на ночь в магазине. В это мгновение юноша

заместил какое-то движение возле двери кабинета Кайгера. Вот неясная фигура попала в полосу света. Зум! Тот, видимо, тоже боялся быть обнаруженным, так как тут же отпрянул в тень и двинулся вдоль загонов.

Находившиеся там животные, видимо, знали его по запаху и не проявляли беспокойства. Но вот силуэт Зума исчез. Сквозь стену он прошел, что ли?

Тут же с противоположного конца двора слышались торопливые шаги. Этот человек не старался двигаться бесшумно. Охранник? Вот стук подметок уже у дверей склада. Кронг затаил дыхание и тихонько притворил дверь, чтобы щель не насторожила дежурного.

Шаги стали удаляться, охранник не счел нужным заглянуть в склад. Трой снова приоткрыл дверь, но разглядел только спину человека, вошедшего в помещение на другой стороне двора — обход закончен.

Ни один он наблюдал за действиями охранника. Вот в тени снова обрисовалась фигура Зума, который, крадучись, продолжил путь вдоль загонов. Зум прячется от охранников? Интересно!

Щуплая фигурка миновала весь ряд загонов и остановилась перед последним, где содержалась пара молодых гарсий с планеты Логус. Эти кроткие создания по виду напоминали оленей.

Легонько скрипнула калитка и Зум растворился в темноте загона.

— Повинуйся!

Трой непроизвольно схватился за виски: резкая мысленная команда пронзила, словно кинжал. Однако, юноша не уловил ответного импульса: существо не хотело подчиняться желтолицему.

— Смотри сюда! — снова хлестнул приказ. — Я заставлю тебя повиноваться!

Кронг представил себе Зума, стоявшего против закутанной клетки, пытаясь подчинить себе пушистый шар. Итак, воля против воли, животное против человека. Трой сконцентрировал внимание, стараясь проследить ход бессловесной дуэли, которая происходила сейчас в загоне. Но так и не уловил ответа куинкажу на приказы и угрозы Зума.

Предприняв еще несколько безуспешных попыток укротить зверька, желтолицый покинул загон и, крадучись вдоль стены, исчез в том проходе, через который космонавты и другие личные гости хозяина проникали в магазин.

Трой заставил себя досчитать до ста и лишь затем вышел из склада и устремился к загону гарсий.

Когда он вошел туда, животные беспокойно зашевелились. Но вспомнив Кронга-старшего, юноша тихонько поцокал языком — наступила тишина. Здесь было темно, свет со двора доходил лишь до

начала помещений. Никакой клетки Трой не увидел. Тогда он двинулся к дальней стенке загона, ощупывая все вокруг. Есть! Его рука наткнулась на что-то твердое, спрятанное в угол под кучей соломы. Окутывающий клетку чехол был притянут бечевками с двойными узлами. Расправиться с ними в темноте, на ощупь, оказалось не так-то просто.

Хотя куинкажу наверняка чувствовал его присутствие и понимал действия человека, он ничем не проявлял себя, не пытался вступить в контакт. Наконец, чехол развязан. Но в темноте все равно не разглядеть, что творится в клетке. Нашупав щеколду, Трой открыл дверцу — и сразу же стремительный комок пролетел мимо него и, разбрасывая сено, подняв тучу трухи, устремился к выходу. Юноша глазом не успел моргнуть, как зверек ловко проскользнул под изгородью загона и исчез во дворе. Для него, приспособленного к жизни на деревьях, здесь была тысяча укрытий — преследовать беглеца было пустым делом.

Закрыв клетку, Трой тщательно восстановил все завязки на чехле. Затем очистил комбинезон от травинки сена, он не хотел неприятностей. Юноша хотел верить, что теперь зверьку ничего не угрожает. А его исчезновение... Что ж, пусть Кайгер с Зумом утречком поломают над этим голову!

Юноша вернулся на свою койку. В нем крепла уверенность, что торговец ведет куда более крупную игру, чем контрабанда, и в нее каким-то образом вовлечены животные. Засыпая, он пытался решить вопрос: сколько четвероногих жителей Земли уже успели расселить в домах Корвара и с какой целью?

Если куинкажу и хватились, то внешне это никак не проявлялось. Все шло, как обычно, только Трой мыл сегодня клетки, а кормление животных взял на себя Зум. Но в полдень юношу вызвали в помещение для пернатых: Зум не смог совладать с ястребом.

Еще в коридоре Трой услышал протестующие крики своего любимца. У дверей стоял хмурый Кайгер.

— Поторопитесь, Кронг,— бросил он.

Возле клетки Зум, бормоча что-то на непонятном языке, приплясывал от боли, то и дело поднося к губам окровавленную руку.

— Ему надо успокоиться,— сказал Трой хозяину. Тот согласно кивнул и вытолкал из комнаты Зума. Ястреб хлопал крыльями, широко разсвая клюв.

И снова юноша вспомнил отца, его удивительные приемы обращения с животными. Он стал потихоньку двигаться к птице, издавая однообразные звуки, которые, как ему помнилось еще по Вордену,

успокаивающе действовали и на животных, и на птиц. Он заставил себя не спешить. Если ястреба не успокоить, тот начнет кидаться на стенки и может нанести себе серьезную травму. Да и эмоциональный срыв способен зачеркнуть все успехи, достигнутые в приручении пернатого хищника. Трой сосредоточился, словно пытаясь установить с птицей контакт, как с ее земляками, земными животными. И хотя ответного импульса не последовало, ястреб на удивление быстро угомонился и Трой смог достать его из клетки и взять на руку. Тук, с птицей на руке, юноша двинулся по коридору, свежий воздух должен пойти ястребу на пользу. Кайгер, наблюдавший издали, одобрительно кивнул.

Спустя час к птице вернулось хорошее настроение, и Трой водворил ее в клетку. Он снимал рукавицу, когда к нему подошел Кайгер.

— Хорошая работа. Вы нам подходите. Согласны на постоянный контракт?

Об этом Трой не смел даже мечтать. Постоянная работа даст ему права гражданина! Он перестанет быть дилпльменом — постоянный контракт можно отменить лишь из-за серьезного преступления. Наконец-то законы Корвара будут защищать его, а не дискриминировать. И все же... в душу закралось сомнение. Зная себя, юноша понимал, что вряд ли станет преданным работником Кайгера, связанным с магазином всеми делами и помыслами. Он знал, чего ему хочется по-настоящему. Это знание выросло из смутного ощущения, родившегося в то утро в Диких Землях. Свобода... Ее не найдешь в Тилле. Однако, он слишком размахнулся, нужно вернуться к реальности. Трой постарался выразить во взгляде благодарность.

— Да, торговец, я согласен.

— Сегодня еще отработаете по прежнему контракту, а завтра заключим новый. И вот еще что. — Кайгер кивнул на ястреба. — Надо избавиться от лишних хлопот. Я узнаю в городском штабе охотников, и если там согласятся, вечером отвезете к ним птицу.

Всего лишь час спустя Зум велел Трою срочно идти в кабинет хозяина. Тот мерил шагами комнату, потирая свой шрам. Обычно спокойный, сейчас Кайгер не производил впечатления уверенного в себе человека, процветающего поставщика экзотики.

— Мы закрываемся прямо сейчас. Запомните, Кронг: не отвечайте никому по выходному коммуникатору. Обходы делайте как обычно. В случае каких-то эксцессов не пытайтесь действовать сами, сразу включите тревогу. Меня не будет, но патрульные предупреждены.

Кайгер явно чего-то опасался. Нового вооруженного вторжения? Впрочем, спрашивать сейчас не время, хозяин явно торопился. Он

облачился в ночной плащ с капюшоном, так обычно одевались, направляясь в не слишком респектабельные районы города. На поясе хозяина тускло блеснул бластер. Хмурое лицо отбивало у Троя охоту к вопросам и уточнениям.

Кронг с удовлетворением отметил, что вместе с торговцем ушел и Зум. До ночи времени еще достаточно, чтобы хорошенько обыскать двор, пока светло. Вряд ли он отыщет куинкажу. Хотя... Если зверек питается только экзотической пищей, он не может уйти далеко от ее хранилища. В общем, сегодняшний вечер обещает быть не скучным.

В магазине только два помещения не были днем постоянно открыты: склад, ставший для Троя убежищем прошлой ночью, и личные апартаменты Кайгера. Проникнуть туда надежды нет: замок откроется только от прикосновения руки хозяина... или от заряда бластера.

А вот склад... Там, среди тюков и ящиков, существует немало тайничков, где могло бы укрыться перепуганное животное. Есть и другой шанс. Лисы у себя в клетке, куинкажу — на свободе. Если эти трое действительно поддерживают контакт... Быть может, ему удастся через лис отыскать беглеца? Кстати, почему они все еще не у покупателя? Насколько знал Трой, Первому Великому Вождю не торопятся сообщить, что сделанный ею заказ уже выполнен.

Прихватив контейнер с кормом, Трой направился в помещение для животных. Клетка лис снова была под покрывалом. Трой развязал тесемки и откинул ткань. Одна лиса спала (или притворялась спящей?). Вторая тоже лежала, но глаза ее были открыты. Взглянув на эту обыденную картину, Трой серьезно усомнился в телепатических способностях зверьков.

— Где другой? — послал он вопрос, стараясь придать ему требовательность, присутствовавшую в мыслепередаче Зума. Но лиса только зевнула, широко разинув и с клацаньем захлопнув челюсти. Всем видом она показала полное отсутствие интереса к человеку. Обескураженный, он повторил попытку — и вновь безуспешно. Если лисы и продолжали связь с куинкажу, посвящать в это Троя они, по всей видимости, не собирались. Выходит, вся надежда на обыск территории.

На обратном пути Трой услышал сигнал коммуникатора. Приблизившись, увидел на экране лицо Кайгера.

— Кронг?

— Да, торговец.

— Передайте свой пост Джингу и отправляйтесь с ястребом в штаб охотников. Это в районе Тернест. Понятно?

Трой кивнул. Планы обследовать склад рухнули. Он почистил комбинезон и нашел подходящую клетку. А что, если Рерн уже вернулся в Тилл? Хорошо бы увидеться с ним!

ГЛАВА 9

Ночью, или вернее, поздним вечером, Тилл не так многолюден, как днем. Для путешествия через город к штабу охотников Кронг вызвал флиттер. Благополучно передав клетку с ястребом с рук на руки дежурившим в штабе охотникам, Трой пустился в обратный путь. Он решил проделать его не по воздуху, а воспользоваться движущимся тротуаром. Но едва приблизился к мчащейся ленте, дорогу ему заступил Хосс.

— Вам нужно повидать Рерна.

— Торговец Кайгер приказал мне доставить ястреба, и только, — Трой отвечал холодно, почти враждебно. Только Рерн за все недолгое время их знакомства ни разу не дал юноше почувствовать дистанцию между гражданином и дипльменом. Но при общении с другими рейнджерами юноша постоянно помнил о том, что на его поясе нет ножа, а также и о том, что он — человек без собственной родины.

— Рерн хотел бы вас видеть.

— Я узнал в штабе что здесь его нет.

— Он в другом месте. Пойдемте!

Первым побуждением Троя было воспротивиться столь бесцеремонному приказу. Ведь он не нанимался к Рерну и не заключал с ним контракта. Но уж больно любопытно, зачем охотник разыскивал его!

Хосс шел, пости скользил по улицам, словно двигался через лес. Наконец, он привел Троя к маленькому ресторанчику. Подобные заведения быстро возникали тут и там и так же стремительно исчезали, как только выходили из моды и публика находила себе другую забаву.

— Четвертый кабинет, — бросил Хосс, показав рукой вдоль коридора. Сам он с Троем не пошел.

Трой отметил, что его одежда не привлекает ничьего внимания: в ресторане было полно служащих различных магазинов. В двух кабинетах ниши были задернуты плотными занавесями — там шли конфиденциальные встречи. Третий кабинет пока пустовал, а в четвертом сидели двое мужчин. В одном из них юноша узнал Рерна, хотя

тот был в униформе служащего магазина. Он беседовал с человеком почтенных лет, на котором был неброский темный костюм без каких-либо нашивок или эмблем. Однако неприметная одежда не могла скрыть властную силу и уверенность, исходившие от незнакомца.

— Кронг. — То ли Рерн таким образом приветствовал Троя, то ли представлял его пожилому.

— Рогул. — Незнакомец кивнул в ответ.

Рерн показал юноше на свободное кресло.

— Вы уже заключили с Кайгером постоянный контакт?

— Заключу. Завтра...

Трой не мог бы объяснить, почему в его сердце закралась тревога.

— А пока у вас короткий контракт? — допытывался Рерн.

— Да, семидневный.

— А если для вас найдется другая работа?

— Я уже договорился с Кайгером, поэтому не считаю возможным менять работу без его согласия.

Уголки губ Рогула дрогнули в скупой улыбке.

— Приятно иметь дело с человеком чести, хотя это, как правило, связано с некоторыми осложнениями. Но это лучше, чем связываться с тем, кому чуждо благородство... Итак, сегодня вы еще человек Кайгера?

— Да.

Что стоит за этими фразами о чести и бесчестии?

Тревога Троя нарастала. Словно почувствовав это, Рерн решил его успокоить.

— Я задам вопросы, ответы на которые не будут для вас связаны с нарушением условий контракта. Верно ли, что Кайгеру доставили земное животное, лису для Первого Великого Вождя?

— Этот заказ был сделан в вашем присутствии, Джентль Хомо.

— Ваш хозяин импортирует и других земных животных?

— Об этом все знают, Джентль Хомо.

— Пара кошек для Джентль Фем Сан Ди Варр, куинкажу для Саттер-лидера Ди...

— Я только ухаживаю за животными, — пожал плечами Трой. — Я ничего не продаю, не покупаю и не общаюсь с именитыми посетителями.

— Но вы, например, чистите клетки, — наступал Рерн. — Среди их обитателей есть и земные животные. Вы их видели?

— Когда гражданин Зум перевозил из порта кошек, я сопровождал его.

— И по пути попали в неприятную историю. — Эти слова, произнесенные Рогулом, не имели вопросительного оттенка.

Трой вскинул голову и посмотрел в глаза пожилому.

— Джентль Хомо,— тихо произнес он.— Если здесь присутствует переодетый патрульный, я имею право знать об этом. Так гласит закон, а он распространяется и на человека из Дипплия.

Рогул усмехнулся.

— Ваше недоверие, молодой человек, естественно. Но мы не патрульные. Мы представляем интересы кланов. Вам понятно, что я имею в виду?

— Люди умеют говорить и слушать даже в Диппле, Джентль Хомо. Мне известно, что кланы древнее, чем Тилл и его законы. Я слышал, что влияние кланов сильнее власти Генерал-губернатора и даже Совета. Но, по-моему, законы кланов — для кланов. Тот же, кто хочет порвать с Дипплом, получить гражданство, должен вести себя по законам города. Мне непонятна цель этого допроса, но я остаюсь верен условиям контракта. Поэтому не скажу ничего, чего вы не могли бы узнать из протокола патруля. Да, я видел зеленых кошек. Да, я доставил куинкажу с виллы Ди, где животное сильно испугали. Видел я и лис, они до сих пор в магазине. Но зачем вам все это? Или подобная информация нужна кому-то другому?

— Как раз это нас и интересует,— туманно ответил Рогул.

— Вы, Кронг, не забывайте вот о чем. Тилл не подчиняется законам кланов, это так. Зато им подчиняется весь остальной Корвар.

— Это угроза, Джентль Хомо?

— Предупреждение. Мы имеем основание думать, что вы оказались у края омута, молодой человек. Постарайтесь не угодить в водоворот!

— Я ответил на все ваши вопросы?

Рогул махнул рукой, давая понять, что беседа окончена. Трой направился было к выходу, но вслед за ним двинулся Рери.

— Мне нужно повидать Кайгера.

— Не сегодня. Магазин закрыт.

Оба недоуменно воззрились на юношу.

— Почему?

— У Кайгера какие-то дела, он ушел раньше.

Последовал обмен короткими фразами на незнакомом Трою наречии. Затем Рогул испытующе поглядел на юношу:

— Обычный режим работы, выходит, нарушен?

— Да.

— Вот как... Не исключено, что у торговца достаточно серьезные причины для этого... Трудно одержать победу одновременно в двух драках.— Рогул остро взглянул на Троя.

— Лисы, говорите, все еще у вас? А куинкажу с виллы Сатторлидера тоже в магазине?

Трой молча пожал плечами.

— Я не увидел его в клетке, когда вернулся из Диких Земель. Это очень ценное животное, и его могли передать наследникам Ди.

— Кайгер не возвращал куинкажу.— Взгляд Рерна, обращенный на юношу, стал ледяным.

— Его не было в клетке,— упрямо твердил Трой. Это была полуправда, но ему не хотелось открывать все: предупреждение Рогула насчет доводорога запомнилось.

— Что ж, ясно,— развел руками Рогул.— Парень — простой служащий, большего он знать не может. А если и знает, то не хочет нарушать обязательства, предусмотренные контрактом.

— Жаль, Кронг, очень жаль. Уверен, что мы могли бы быть полезны друг другу. Всадник с Вордена по духу наверняка близок охотнику с Корвара.

— На Вордене теперь нет всадников,— произнес Трой и вопросительно взглянул на Рерна.

Тот кивнул, отпуская его. Юноша коротко поклонился и покинул кабинет.

Он остался верен долгу... Почему же вместо удовлетворения его гложет разочарование? Не оставил ли он за дверью возможность начать новую жизнь?

Пробираясь в вечерней сутолоке веселящихся горожан, Трой, погруженный в свои мысли, почти не замечал окружающего. Подойдя к служебному входу в магазин, он нажал кнопку сигнала, чтобы ночной охранник впустил его. Ожидание затягивалось. Рука юноши, потянувшаяся снова к сигнальному устройству, мимоходом задела дверь — и она тихо отворилась от этого прикосновения.

Тускло освещенный проход был пуст. Отправляясь в город с ястребом, Трой, естественно, не взял с собой станнер и сейчас оказался безоружным. Входить с пустыми руками во двор он не рискнул. Незакрытый вход, необычно слабое освещение — все это неспроста. Вполне можно угодить в западню.

И тогда он снял свой пояс всадника. Кожаная лента, украшенная серебряными пластинами, была сейчас его единственным оружием. Он тихо двинулся вперед, чутко прислушиваясь, намотав на руку конец пояса.

Если противник был здесь, во дворе, его движения Трой мог не услышать из-за звуков, доносящихся из множества загонов. Миновав проход, он прильнул к стене и осторожно выглянул во двор. Там, напротив, что-то необычное... Дверь! Вход в личные апартаменты Кайгера всегда был под замком, а сейчас зиял, широко распахнутый.

Посреди двора юноша увидел флиттер, но не смог отсюда разглядеть, была ли на борту эмблема магазина.

Распахнутая дверь, стоящий наготове флиттер — все это было как бы декорацией сцены, где вот-вот появятся актеры. Атмосфера угрозы, напряженного ожидания распространилась, видимо, и на животных — шум в загонах усиливался. Трой чувствовал ловушку, но чувствовал и то, что капкан поставлен не для него.

А для кого? Жертва — Кайгер?

Не исключено. Трой вспомнил, как озабочен, встревожен был хозяин нынче днем. Всколыхнулась какая-нибудь застарелая смертельная вражда? Да и кланы проявляют к Кайгеру подозрительный интерес. Вовсе не ради Троя Кронга — ничтожного диппльмена — затеяно все это. Здесь рассчитывают на добычу покрупнее.

Так не лучше ли остаться в стороне, пробраться потихоньку к своей койке и не совать нос в эти опасные дела. Мысль была благоразумной, но Трой почему-то не последовал ей. «Зум ушел вместе с Кайгером, — размышлял юноша. А что, если смуглолицый вернется один? Время идет, а во дворе что-то не видно ни одного из охранников. Еще один нехороший знак...»

Что-то мелькнуло там, наверху, под навесом дальнего загона. Еще раз. Опять. Какая-то маленькая темная тень стремительно пересекла освещенную полосу. За ней — другая. Зум значительно крупнее, это, скорее, сбежавшие из клеток небольшие животные. Но почему они бросились во двор, а не из него?

Объявлен сбор... Откуда пришла эта мысль?

Трой прикинул расстояние до ближайшего укрытия, одним прыжком преодолел его и застыл, почти не дыша, весь обратившись в слух.

Вот еще один силуэт мелькнул в дверях апартаментов Кайгера. Трой не смог рассмотреть, кто это был, но это существо побежало в жилище торговца.

Он двинулся туда же. Вдруг у самой земли перед ним сверкнули два зеленых огонька — глаза какого-то животного. От неожиданности Трой взмахнул поясом — огоньки метнулись в сторону, и через секунду еще одна тень исчезла в дверях.

Риск подвергнуться нападению был серьезным, но любопытство оказалось сильнее страха. Трой вошел в распахнутую дверь.

Сюда, в помещение, звуки со двора не доносились, но Трой слышал шум — это кровь гулко стучала в висках.

Запах опасности стал еще сильнее, но юноша упрямо двинулся вперед, ощупью пробираясь по коридору — здесь почему-то не горел ни один светильник. Так он добрался до начала лестницы. Ковровое

покрытие, устилавшее ступени, заглушало шаги, но в висках застучало еще сильнее.

Подъем закончился. Трой напряг слух. Хотя до него не доносилось ни звука, он знал, что совсем рядом есть еще кто-то. В абсолютной тьме нельзя было ничего различить. Но воображение юноши населило комнату зловещими персонажами, и все они сейчас двигались к одной цели — к нему. Пригнувшись, он стал размахивать вокруг своим тяжелым поясом.

Вдруг темнота рассеялась. Он увидел, что находится в прихожей, а свет вспыхнул за находящейся в конце коридора приоткрытой двери. Кто включил его? Тот, кто проник сюда и сейчас притаился в ожидании? Страх вдруг исчез. Трой знал, что должен посмотреть в лицо тому, кто скрывается за дверью.

Он легко скользнул по коридору и заглянул в освещенную щель так, чтобы его не заметили из комнаты. Он увидел Кайгера. Тот сидел на маленькой банкетке, привалившись спиной к стене. Его руки сжимали матовый цилиндр, стоявший на полу возле ног торговца.

Экс-космонавт сидел совершенно неподвижно. Глаза его были широко открыты и смотрели прямо на Троя. Этот невидящий застывший взгляд заставил юношу шагнуть в комнату.

Кайгер даже не шевельнулся. Трой провел языком по мгновенно пересохшим губам.

— Торговец, что с вами?

Его хриплый от волнения голос гулко отразился от стен комнаты, в которой не было ничего, кроме расположенных в несколько ярусов небольших шкафчиков.

Кайгер продолжал все так же смотреть перед собой. Только сейчас Трой понял: этот человек мертв. Но чьих рук это дело? Юноша обернулся к двери, но не увидел ничего, кроме переплетения разноцветных линий. Они покрывали всю стену, складываясь в рисунок — карту Тилла. А посреди этого громадного панно чернела щель входа. Юноша окинул взглядом неподвижную фигуру. Он не заметил ни раны, ни других признаков насилия. Но ему было ясно, что смерть Кайгера наступила отнюдь не от естественных причин.

Не закрывая дверь, чтобы свет из комнаты попал в коридор, Трой вернулся в прихожую и осмотрел другие помещения. Ни в спальне, ни в гостиной никого не было.

Он вернулся в кабинет торговца и вздрогнул от неожиданности. Неизвестно откуда перед ним оказалась целая компания: черная кошка со своей голубой подругой, куинкажу и даже обе лисы, которые — Трой готов был отдать голову на отсечение — в эту минуту должны

были сидеть в запертой клетке. Похоже, сюда собрался весь земной товар Кайгера. Животные были настроены явно воинственно. Юноша видел их оскаленные морды и вздыбленную шерсть. Объединенное поле пяти существ посылало мощный импульс опасности, таившейся в появлении человека.

— Нет! — он подкрепил свои слова, бросив на пол пояс и показал из безоружные руки. Черная кошка успокоилась первой и легла, вытянув лапы, словно повторяя жест двуногого. Трой присел на корточки.

— Нет, — повторил он, успокаивая остальных.

Черная фыркнула и сомкнула челюсти на его запястье, не причинив боли. Вместо рукопожатия? В этот момент снизу раздались шаги. Трой шагнул было к двери, но тут же сообразил, что его силуэт на фоне освещенного проема будет слишком заметен. Он отступил и прижался к стене. Все это заняло какие-то секунды, но, оглядев комнату, он не увидел ни одного животного. Он не мог понять, куда они исчезли, но было ясно, что вошедший в магазин для них опасен.

У Троя не было возможности так искусно спрятаться. Он быстро поднял с пола свой пояс и снова замер у стены.

В полосе света появился Зум. Он переводил изумленные глаза с Троя на тело Кайгера. Смуглое лицо и сказал дикий оскал, и, схватив нож, Зум бросился на юношу.

ГЛАВА 10

Трой метнулся в сторону и взмахнул поясом. Конец ремня с тяжелой металлической пряжкой угодил в цель, Зум вскрикнул и отдернул руку с ножом, задев при этом цилиндр, все еще зажатый мертвыми пальцами торговца. Цилиндр покатился по полу, следом рухнуло и тело Кайгера. При виде распростертой фигуры из груди маленького человечка исторгся пронзительный вопль смертельно раненого животного. Но тут же внимание Зума перенеслось на другой объект, он бросился к цилиндру, который откатился туда, где стоял Трой.

Юноша поддал трубу ногой, так что она, вертясь, отлетела в дальний угол комнаты. Не теряя ни секунды, Трой ребром ладони рубанул смуглого по шее, и тот опустился на пол, хватая воздух ртом. Пока он пришел в себя и смог сесть, цилиндр и нож уже были в руках Кронга.

Положив их на шкаф, юноша подошел к Зуму.

На Вордене, когда молодые всадники по приказу Хозяина Пастбища умирляли дикое животное, это занятие не доставляло Трою никакого удовольствия. И сейчас ему пришлось преодолеть отвращение, чтобы слегка оглушить противника и связать ему руки.

Свой пояс Трой расправил и защелкнул поверх комбинезона. Но вот Зум открыл глаза. Он, не отрываясь, смотрел на мертвого Кайгера, и снова его лицо исказилось от ярости. Затем смуглый завертел головой, словно что-то искал. Увидев торчащий над шкафом конец цилиндра, он ползком направился туда.

Трой был вынужден встать на его пути. Злобно сплюнув, смуглолицый попытался подняться с пола. Тогда юноша снял цилиндр со шкафа и, крепко держа его в руках, подошел к кнопке тревоги, алевшей на стене. Одновременно он прикидывал, как лучше объяснить случившееся представителям власти.

— Нельзя! — это было первое слово, произнесенное Зумом с минуты его появления. — Только не патруль!

— Почему? Разве есть, что скрывать?

Зум подполз к стене и привалился к ней спиной.

— Патрульных нельзя! — повторил он скорее тоном приказа, чем просьбы. — Пока нельзя...

— Почему?

Смуглолицый молча смотрел на цилиндр в руках Троя. Он явно колебался между желанием скрыть что-то важное и необходимостью посягнуть на чужака в тайну, чтобы воспользоваться его помощью.

Трой решил ускорить признание:

— Дело в животных, тех, что с Земли?

Лицо Зума окаменело, глаза изумленно уставились на юношу.

— Ты знаешь? — сдавленным голосом спросил он.

— Не все, но достаточно, — неопределенно ответил Трой. Ему важно было получить информацию, а не делиться своими открытиями.

Зум грозно оскалился, белые зубы сверкнули на его темной физиономии.

— Их надо убить. Быстро, до патрульных.

Этого Трой никак не ожидал. Он не смог скрыть удивления.

— Зачем?

Зум посмотрел на юношу подозрительно, глаза его забегали.

— Если диппльмен не знает этого, то он не знает ничего. Убей их, парень из Диппля, или тебе придется пожалеть, что ты сам не умер! Хозяин мертв, и они теперь угроза для всех нас.

Одним прыжком Трой оказался возле Зума. Он рывком приподнял щуплое тело, поставил на ноги и притиснул к стене.

— Сейчас ты мне все скажешь,— он произнес это негромко, но в тоне были и сила, и угроза.

— Это...— Смуглое лицо побледнело и приобрело зеленоватый оттенок.— Это уже не животные. Они мыслят, выполняют приказы, информируют...

— Какие приказы? Кого информируют? О чем?

Зум еще больше побледнел. На его лбу крупными каплями выступил пот. Он панически боялся, но не Троя, а кого-то или чего-то гораздо более страшного.

— Они подчиняются тому, у кого вызыватель,— Зум указал глазами на цилиндр.— Ему и докладывают...

— О чем?

— Информация... Разная...

Смутные догадки, обрывки наблюдений встали на свои места, словно камешки мозаики, и образовали целостную картину. Земные животные... Престижный товар... В домах своих высокопоставленных хозяев они слушают, запоминают и затем передают ценнейшую информацию...

— Все это было в руках Кайгера...— скорее не вопрос, а утверждение.

Зум кивнул:

— Теперь животных надо собрать и умертвить до появления патрульных. Дай мне вызыватель.

— Нет.

Трой понял: смуглый не знал, что животные здесь, рядом, что они уже вызваны умирающим Кайгером. И тут до юноши дошла волна отчаяния, смешанного с решимостью бороться и мольбой о помощи. И он послал ответный обнадеживающий импульс. Он не верил в коварство четвероногих землян. Кайгер эксплуатировал их необычные способности, но они были лишь орудием в руках сильного.

— О чем ты раздумываешь? Если они попадут в руки патрулей, несдобровать ни им, ни нам. Лучше убить их сейчас же.— И снова смуглую физиономию перекосила гримаса страха и жестокости.

Трой не боялся потерять контакт с мохнатой пятеркой. Он сделал выбор. Он их союзник. И это решение вызвало ответный импульс надежды и радости.

О том, что Кайгер мертв, знает пока только он и Зум, ну и конечно, животные. И еще убийца Кайгера. У него есть в запасе какое-то время, чтобы оградить доверившихся ему зверьков и от кровожадности Зума и от преследований кого-либо еще, посвященного в тайную игру убитого экс-космонавта.

Здесь оставаться нельзя — это ясно. Он знал только один способ укрыться самому и спрятать своих маленьких друзей. Дикие Земли! Сразу вспомнилось цветущее плато с ласковым озером... Нет, там слишком открытое место. Но в Диких Землях найдется немало уголков, где могут найти убежище шестеро существ, выбравших свободу.

Словно сквозь вату до него донесся угрожающий голос Зума: — Я должен их вызвать и уничтожить. Скорее!

— Тихо! — Юноша подкрепил свой окрик, зажав Зуму рот ладонью. Тот извивался и мычал в его руках, но Трой, не обращая на это внимания, восстановил контакт с животными.

— Уходите! Все прочь отсюда! — он вложил в этот приказ всю свою волю. Он не знал, почему взял на себя ответственность за пять маленьких жизней, но чувствовал, что обязан спасти их.

Трой лишь краем глаза ухватил мимолетное движение, словно из воздуха материализовалась черная кошка. Вот она двинулась, прикинув к коврику, как ее земные предки в час опасности. Грациозное животное приблизилось к Зуму и угрожающе фыркнуло. Увидев кошку, смуглолицый остолбенел от изумления. Черная воинственно выгнула спину, каждая линия ее гибкого тела выражала ненависть и готовность вцепиться в глаза врагу.

— Как видишь, Зум, их не пришлось собирать, — негромко прокомментировал Трой. — Они уже здесь, и они в безопасности. Я дам им уйти.

Глаза смуглолицего забегали, он попытался понять, откуда в пустой комнате вдруг появились кошки, лисы и куинкажу. Пушистый комок подкатился к Трою, взобрался по нему, как по дереву, и уселся на плече юноши.

— Что ж, пора. — Трой подошел к шкафу и достал с него нож Зума. Смуглый отпрянул. Юноша усмехнулся и засунул клинок за пояс. Затем сбросил на пол цилиндр, черная кошка гневно зашипела, бросилась к трубе и закатала ее лапками под шкаф. Трой взял Зума за шиворот.

— Нам предстоит небольшая прогулка.

Смуглый был настолько ошеломлен всем увиденным, что послушно, словно загипнотизированный, зашагал по лестнице, подталкиваемый сзади Троем.

Юноша на ходу составлял план действий. Нужны какие-то запасы... На месте ли тот флиттер? Он понимал, что для осуществления задуманного ему понадобится многое, а главное — невероятное везение.

Дойдя до выхода и все еще не отпуская Зума, он выглянул во двор. Флиттер на месте! Животные в загонах ведут себя как обычно. И никаких следов дежурного охранника...

Юркие тени молнией метнулись к флиттеру. Молодцы! Их тоже пьянит предвкушение свободы, как пьянит оно Троя, получившего маленький глоток счастья в коротком путешествии по Диким Землям.

Но Зум... С ним надо что-то решать. Подталкивая низкорослого, Трой пересек двор и подошел к складу. Смуглый не пытался сопротивляться, он вовсе не хотел шума, опасаясь либо патруля, либо еще кого-то.

Войдя в склад, юноша толкнул пленника в угол и принялся быстро действовать. Он знал, что для земных животных Кайгер импортировал специальный корм. Взяв заплечный мешок, он побросал туда десяток контейнеров, показавшихся ему наиболее подходящими. Что еще? Оружие... Есть нож Зума, а во флиттере должен быть станнер. Он стал завязывать рюкзак; смуглолицый наблюдал за его действиями. Наконец, Зум не выдержал:

— Мы все равно найдем их и убьем. Патрульные тоже объявят розыск. Тебе не скрыться, ты умрешь.

— Почему? Я слишком много знаю?

— Много. Мы не можем допустить, чтобы кто-то знал об Организации.

— И направите на меня патрулей?

Зум зловеще улыбнулся.

— Зачем? Им не стоит ничего знать о животных. Просто, увидев мертвого Кайгера, они заподозрят того служащего, который сбежал. И тебе крышка.

— А если они не досчитаются двоих? — Трой вовсе не рассчитывал брать с собой Зума, это все равно, что положить в свой флиттер взведенную гранату. Но... исчезновение двоих, один из которых давний служащий Кайгера, могло сбить патрульных со следа.

Закинув на плечо рюкзак, юноша подтолкнул Зума к флиттеру. Вдруг из коридора, ведущего к квартире торговца, раздался крик. Услышав его, Зум обхватил ноги Троя своими ногами, пытаясь повалить его и не пустить к флиттеру. Трой с трудом освободился от захвата и, не помышляя больше о том, чтобы прихватить с собой смуглолицего, добежал до машины и вскарабкался в кабину, надеясь, что остальные беглецы уже там.

— Здесь, — полыхнуло в мозгу радостное нетерпение маленьких подопечных. Юноша рывком поднял флиттер в воздух и последнее, что он увидел — яркий свет, вспыхнувший в окнах жилища Кайгера. Охранники уже там!

Теперь нельзя было терять ни минуты.

Его путь был на Север, но Трою пришлось влиться в общий поток крылатых машин, стремившийся на Восток, в кварталы вилл. Он вел машину, не превышая допустимой на пассажирских трассах скорости — так было безопаснее. Включив коммуникатор на панели управления, юноша, вслушиваясь в разноголосицу эфира, боялся пропустить что-либо, касавшееся событий в магазине. Он не считал прощальные слова Зума простой угрозой. Но там, в Диких Землях... там ему будут не страшны никакие патрульные!

Впрочем, не пришлось бы ему почувствовать на себе власть и силу других законов — законов Клана. Ведь рейнджеры веками оттачивали опыт охраны своей территории от вторжения чужаков. Для них Дикие Земли — открытая книга, им ничего не стоит выследить непрошенных гостей. Оценив свои шансы, Трой помрачнел. Но... он выбрал свой путь и не собирался с него сворачивать!

Теплым маячком его согрело имя: Рерн! Если его загонят в угол, он попросит помощи у Рерна. Снова вспомнилось то утро на плато, когда они вместе купались в озере. Вспомнилось ощущение раздвоенности, когда одна часть его сознания диктовала привычную для дипльмента настороженность и недоверчивость, а другая тянулась к откровенности, вольной жизни, которую вели рейнджеры Диких Земель.

Крылатая тень скользнула над его машиной. Трой поднял голову: патруль. Он сжался, ожидая команды к посадке. Но флайер с государственной эмблемой обогнал его и стал удаляться. Юноша перевел дыхание.

Ближе к окраинам поток машин поредел. Скоро он сможет, не привлекая внимания, свернуть с магистральной трассы. Подождав, пока огни вилл внизу станут совсем редкими, он переложил штурвал, забирая севернее.

Он летел уже довольно долго, а из коммуникатора не доносилось никаких тревожных сообщений. Его не ищут! А должны бы, если те, кто в момент его отлета обнаружил мертвого Кайгера, вызвали патруль. Или это сообщники Зума, тоже предпочитающие не связываться с законом?

Произнося свои угрозы, маленький человек сказал «мы». Кого он имел в виду? Не исключено, что в этой игре не только Зум, но и сам Кайгер занимал подчиненное положение и был лишь нитью. В чьих руках? И, может, как раз этот таинственный хозяин пустил в ход свое влияние, чтобы помешать официальному расследованию?

Если он верно понимает туманные предостережения Зума, за ним будут вестись две охоты. А в Диких Землях придется к тому же иметь дело с людьми Клана...

На губах юноши промелькнула улыбка. Слишком много охотников могут помешать друг другу. Не увеличит ли это его шансы?

Флиттер неся в ночном небе на северо-восток. К рассвету нужно забраться как можно глубже в Дикие Земли. Трой вспомнил горные пики, над которыми они летели с Рерном, и на всякий случай увеличил высоту, хотя автомат был включен и не дал бы машине врезаться в препятствие.

Юноша почувствовал сбоку тепло и скосил глаза. Куинкажу прижался к его бедру, а остальные члены необычного экипажа разместились на свободном правом сидении. Трой не знал, будет ли он понят союзниками, но стал говорить, так ему самому было легче составлять дальнейший план.

— Мы летим в Дикие Земли. Там живут только охотники (он мысленно нарисовал портрет Рерна), да еще местные животные. Там есть, где укрыться...

— И хорошая охота, — эта мысль кого-то из пятерых была подхвачена всеми, и юноша почувствовал общее возбуждение, рожденное не страхом, не чувством опасности, а ожиданием нового, интересного, волнующего.

Мы летим к свободе! — их возбуждение передалось и Трою. — К свободе от Диппля, от Тилла, от людской суеты.

Стало светлеть: на ночном небе Корвара засияла луна. Внизу белели снежные вершины первых отрогов гор. Значит, они уже в Диких Землях, и до сих пор никаких признаков погони. Похоже, он держит правильный курс, который приведет его к равнине. Он передал управление автомату, отпустил штурвал и откинулся на сидении, вытянув затекшие ноги. Ноющая боль в плечах, вызванная многочасовым напряжением, стала понемногу отступать.

— Когда рассветет, — сказал Трой своим попутчикам, — мы сядем на равнине, где никто нас не отыщет.

Ответа не было, лишь теплая волна понимания и доверия всколыхнулась на миг. Животные отдыхали. Куинкажу свернулся клубком на коленях Троя, остальные дремали рядом. Только черная кошка сидела справа, подняв морду и глядя в небо.

Скорее всего, Троя тоже сморил сон, потому что его застал врасплох красный сигнал на панели.

— Предупреждение! Предупреждение! — донеслось из коммуникатора. Спросонья Трой не смог сразу вспомнить, где и когда он уже слышал этот механический голос.

Он протянул руки к приборам, но автопилот не выключался. Трой стукнул кулаком по панели; машина не слушалась его, флиттер вела какая-то посторонняя сила!

— Предупреждение!

И тут в голове гроыхнуло каменной лавиной: Руворр!

Трой схватил микрофон, чтобы произнести какие-то слова, которые освободят машину из силового плена, но поздно: снизу ночную тьму прорезал белый луч. Теряя скорость, флиттер устремился к земле.

ГЛАВА 11

Этот спуск, больше похожий на падение, запомнился Трою дикими нырками и бросками машины. Он сделал все, что мог: ухитрился сбить замок автопилота и отсоединил его от пульта. Флиттер на какое-то время снова стал слушаться. Юноша потянул штурвал на себя, флиттер задрал нос и совершил головокрумный прыжок в воздухе.

Благодаря этому акробатическому трюку они вышли из зоны действия луча, пленившего флиттер. Колеса машины коснулись земли... Удар... Еще один... Все вокруг померкло, и Трой потерял сознание...

Он очнулся от боли, раздравшей голову и грудь. Во рту стоял солоноватый вкус крови. Вокруг была крошечная тьма.

— Выходить... — уловил он, и мимо него к двери проскользнули животные. Он всем телом навалился на заклиненную створку и, толкая ее туда-сюда, сумел, наконец, открыть кабину, но при этом сам вывалился наружу. Он ощутил, как по нему, словно по мосту, пробежали мягкие лапки — весь экипаж флиттера был на свободе.

Приподнявшись, Трой попробовал осмотреться. Первое, на что он обратил внимание, была поверхность под ним; необычно ровная, твердая, лишь слегка припорошенная песком. Он отыскал глазами флиттер, тот необъяснимым образом застрял в проеме полуразрушенной арки.

Трой пошел было к машине, но вдруг остановился, озаренный догадкой. Его отчаянная попытка вырваться из защитного поля, излучаемого силовым устройством, окончилась посадкой в необычном месте. Тут и там виднелись полузанесенные песком сферические купола, развалины зданий без окон и дверей. Они находились в самом центре Руворра.

А что с животными? Ранены? Убежали?

— Где? — он не знал, как обратиться к животным, поскольку не знал их имен. Тогда он начал мысленно изображать черную и голубую кошек, обеих лис, куинкажу.

— Я здесь! Ко мне! — позвал он вслух, и необычно гулкое эхо донесло до него отголоски этого зова.

Над одной из арок появился силуэт и стал приближаться к юноше, это куинкажу ответил на призыв. Зверек тут же вскарабкался к нему на плечо, ухватившись цепким хвостом. Трой ласково провел рукой по пушистой круглой головке, прижавшейся к его щеке.

Обе лисы прибежали одновременно и уселись напротив, задрав морды и принюхиваясь к запахам местности. Глаза их возбужденно поблескивали.

— Ко мне,— снова позвал Трой, представив себе кошек. Не получив ответа, он опустил на землю куинкажу и отправился к месту крушения. Достав из кармана атомный фонарик, он направил конус света на флиттер. Машина заклинилась носом в проеме арки, словно слишком толстая нитка в игольном ушке.

Осветив затем кабину, Трой увидел на полу распростертое маленькое тельце. В синих глазах застыла боль. Серо-голубая кошка трудно дышала, то и дело облизывая переднюю лапу, зажатую между металлических обломков. Заметив Троя, она резко и требовательно закричала.

Пристроив фонарик так, чтобы свет падал на пол, юноша осторожно высвободил лапу. Затем он вынес кошку, уложил рядом с флиттером и разыскал в кабине дорожную аптечку.

Светало, когда он счел лечение законченным: поврежденная конечность перевязана и прибинтована к двум дощечкам. Серо-голубая задремала.

Трой достал из флиттера свои запасы: мешок с продовольствием, станнер и кое-какие рабочие инструменты. Он сложил все как можно компактнее, готовый к бегству при появлении кого-либо в окрестностях Руворра. Но время шло, никого не было видно. У него появилась надежда, что флиттер остановлен каким-то автоматом, а для людей вторжение прошло незамеченным. Но как могла не заметить их машину охрана Руворра — или ее вообще не было?

Груда имущества на каменной площадке продолжала расти. Лисы, а так же черная кошка, появившаяся во время операции своей напарницы, отправились ознакомиться с их необычным убежищем. Лишь куинкажу безотлучно находился возле Троя и даже начал по примеру человека отыскивать и выносить из флиттера разные небольшие вещицы.

Обессиленный Трой опустился на корточки. С момента, когда раздался сигнал «Предупреждение», юноша был целиком поглощен спасением себя и четвероногих товарищей и мог думать лишь о ближайшем действии. Ему было просто некогда поразмыслить о ситуации, в которой они оказались.

— Стена... Ее не видно... — откуда-то из руин вынырнула черная кошка.

— Вокруг всего этого? — Трой обвел рукой территорию Руворра.

— Да. Везде. Мы пробовали пройти во многих местах.

Подтвердилось одно из самых жутких предположений Троя: кланы обнесли запретную зону силовым барьером. И хотя он предназначен препятствовать проникновению извне, оказавшись внутри, пленники тоже не смогут пересечь невидимую границу. Одно непонятно: как им удалось попасть сюда на флиттере?

— Есть норы... Много... Может быть, охота?.. — взмахнув пушистым хвостом, на открытую площадку выпрыгнула из развалин лиса.

Черная кошка подошла к раненой голубой и принялась ее вылизывать.

— Здесь под землей опасно... — Трой «подслушал» это из беззвучной беседы животных. Он сосредоточился.

— Не сейчас. Еще нет. — Ответ ничего не объяснил юноше. С тех пор, как трагедия экспедиции Куфлонна сделала это место синонимом жуткого кошмара, верхние галереи загадочного города облазили многие любопытные без всякого для себя вреда. Но под землей... Неужели четвероногие телепаты почувствовали излучение ретроспектора? Рерн говорил, что охотники остановили действие прибора. Тогда подземные помещения могут стать для него и животных неплохим убежищем. Ему просто необходимо отдохнуть. И, может быть, безопаснее всего сделать это в глубине таинственного города?

— Мы идем... в нору — оповестил Трой остальных. С рюкзаком за плечами, прижимая к себе одной рукой раненую кошку, а в другой держа станнер, Трой двинулся вперед. Куинкажу устроился у него на плече, время от времени напоминая о себе легкими прикосновениями лапок.

Шедшие впереди лисы и черная кошка привели юношу к куполу, часть стены которого была вырублена то ли учеными Куфлонна, то ли досужими кладонскателями.

Внутри было совершенно темно, и память Троя рисовала самые кошмарные из легенд Руворра. Но спокойствие животных вселяло уверенность. Трой уже понял, что их восприятие гораздо острее чело-

веческого, и они в случае чего подадут сигнал опасности. Подвешенный к поясу атомный фонарик отбрасывал на пол и стены пляшущие в такт шагам блики света.

Купол был возведен из искусно обработанных и подогнанных друг к другу каменных плит, ими же был вымощен и пол. Наконец, в противоположной стене показался зияющий таинственной чернотой вход, ведущий в настоящий Руворр, тот Руворр, о котором ходило столько мифов и легенд. Трою показалось, что тьма внутри прохода клубится, словно туман, поглощая даже свет фонаря. Но лиса, возглавлявшая их экспедицию, уже начала спускаться. Ее напарница вместе с черной кошкой двинулись следом, но оглянулись, поджидая Троя.

— Здесь... была большая опасность, — сказал им юноша, стараясь подыскать точные и понятные слова.

— Все спокойно. Пусто, — скорее всего, это черная кошка ответила ему.

— Здесь нет, а дальше?

— Вода.

Они нашли воду! Трой обрадовался. Запас провизии у него был, а вот вода могла стать в их положении вопросом жизни и смерти.

— Где вода?

— Мы идем туда...

Они миновали уже три подземных этажа. В каждом было множество коридоров и ответвлений, и хотя Трой уверовал в своих четвероногих проводников, он на всякий случай старался запомнить пройденный путь.

Таинственные строители этих древних катакомб сумели успешно решить проблему вентиляции. Никаких отдушин видно не было, но воздух был хотя и сухим, но вполне подходящим для дыхания. Несколько раз Трой ощутил дуновение свежего востерка, что гулял сейчас на поверхности.

Достигнув четвертого этажа, животные остановились, хотя лестница вела дальше вниз. Если Трой правильно ориентировался, их дальнейший путь лежал на восток. У Троя зародилась надежда через подземный лабиринт уйти за пределы силового барьера, и тогда дорога к свободе, к Диким Землям для них открыта!

Коридор казался бесконечным. Ноги почти по щиколотку погружались в пыль, скопившуюся на плитах пола за многие века. В нескольких местах он видел круглые отверстия в стенах, но, осветив эти маленькие ниши, всякий раз убеждался, что они пусты. О том,

чтобы в таком углублении мог поместиться человек, не было и речи. Зачем их вырубили в стенах? Еще одна загадка Руворра.

Вот и конец коридора. Но не конец путешествия по подземелью: перед ними была большая шахта, к ее стенкам прилепилась крутая и узкая винтовая лестница. Компания в том же порядке (лисы — впереди, Трой — замыкающий) начала спуск. Постепенно и стены, и сам воздух становились более влажными, вода, как и предсказывала лиса, была уже близко, и источник ее, судя по всему, достаточно велик.

Еще глубже до них стал доноситься затхлый запах, даже зловоние, какое издаст запущенный стоячий пруд. По стенам стекали холодные ручейки.

Бесконечный спуск все больше изнурял Троя. Во рту пересохло от жажды, ноги гудели, голова кружилась от монотонных витков лестницы. Сколько уже времени они здесь? Юноша не знал. Он подумал было о возвращении, но понял, что у него не хватит сил на подъем. Им руководило сейчас одно желание: добраться до подножия этой лестницы, упасть и дать отдых измученному ушибами и ходьбой телу.

Словно во сне, увидел он плиты мостовой, высвеченные фонариком. По дну шахты угрюмо полз ручей. И хотя Трой умирал от жажды, он не мог заставить себя сделать хоть глоток этой воды, которая была похожа на жирную черную слизь. Время от времени поверхность потока морщила легкая рябь. Ручей вытекал из большого круглого отверстия под лестницей и исчезал неподалеку в другом таком же тоннеле. Казалось, они попали в тупик, отсюда не было выхода, кроме заполненных водой отверстий или лестницы, о подъеме по которой Трой думал с содроганием. Но что это? Животные подбежали к выходному проему ручья. Черная кошка оглянулась, словно приглашая юношу следовать за ними. Приблизившись, Трой обнаружил, что тоннель шире ручья и вдоль маслянистой ленты воды тянется тропинка.

Четвероногая компания трусцой двинулась по берегу, Трой, неся куинкажу и раненую кошку, пошел следом. Тут он обратил внимание, что рябь на воде идет против течения, словно кто-то или что-то движется под водой, сопровождая их экспедицию. Свет фонарика был не в состоянии пробить толщу чернильной жидкости.

Хотя зловоние усиливалось, дышать вскоре стало легче, откуда-то потянуло свежим воздухом. Тут он заметил странное явление: на свет его фонарика стены как бы отзывались вспышками маленьких искорок, которые наблюдались все чаще и чаще. И что самое загадочное, эти яркие блески не гасли за его спиной, а продолжали сиять в

темноте голубоватым светом. Чтобы удостовериться, он выключил фонарик и оглянулся: там, куда попал свет, осталась яркая голубая полоса... Впереди же было темно. Он понял: чем бы не была такая искорка — веществом или существом, — ей нужен был посторонний свет, чтобы вспыхнуть самой.

Но и это было не последней тайной искорок. Световые полосы складывались в зигзагообразующий узор! По всему выходило, что открытое им явление было не природного, а искусственного происхождения. Может быть, древние строители Руворра создали эту иллюминацию для каких-то своих целей...

Конус света, направляемый Троем, уперся в довольно широкое боковое отверстие. Черная кошка уже сидела возле него, поджидая юношу. Радуюсь возможности уйти от зловещего ручья, он нырнул в проем.

Теперь они оказались в большой подземной пещере. Хотя луч фонарика не мог охватить все ее пространство, уже то, что попало в поле зрения Троя, ошеломило его. Это был миниатюрный город со строениями, улицами, дорогами. Правда, дома не имели крыши, зато стены... Трой отшатнулся, именно они и источали это ужасное зловоние. При ближайшем рассмотрении эти похожие на здания странные образования показались ему как бы растущими из земли, словно причудливые грибы.

Между входом в пещеру и загадочными полипами виднелось свободное пространство, и Трой поспешил туда.

— Вокруг есть дорога...

Кто-то из животных чутко уловил его нежелание идти по «улицам» зловонного «города», и, видимо, разделяя отвращение Троя, предложили обходной путь.

Преодолевая усталость, он ускорил шаг, чтобы не отставать от животных; те тоже поспешили обогнуть поскорее грибной город. А то, что Кронг рассмотрел впереди, заставило его пуститься бегом навстречу этому видению.

Среди чуждого, непонятного мира перед ним лежал оазис, при виде которого сердце юноши сжалось. Солнечный свет проникал сюда каким-то совершенно немыслимым путем, известным лишь древним строителям. В лучах солнца сверкала вода, крошечный пруд, питаемый звонким ручейком. Трой опустил на землю куинкажу и голубую кошку, встал на колени и припал губами к чистой и поразительно вкусной воде.

Затем он открыл рюкзак и достал провизию для себя и своих товарищей. После еды на него с новой силой навалилась усталость. Он

прилег, размышляя о тысяче вещей. Есть ли другой выход отсюда? Населен ли кем-нибудь этот мир? Как выглядят существа, о которых свидетельствовала рябь на поверхности ручья? Быть может, и дома-грибы служат для кого-то жилищем?

Вскоре глаза его начали слипаться. Положив голову на мешок, ощущая тепло прижавшихся к нему пушистых тел, юноша уснул, отложив на потом решение всех проблем.

ГЛАВА 12

Казалось, что он спал одно мгновение. Пруд и его берега по-прежнему заливал солнечный свет. Осмотревшись, Трой обнаружил рядом своих четвероногих спутников, только голубая сидела рядом, потряхивая забинтованной лапой. Увидев, что юноша пробудился, она приветливо замурлыкала. Трой протер глаза и потянулся, чтобы прогнать остатки сна.

Со стороны грибного города появилась черная кошка с каким-то существом в зубах. Не удостоив вниманием Троя, она положила свою добычу перед раненой подругой. Разглядев обитателя подземелья, юноша содрогнулся. Такое отвращение он испытал лишь однажды — при виде хур-хура. Это была немыслимая комбинация множества лап, глаз на стебельках и чашуйчатых пластин и бугров, покрывавших тело. Однако кошкам добыча явно пришлась по вкусу, и они дружно позавтракали.

Итак, даже в этом жутком подземелье животные смогли найти себе пропитание. Трой получил еще одно доказательство истинной сути занятий Кайгера: его товару вовсе не требовалась импортная пища, которую с такой помпой служащие развозили по виллам их высокопоставленных владельцев.

— Хорошая охота? — спросил Трой у черной кошки.

— Хорошая охота, — согласилась она, завершая свой туалет облизываньем лап.

— А где остальные? Они тоже на охоте?

— Едят, — последовал лаконичный ответ.

Трой поднялся и отряхнул одежду. Надо двигаться дальше, подальше от этих грибов, светящихся стен и неизвестно еще чего.

— Как отсюда выйти? — спросил он у черной.

Полученный ответ можно было истолковать, как пожатие плечами, для них охота была сейчас важнее разведки окрестностей.

Голубая кошка продолжала есть, быстро, но аккуратно. Она не принимала участия в его общении с черной, но — он был уверен — «слышала» всю беседу.

Кронг сознавал, что для этой пятерки он не хозяин, а товарищ, по воле счастливого случая имеющий возможность общаться с ними. Понимал он и то, что контакт животных с Кайгером был точнее, четче — благодаря цилиндрическому прибору, с которым торговец не расстался даже в минуту смерти.

Бегство из Тилла совпадало с их устремлениями, поэтому они стали спутниками Троя, поэтому привели его сюда. Но в любую минуту они могли покинуть его, если только он не установит с ними более прочный контакт. Роли переменялись: в Тилле командовал он, здесь сам оказался зависимым от своих подопечных.

Закралась горькая мысль о неосуществимости его мечты положить начало братству человека и животных. Выпущенный им ястреб упивается радостью свободной охоты, но что-то заставляет птицу возвращаться на зов человека. У этих же охотников есть то, чего нет у ястреба: собственная воля и разум. Союз с ними возможен только на добровольной основе. Сложившиеся с древности отношения подчиненности животных человеку нарушены.

Трой понял, почему Зум так яростно настаивал на уничтожении животных. Человек привык к своему превосходству, и далеко не все люди согласятся на равноправное сотрудничество с издревле подчиненными ему существами.

Когда он решил вывезти животных из Тилла и не послушался Зума, он считал себя покровителем забавных зверушек с зачатками мышления. Теперь ему было ясно, что он имеет дело не с домашними животными, игрушками человека, а с мыслящими существами. Но это и не люди, чьи помыслы и желания он смог бы предугадать.

Черная кошка навела наконец чистоту, села напротив Троя и уставилась на него холодным немигающим взглядом, от которого человеку стало не по себе.

— Ищешь выход отсюда?

— Да,— тихо ответил Трой. Смирив гордыню, он был готов принять от своих спутников любую помощь.

— Это... Не человеческое... Не наше...

Трой молча кивнул.

— Жили... Похожие на человека... Другие... Не такие... Еще до людей...

— Опасность... Старая опасность...— похоже, это был чей-то новый голос. Серо-голубая закончила трапезу и уселась напротив Троя, держа в воздухе поврежденную лапу.

— Несколько лет назад...— Трой подумал, что это для них ничего не скажет.— Некоторое время назад здесь с людьми произошло несчастье.

Обе его собеседницы, казалось, оценивали это сообщение. Если они сейчас и обменивались между собой мыслями, до Кронга эти импульсы не доходили.

— Ты другой... Не как люди...— это черная обратилась к нему. Трой обрадовался: он различал их «голоса»!

Четвероногие земляне все больше становились для него личностями.

— Нет.

— Мало кто из людей владеет нашей речью. Да и то им нужен прибор (образ: черная труба в руках мертвого Кайгера). Но ты с самого начала говоришь с нами без прибора. Ты — особый... Другой тип человека...

— Это голубая,— понял Трой.

— Не знаю,— он пожал плечами.— Вы можете общаться со всеми?

— Мы говорили с большим человеком, потому что он владел прибором. С тобой мы не думали говорить, ты сам услышал нас. И нам не нужно тебе подчиняться.

— Не нужно,— кивнул юноша.— Я не знаю, почему я вас слышу, но это так.

— После смерти большого человека нас преследуют?

— Да, так мне сказали. Они не хотят, чтобы вы стали свободными и решили охотиться на вас. Ну, и на меня тоже.

— Мы свободны,— черная кошка гордо выпрямилась, вскинув изящную головку.— Мы можем покинуть тебя, человек, и тебе нас не найти.

— Да, я знаю.

Снова пауза, пристальные взгляды четырех зеленовато-голубых глаз. Черная подошла, задрав хвост, и села совсем близко. Трой опустил руку, мохнатая мордочка ткнулась в ладонь, и он ощутил мимолетное прикосновение теплого язычка.

— Мы знаем выход.

Черная повернулась мордой к городу грибов и стала напряженно глядеть в ту сторону. Трой не ощутил никаких сигналов, но не был удивлен, когда из нагромождения осклизлых форм возникли обе лисы и куинкажу. Они подошли к юноше, и до него долетели обрывки беззвучной беседы.

—...Другой... Ему не нужно повиноваться... С нами на тропе охоты... помог... ходить на свободе...

Черная кошка высказалась от имени всех:

— Мы согласны охотиться вместе с тобой, человек. Но мы свободны.

— Да. Я могу просить, но не могу заставить вас идти со мной по одной тропе.

Трой старался как можно яснее дать им понять, что рад предложенному союзу и согласен на предъявленные ему условия.

— Нужен выход...— черная повернулась к остальным. Лисы, полакав из пруда, убежали. А куинкажу резвился у берега, хлопая по воде передними лапами. Трой протянул ему печенье и тот захрустел им. Потом направился вдоль стены пещеры. Кошки же, посоветовавшись, объявили:

— Мы идем туда.— Взгляд черной указал направо от водоема, где полоска открытого пространства отделяла стену от грибного города.

Трой ополоснул два пустых контейнера из-под пищи и зачерпнул в них воды. Когда кошки напились, черная отправилась в путь. Подхватив голубую на руки, юноша двинулся следом.

Путешествие было однообразным: справа — стена пещеры, слева — унылый пейзаж грибного города. Вот исчез из вида солнечный оазис с прудом. Трою пришлось достать фонарик.

Кошка у него на руках встрепенулась и повернула морду к грибам.

— Там животное? Опасное? — Трой схватился за висящий у пояса станнер.

— Неживое... Старое... Саргон обнаружил...

— Саргон?

Перед Троем возник образ более крупной лисы, вернее — теперь он понял — лиса, самца.

— У вас есть имена? — это открытие удивило Троя и, вместе с тем, сделало четвероногих ближе, понятнее ему.

— Это человеческие клички! — ответ был презрительным и давал понять, что есть другие имена, не рожденные волей человека. Трой уловив это, обезоруживающе улыбнулся.

— Но я человек. Могу я пользоваться человеческими именами?

Его логика убедила голубую леди, примостившуюся у него на руках.

— Саргон и Шеба — морды лис. Значит, он и она.

— Шенг (пушистый ком: куинкажу).— Симб и Сахиба (черный и голубая, тоже пара).

— Трой Кронг,— церемонно произнес он, завершая представление. Затем направил беседу в прежнее русло.

— Это... старое... оно сделано кем-то или было живым когда-то?

— Было живым... Очень давно... — быстро передала Сахиба. — Но человек... не как мы... были другие.

Все было любопытно, впрочем, не настолько, чтобы заставить юношу углубиться в лабиринты зловонных грибов. Хотя там он, возможно, обнаружил бы следы или даже останки изначальных жителей Рувора.

— Дыра... — новое сообщение опять исходило от Сахибы.

— Шенг видит отверстие... там... выше... — голубая взмахнула здоровой лапкой то ли на верхнюю часть стены, то ли на свод пещеры, терявшийся во мраке.

Направившись вверх по отлогому склону, Трой увидел куинкажу, который, возбужденно лопоча, сновал возле кустов, маскировавших расщелину в стене. Скрытый за кустами узкий проход не походил на искусственное сооружение и вряд ли был особенно протяженным.

С разных сторон подбежали лисы и Симб и дружно повели носами, ловя ток воздуха из отверстия. Теперь и Трой ощутил свежее дуновение, развеивающее грибное зловоние. Чистый воздух... Не здесь ли выход?

Но животные топтались в нерешительности и не спешили в расщелину.

— Опасность? — спросил Трой.

Симб сосредоточенно принюхивался, задрав морду и шевеля усами.

— Там что-то ждет... Уже давно...

— Человек? Животное?

Казалось, черного кота эти вопросы поставили в тупик.

— Давно ждет... — повторил он. — Может, уже неживое... Но ждет...

Кронг напрасно пытался разрешить загадку, которую чуяли его союзники. Куинкажу неожиданно вспрыгнул ему на плечо, и юноша вздрогнул, очнувшись от размышлений.

— Не волнуйся. — (это Шенг). — Мы идем туда. Выход там.

Но Трой уже понял, что старшим в этой компании негласно признан Симб. Он посмотрел на черного кота.

— Ну как, пойдем?

В ответном взгляде черного мелькнула какая-то мягкость, и Трой понял, что, посоветовавшись с Симбом, он еще на шаг приблизился к взаимопониманию со своими спутниками.

— Идем. Но... осторожно... То, что там... мне это непонятно.

Кот исчез в расщелине, лисы, как по команде, последовали за ним. Трой шагал сзади, подсвечивая путь фонариком. Он убедился, что первое впечатление было верным, это была природная пустота, а не искусственно прорубленный коридор.

Щель была довольно высокой, ее свод находился на несколько футов над головой юноши. Но при этом ширина прохода была минимальной — впритык для человека. Оставалось надеяться, что дальше он не сузится еще больше. Приток свежего воздуха здесь, в глубине, был еще явственней. К обычному для этого подземелья запаху затхлости примешивался аромат каких-то живых растений.

Вскоре проход заметно пошел вверх, и Кронг воспрял духом, надежда выбраться на поверхность окрепла. Подъем, в начале довольно отлогий, постепенно становился круче, и в конце концов Трой пришлось посадить Сахибу за спину на рюкзак, чтобы карабкаться вперед, цепляясь за камни обеими руками. Букет запахов стал богаче, в нем начал преобладать неожиданный для голых скал аромат цветущего луга. Но наряду с ним проступал и не столь приятный запах, напоминающий о тлении, увядании.

Подъем был все так же крут, Трой, да и обе лисы карабкались с трудом, тяжело дыша. Лишь Симб и Шенг двигались легко, вонзаясь в грунт когтями. И вот конец пути. Отверстие перед ними озарилось дневным светом. Юноша выключил фонарик и устремился навстречу солнечному овалу.

— Нет! — резкое, как удар, предостережение пришло сразу от всех животных. Трой застыл, всматриваясь вперед, и между собой и выходом разглядел нечто, напоминавшее крупную сеть. На фоне переплетений выделялись силуэты кота и обеих лис.

— Исчезло... Ушло... — он уловил облегчение спутников, видимо, путь стал безопасным. Подойдя ближе, он осмотрел загадочную сеть, сквозь которую была видна растительность снаружи. Нити были анемично бледными и располагались по спирали, в центре которой темнел какой-то ком.

Кот и лисы не спешили приближаться, но Трой сделал несколько осторожных шагов. Теперь стали видны приклеившиеся тут и там к нитям останки, пустые оболочки бесчисленных насекомых. Кронг решил пустить в ход свой нож, но под ударом лезвия нить только прогнулась и тут же спружинила, доказав свою неожиданную прочность. Вдобавок Трой обнаружил, что нож приклеился к сети и она тащит оружие из рук. Пришлось приложить всю силу, чтобы оторвать клинок от нитей. Повторная попытка была столь же рискованной и столь же безуспешной. Клейкие прочные нити наглухо перекрыли им выход.

Трой стоял в растерянности, но вот в голове сверкнуло новое решение. Он осторожно спустил Сахибу на землю, скинул рюкзак и стал рыться в прихваченных из флиттера вещах. Наконец в его руках оказалась небольшая трубка, сигнальная вспышка. Ее-то и решил юноша использовать в нынешней необычной ситуации.

Кронг еще раз внимательно осмотрел паутину. Нити были облеплены толстым слоем пыли. Эта сеть раскинута здесь очень давно. Сняв с трубки наконечник, юноша направил ее на центр спирали, целясь в темный ком.

Из трубки вырвалось яркое желтое пламя. Огонь стремительно побежал от середины к краям, шипение пожираемых им нитей сопровождалось ужасным зловонием, от которого Трой закашлялся. Но цель была достигнута — путь свободен.

Симб в один прыжок преодолел дымящееся пепелище. Лисы, а вслед за ними и Трой с раненой кошкой и куинкажу на руках, миновали выход из расщелины. Лишь пройдя не одну сотню шагов, Кронг понял, что это был выход из пещеры с грибами, но отнюдь не на поверхность Корвара. Это было нечто вроде купола. Через отверстие в крыше пробивался солнечный свет, дававший жизнь чахлой растительности. Впрочем, отверстие было забрано полупрозрачными матовыми щитами, непонятно как укрепленными наверху.

Эту молочную поверхность прорезали белые полосы. Трой увидел, как на месте их пересечения возник ступок золотистого тумана. Он стал медленно опускаться, но не достигнув почвы, пролился коротким дождем, оросившим листву растений.

Они, эти растения, ничем не напоминали те, что растут на поверхности планеты. Трой рассмотрел громадный ярко-оранжевый цветок с четырьмя лепестками, который тяжело висел на кусте. От этих необычных представителей подземной флоры исходил тяжелый дурманящий запах. Симб подошел к цветку и шевельнул усами, приюхиваясь, но тут же сердито фыркнул, выгнув спину и отошел. Трой превозмог отвращение и подошел ближе. Тут он заметил, что вся почва возле цветов покрыта слоем высохших останков насекомых и даже мелких животных. Ощувив подступившую к горлу тошноту, юноша взмахнул ножом — и отступил в изумлении: то, что с виду было цветком, оказалось ярким муляжом, сплетенным из тончайших нитей. Когда лезвие коснулось их, пурпурная сердцевина «цветка» ожила и сделала молниеносный рывок вперед.

Глаза юноши успели запечатлеть облик агрессора, непередаваемую комбинацию множества глаз, распахнутую пасть и членистый хвост с крючковатым жалом на конце. И тут же Симб отважно

бросился на врага и ударил лапой, подбросив жуткое существо в воздух. Когда мохнатый комок шлепнулся о землю, кот яростно растоптал его, после чего долго тер лапами нос.

— Плохое место, — бесстрастно заметила Сахиба. Трой был полностью согласен с голубой кошкой.

Видимо по согласию остальных, с этого момента экспедицию возглавил Шенг. Он сделал длинный прыжок с плеча Троя до ближайшего куста и исчез, лишь колыхание ветвей указывало путь куинкажу.

Вовремя отпрянув, чтобы не попасть под очередную порцию искусственного дождя, Кронг сел и развязал мешок, всем им необходимо было подкрепиться. На дне рюкзака оставалась только пара контейнеров с пищей для животных, да и его провизия тоже подходила к концу. Так что забота о пропитании скоро станет для них важнее очередных загадок Руворра.

ГЛАВА 13

Ветки кустов вновь пришли в движение, предупреждая о возвращении Шенга. Спрыгнув на землю, куинкажу бросился к Трою.

— Там... человеческое! — это сообщение сопровождалось волной чрезвычайного возбуждения. Кронг оставил контейнер с едой, пытаясь понять, что имеет в виду пушистый разведчик.

— Где? Что?

Шенг махнул лапой в сторону кустов, отвечая на вопрос «где». Определить «что» куинкажу, видимо, был не в силах. Юноша взглянул на кошек, надеясь на их интуицию. Симб уставился на стену зарослей и Кронг, все более чутко улавливая малейшие нюансы в поведении животных, увидел, как морщится усатая морда кота. Сахиба, хромая, подошла к товарищу и села рядом.

— Зовет... Вещь, которая зовет... — непонятно передал Симб.

Троя охватила тревога. Зовущая вещь ассоциировалась с мрачными легендами о Руворре, но натолкнуться на подобный сюрприз он хотел меньше всего.

— Она старая? он не был уверен, что Симб может узнать это. Но ответ пришел быстро.

— Нет.

— С вещью есть человек?

Симб поднял на Троя свои большие глаза. В них было изумление, словно кот воспринял какие-то неведомые человеку импульсы, но не мог их осознать.

— Человеческая вещь... — куинкажу продолжал возбужденно дрожать. Он метался к зарослям и обратно, давая понять, что именно человек должен обследовать загадочную вещь. Но Трой молча ждал заключения кошек.

— Эта вещь... Она опасна?

Ни кот, ни кошка не смогли дать вразумительного ответа. Вместо этого юноша получил призыв к повышенной осторожности. Затем, как бы выполняя наказ товарищей, к кустам устремились Саргон и Шеба. Чтобы быть готовым двинуться в любую минуту, Трой упаковывал в рюкзак остатки продуктов, взял на руки Сахибу и принялся исследовать заросли. Он искал если не тропу, то хотя бы подобие перехода, где ветви переплетались не так густо.

Тем временем свет, отбрасываемый необычной крышей этой странной оранжереи, потускнел. Это обстоятельство усилило нежелание юноши лезть в гущу кустов. Но тут он увидел между ветвями просвет и, отбросив нерешительность, направился туда.

Буквально через несколько секунд он потерял всякую ориентировку. Ему приходилось то и дело менять направление в поисках прохода, расширяя его с помощью ножа. Юноше пришло в голову, что эта живая изгородь посажена специально, чтобы замаскировать нечто от постороннего вторжения. Но заросли не были преградой для его союзников. Сахиба принимала от друзей и передавала Трою сообщения, а Шенг ловко прыгал меж ветвей, указывая путь.

Кронг продолжал методично прорубать себе дорогу, но вот рука с ножом ощутила пустоту. Он сделал рывок через сплетенные ветви — и очутился на открытом месте.

То, что он увидел, подтвердило самые кошмарные предположения. В стене пещеры зияло отверстие, перед которым располагалась выложенная плитами площадка. В центре ее стояло небольшое устройство, явно принадлежащее современной культуре. Металлопластовый корпус в форме усеченного конуса своим широким концом был нацелен на отверстие в стене. Ступив на площадку, Кронг явственно ощутил вибрацию: установка действовала!

Симб, обе лисы и куинкажу уселись слева от машины, повернувшись к отверстию, словно чего-то ожидая.

Трой издал сдавленный взглас, когда заглянул в направлении жерла прибора. Когда-то это, вероятно, было человеком, теперь распростертое на паутине вроде той, что встретила им на выходе из пещеры с грибами. Но эти останки были абсолютно высохшими, бесплотными. Голова с редкими прядями серых от пыли волос свисала

на грудь, слегка подрагивая от вибрации машины. Трой был рад, что не видит черт лица...

Паутина не только перегораживала проем, но оплетала стены пещеры белесыми нитями разной толщины. Кронг решил, что создало эту ловушку существо, подобное сердцу пурпурного цветка, но, вероятно, значительно большего размера. Где же оно? И кто стал его жертвой? На этот вопрос ответ напрашивался сам: Кронг понял, что это за установка. И хотя ее излучение у поверхности нейтрализовано, она работает, представляя собой один из кошмаров Руворра.

Здесь Куфлонн поставил свой вызыватель, отсюда надеялся он получить разгадку тайн Руворра. Он получил ответ, правда, чересчур конкретный!

Прежде при использовании прибора удавалось получить лишь бледные призрачные изображения. Но здесь...

Таинственные свойства пространства-времени позволили фантому обрести плоть, тело и дали возможность использовать его! Это существо явилось из древности, из лабиринтов Руворра. Было ли оно разумно? Представляло ли оно тех, кто строил Руворр, или же их врагов? Но оно несло смерть — и убило тех, кто вызвал его призрак из небытия.

Не исключено, что жуткий багровый паук далеко не самое страшное из чудовищ, обитающих в пещерах Руворра. И если к этим тварям прибавились кошмары древних эпох... Изувеченные тела исследователей с признаками отчаянной междоусобной борьбы были найдены в основном на поверхности. Пробужденный прибором ужас свел их с ума и погнал наверх.

Наверх! Трой поймал эту мысль, изо всех сил стараясь сдержать воображение. Итак, ученые, не сумев даже выключить вызыватель, бежали на поверхность. Значит, отсюда есть выход! Вряд ли путь лежит через это отверстие, какой смысл направлять прибор туда, откуда пришли люди? Скорее всего, это отверстие — вход к древним загадкам Руворра, который пытался открыть знаменитый археолог. На свою беду, он слишком успешно подобрал ключ...

Вспомнились мифы о сокровищах Руворра, не дававшие покоя многим поколениям кладоискателей и ученых. Трой сознавал, что его ничто не заставляет идти туда, в тоннель. Тот, кто пытался когда-то исследовать его, висит уже много лет, опутанный клейкой паутиной. Юноша посмотрел на четвероногих друзей. Они не проявляли тревоги, хотя и не были беспечны.

— Только мертвый? — обратился он к Симбу. Черный кот посмотрел на Сахибу. Та заковыляла к Трою, давая понять, что не прочь снова устроиться у него на руках.

— Мертвый... Он здесь... — юноша уловил в ответе оттенок удивления.

— Что значит «здесь»?

— Он здесь... и не здесь... — голубая потрясла головой.

Трой ничего не понимал.

— Человек мертв, — успокоил он кошку.

— Да.

— А то, что сплело ловушку?

— Оно.. мертво... но ждет...

— Вызыватель! — Трой, наконец, понял.

Заглушенная рейнджерами установка не была больше способна материализовывать тени прошлого. Но импульсы прибора и сейчас достаточно сильны. Стоит им угаснуть, сюда вернется то, что соорудило паутину.

Дилемма не из приятных: или попасть под излучение, или... открыть дорогу сюда жуткому монстру. Впрочем, Трою вряд ли удалось бы разобраться в нагромождении циферблатов, кнопок и рычагов, чтобы выключить вызыватель.

Симб, припав к земле, осторожно приблизился к паутине и ее пленнику. Передние лапы кота ощупали пыль под сетью. Что-то блеснуло, и Симб подкатил к ногам Троя металлическое кольцо.

Юноша нагнулся и поднял находку. Как только он взял кольцо в руку, оно изменило свой цвет. По его поверхности побежали искры — одиночные и группами, — подобные тем, что были на стенах тоннеля. Эта вещь не принадлежала мертвецу, в руках Кронга оказалось единственное из сокровищ Рувора, которое людям посчастливилось отыскать. Или этот предмет — тоже плод действия вызывателя? Вряд ли. Скорее, его нашел в тоннеле один из исследователей и бежал, спеша поделиться открытием с товарищами, и стал жертвой собственной неосторожности, угодив в смертельную ловушку.

Кольцо заискрилось ярче. И... еще одна неожиданность: когда Кронг поднял кольцо, оно было лишь немного велико для его пальцев. Теперь же в его руках был браслет. Сахиба потянула носом и тронула искристый обруч лапой, он повернулся на ладони юноши. Трой сжал пальцы, и браслет скользнул по ним, плотно обхватив запястье.

Юноша попробовал сдвинуть его, но безуспешно.

Неожиданное украшение не причиняло неудобства, но сидело на руке как приклеенное. Никаких стыков или звеньев не было заметно. Каким же тогда образом этот предмет изменял свой размер?

— Хорошее? Плохое? — Трой вновь воззвал к интуиции животных.

— Старое... — равнодушно зевнула Сахиба.

— Где выход? — вспомнил юноша об основной проблеме. Он осматривался, пытаясь отыскать путь, по которому люди доставили сюда машину, а затем бежали на поверхность.

Симб с лисами, понаблюдав за его манипуляциями, ушли куда-то, Шенг снова растворился в зарослях. Подойдя к краю мощеной плитами площадки, Кронг обнаружил обломанные когда-то ветви, успевшие уже дать свежие побеги. Следуя этим трудноразличимым признакам, он достал нож и принялся за дело.

Сумрак окончательно сгустился, когда прорубленный им путь привел к подножию лестницы, похожей на ту, по которой они попали в этот подземный мир несколько часов-дней? — назад. Здесь, где не было заходов и восходов, всякое ощущение времени было утрачено.

Похоже, животные были постоянно в курсе его поисков, так как явились к лестнице с разных сторон, словно по команде. Трой решил устроить большой привал. Усевшись, он недоверчиво рассматривал сомкнувшиеся вокруг джунгли. Не притаилось ли в их чаще кое-что почище хищных цветов? Предостеречь об опасности могли только его сверхчуткие спутники, теперь он всецело зависел от них.

Он опять стал делить продукты. Их осталось совсем немного, а животные, между тем, не пытались добыть себе пропитание.

— Плохая охота?

Симб повернул морду к темневшим зарослям.

— Охота... Для других...

— Другие? — Трой поежился, вспомнив о распятом на паутине человеке. Да, здесь действительно охота для других.

— То, что поймало человека? — он был вынужден нарисовать в воображении жуткий образ высохшего человека. А что, если темнота способствует материализации древних обитателей Руворра? Ужас охватил его с новой силой.

— Нет. — Симб ответил уверенно. — Это место... других.

И словно в подтверждение из чащи донесся долгий крик, дрожащий вопль, полный боли, ужаса и предчувствия неотвратимой гибели. Животные, напуганные, ошестинившиеся, жались к ногам Троя.

— Здесь оставаться нельзя. Пойдемте вверх! — скомандовал юноша. Его страшила перспектива бесконечного подъема по лестнице, но это было лучше, чем... Бр-р-р!

Лисы первыми метнулись к ступеням, Шенг вприпрыжку бросился за ними. Трой двинулся следом, неся Сахибу и рюкзак. Симб замыкал шествие, часто оглядываясь и глухо урча.

Фонарь плясал в такт шагам, освещая однообразные ступени спиральной лестницы. Через какое-то время они достигли наклонного тоннеля, прорубленного в скальных толщах.

В этом месте от лестницы в разных направлениях ответвлялись пять коридоров. Пучок света от фонаря осветил лишь пыль, устилавшую пол. Трудно сказать, потревожили ли ее когда-то ноги убежавших в ужасе людей...

Кронг решил продолжать подъем. Снова виток за витком, снова коридоры, на сей раз только четыре. Трой с трудом преодолевал крутые ступени. При каждом вдохе в груди кололо, ноги дрожали от напряжения. Но его гнала все выше потребность очутиться наконец, на свежем воздухе, вернуться в знакомый и понятный человеку мир. Он упрямо лез вверх. Глаза застилала усталость, тело шатало от стены к стене. Были ли рядом животные? У него не хватало сил думать об этом. Но и дикое напряжение не могло заглушить леденящий ужас, который преследовал его весь путь из подземелья.

Как во сне, он вдруг увидел, что ступени лестницы освещает, помимо фонарика, посторонний свет. В легкие хлынул холодный свежий воздух с запахом дождя. Этот живительный глоток земного воздуха прогнал дурноту усталости. Юноша лихорадочно карабкался по каким-то камням, с трудом веря, что достиг, наконец, поверхности. У самого выхода силы окончательно оставили его. Трой упал на спину, прикрыв глаза, подставив лицо, руки, все тело ласковому земному дождю.

— Опасность! — этот сигнал взорвался в голове подобно оглушительному крику, от которого способны лопнуть барабанные перепонки. Трой поднял голову. Дождь прекратился, на земле перед ним играли солнечные блики. Он потряс головой, прогоняя остатки сна.

И в это мгновение тишину пререзал звук призмляющегося флиттера.

Повинуясь несознанному импульсу, Трой метнулся в тень стены. Он пытался на слух определить, где находится крылатая машина. Стрекотало совсем близко.

Кронг скользнул взглядом по куполам и стенам наземных строений Руворра. Кто бы ни проник в запретную зону, цель была ясна:

это он, Трой, и его спутники. Осталось выяснить, был ли это Зум, или люди кланов, или патрульные...

Трой завертел головой — животных не видно. Исчезла даже раненая Сахиба. Но ведь они послали предупреждение, значит, не исключен и их дальнейший незримый контакт с человеком-союзником.

Звук флиттера стал громче, юноша буквально вжался в стену. Через мгновение он увидел флиттер, лавирующий между куполами. На борту машины четко выделялась эмблема рейнджеров.

Трой попытался ползком в сторону лестницы. Новая опасность была сильнее, чем его отвращение к подземельям Руворра. Он с облегчением увидел, как флиттер скрылся за ближайшим куполом. Двигатель заглох: машина опустилась на грунт в достаточном отдалении. Трой перевел дух и сел.

— Симб, Сахиба... — позвал он беззвучно, представив себе обеих кошек.

— Идут... Один... Сюда...

Кронг не понял, откуда пришел ответ.

— Флиттер далеко, — он пытался успокоить разбежавшихся животных.

— Сюда идет... Один..., — воспринял он повторное сообщение — От большого человека...

Это мог быть только Зум. Трой нахмурился.

— Где? — Юноша мучительно ждал ответа. Наконец, из-за купола, куда улетел на посадку флиттер, появился куинкажу и тут же снова исчез.

Кронг направился в указанном ему направлении, стараясь как можно незаметнее преодолеть пространство между стеной и куполом. Затем, держась одной рукой за сферическую стену купола, а в другой сжимая рукоять станнера, он двинулся дальше, ступая, как он думал медленно и бесшумно.

Вокруг было тихо, лишь монотонно жужжали насекомые. Ни птиц, ни зверей — никакой жизни в пустынной зоне Руворра. Никого...

ГЛАВА 14

Скорее всего оттого, что его спина была плотно прижата к стене купола, Кронг уловил слабую вибрацию, проникавшую в мышцы, отдававшуюся в голове, в костях.

Его тело сотрясало все сильнее, источник непонятного излучения притягивал, словно магнит, подчинял сознание одному импульсу: бежать на этот пульсирующий зов.

Трой не мог справиться с дрожанием тела, но усилием воли оставался в своем укрытии. До него доносились эмоции животных: отчаяние перед силой, парализующей их волю.

Из этого страха родилась догадка: где-то рядом Зум пустил в ход цилиндр, оставленный в квартире Кайгера. И животные, чье сопротивление было сломлено, покорно шли навстречу своей гибели. Тот же дар, что способствовал общению, теперь вел их на смерть.

Но он-то человек! Он способен противостоять вызывателю, который тянет его туда, к Зуму. По расчетам смуглолицего, жертвы должны оказаться незащищенными между куполом и отвесной скалой.

Трой свернул направо — действие цилиндра ослабело. Юноша продолжал обходить с тыла ничего не подозревавшего противника. В одиночку ли явился Зум? От этого зависело многое, если не все...

Достигнув первого выступа скалы, Кронг пригнулся и стал огибать его. Снова он попал в луч действия прибора. Вызыватель работал, значит, смуглый человек пока не выманил животных. Но подходя к следующей скале, Кронг почувствовал, что пульсация исчезла. Теперь дело решала только быстрота!

Со станнером на изготовку он выбежал из-за скалы. Там он увидел то, что и предполагал. Зум сидел с цилиндром на коленях и бластером в руках. А перед ним, рыча и подвывая от страха и беспомощности, прижались к земле животные.

Трой прицелился в руку смуглого и нажал на спуск. Послать парализующий заряд в голову он не рискнул: Зум мог успеть выстрелить из своего смертоносного оружия. Луч станнера ударил по пальцам Зума. Тот вскрикнул от боли и удивления, и этот вопль эхом отразился от скал. Бластер выпал из онемевшей кисти. Пытаясь схватить его другой рукой, Зум уронил на землю цилиндр.

Трой снова нажал на спуск, но... выстрела не было. Кончились заряды! Он выскочил из укрытия и кинулся к бластеру. Трой уже на бегу отбросил оружие ногой подальше от противника, но и от себя тоже.

Зум принял бой. Здоровой рукой он ухватил юношу за ногу и дернул. Трой пролетел в воздухе и врезался в каменную стену со всего размаха.

Смуглый приближался. В луче солнца засверкало лезвие ножа. Он умел драться, и Трой знал это. Атака Зума могла увенчаться ударом ножа снизу вверх, и для безоружного юноши все было бы кончено. Однако ему удалось увернуться от смертельного клинка, вероятно,

Зум левой рукой действовал не так ловко, как правой. Трой плашмя двинул смуглого по голове рукояткой бесполезного станнера, но тут же сам согнулся от боли в ребрах.

Оглушенный Зум сел на землю. Трой, схватившись за ноющий бок, оперся плечами о скалу. Он взглянул на рану, ожидая и боясь увидеть торчащий черенок ножа. Но клинок валялся у его ног, переломленный надвое, а возле алого браслета на руке Троя вздулась кровавая полоса. Сталь сломалась о браслет будто трухлявый сучок! Юноша понял, что этот древний предмет сохранил ему жизнь.

Зажав рукой рану, чтобы умерить потерю крови, Кронг склонился над Зумом. Желтолицый был недвижим. Но грудь его вздымалась, он дышал.

— Сзади...

Трой хотел обернуться, но запнулся за тело Зума и упал на колени. Это спасло его: над головой полыхнул выстрел бластера. Дыхание перехватило от озонового запаха разряда. Юноша быстро упал на землю и перекатился за скалу, превозмогая мучительную боль в боку и в руке, попавшей под нож. Значит, смуглый явился не один. Его, безоружного и раненного, обложили со всех сторон, и шансов на спасение практически не было.

Впрочем, он был, один, мизерный, неверный шанс: попробовать укрыться в глубине Руворра. Как знать, не пойдут ли ему на пользу злоеющие слухи о древних катакомбах? Во всяком случае, это даст возможность хотя бы выиграть время. Если бы еще достать бластер, выбитый у Зума! Но увы, это было невозможно — все открытое пространство находилось под прицелом преследователей.

— Вниз! — подумал он, пытаясь нащупать контакт с животными, которые наверняка разбежались, как только Зум выронил цилиндр.

Как Трой не подумал об этом? Пока прибор в руках смуглолицего, у них вообще нет никакой надежды на спасение, его союзников выманят на поверхность с любой глубины. Кронг огляделся. Кончик черной трубы виднелся из-за каменного обломка. Но высунуться из-за скалы — это играть со смертью. Хоть бы какое-нибудь оружие!

А что, если... Он подобрал каменный брус, отвалившийся от облицовки стены купола и швырнул. От удара труба треснула, конец ее раскололся вдребезги. Ему повезло и на этот раз, если, конечно, прибор окончательно выведен из строя. Но убедиться в этом не было никакой возможности.

Теперь ему предстоял рискованный трюк. Прижимая ноющую руку к телу, он пополз, поминутно ожидая вспышки бластера. Вот и отверстие купола, откуда они с такой радостью выбрались всего

несколько часов назад. И когда Трой скорее упал, чем вполз внутрь, над ним расцвела вспышка запоздалого выстрела. Наверху зашипели мгновенно расплавившиеся камни.

Убедившись, что чудом остался жив, Трой прислушался. Нет, вроде никто не пытается проникнуть в его убежище. Понемногу глаза, ослепленные вспышкой бластера, начали привыкать к полутьме тоннеля. И первое, что он увидел — темные силуэты животных, появившиеся наверху. Через минуту вся компания снова была вместе.

Уже когда они начали спуск по лестнице, до него донеслось стрекотание флиттера. Это могла быть машина рейнджеров, настояжившихся из-за возни, поднятой им и Зумом. Но не исключены и многие другие варианты, вплоть до подкрепления Зуму. Да и смуглолицего не стоит сбрасывать со счета, даже с временно парализованной рукой он вполне мог присоединиться к преследователям и сейчас в воздухе осматривать руины в поисках Троя и его друзей. Юноша еще раз пожалел, что не сумел завладеть бластером.

— Мы взяли...

Трой почувствовал, что это Сахиба. Он рискнул на секунду включить фонарик. Совсем близко на ступенях лежала с неловко подвернутой раненой лапой серо-голубая, а рядом сидел черный кот. А перед Симбом... Юноша не поверил глазам: он увидел оружие, о котором так страстно мечтал! Проведя рукой по вороненой стали, Кронг ощутил теплую влажность в том месте, где бластер зажала кошачья пасть. Он посмотрел на счетчик зарядов: израсходовано меньше трети. Ему есть теперь чем защищаться!

— Они ищут,— просигналил Саргон.

— Один?

— Пока да... Другие... Они еще наверху.

Кто этот один, Зум, или тот, кто стрелял по нему из бластера? Они быстро спустились до верхнего уровня коридоров. Здесь немудрено заблудиться в лабиринте переходов. Но и пассивно ждать нельзя, нужно идти влбуть. Быть может, там ему представится возможность оторваться от преследователей.

Только тут он вспомнил, что рюкзак с остатками пищи и запасом воды остался на поверхности. Что ж, вода внизу имеется, а пища... Юноша вспомнил, как азартно охотились животные в грибной пещере. Если он не будет чрезмерно брезгливым...

— Туда. Вниз!... — Он подвязал полу куртки, посадив в этот импровизированный гамак Сахибу. Зато левая рука оставалась свободной, хотя при малейшем движении рана на ней начинала кровоточить.

Спускаясь по лестнице, Кронг слышал лишь собственное дыхание да стук своих башмаков по ступеням. Но преследователи шли по пятам — об этом сообщили ему животные. Включать фонарь было нельзя. Приходилось двигаться ощупью, но вот впереди забрезжил неяркий свет, цель близка. В подземной оранжерее снова был день. Как смогли строители древнего сооружения заставить солнечный свет проникать сюда? Это осталось их тайной. Вот из облака снова, как и в тот раз, пролился дождик, заставив Троя бежать на сухое место. Проходя мимо сожженной им паутины, он случайно задел рукавом остаток нити. Лишь сильный рывок в сторону вернул ему свободу, даже поврежденная сеть была небезобидна.

Кронг вспомнил другую такую же паутину, где нашел свою гибель один из товарищей Куфлонна. Внимательно присмотревшись к полу-сожженным нитям, он обнаружил, что они оплели не всю поверхность стен, а лишь отдельные участки. Тогда он ухватился за одну из нитей и потянул. Еще раз. Еще. Наконец, удалось отделить ее от стены. На очереди другая нить. Затем третья... Дело шло бы быстрее, если бы удалось предохранить клейкие нити от соприкосновения друг с другом. К тому же работать приходилось только одной рукой.

Тем не менее через какое-то время он соорудил сеть, конечно, не столь совершенную, как была здесь прежде. Оставалось приспособить ловушку у подножия лестницы, перед тропой, которую он совсем недавно прорубил в зарослях. Вся эта работа потребовала немало времени, но преследователей пока не было видно. Да и четвероногие сторожа, находившиеся неподалеку не проявляли признаков тревоги.

Предупрежденные Троем, они осторожно перепрыгнули сеть, замаскированную пылью и сухими листьями. Сработает ли ловушка? Юноша с Сахбой на руках притаился между стеной и лестницей. Симб, обе лисы и куинкажу укрылись в джунглях.

Время тянулось томительно. Прошел час, другой, никто не появлялся на лестнице. Кронг убедился, насколько терпеливость животных превосходит человеческую. Четвероногие никак не проявляли себя, находясь в засаде. Он же изнывал от сотен мелких раздражителей, которых в обычной обстановке просто не замечал. Кожа зудела под курткой. Мелкие листья насыпались за капюшон и кололи шею. С каждой минутой вынужденного бездействия все сильнее болели ребра и рука. Его терзали голод и жажда, а зловещие растения, еще недавно вызывавшие отвращение, теперь манили своей сочной плотью...

Все эти муки усугублялись тенью ночных кошмаров, за которыми таилось нечто более страшное, чем все известные ему опасности.

Трой, как мог, старался унять тревогу, не думать о боли и голоде. Ему все чаще приходило в голову, что в таком виде, без наживки, ловушка не сработает.

Шевельнулась ветка ближайшего куста. Мелькнула стремительная тень, и в одно мгновение Шенг уже был у подножия лестницы. Зверек настороженно замер, хвост, изогнутый вопросительным знаком, чутко подрагивал. Наконец, куинкажу начал карабкаться вверх по ступеням.

— Нет,— попытался предостеречь Трой, вспомнив о человеке с бластером. Но Шенг, видимо, был уверен в своей скорости, которая поможет ему увернуться от смертоносного прицела. Он упрямо лез наверх. И тут Кронг понял: они подслушали его мысли о приманке — и вот наживка готова.

Сахиба шевельнулась, и он пересдернулся от боли в ребрах.

— Там все спокойно? — спросил Трой. Но кошка никак не реагировала на его слова. Он понял, что и она, и все остальные мысленно сопровождали сейчас своего посланца.

Тем временем день подходил к концу, сумерки быстро сгущались. Пятна теней в джунглях сливались в одну черную стену.

— Идет... Один!... — когти Сахибы царапнули по руке юноши. Он встрепенулся, пересадил голубую себе за спину и взял бластер на изготовку.

На лестнице послышался шорох, Шенг молнией вылетел из тоннеля и метнулся в кусты. А через минуту раздался топот башмаков — сюда спешил человек. Мгновенная вспышка наверху, Кронг едва успел заметить ее. Что это? Фонарик? Видимо, преследователь тут же увидел новый ориентир — призрачный свет в пещере — и идет теперь на него.

— Кто? Зум? — беззвучно обратился юноша к Шенгу.

— Нет.

Значит, это тот, с бластером. Трой крепче сжал рукоятку оружия. Он не знал, сможет ли сжечь человека даже в случае прямой угрозы для себя. В Диппле ему приходилось драться, но там в ход шли кулаки или ноги. Бывало, он отбивал нападение человека, вооруженного ножом. Но бластер, беспощадное и грозное орудие убийства... Впрочем, сейчас не время терзаться сомнениями, противник приближается.

Стук башмаков вдруг затих. Остановился этот человек или повернул вспять?

— Нет,— уверенно ответил кто-то из животных (кто, Трой не разобрал). Ага, значит чужак решил подкрасться незаметно. Кронг поудобнее перехватил потную от жаркой ладони рукоятку. Но все равно он оказался не готов к головокружительному трюку своего

преследователя: тот вдруг прыгнул с лестницы и устремился к юноше. Скорее всего, он уловил момент, когда Трой пошевелился, и решил атаковать. И тут пришла на выручку столь тщательно подготовленная ловушка. Человек упал, остановленный с разбега клейкими нитями. Он катался и бился, пытаясь освободиться, но только сильнее запутывался в сеть.

Троя охватила гордость за свое изобретение. И радость: ему не пришлось стрелять по живому человеку.

— Еще идет... Один... — обогнув плененного преследователя, Симб подошел к лестнице и взглянул вверх.

Вспышка, шипение... Но заряд бластера предназначался не Трою, а извивающейся на полу фигуре. Паутина и одежда пленника задымили от ударившего рядом луча. Пойманный в ловушку среагировал мгновенно, откатившись к стене. И вовремя: новый выстрел пришелся в то место, где только что лежала спеленутая фигура.

Трой получил возможность на мгновение увидеть озаренного вспышкой человека в паутине. Судя по маскировочной пятнистой куртке, это был не Зум, а один из охотников. Юноша наугад выстрелил вверх. Раздался крик, и по лестнице покатилося чье-то тело. Юноша смотрел, как второй его преследователь дергается в предсмертных судорогах. Когда все было кончено, Кронг подошел к запутанному рейнджеру.

— Я был уверен, Кронг, что мы встретимся именно здесь, — раздался голос лежащего.

Трой узнал Рерна. Но он подавил возникшее было побуждение освободить рейнджера. Еще недавно он рассчитывал на его помощь в трудную минуту, но сейчас взяла вверх подозрительность, свойственная преследуемому.

В конце концов, почему он должен думать, что Рери и стоящие за ним кланы менее опасны для него, чем Зум и его бандиты? Он продолжал стоять, поднимая бластер и глядя на Рерна.

— Не глупите, — Рери оставил свои усилия освободиться от пут, но попытался приподнять голову. — За вами идет смертельная охота, Кронг.

— Да, — перебил Трой. — И вы здесь...

— Нет, — Рери нахмурился, качнул головой... — Вас преследует нечто

более беспощадное, чем люди Клана.

Вы им нужны только мертвым. Так-то, парень.

Неожиданно рейнджер умолк, уставившись на пол. Шенг, Симб, Саргон и Шеба беззвучно материализовались из ничего и сидели

теперь у ног юноши, глядя на Рерна. Трой вспомнил, как смущал его этот пронизывающий взгляд животных. Сахиба, прихрамывая, вышла из-под лестницы и уселась рядом с Симбом.

— Так это же... — Рерн во все глаза смотрел на четвероногую пятёрку. — Вот они где, самые опасные преступники планеты Корвар!

ГЛАВА 15

— Вы ошибаетесь, Рерн. — Голос Троя был холоден и тверд. Так человек из Диппия никогда еще не говорил с гражданином Корвара, которого он обязан называть «охотник» или «Джентль Хомо». — Это не преступники.

Они были не в Тилле, а там, куда люди из Тилла боятся даже ступить. И он больше не был одинок и безоружен. Кронг почувствовал себя членом маленького сообщества, где каждый готов сражаться за свободу остальных.

— Но... вы знаете, чем они занимались для Кайгера?

— Знаю.

— Однако... Ведь вы не были участником всего этого... Или были? — Рерн как бы рассуждал вслух, пристально глядя при этом на Троя. Взгляд его был таким же немигающим, как у Симба в минуту контакта.

— Нет, я не участвовал в играх Кайгера. И убил его тоже не я, если у вас есть и на этот счет подозрения. Я повторяю: мы не преступники.

— Вы сказали... мы?

Трой шагнул назад, став рядом со своими союзниками. Теперь они маленькой шеренгой выстроились против Рерна. Тот задумчиво кивнул.

— Начинаю понимать. Воистину «мы»...

Трой считал тему исчерпанной.

— Что вы намерены делать дальше? — спросил он рейнджера. Рерн помрачнел.

— Вы правы, самое время подумать об этом. Мы все погибнем, если не сумеем выбраться отсюда целыми и невредимыми. Людей Клана вам следует опасаться меньше всего, Кронг. Но, боюсь, что существует приказ стрелять сразу, не вступая с вами в разговоры.

— Это ваш приказ? — Трой словно невзначай качнул в руке бластер.

— Разумеется, нет. Подобные приказы не в традиции кланов. Стоит им узнать об охоте за вами, и будут приняты должные меры,

можете мне поверить.— Голос Рерна звенел металлом, и лишь жесткий прищур глаз и суровая складка вокруг сжатых губ сказали Трою, какая буря гнева бушует сейчас в груди этого сдержанного человека.— Нет ничего легче,— продолжал рейнджер,— как пристрелить сбежавшего дилпльмена, а после представить его смерть как трагическую случайность. Судя по всему, именно такую игру выбрали ваши друзья там, наверху.— Рерн кивнул в сторону еще дымившегося тела.— У вас один шанс из миллиона ускользнуть от этих бандитов...

— Идет один...— Симб был у лестницы.

Трой на мгновение заколебался. У него был выбор: принять бой здесь или скрыться в зарослях, бросив на пути врагов беспомощного Рерна.

Рерн переводил взгляд с кота на человека.

— У нас ожидаются гости?

— У нас? — Трой интонацией подчеркнул местоимение.

— Да, у нас, Кронг. Он не может быть моим человеком.

Трой поверил охраннику. Итак, сюда идет враг, идет убийца.

— Вы можете спрятаться в кустах,— Рерн испытующе посмотрел на юношу. — Им нелегко будет обнаружить свою жертву.

— А вы?

— Какая вам разница, если вы и меня считаете своим недругом,— в тоне охотника звучала мрачная бесшабашность.

— Вот этот,— Трой подбородком указал на распростертое дымящееся тело, — он стрелял в вас.

— Я же объяснил, их принцип прост: человек убитый «по ошибке», лучше живого свидетеля.

Трой отбросил сомнения. Ухватившись за нить, он переволок Рерна под лестницу. Даже если бы он захотел освободить охотника от пут, времени на эту процедуру не осталось. Но он должен был укрыть беззащитного человека от бластеров Зума и его компаньонов.

— Зум? — спросил он у кота.

— Да,— последовал уверенный ответ.

Сплести ловушку не было времени. А враг, безусловно, вооружен. Значит, Трою нужно стрелять первым. Он взял бластер наперевес и встал, пригнувшись, около Рерна.

— Разрежьте это,— Рерн изо всех сил напряг мышцы, стараясь освободиться.

— Я могу только поджечь их,— ответил Трой, наблюдая за верхним пролетом лестницы.

— Какая-то странная веревка,— пробормотал охотник.

— От паутины... — Трой кивнул на свисавшие от стен нити.

Рери замолчал. Оба напряженно прислушивались. Становилось все темнее. Юноша непроизвольно подумал о неизвестной и опасной жизни, которая может проявить себя в ночных джунглях. Есть лишь одно место, не заросшее угрюмыми кустами — вымощенная площадка, где установлен вызыватель.

Если Зум задерживается, может быть, им есть смысл перебраться туда? Для этого надо освободить Рери хотя бы ноги. Или же оставаться здесь и вступить в перестрелку с Зумом, надеясь на удачный прицел почти в полной темноте? Кронг никак не мог сделать выбор между двумя вариантами, каждый из которых был по своему опасен.

— Зум? — задал он Симбу повторный вопрос. В мысленном ответе кота он уловил недоумение.

— Зум... Он боится...

— Нас? — спросил Трой с недоверием. Там, наверху, смуглолицый чувствовал себя хозяином положения и когда готовил убийство животных, и когда напал на белого дилеммена. В чем же тогда причина страхов Зума? Он заметил, что Рери куда-то исчез, и подумал, что охотник вызовет помощь кланов против банды? Такая версия показалась Трою реальной. А что если предъявить Зуму Рерна и использовать рейнджера для переговоров?

— Зум боится не нас... Он не может увидеть того, чего боится, — с еще большим удивлением сообщил черный кот.

Трой вздрогнул. Перед глазами встала паутина с распятым на ней иссохшим трупом. И направленное в глубь Руворра жерло ретроспектора. Однако Зум-то здесь впервые, откуда ему знать о паутине, о работающем вызывателе Куфлонна?

— Он не видит этого ни глазами, ни мыслями. Но он чувствует...

— Значит он способен общаться с вами?

— Нет, — это вступил Саргон. — Не может без трубы, которая зовет. Но он видит сейчас много разных теней и чувствует, что они для него опасны.

Лис подошел к лестнице, поднялся на несколько ступеней и постоял с вытянутой вверх мордой. — Зум хочет идти вниз, но его не пугает страх.

Чего боится Зум? Что это за тени, которые он якобы видит? Трой с сожалением отметил, что далеко не всегда может понять мыслеобразы, передаваемые животными. Но даже его уровень контакта обострил интуицию. Каким-то шестым чувством он ощутил присутствие в джунглях некоего — не живого и не мертвого — существа? явления? — которое черпает энергию из тьмы Руворра. И это предчувствие неведомой опасности заставило напрочь отбросить план проникновения к ретроспектору через тропу в зарослях.

— Что? — связанный Рерн полусидел, вжимаясь спиной в стену. — Там... Что там бродит?

— Хочется надеяться, что ничего живого, — Трой присел на корточки, уменьшил силу разряда бластера и осторожно провел дулом по нитям на ногах охотника. Пути исчезли.

— Ничего живого? Как это? — недоумевал Рерн.

— Это... Его оживила установка Куфлонна, Ваша техника заглушила излучение у поверхности, но прибор действует и поныне. Как я понял из сообщений животных, вызванное из небытия существо полностью или частично осталось в нашем времени и пространстве.

— И наш приятель наверху чувствует дыхание этого дракона? Занятно... — Рерн усмехнулся. — Вот почему он не спешит спускаться в логово чудовища.

Трой был озадачен. Не скрывает ли охотник свою способность подключаться к мысленному общению животных? Но его союзники должны были тогда почувствовать постороннего и дали бы знать ему об этом.

Рерн словно продолжал сеанс телепатии.

— Вы каким-то способом контактируете с животными и подозреваете, что я тоже способен на это?

Трою ничего не оставалось, как согласно кивнуть головой.

— Мысленный контакт... — Рерн не спрашивал, он утверждал. — Прежде я только догадывался. Теперь знаю. А Зум... Тут тоже понятно. Он ведь необычный субъект. Большинство людей, населяющих планеты Галактики — результат многовекового смешения рас, продукт космической колонизации. Зум же сохранил свою расовую чистоту. Он прямой потомок полудикого земного племени бушменов, прирожденных охотников. Его предки жили в саваннах, напоминающих Дикие Земли. Зум унаследовал родовые инстинкты их обитателей. Таких, как он, ныне почти не осталось. Его восприятие примитивно и не отягощено наслоениями позднейших цивилизаций. Зато в нем развита утраченная большинством интуиция, древнее, как природа, чувство опасности. Если бушмен почуял здешнего демона, ничто не в состоянии загнать его сюда, вниз. Более вероятно, что он понадеется, что чудовище Руворра само расправится с нами, а он на всякий случай подстрахует выход снаружи. И ему не откажешь в логичности такого решения.

— Оставаться на ночь в таком месте... — Рерн повел плечами, стараясь ослабить путы. — Мне что-то не по себе, — откровенно признался бесстрашный рейнджер.

— Вы ведь были в числе спасателей, нашедших людей Куфлонна? — спросил Трой.

— Да. Но сюда мы не дошли и даже не подозревали о существовании этой странной пещеры. После кошмара, увиденного нами наверху, никто и не помышлял о спуске в глубину. Тем более, что ретроспектор, как мы полагали, полностью обезврежен. Стало быть, мы ошибались. Если мне удастся выйти отсюда, я позабочусь об этом.

— Зуму не занимать терпения. Он будет ждать сколько потребуются и перестреляет нас при малейшей попытке выбраться на поверхность. — Трой подумал, не сказать ли Рерну о существовании другого выхода. Впрочем, не имея запаса воды и пищи, добраться туда надежды не было. 4

— Зум хитер. Он способен устроить засаду в каком-нибудь коридоре. — Рейнджер снова попытался освободить стянутые нитями руки. — Но мы можем не подниматься на поверхность, а вызвать подкрепление с тыла. Развяжите меня, Кронг, и я вызову помощь.

— Нет, — без колебаний ответил Трой.

— Почему? — Рерн не рассердился, скорее, он был заинтересован причиной отказа.

— Вы забыли, что перед вами преступники.

— Но перед лицом общей опасности можно пойти на перемирие. Все же в Диких Землях мое слово кое-что значит.

Трой колебался. В Диппле доверие отнюдь не было ходовым товаром. Довериться этому человеку — все равно, что отдать ему бластер. Подозрительность, приобретенная за годы, боролась в нем с симпатией к рейнджеру.

— Да. Перемирие до тех пор, пока мы не покинем Руворр. Если желаете, могу поклясться на ноже, — продолжил Рерн.

Голос охотника звучал твердо. А клятва на ноже... Трой пожал плечами.

— Если я соглашусь, мне достаточно слова рейнджера. Мои условия: перемирие плюс фора времени для нас.

— Вас не оставят в покое ни те, ни эти, — в предупреждении Рерна проскользнула нотка горечи. — Не лучше ли сдаться? Положиться на закон...

— Закон? — юноша невесело усмехнулся. — Чей закон, охотник? Кодекс Клана, устав патрульных или круговая порука банды Зума? Я понимаю: мы — желанная и легкая добыча и для одних, и для других, и для третьих. Нет, вы должны дать слово, что в нашем распоряжении будет хотя бы полдня.

— У вас будет это время, — кивнул Рерн. — Но боюсь, его слишком мало, чтобы спастись.

— Мы постараемся, — проговорил Кронг и начал с помощью блас-тера пережигать нити на руках охотника.

— Снова «мы»... Почему, Кронг? — Рерн энергично массировал затекшие запястья.

— Человек всегда использовал животных, как орудия. — Трой с трудом подбирает слова, чтобы высказать свои еще не до конца оформленные мысли. — Случилось так, что кто-то додумался превратить животных в оружие, направленное против людей. Но повинно ли оружие, направленное в цель стрелком? Для меня эти существа не орудия и не забава, а нечто иное.

— Может быть, товарищи? — серьезно произнес Рерн, размахивая руками, чтобы восстановить кровообращение.

— Вы... Откуда вам знать это?

— Я профессионал, способный не только восхищаться прекрасным инструментом, но испытать радость, если это перестает быть только инструментом...

Трой кинул на собеседника благодарный взгляд.

— Вы правильно поняли...

— Я — да, и то не все. Большинство же людей видят в животных инструменты и не помышляют обрести в них товарищей. А древняя, как мир, боязнь человечества поступиться собственным превосходством делает вашими врагами всех охотников Галактики. Так что, Кронг, не рассчитывайте на понимание у представителей собственной расы. Люди всегда стреляют в то, чего они не понимают, так повелось издревле, с этим ничего не поделаешь.

Я сдержу свое слово, Кронг, вы получите запас времени. А как вы его используете — дело ваше. Теперь же пора поразмыслить, как все-таки вам выбраться отсюда. С наступлением утра к нашим противникам, возможно, вернется хитрость, и они сунутся сюда. Мы не можем медлить.

Рерн сунул руку за пазуху и извлек небольшую коробочку. В свете фонарика он сосредоточенно набрал какой-то код на кнопочном циферблате. Потом пояснил:

— Передатчик. Настроен на волну, известную в Диких Землях, как зов о помощи. Я только добавил предостережение о засаде Зума и его приспешников. Наверняка наверху его страшит пара головорезов. Нам известно, что перед полетом к Руворру Зум вел переговоры с людьми Унии. Скорее всего, он нанял профессиональных убийц себе в помощь.

— Чем же он расплатился с Унией? — озадаченно проговорил Трой. — Скорее всего ограбил мертвого Кайгера.

— Это возможно, тем более, что и ограбление припишут вам, Кронг, поскольку вы подозреваетесь в убийстве торговца. Но это, как говорится, ваши проблемы. Меня вот что интересует: сам ли Кайгер стоял во главе шпионской организации на Корваре? Быть может, истинный руководитель этой деятельности настолько влиятелен, чтобы заставить власти превратить все случившееся в обычную уголовщину? Вас объявили на весь Тилл убийцей, укравшим ценнейших животных.

— Случилось то, чего я опасался, — горько констатировал юноша. Он знал: с убийцами на Корваре разговор короткий. Патрульные сначала стреляют, а уж потом ведут расследование. Правда, он не в Тилле, а в Диких Землях, это дает ему хоть какое-то преимущество.

— Вы утверждаете, что не убивали Кайгера?

— Когда я нашел его, он был мертв. — Трой коротко рассказал о событиях той ночи, когда он вынужден был покинуть Тилл.

— У меня нет причин не верить вам. Тем более, что Кайгер водил весьма опасные знакомства. А вам не пришло в голову, что я могу обеспечить вам алиби? Ведь когда умер Кайгер, вы были со мной и Рогудом.

— Патрульные знают об этом? — голос Троя дрожал от волнения. Если Рерн объявил властям о его невиновности, почему не сказал ему об этом сразу?

— Я пока ничего не заявлял...

— Хотите получить что-то от меня в обмен на алиби?

— Почему бы и нет? — последовал загадочный ответ. Троя охватили гнев и презрение.

— Ну и не надо. Обойдусь... — Наверно, в молчании Рерна действительно есть какой-то умысел. Он хочет принудить Троя поступать так, как нужно Клану? Ведь встреча в ресторане не была случайной, и вот ее продолжение. Но он уже познал свободу и ничто не заставит его вернуться к прежнему прозябанию!

— Что ж, дело ваше, — безразлично проговорил Рерн. Он приложил ухо к черной коробочке и удовлетворенно кивнул.

— Они уже близко. Хотят обезвредить Зума. Для верности пустили перед собой газ.

Да, против такого оружия Зум беззащитен, — подумалось Трою. Но этот факт почему-то не радовал юношу.

— Зума арестуют?

— Вы хотите этого? — Рерн поднял глаза на Троя

— Почему я должен хотеть обратного?

— Нет резона считать бушмена главной картой в игре. Он явно исполнитель, полностью подчиненный Кайгеру. От арестованного

Зума толку никакого. Оставленный же на свободе, он может навести на след подлинного главаря организации.

— Для этого нужно, чтобы ваши люди тоже хотели этого и располагали временем для игр с бандитами.— Трой недоверчиво усмехнулся, затем пожал плечами.— Мне же сейчас нужно думать о собственном спасении.

Мысль его продолжала работать, обдумывая сказанное Рерном. Охотник прав: проследить связи смуглолицего небезынтересно. Трой принял бы такой план, будь он один. Но с ним животные... Он не может тратить на Зума ни минуты драгоценного времени, отпущенного судьбой. Пусть люди Рерна ведут эту игру без него.

— Ваш ход,— напомнил он рейнджеру.

Тот вновь поднес передатчик к уху.

— Он сделан. Они здесь.— Охотник показал рукой на лестницу.

— Что с Зумом?

— Исчез. Растворился. В коридоре второго этажа обнаружили спящего человека Унии. Его взяли, чтобы сдать патрульным как нарушителя запретной зоны, проникшего сюда с оружием.

Пусть Зум считает, что, раз он избежал усыпляющего газа, ему больше ничто не угрожает. Думаю, что выследить беглеца не составит труда для профессионалов Клана.

Что ж, у Рерна своя партия в игре. Возможно, раздобыв сведения об Организации, на которую работали Кайгер и Зум, выявив главаря, рейнджеры получат сильные козыри в споре с властями Корвара за свои исконные права.

Трой взял на руки голубую кошку и кивком предложил Рерну идти вперед.

— Учтите, у меня в руках бластер. Вы пошли на перемирие со мной, но будут ли столь великодушны ваши друзья наверху?

Рерн одобрительно улыбнулся:

— Осторожность — вещь полезная. Надеюсь, со временем вы будете лучше думать о рейнджерах Диких Земель. Итак, наверх?

Подъем был столь же томителен, как и спуск в эту шахту. Вот и нижний уровень. Трой повел фонариком — никого. И снова вверх, ступенька за ступенькой. Чуть впереди Симб и Саргон, чуткие разведчики, с которыми никогда не сравниться человеку. Шенг устроился у него на плече. Шеба трусила рядом. Казалось, животным нет никакого дела до Рерна. Но Кронг знал, что охотник постоянно под наблюдением четвероногих проводников.

Второй горизонт остался позади, до выхода рукой подать. Трой мучительно размышлял о планах бегства. О флиттере мечтать не

приходится, комфорт не предусматривался условиями перемирия. Но люди Рерна должны хотя бы отключить силовой барьер, чтобы проникнуть в зону. Если повезет, он и его союзники смогут ускользнуть за пределы Руворра. А дальше — пешком... Далеко ли они уйдут без пищи, уже много часов не смыкавшие глаз? Добраться бы хоть до опушки леса, тогда животные найдут себе и укрытие, и еду, а он сможет подумать о собственном положении.

— Ждут... Люди... — послал Симб сигнал.

Все правильно, он знал о людях Рерна.

— Не враги... — успокоил Трой.

— Вы окружены. Бросай оружие!

Впереди мелькнул форменный мундир, чья-то рука с бластером. Трой схватил Рерна и прикрылся этим живым щитом. Рейнджер гневно запротестовал.

— Молчите уж. — Трой сплюнул. — Вот чего стоит слово рейнджера... Боюсь, что и ваша клятва на ноже немногим правдивее.

Итак, он во власти патрулей. Все конечно... Юноша прокричал:

— Я выхожу, но со мной самый честный из охотников. Если кто-то выстрелит — достопочтенный Рерн поджарится первым, учтите это!

Он подтолкнул рейнджера к выходу. Тот не пытался сопротивляться.

ГЛАВА 16

Наверху слышался какой-то спор, возгласы, но в них никто не стрелял.

Рерн шагал молча, никак не реагируя на уничтожающую тираду Троя. Молодой человек был озадачен, он рассчитывал на внятное объяснение. Хотелось надеяться, что его неведут в западню. Но... Замеченный им наверху мундир отнюдь не принадлежал рейнджерам.

— Люди, — новое предупреждение животных.

Трой вышел, держа перед собой Рерна и осмотрелся. Охотничьи костюмы ожидающих их рейнджеров были почти неразличимы в пестроте развалин. Но его внимание быстро переключилось на предмет, увидеть который здесь он никак не надеялся: в стороне стоял флиттер.

— Велите своим людям, — прошептал он Рерну, — отойти подальше от флиттера.

Голос охотника был сухим и бесстрастным, как у робота.

— Отойдите все от флиттера.

Лишь увидев лицо Рерна, юноша понял, как рассержен его полу-союзник, полупленник.

Среди развалин началось движение. Когда рейнджеры убрались на достаточное расстояние от машины, Трой начал продвигаться к ней, все время отгораживаясь Рерном от людей клана. Он был уверен, что четвероногис уже у флиттера.

Еще шаг, еще — он достиг цели. Дав выход гневу и презрению, юноша с размаха ударил охотника по голове рукояткой бластера. Рерн рухнул на землю. Трой нырнул в кабину и, удостоверившись, что животные здесь, дернул рычаг взлета. Резкий толчок швырнул юношу на приборную панель. Сахиба недовольно мяукнула, но этот крутой подъем был их спасением, они вышли из зоны обстрела.

Трой взял курс на восток, в самую глубину Диких Земель. Его, разумеется, будут искать. Но если у людей Рерна был в Руворре только один флиттер, он выиграет самое дорогое — время.

Над ним простиралось ночное небо. Пища... Вода... Убежище... От усталости ни о чем ином он не думал. Его вела одна цель — уйти как можно дальше в Дикие Земли.

— Здесь хорошо, — свою мысль Симб подкрепил довольным урчанием. — Хорошая охота... Люди не отыщут нас в этих просторах.

— Не забывай о Зуме, — напомнил Трой.

— Мы помним. Но для него можно сделать надежную ловушку.

Похоже, он уснул, доверившись автоматике. Его разбудил свет, пробившийся сквозь сомкнутые веки. В первое мгновение Кронг не смог понять, где он находится. И лишь золотая полоска восхода и высокие белые облака помогли ему вспомнить. Флиттер продолжал путь на восток.

Под ними расстилалась холмистая равнина. А впереди, в мареве утреннего тумана, чернела неясная полоска, лес или горная гряда. Они летели всю ночь и миновали уже равнину, где их могли заметить редкие любители экзотики, попадавшие сюда из города по специальным лицензиям. Окончательно проснувшись, Трой попытался оценить свое положение.

Выдать их может только флиттер. Значит, нужно сесть у кромки того дальнего леса и направить машину обратно, задав курс автомату. Это совет рейнджеров, или того, в форменном мундире, со следа.

Но он лишь протянул руку к приборам, когда понял, что опоздал. Машина резко сбавила скорость, попав в зону действия тормозящего поля. Трой недоуменно обернулся: за ним следовал еще один флиттер.

Кто знает, будь Трой профессиональным пилотом, он, возможно, сумел бы выиграть воздушную дуэль. Но юноша только до предела выжал педаль скорости, изо всех сил стремясь к кромке леса.

И они долетели до нее. Он направил флиттер вниз. Вот уже колеса машины шуршат в высокой траве. Мелькнула мысль, что такая трава — отличное укрытие для его маленьких пассажиров. Затормозив флиттер у лесной опушки, он отворил дверцу еще до полной остановки машины. Прозвучал его последний приказ животным:

— Всем наружу. Скрыться!

Он перегнулся на сидении, спустив с рук Сахибу в высокую траву, где ждал подругу Симб. Лисы с куинкажу уже юркнули в заросли. Затем юноша снова запустил двигатель, уводя машину как можно дальше от места посадки живого груза.

Но очень скоро его флиттер лишь беспомощно ревел, не в силах сдвинуться с места. Трой сидел в кабине, неспособный шевельнуться в объятиях силового поля. Бежали минуты. Выстрелов не было — его, по крайней мере, намереваются брать живым. Хорошо ли это, покажет будущее. Совсем скоро станет ясно, кто взял его в плен: рейнджеры, патрульные или люди Зума.

Сбоку у распахнутой дверцы выросла фигура. Не в силах повернуть голову, Трой скосил глаза, на этом человеке не было ни пятнистого костюма охотников, ни формы патрульного. Значит, отряд Зума опередил остальных.

Не взглянув на сидящего неподвижно Троя, человек всунул в кабину плечи и голову и стал осматриваться. Он что-то искал и даже заглянул под оба сиденья, потом проверил багажный отсек. Поздно, животные в безопасности! От этой мысли юноша повеселел. Значит, его короткая остановка на опушке либо прошла незамеченной, либо преследователи не разгадали ее цель. Они были уверены, что найдут в кабине не только человека, но еще и пятерых пленников.

Незнакомец выпрямился и сказал кому-то снаружи:

— Пусто.

Трой знал, что преодолеть действие парализующего луча невозможно. И все же он изо всех сил старался дотянуться рукой до бластера, что был за поясом. Тщетно, мышцы не повиновались ему.

Снаружи он слышал невнятные голоса. Чьи? Ответ пришел быстро. На месте незнакомца, обыскивавшего флиттер, он увидел Зума. Смуглое лицо исказила злобная гримаса. Видимо, не доверяя свосму наемнику, маленький человек самолично общарил машину. И лишь затем вопросительно взглянул на Троя.

— Они ушли, — сказал юноша.

Голос был хриплым, но в этом положении он мог хотя бы говорить. И добавил с ноткой удовлетворения:

— Тебе не найти их.

Не удостоив его ни словом, Зум покинул кабину и отдал своим спутникам какой-то приказ. Тут же скрипнула дверца возле места водителя, кто-то рванул парализованного Троя за пояс, и он упал лицом в траву.

Тут он почувствовал, что действие поля уже не достигает его. Значит, он может сопротивляться. Юноша попытался встать, но сильный удар прокинул его навзничь...

Очнувшись, он понял, что связан по рукам и ногам, хотя вместо парализующего луча на сей раз была пущена в ход обычная веревка. Впрочем, спеленали его профессионально, в этом он убедился, попытавшись шевельнуть рукой. К тому же и на глазах его была плотная повязка.

Кронг не обольщался насчет намерений своих преследователей. Так или иначе, пока что они не покушались на его жизнь. Теперь пора было понять, где он находится. Судя по вибрации, передававшейся его телу, он летел, скорее всего, в тесном багажнике флиттера. Это могла быть та машина, которую он захватил, чтобы бежать из Руворра, или та, что преследовала его и настигла возле леса.

Итак, он в руках Зума. Это, конечно, скверно. Но... допустим, сейчас они летят в Тилл, и он предстанет перед тем самым неизвестным, который и после смерти Кайгера руководил таинственной Организацией. А животные? Поскольку их искали в флиттере, значит, зверькам удалось укрыться в лесу. Маловероятно, чтобы их смогли отыскать и после. Конечно, если у Зума нет другого вызывателя.

Трой подумал, что одним и тем же словом названы два совершенно различных устройства: ретроспектор Куфлонна и черная труба Кайгера. Но и тот и другой приборы были опасны — и это объединяло их больше, чем одинаковое название.

Кронг мысленно представил себе пятерых путешественников. Надежно ли они спрятались? Вдруг животные пойманы и летят сейчас во флиттере где-нибудь рядом? Он попытался наладить контакт, ответа не было. Значит, его друзья действительно на свободе!

Если бы знать, как долго он был в беспамятстве, можно определить примерно место, где летит машина. Но этого он не знал, как не смог бы подсчитать, сколько времени назад он в последний раз ел и пил. Голод и жажда терзали с новой силой. Желание сделать глоток воды подавляло все остальные помыслы, и он не мог сосредоточиться на том, что его ждет впереди.

Кажется, звук двигателя стал каким-то прерывистым. Это пилот рывками гасил скорость, видимо, переходя на более низкую трассу воздушных сообщений. Это могло означать что угодно, но Кронг решил, что они достигли предместий Тилла.

Точно. Они спускаются. И тут он услышал сирену патрульного флайера. Остановят ли их машину? Это не сулило Трою ничего хорошего, он ведь по-прежнему известен как убийца и грабитель.

Трой не слышал, велись ли переговоры с патрулем, но понял, что если флиттер и запрашивали, полученный ответ вполне удовлетворил служителей закона. Двигатель урчал ровно, значит, их не принудили садиться. На слух скорость была обычна для полета над городом. Но вот она изменилась. Машина готовится к посадке?

Так и есть. Еще несколько минут — и легкий толчок, флиттер запрыгал на неровностях почвы. Где они сели? Это он узнает очень скоро, а пока...

Трой расслабился и закрыл глаза. Пусть думают, что он все еще не пришел в себя.

Он слышит чьи-то тяжелые шаги. Щелкнул замок багажника. Грубые руки выдернули его настолько бесцеремонно, что он всем телом ударился о мостовую. Потом почувствовал, что его куда-то волокут.

Повязка на глазах сидела так же плотно, но воздух... Атмосферу, в которой он очутился, нельзя было спутать ни с одним из тысяч запахов на Корваре. Его доставили ... во двор магазина, где — подумать только! — всего несколько дней назад он начал свою службу, откуда совсем недавно бежал вместе с животными.

Его бросили на землю, и он услышал скрежет открываемой двери. Потом его опять потащили, судя по запахам трав, в помещение склада. Наконец, его швырнули на какой-то мешок, и он так и остался в полусидячей позе. Свешенная на грудь голова должна была свидетельствовать о его глубоком беспамятстве.

Последующие минуты показали, что старался он напрасно. Его похитители по-своему решили привести свою жертву в чувство. От здоровенной затрещины голова юноши мотнулась назад, что, однако, не убергло его от второго, такого же беспощадного удара.

— А? Что? — Трой счел за благо «очнуться».

— Выспался, диппльмен? — он узнал голос Зума. Но не маленький человек втащил его сюда, бушмен здесь не один.

— Что такое... — снова начал было Трой, но чуть не захлебнулся от густой массы, которую вливали ему в рот. Край горячей металлической посуды был плотно прижат к его губам, и он был

вынужден сделать несколько глотков отвратительного огненного месива.

— Поможет? — опять Зум.

— Пока ни разу не подводило, — заверил кто-то грубым голосом. — Мы свое дело знаем. Будет как камень, хоть режь, хоть коли.

Голова юноши снова упала на грудь. Теперь ему не нужно было симулировать беспомощность. Все тело онемело и потеряло способность двигаться. В голове разлилась звенящая пустота. Он понимал, что одурманен каким-то наркотиком из арсенала Унии. Но это значит... Мысль путалась, он боролся с отупением. ... Зуму помогают высокооплачиваемые специалисты. Откуда у бушмена деньги, необходимые каналы для связи с преступной Унией?

Его все сильнее охватывала сонная апатия. Он ощутил себя лежащим на мягком облаке, которое возносило его бесплотное тело все выше и выше...

Холод ... Он проник в голову... Нет, в рот...

Кронг инстинктивно сделал глоток, и холод опустился ниже, достиг желудка.

— Вы обещали, что он будет готов, — словно сквозь вату услышал Трой чьи-то слова.

— Организм нестандартный. Перестарались немного, когда усыпляли. Да и желудок у него, похоже, пустой. — Слова больно бились в виски, отдаваясь в затылке тупой пульсацией.

Холод охватил плечи, полз по рукам... Но даже дрожать не было сил.

— Чтобы через пять минут он был в порядке! — резкий приказ хлестнул кинжалом, вызвав новый спазм головной боли.

Клейкая сладкая жижа полилась ему в рот, и он судорожно начал глотать ее. С каждым глотком холод отступал, в его тело возвращались тепло и жизнь.

Чья-то рука коснулась шеи.

— Проверяют пульс, — понял Трой. Потом опустилась на грудь, к сердцу.

— Уже нормально. Он скоро придет в себя.

Не было ни усталости, ни голода и жажды. Тело налилось силой и энергией, мозг работал удивительно четко и ясно. Трой радовался этому, хотя понимал, что эффект достигнут посредством еще одного наркотика.

Его никто не беспокоил. Потянув носом воздух, он понял, что по-прежнему сидит в складе магазина, привалившись спиной к мешку с зерном. Сколько времени он здесь? А сколько часов или дней

пробежало с той минуты, когда он расстался с животными в Диких Землях? Повязка на глазах полностью лишила его ориентировки, а обоняние и слух не могли заменить зрения.

Не найдены ли ими животные? Он напрягся, пытаясь установить контакт... Ничего...

Шаги. Скрип двери... Топот башмаков приблизился. Запах потного мужского тела. Троя позабавило, насколько обострилось его обоняние.

Веревка на ногах ослабла. Он с трудом пошевелил онемевшими ступнями. Кто-то ухватил его за плечо:

— Поднимайся, диппльмен! Изволь на этот раз идти сам. Ну, пошевеливайся!

Трой сделал пару шагов, но больно стукнулся коленом об угол какого-то. Еще несколько шагов — и он очутился во дворе, об этом сказал хлынувший в ноздри свежий воздух. Совсем рядом мерно гудел готовый к взлету флиттер.

Его подвели к источнику этого звука, подняли в воздух и через минуту он снова лежал, скрючившись в багажнике, вероятно, в том же, где находился во время перелета в Тилл. Голос Зума, отдававшего команды с пилотского сидения и ответы наемников, четкие, немногословные. Его перевозка поручена членам самой высокооплачиваемой секции в иерархии воровской Унии, тем, кто одинаково мастерски владеет и ножом, и бластером, и ядом. Только безумец может лелеять надежду ускользнуть из рук таких сторожей.

ГЛАВА 17

Летели они совсем недолго, скорее всего, просто преодолели ограду двора и опустились на улице. Колеса флиттера мягко покатались по мостовой: он превратился в наземный транспорт. Значит, они направились не в квартал особняков и вилл, а в деловой район.

Может быть, какой-нибудь офис? Но ведь нужно подгадать так, чтобы незаметно препроводить в помещение человека с повязкой на глазах, охраняемого стражей. Это, впрочем, возможно, если сейчас ночь и деловая жизнь в конторах и мастерских ремесленников замерла.

Скорость их езды не переходила границу разрешенной. Делалось все, чтобы ничем не привлечь внимания патрулей. Поворот. Кажется, налево. Еще один. Трой попытался по этим признакам определить,

куда его везут, но вскоре бросил эту затею, с завязанными глазами он был начисто лишен всякой ориентировки.

Пришлось положиться на логику. Поскольку для его захвата и охраны наняли людей воровской Унии, то путь флиттера может лежать к тайной штаб-квартире этой всемогущей организации. Но, поразмыслив, Кронг отбросил эту версию: собственно для Унии он не представлял интереса, а был не более, чем объектом выполнения щедро оплаченного заказа. Более вероятно другое: ему предстоит скорая встреча с хозяином Зума и покойного экс-космонавта.

Машину снова качнуло на повороте. Те, кто ехал в кабине, за весь путь не произнесли ни слова. Трой прислушался к уличному шуму, он был довольно оживленным. Значит, до наступления ночи еще далеко, сейчас только начало вечера. Слышались обрывки разговоров ремесленников, возвращающихся с работы домой. Флиттер влился в их поток, стало быть, они направляются не к мастерским, а в обратную сторону.

Но вот машина затормозила. Совсем близко Трой услышал движение, его ноздри уловили запах мужского пота. Кто-то перегнулся из кабины через перегородку в багажник.

— Слушай, ты,— человек, которому принадлежал этот грубый голос, не был расположен к шуткам и не знал сострадания.— Сейчас ты спокойно пойдешь. Понял, диппльмен? Ты пойдешь без шума. Запомни: одно лишнее движение и тебя не будет. Уяснил?

Трой молча кивнул. У него отпала всякая охота сопротивляться.

Его крепко схватили за руки и помогли выбраться из тесного багажника. Затем, чувствуя по бокам невидимых провожатых, он медленно двинулся по улице.

Рядом пахло какими-то цветами: они, вероятно, были в жилом квартале. Остановка, видимо, у двери. Нет, у ворот. Щелкнул замок, чуть слышно скрипнула створка. Они снова пошли, но по более мягкой почве, поскольку стук башмаков стал глуше.

Новый запах, который уловил юноша, заставил его вздрогнуть. Эти ароматы могли присутствовать только в одном доме Тилла. Трой был настолько изумлен, что даже споткнулся, тут же получив болезненный толчок под ребра.

Он ожидал чего угодно, но... Какая может быть связь у хозяина Кайгера с толстеньким любителем водной экзотики, чиновником Драгаром?

В том, что хобби Драгара было искренним, сомнений не было. Даже великий актер не смог бы сыграть такую роль без фальши. В то же время,— лихорадочно думал Кронг,— увлечение чиновника могло

быть великолепным прикрытием для контактов с Кайгером. Но... Юноша еще раз представил себе экспансивного и непоседливого любителя морских редкостей. Эта комическая фигура никак не вязалась с обликом таинственного и могущественного вожака заговорщиков.

Ступени. Щелчок замка. Знакомое, но от этого не менее омерзительное зловоние. Всплеск какого-то обитателя бассейна подтвердил, что они в берлоге Драгара.

— Мы доставили его, гражданин, целым и невредимым, — отрапортовал один из провожатых.

— Отлично, — Трой узнал высокий фальцет долстяка. — Но, по моему, контракт выполнен только частично. Где остальные? Договор касался их всех! Слышишь, унiece, их всех!

— Пусть он расскажет вам, горожанин, что он сделал с остальными. Я тут ни при чем. Если хотите, говорите об этом с Большим.

— Большому придется пойти на серьезные уступки при расчете, — визгливо отпарировал Драгар. — Договор не выполнен в полном объеме.

— Большой будет недоволен, горожанин.

Это было сказано веско, но без всякой угрозы.

— Да? Что ж, а я уже недоволен, — фыркнул чиновник. — Так ему и передайте.

— Вы знаете закон Унии: нет платы, нет и товара. — Рука, лежащая на плече Троя, сжалась...

— Вы, кажется, намерены увести его с собой?

Наступила томительная пауза. Юноше оставалось лишь догадываться о том, что делается в комнате.

— Откуда у вас это? — в голосе похитителя слышалось испуганное удивление.

— Я ведь не допытываюсь, как ваша организация добывает оснащение. — В тоне Драгара зазвучала неожиданная твердость. — А теперь... Прочь руки от пленника! Отправляйтесь к своему флиттеру. Можете поставить обо всем в известность Большого. Напомните, кстати, что между мною и Унией существует договор об охране, срок которого еще не истек. Так что наши обоюдовыгодные отношения не прерываются из-за этого маленького инцидента.

Пальцы на плече Кронга разжались. Что-то недовольно бурча, похититель зашагал через комнату. Когда хлопнула дверь, Драгар захихикал.

— Я не сомневаюсь, что он сейчас помчится к Большому Человеку. Его ждет нагоняй, но если он не доложит сразу, наказание будет страшнее.

— Уния не любит упускать деньги. — Услышав гортанный голос, Трой понял, что все это время здесь находился и Зум.

— А кто любит? — снова хихикнул Драгар. — Но договор есть договор. Они взялись доставить всех, а захватили только одного. За нарушение контракта надо отвечать. Ну ладно, это после. Зум, займитесь-ка нашим гостем.

Ему развязали руки, и он принялся растирать запястья. Тут же повязка упала с глаз. Трой инстинктивно прищурился от яркого света.

— Весьма бойкий юноша, — язвительно произнес Драгар.

Трой повернул голову. Толстяк расположился в каком-то странном кресле. Спинкой служило высокое вместилище с маслянистой жидкостью. Там с хищной грацией бултыхался некий живой кошмар, время от времени высывая наружу уродливую морду и заглядывая за плечо хозяина. Аквариумы были вделаны и в подлокотники. По дну одного ползали хищные ракообразные, дроши, а в другом извивалась ядовитая водяная змея, выловленная у океанских рифов на планете Траженн.

На коленях Драгара стояла клетка с мелкими зверьками. Он извлекал оттуда одного за другим и подносил к подлокотнику с крабами, слушая душераздирающий визг несчастных животных. Вот один из любимцев толстяка отделился от дна и взмыл к поверхности аквариума. Драгар швырнул ему зверька, с удовольствием наблюдая, как сомкнулись ужасные челюсти.

Вся эта декорация явно предназначалась для того, чтобы нагнать на собеседника страху и подавить его волю к сопротивлению. Надо признать, что ожидаемый эффект был достигнут. Трой с трудом преодолевал подступающую тошноту.

Драгар запустил в клетку руку за очередной жертвой. Проследив его жест, юноша увидел на коленях чиновника еще один предмет: небольшое ружье, стреляющее иглами. Такой выстрел вызывал мгновенный паралич нервной системы. Так вот что показал Драгар боевику Унии, после чего тот так поспешно ретировался!

— Полагаю, вы утомились: путешествие было долгим и лишено необходимых удобств. Зум, принесите стул для Кронга! Я сторонник комфорта. Ну, давайте, мои ребятки! Прыг! — очередной комочек упал в воду. — Обратите внимание, юноша, сколько энергии, какая целеустремленность! Разве подумаешь, что они могут исполнять такие пируэты? Но я убежден, что в определенных обстоятельствах и животные и люди способны на невозможное.

— Особенно имея такое ружье, — продолжил Трой лекцию толстяка.

Вошел Зум, неся стул. Юноша с удовлетворением отметил, что этот предмет мебели был обычным, без всяких аквариумов.

— Ружье — слишком грубый стимулятор, оно годится только для исключительных случаев, — отреагировал на реплику Кронга чиновник. — А, в принципе, принуждение под угрозой не может воздействовать долго. Хотя боль способна на какое-то время сломить волю любого человека. И в этом случае игольное ружье эффективнее всего. Однако лично я отдаю предпочтение более изысканным и привлекательным методам.

— Например? — Кронг старался не смотреть на трапезу ненасытных крабов.

— Ну, скажем... — Драгар умолк, прислушиваясь к раздавшемуся у входа зуммеру.

Зум схватил бластер и скрылся за дверью. Толстяк направил дуло ружья на Троя.

— Видимо, я недооценил ситуацию, — медленно произнес Драгар. — Пожалуй, это как раз тот случай, который требует использования грубых методов. Сидеть, Кронг! Еще одно движение — и я стреляю! Надеюсь, вы в курсе действия этого оружия? И ни звука, иначе результат будет тот же. Подождем. Если к нам явился недруг, его ждет славный сюрприз...

Свободной рукой Драгар захлопнул крышку аквариума. Сквозь тихий плеск водных обитателей Трой расслышал какую-то возню в прихожей, глухие удары. Толстый чиновник, казалось, ничего не замечал. Он сидел, не отрывая глаз от пленника. Наконец, Драгар прошептал:

— И в правду непрошенный гость. Надеюсь, он угодил в одну из моих милых ловушек. Скоро мы узнаем, кто к нам пожаловал.

И они узнали. Дверь отворилась, и в комнату вошла маленькая процессия во главе с Зумом. За ним на подгибающихся, словно резиновых, ногах шагал человек, получивший, по всей вероятности, заряд станнера. Его поддерживал сзади тот самый боевик, что обыскивал в Диких Землях флиттер Троя. Пленником же бандитов был — юноша не поверил своим глазам — это был ... Рерн!

Рейнджер появился в логове Драгара столь же неожиданно и загадочно, как и в пещере Руворра, когда угодил в ловушку Троя...

Драгар окинул взглядом пленника.

— Приветствую благородного охотника, — с сарказмом выговорил он общепринятую формулу приветствия. — Хотя для меня остается загадкой, зачем представителю Клана понадобилось проникать в мое скромное жилище без приглашения, да еще через черный ход. Зум, прошу еще один стул для нового... гм... посетителя. Однако, у нас становится, я бы сказал, довольнолюдно. Вы можете быть свобод-

ны,— бросил Драгар унийцу, который устраивал на стуле Рерна.— Я сообщу Большому, что вы превосходно проявили себя.

Теперь с вами, охотник. Надеюсь, ваша голова не пострадала и вы можете по достоинству оценить эту игрушку.— Дуло ружья качнулось: теперь оба сидящих рядом пленника находились под прицелом.

— Вы нас прервали, Рерн. У нас тут завязался весьма поучительный разговор.

— Прошу извинить за вмешательство,— сухо произнес рейнджер положенную ритуалом фразу, доказав, что выносливость в мышцах не повлияла на ясность его ума.

— Вы несказанно любезны, благородный охотник,— фальцет Драгара звучал издевательски.— Жаль, но время не терпит, нам придется вернуться к теме беседы. Кронг, неужели у вас существует связь с Кланом? Нет? Как же тогда объяснить появление нашего общего знакомого?

Рейнджер спокойно пояснил.

— Ваши люди действовали так грубо, что выйти на их след не составило труда, горожанин. А мы обязаны проследить любую ниточку, которая тянется в город из Диких Земель.

— Так, так... Обязаны, говорите...— Толстяк недовольно пересводил взгляд с Рерна на Троя. Юноша не мог объяснить появление здесь охотника и не имел никакого желания приписывать себе контакты с Кланом.

— Меня ничто не связывает с людьми Диких Земель,— заявил он.

— Охотно верю вам, Кронг,— кивнул Драгар.— Как верю и тому, что к властям Корвара вы тоже не питаете симпатий.

— Я не принадлежу к Унии!

— Разве я утверждаю что-либо подобное? Просто ставлю в ряд некоторые, ну, скажем, неприятные факты. Дипль и законы, привязавшие вас к нему, вы тоже наверняка ненавидите. То есть в этом мире нет ничего, что удерживало бы вас. Поэтому,— Драгар достал из кармашка и поднял над головой квадратик плотного пластика,— могу вас обрадовать, здесь ваше разрешение покинуть эту планету.

— И куда мне предстоит отправиться?

— На Ворден.

Трой испытал не меньший шок, чем если бы получил заряд игольного ружья. Но через минуту привитая за годы осторожность превозоблдала над мгновенным радостным воодушевлением. Ни один мускул не дрогнул на лице юноши.

Перед ним сидел самый опасный тип из всех, кого он встречал в своей жизни. И опасен Драгар не своим игольным ружьем, а тем, что

мог не применять его! В его арсенале действительно много более эффективных методов, и один из них испытывался сейчас на Трое Кронге.

— Каким образом? — голос юноши звучал ровно, с вежливым интересом.

— Допустим, я предложу...

— Лакомство для краба? — подхватил Трой. Внутри его все кричало от страха. Этот страх был несравним с тем, когда юноша стоял под прицелом игольного ружья.

— Именно. Лакомый кусочек, Ворден. Он вновь возвращен под эгиду конфедерации. На этой планете семье Кронгов принадлежит Долина Холодных Пастбищ: прекрасные луга, плодородные земли. А также дом со множеством хозяйственных построек, обширный фруктовый сад, густые леса и охотничьи угодья возле Черных гор. Это целое королевское владение для хозяина Пастбища Троя Кронга. Ваши Всадники тоже будут рады вернуться на службу. Разве это справедливо: сто лет нелегкого труда по колонизации планеты — и все в момент перечеркнуто по приказу человека, ни разу даже близко не подлетавшего к Вордену. Саттор-лидер чересчур уверовал в незыблемость своей власти.

— Вы справитесь, Кронг, хотя работы там много. Кое-что придется начинать сызнова, тупаны одичали. Обещаю, что во всех делах, вплоть до вербовки Всадников, вы получите помощь и льготы от Конфедерации.

— Не слишком ли легко дасте вы свои обещания? — Трой не расслаблялся ни на минуту, хотя каждое слово толстяка било словно хлыст, бредило начавшую заживать рану. Он не мог позволить себе поверить в то, что слышал.

— Я никогда не обещаю больше, чем могу сделать. Учтите это, Хозяин Пастбищ.

Драгар произнес это так, что ему нельзя было не поверить. Но Трой снова призвал на помощь крепко въевшуюся в сознание подозрительность.

— Но ведь Корвар — планета Союза, а не Конфедерации, — напомнил он.

— Это для меня не имеет значения, — легко отмахнулся толстяк.

Здесь шел торг, и Трой понимал это. Как понимал и то, что он был не участником, а объектом торговли.

— И что же требуется от меня в уплату за Ворден?

— Только одно задание и вы Хозяин Пастбища. Так уж сложилось, что во всем мире один вы способны договориться с моими беглыми слугами. Вы можете помочь мне вернуть этих негодников.

Вот значит как, животные в обмен на Ворден... На все, чем владел отец десять лет назад! Действительно, проще некуда.

— У вас необычные слуги, — подал голос Рерн.

— Разумеется, благородный охотник. Это плод длительных экспериментов. К тому же на Корваре они — единичные представители своих видов.

— На Корваре — да, — согласился Рерн. Он знал о сертификатах, выданных Кайгером владельцам экзотических животных. — Но вполне вероятно, что в других мирах другие агенты Конфедерации так же цинично используют аналогичные живые орудия шпионажа.

Драгар закинул ногу на ногу, поудобнее устраиваясь в своем отратительном кресле.

— Что там на других планетах, не касается ни меня, ни Клана. Могу обещать вам, охотник, что с возвращением моих слуг подобная деятельность на Корваре не будет возобновлена. Наш эксперимент провалился. Мы достаточно разумны, чтобы трезво признать это и отступить с достоинством.

Трой был готов поверить и этому.

— А животные? — спросил он.

— Они теперь не только бесполезны, но и опасны. Полагаю, что их жизнь не стоит для вас возможности вернуться на Ворден полноправным Хозяином Пастбища.

Во рту у юноши пересохло. Он с трудом унял предательскую дрожь в коленях и сжал пальцы в кулаки.

— Вы уверены, что я смогу привести их сюда?

— Нет. Но только вы имеете контакт с ними. И в чем я твердо уверен, так это в том, что краб прыгнет за лакомством. И сделает невозможное. Вы что, не согласны?

— Да! — хрипло выдавил Трой — Да, я согласен! — Краем глаза он уловил, как Рерн отвернулся от него с гримасой брезгливости и презрения.

Но и это сейчас неважно. Ему, диппльмену, следует думать о своем будущем. Толстяк рассчитал верно: краб прыгнет за приманкой. Он прыгнет очень, очень высоко.

— Как видите, — тоненько промурлыкал Драгар, обращаясь к Рерну, — дело решается очень просто. И обходится без вмешательства Клана.

— Скорее всего, животные в Диких Землях?

— Я высадил их за несколько минут до того, как мой флиттер был остановлен силовым лучом.

— Когда знаешь факты, все легко становится на место. Теперь все просто. Благородный охотник станет для нас пропуском на территорию Диких Земель. Мы сумеем его появление здесь обратить себе на пользу. Наш охотничий десант будет небольшим: Зум, я, Рерн, хозяин Пастбища Кронг и мой преданный человек из Унии. Думаю, уже к завтрашней ночи мы кончим это дело. Полагаю, что все мы разумные люди и мероприятие обойдется без неожиданностей. — Говоря это, Драгар слегка качнул ствол игольного ружья.

Заметил ли Рерн этот многозначительный жест?

Трой не знал. Ответ рейнджера прозвучал абсолютно спокойно.

— Все ясно, горожанин. Я готов.

— Другого ответа я не ждал. Итак, в путь!

ГЛАВА 18

Трой не знал, насколько далеко проникли они в Дикие Земли. Как и предвидел толстяк, с Рерном они беспрепятственно миновали кордоны рейнджеров. Солнце поднялось уже в зенит, а они все продолжали лететь на северо-восток. Трой сидел, прислонив голову к стене кабины и прикрыв глаза. Но он не спал.

Его рука машинально поглаживала браслет, невольно надетый им на Руворре на левое запястье. Прикосновение к прохладному металлу успокаивало, помогая сосредоточиться на главной задаче. Он представил себе лесистый мыс, возле которого высадил из флиттера животных.

Главное — нащупать контакт с Симбом. Если он сумеет убедить кота, то и остальные согласятся собраться в условленном месте и подождать его.

Ворден... Он все так же далек. Не надо сейчас думать о нем, не надо вспоминать прекрасное чувство, когда скачешь по равнинам навстречу ласковому ветерку. Сейчас важно другое.

Снова в душу закралось сомнение. Если, как говорил Драгар, один Трой может общаться с животными, то чем они опасны? Для остальных это просто забавные зверушки, и только. Почему же толстяк так настойчив в организации этой смертельной охоты?

Трой сидел, погруженный в невеселые мысли. Сейчас он не контролировал свою мимику, и внимательно наблюдавший за юношей Рерн видел его мрачное лицо, тени под глазами, горькие морщинки у губ.

Пальцы юноши все так же скользили по браслету: вправо — влево, вправо — влево. А беззвучный зов летел впереди крылатой машины. Кто-то протянул ему питательный бисквит. Трой жевал, не ощущая вкуса, весь во власти своих раздумий. Но он ни на минуту не прерывал мысленный поиск.

Ответа не было. Вероятно, животные, наблюдавшие издали за его пленением, больше не думали о возможности возобновить с ним связь.

День постепенно склонился к вечеру, а еще через несколько часов на небе Корвара засияло ночное светило. Они уже были над самым центром равнины.

Человек Унии, утомленный многочасовым пилотированием флиттера, предложил сесть до наступления рассвета. Драгар поначалу запротестовал, но, поразмыслив, дал согласие.

Когда двигатель смолк, толстяк с насмешливой вежливостью заявил Рерну:

— Помогите нам решить маленькую проблему. Вы оказались на своей территории, и в интересах дела лучше, если ночь вы проведете связанным. Уверен, что вы не осудите нас за такую предосторожность. К нашему юному другу это не относится, мы не имеем оснований ограничивать его свободу.

Рерну стянули руки и ноги. По указанию Драгара он покорно улегся на ночлег между Зумом и унийцем. Трой уснул почти мгновенно, слишком много навалилось на него, слишком долго был он без сна и отдыха. Но и сейчас, в глубоком забытии, мозг его не отдыхал. Юноша то и дело ворочался, вздрагивал во сне и наконец очнулся, весь в поту, с бешено колотящимся сердцем.

В предрассветном небе гасли звезды. Еще несколько часов — и они будут в лесу. На миг к Трою вернулось чувство счастья и раскрепощения, которое впервые посетило его на этом плато. Он лежал неподвижно, лишь рука бессознательно сжимала браслет.

С каждой минутой становилось все светлее. Вот смутные контуры превратились в молодые деревца. А под ними... Не может быть... Симб! Он пришел. Он ждет...

Галлюцинация? Трой приложил ко лбу гладкую полоску браслета. Картина приобрела резкость. И импульс:

— Мы ждем. Ты идешь?

— Иду, — прошептал Трой. — Будьте готовы. — Он подыскивал доводы, которыми смог бы убедить животных собраться, когда придет флиттер.

— Я вижу, вы уже вступили в контакт, Хозяин Пастбища?

Рука юноши упала со лба. Он хмуро взглянул на резидента Конфедерации. Но отрицать было бессмысленно, он сделал, что обещал.

— Да, я позвал их.

— Потрясающе. Поздравляю, Кронг, вы отлично справились со своими обязательствами по договору. Нам осталось отправиться туда и устроить им ловушку.

Наскоро позавтракали. Трою кусок не лез в горло. Все теперь зависело от Симба, его влияния на остальных. Если установившаяся связь человека и животных подведет и они ему не поверят, он проиграл.

Во время полета он больше не пытался связаться с беглецами. Все, что мог, он сделал утром. Они либо ждут его, либо нет. От этого зависит его будущее.

В разгаре утра, спокойного и солнечного, флиттер совершил безупречную посадку у кромки леса. По команде Драгара все вышли. Трой увидел, что на него и на Рерна направлен ствол игольного ружья.

— Так где они? — толстяк выжидающе уставился в чашу.

— Там, — кивнул юноша на заросли. Он был уверен, что животные сейчас видят его из укрытий. Подчиняться ли они ему — другой вопрос.

Боевик Унии вынул из-за пояса бластер и настроил его на широкий диапазон поражения. Трой собрался чтобы броситься, если будет нажат курок. Но агент Конфедерации запротестовал:

— Никакой стрельбы. Сначала мы должны быть уверены, что они все здесь. Он требовательно поглядел на Троя:

— Вызовите их.

— Будь у меня прибор, я мог бы им приказать. А так они выйдут лишь по собственной воле. Я могу только удерживать их на месте.

Трой с замиранием сердца ждал: отважиться ли Драгар углубиться в чашу? Но, видимо, доводы юноши показались толстяку вескими.

— Марш! — отбросив любезность, рявкнул он.

Трой двинулся к лесу. Драгар шел следом с ружьем наготове.

Кронг зашел за куст и склонился, разглядывая надломленную ветку.

— Здесь!

Симб... Шеба... Саргон...

Трой ничком бросился на землю, перекатился в сторону. Драгар завизжал. Юноша вскочил на ноги и увидел толстяка, размахивающего пустыми руками. Симб, впевшись в шею агента, рвал когтями жирное лицо.

Кронг бросился под ноги Драгара и подхватил выпавшее ружье. Подняв дуло, он направил его на выскочившего из кустов Зума.

— Стой! Бросай оружие!

Зум ошолбенело уставился на открывшуюся ему картину и с явной неохотой швырнул на землю станнер.

— А ты чего ждешь?

Боевик, который конвоировал Рерна, повиновался. Пушистый ком с длинным хвостом выскользнул из укрытия. Шенг схватил станнер Зума и отнес его к ногам Троя, затем вернулся за бластером унйца. Драгар прижал ладони к израненному лицу.

Симб прыгнул с лица агента и вместе с обеими лисами погнал его, ослепленного и вопящего от боли, к Рерну. У ног охотника Драгар загнулся за корень дерева и упал. Симб подскочил, гневно фыркнув, и последний раз полоснул когтями лицо врага.

Рейнджер стоял словно в трансе. Очнувшись наконец, он оглядел изумленными глазами Троя и его четвероногое воинство.

— Вы... спланировали все это?

Мы спланировали это, — поправил Трой. Он сунул бластер и станнер за пояс, держа троих недругов под прицелом игольного ружья.

— Помогите гражданину Драгару, — приказал он боевику. — Все к флиттеру!

Никто не осмелился спорить. Унйец потащил к машине стонущего агента, Рерн сопровождал Зума. Трой замыкал шествие, а животные — он знал, хотя и не видел их — прикрывали фланги.

Трой развязал веревку на руках Рерна.

— Прошу вас заняться разгрузкой. Воду и продовольствие наружу.

— Вы останетесь? — без удивления спросил рейнджер.

— Мы остаемся, — снова поправил Кронг, наблюдая за растущей грудой запасов.

По указанию Троя гильдиец наскоро обработал антисептиком раны Драгара и водворил его в кабину. Затем связал Зума и запихал в багажник. Наконец подошел к Рерну и дал охотнику связать себя.

— А как вы решите мою судьбу? — поинтересовался рейнджер, когда трое горожан разместились в машине.

— Можете лететь с ними. — Поколебавшись секунду, Трой неловко сказал:

— Приношу извинения за удар по голове, помните, в Руворре.

Лицо Рерна оставалось неподвижным, только в глазах блеснул загадочный огонек. — Наверное, так и надо было. Нарушивший клятву не стоит ни доверия, ни уважения. — Трой чувствовал, что за

этими фразами прячется какой-то скрытый смысл, но мог лишь догадываться, о чем думает охотник.

— Те, наверно, были не ваши люди, а переодетые патрульные? — Трой ждал подтверждения мелькнувшей у него смутной догадки.

— Выходит, вы это поняли? — огонек в глазах Рерна разгорелся ярче.

— Не тогда. Потом... У меня было время подумать. — Юноша хотел, чтобы его слова были приняты, как извинение, хотя от этого вряд ли что-нибудь изменилось.

— Я верю. Верите? — Рерн прямо взглянул на него, во взгляде охотника светилось дружелюбие.

Трой улыбнулся в ответ. Он весь был на крыльях торжества. Победа! Все тяготы последних дней отодвинулись перед всепоглощающим чувством свободы.

— Как пожелаете, Рерн. Я вряд ли смогу соревноваться с вами в знании Диких Земель, но все вместе мы можем попытаться...

— Мы? — Рерн осмотрелся, но нигде не увидел животных. Но Трой чувствовал, что они рядом. Даже Сахиба прижалась в тени куста неподалеку.

— Да, мы.

— А как же Ворден?

Улыбка слетела с лица Троя. Это был запрещенный удар, Рерн должен понимать такие вещи. Рука юноши легла на пояс, серебристые пластины которого успели потускнеть.

— Краб не прыгнул, — сухо произнес Кронг.

— Может быть, наживка была не та? — задумчиво проговорил Рерн. — Чтобы выжить в Диких Землях, мало одного желания, нужна тренировка. По законам Клана я не должен помогать вам. — Он смотрел на Троя немного виновато, словно просил юношу принять ситуацию, как она есть.

— Я понял, — кивнул Кронг. — Теперь вы и все ваши будут против нас. Только не празднуйте раньше времени победу, охотник.

Он проводил взглядом рейнджера, направившегося к флиттеру и подождал, пока машина поднимется в воздух. Потом старательно увязал в узел припасы.

Дважды успело взойти и сесть солнце — он и его союзники упрямо двигались на восток по лесным тропам. Так их невозможно обнаружить с воздуха. А если преследователи отправятся по их следу пешком, он будет загодя предупрежден животными. Шенг как всегда двигался по ветвям деревьев, Симб и лисы бежали впереди, а Трой нес Сахибу.

Однажды юноше пришлось пустить в ход бластер: на Симба напал какой-то лесной хищник. Больше на их пути представители местной фауны не встречались.

Углубляясь в Дикие Земли, Кронг не испытывал страха или растерянности. Они расстилались вокруг как новый дом, предлагая приют и защиту. И постепенно боль по Вордену таяла в груди, уносилась, словно дым, гонимый ветром.

С каждым прожитым здесь часом он все больше привязывался к этому цветущему миру, а Тилл с мрачным Дипплом скоро стал казаться далеким полузабытым кошмаром. И лишь одно омрачало Троя: общение с животными не вытесняло потребности в компании такого же, как он сам, человека.

На пятый день пути местность стала подниматься, а вскоре Кронг заметил в просвете между деревьями зубцы гор. Если они дойдут туда, то возможно, сумеют найти пещеру. Надо поторопиться: сгушавшиеся на небе тучи предвещали непогоду.

— Люди...

Трой замер. Он как-то забыл о том, что их могут преследовать. Крик боли и ярости, который испустил Симб, отозвался в сердце Троя. И тут же на него самого навалился страх и сознание собственной беспомощности. Парализующий луч! Такой же, что пригвоздил его к сидению флиттера. Но здесь нет никакого флиттера, где же преследователи?

— Где? — обратился юноша к разведчикам.

— Там. Выше по склону... Идут нам навстречу...

— Они готовят ловушку.

Кронг, как мог, пытался успокоить животных, среди которых начиналась паника. Эксперименты Кайгера и Драгара привили четвероногим землянам ужас перед лучевой техникой людей. Трой недоумевал. Если впереди их ждет ловушка, то откуда преследователям известен их маршрут, место, где они должны выйти из леса? Или барьер из парализующих лучей на всякий случай установлен по всему предгорью?

Он не мог ни стрелять из игольного ружья, ни поднять руку, чтобы вытащить из-за пояса бластер. Они вынуждены покорно ждать здесь приближающегося врага. Трой в отчаянии напряг безвольные мышцы.

Сахиба вскрикнула у него на руках и умолкла. Животные, казалось, успокоились. Юноша знал, что они — каждый в отдельности и все вместе — заняты сейчас решением одной проблемы... Он только не знал, есть ли вообще у нее решение...

Трой сконцентрировал мысле-импульс и по очереди коснулся мозга всех животных. Симб, Саргон, Шенг, Шеба... Пожалуй, лучше всего подойдет Симб, отважный кот, унаследовавший от диких предков умение подкрасться и нанести мгновенный удар. Если бы придумать, как освободить Симба...

Это был почти фантастический, но единственный шанс. Трой весь сосредоточился, представляя себе Симба, ускользнувшего в сторону от действия луча. Картина вдруг стала резче, животные восприняли его призыв и тоже репродуцировали Симбу.

Струйка слез стекала по щеке юноши. Он постепенно утрачивал надежду на то, что воля способна разорвать путы, сковавшие тело. Наверное, ощущение свободы, которой они упивались эти недолгие дни, опьянило их и вселило безумную надежду.

Силы все явственней оставляли Троя. И тут он понял, что им удалось освободить Симба!

Кронг не мог видеть, лишь догадывался, как метнулась по склону черная тень. Не видел ее и человек, управляющий силовой установкой. Откуда-то сверху донесся крик боли, и Трой вдруг ощутил, что освобожден. Он выхватил оружие и припал на одно колено.

Сверху спускался по склону Рерн с поднятыми руками. Шенг, Саргон и Шеба выскочили из травы и сели рядом с юношей. Огромными прыжками неся к своим товарищам Симб. Они образовали вокруг человека-союзника круг обороны.

— Вам удалось победить парализующий луч! — Рерн подходил, не ускоряя шага. Его глаза буквально впились в Троя.

— А вам удалось найти нас. — Радость победы вытеснило сознание их полного поражения: они оказались неспособны надежно укрыться в Диких Землях.

— Мы нашли вас, — просто согласился Рерн. Он сделал знак рукой, и еще двое стали спускаться с холма. В одном юноша узнал Рогула, другой, в форме Советника, был ему незнаком.

Рерн обернулся к подошедшим:

— Вы убедились сами.

— Ну и что? Нельзя недооценивать опасность! — в голосе Советника слышалось недовольство.

— Опасность — понятие относительное, — похоже, Рерн продолжает давно начатый спор. — От того, что нож переложат из одной руки в другую, он не станет менее острым. Прошу вас, атташе, подумать над этим, прежде чем что-то решать.

Охотник спорил с атташе Совета как равный. И хотя чиновника подобная вольность задевала, здесь, в Диких Землях, он находился на территории Кланов и помнил об этом. Только крепко сжатые губы свидетельствовали о том, как сердит высокопоставленный незнакомец.

— Я остаюсь при своем мнении, охотник!

— Это ваше право, Джентль Хомо, — вступил в разговор Рогул. — Рери ведь не испрашивает вашего согласия. Мы только просим сообщить о том, что вы видели, это явление заслуживает серьезного изучения. Подумайте сами: стоит ли отбрасывать найденную вещь только из-за того, что она незнакома? Лучше подумать, нельзя ли ее использовать. Так считают в Диких Землях.

— Вы намекаете, что это ваши владения? Я все расскажу Совету, будьте уверены!

Рогул развел руками:

— И это тоже ваше право.

Хмуρο взглянув на Троя, окруженного животными, чиновник круто повернулся и побрел к вершине холма. Навстречу ему из-за скалы вышли сопровождающие в форме патрульных, и вскоре вся группа исчезла из вида.

Ветер крепчал, к подножию холма донеслись первые порывы бури. Рери, улыбаясь, присел возле Троя.

— Мир?

Юноша молча потряхнул вихрастой головой и побежал к указанному рейнджером убежищу, узкой нише между двумя нависающими скалами. Хотя здесь было довольно тесно, тут же обозначились две группы: у одной стены — Трой с животными, у другой — люди Клана.

— Ему есть о чем поразмыслить по дороге в Тилл, — заметил Рери.

Рогул кивнул:

— Нам тоже. Какое бы там не приняли решение, мы должны быть готовы.

— Почему вы так поступили? — обратился к ним Кроинг, которому стало ясно, что Клан встал на его сторону.

— Я не зря говорил Хабболту: нож, сменивший хозяина, остается ножом. — Рери помолчал немного и продолжал:

— Он может нанести удар своему прежнему владельцу. Кайгсера погубила какая-то личная вражда. А если бы он не умер? Вполне возможно, что планы нападения на Совет и захвата Корвара увенчались бы успехом. Поскольку шпионская деятельность группы Драгара угрожала Корвару, эта история затрагивает и нас. Гости планеты — представители галактических миров — должны быть надежно защищены. Их комфорт и безопасность — гарантия сохранения наше-

го образа жизни, сохранения статуса неприкосновенности Корвара и Диких Земель. Всякая угроза этому — угроза для Клана.

Если Конфедерация примет подобные методы на другой планете Союза, об этом пусть голова болит у Совета. Но здесь с этим покончено. Сомневаюсь, что Драгар, Кайгер или те, на кого они работали, в полной мере сознавали, какие возможности скрыты в изготовленном ими живом оружии. Вдсь в конечном итоге, это объединит издавна разделенные расы, которые смогут жить и трудиться на равных, а не как слуги и хозяева.

— И кто лучше сумеет изучить эти возможности, чем рейнджеры, — вставил Рогул.

Трой нахмурился. Слишком много решений принято, не пора ли спросить мнение у него и у животных?

— Ну как наживка, Трой Кронг? — спросил Рерн, наклоняясь вперед, чтобы перекричать вой бури. — Теперь краб прыгнет? Права вольного рейнджера для вас и всей вашей команды в обмен на возможность узнать вас получше. Это, конечно, не так звучит, как звание Хозяина Пастбища...

Он умолк, увидев, как передернулся юноша. Но через минуту лицо Троя вновь просветлело. Юноша подумал о пятерых друзьях и провел беззвучный опрос. Он не стремился убеждать, пусть решают сами. А если не согласятся, он не даст удержать их здесь силой. На худой конец, у него есть оружие.

Он принял ответ. Затем поднял голову и взглянул на охотников спокойно и твердо, как глядел на мир все эти полные приключений дни.

— Мы требуем особых гарантий.

Рерн усмехнулся:

— Узнаю Троя Кронга. Осторожность и еще раз осторожность. Условимся так: договор имеет силу, пока вы согласны с ним. Честно признаюсь, что и мне любопытно посмотреть на мир кошачьим взглядом. Если, конечно, вы пустите меня в вашу компанию.

Их глаза встретились. Молодой человек вздохнул радостно и глубоко. Он не думал больше о равнинах своего детства. В памяти всплыла пещера над озером и голос Рерна, человека, влюбленного в этот мир и охраняющего его очарование.

— Почему? — Этот вопрос, такой для него ясный, мог показаться непонятным для собеседника. Но Кронг забыл об этом — и не ошибся. Он словно коснулся мыслей Рерна, как это было у него с животными. И услышал:

— Мы во многом похожи, всадник с равнин.

Охотник перевел взгляд на животных и добавил:

— Когда-нибудь мы все будем едины.

— Будем едины... — как эхо, повторил Трой.

Он всей душой верил в это.

НОРТОН

«Сокровище таинственной расы»

Секретно: Х3457-А-Р

От: Кронфильд, Шеф, Проект «Колония 308».

Кому: Леннокс, Командор, Космическая разведка, Сектор 5, Разряд особый.

Объект: Архивные файлы.

Запрашиваем информацию об умерших:

О-С-С-Д 451 Марсон.

О-С-С-Д 489 Ксанга.

Секретно: Х3457-А-Р.

От: Леннокс, Командор, Космическая разведка, Сектор 5, Разряд особый.

Кому: Кронфильд, Шеф, Проект «Колония 308».

Объект: Архивные файлы.

Сожалеем. Согласно приказу, не можем передавать официальные данные в организации, не входящие в нашу структуру.

Леннокс — для Сен Иен Луи, Шеф-Командор, Сектор 5. По спецкоду:

Кто запрашивает? Почему? Предлагаю ответить, что файлы якобы уничтожены за давностью.

Сен Иен Луи — для Леннокса. По спецкоду:

Без паники. Мы пошлем запрос. Если что — немедленно предупредим вас для принятия мер.

Приказ: 56432-С.С.Д.

От: Махаби Кабали, Космоадмирал, Командующий Сектором 5.

Кому: Сен Иен Луи, Шеф-Командор, Космическая разведка, Сектор 5.

Объект: Архивные файлы.

Передайте Кронфильду, Шефу Проскта «Колония 308», согласно запросу, следующие материалы:

О-С-С-Д 451 Марсон, умерший.

О-С-С-Д 489 Ксанга, умерший.

Сопроводительная к приказу. По спецкоду:

Я вынужден уступить, сильное давление сверху. Но ведь никаких фактов нет, оба давно умерли. А одних подозрений мало.

От Кронфильда — к Брайару Морле, порт Н-Йок. По частному каналу связи:

Подключи своего лучшего сыщика. По нашим данным, это началось в Н-Йоке лет пятнадцать назад. Ребенку на вид было тогда лет 6-7. Конечно, за такой срок след остыл. Однако это наша единственная зацепка, ее нельзя упускать. Напоминаю, время работает против нас. Дело крайне важное. В расходах не стесняйтесь, задействованы фонды Основания. Чтобы наши доказательства имели вес, будут необходимы свидетели. Эти стоеросовые дубы в мундирах уже взмокли со страха.

Бран Худд, сотрудник Сыскного Агенства «Худд и Русто»:

Да след не просто остыл, он уже заledenел! Этот хохмач считает нас то ли чародеями, то ли путешественниками во времени.

Русто:

Я подозреваю, что он выращивает деньги, как плесень в подвале, так щедро он нам платит. Придется браться за дело. Если не скупиться, языки развяжутся. Пока у нас есть лишь словесный портрет этой мадам. Так что бери ноги в руки и попытайся отработать свою долю.

ГЛАВА I

Джет-Таун, порт Н-Йок, был центром развлечений. Все они — от возвышенных и респектабельных до самых грязных и порочных — были к услугам космопроходцев, звездолетчиков, исследователей

пространства. Нередко покорители Вселенной становились жертвами мелких жуликов, у которых, в свою очередь, отбирали львиную долю короли местной мафии, негласно поделившие между собой весь город. Это была мощная преступная иерархия, о которой не подозревали простые жители Джет-Тауна. Им не было дела до позорного пятна, олицетворявшего так называемый Верхний город:

Жизнь горожанина зависела не только от его интеллекта и физической силы, но и от остроты шестого чувства — чувства опасности. Порой угроза нависала над целыми кварталами. Вот и в этот вечер ощущение опасности прямо-таки витало в воздухе, хотя было не поздно и многие увеселительные заведения еще не закрылись.

Работал и Сан-Спот Керна. Впрочем, он никогда и не закрывался: днем и ночью его двери были распахнуты навстречу денежным посетителям. Несмотря на новейшие кондиционеры, здесь стоял неистребимый запах табачного дыма, перегара и разгоряченной азартом толпы. В холле за стойкой бара суетились, как всегда, Степ и Хэгги. Поодаль флианговали несколько девочек.

За игорным столом «Звезда—Комета» сидел в одиночестве юноша. Перед ним лежала нераскрытая карточная колода и стопка фишек. Он привычным движением проверил категорически запрещенное законом оружие — силовой стилет, скрытый за широким поясом. Под курткой свободного покроя его плечи шевельнулись, словно в ожидании нападения. Он интуитивно чувствовал опасность. Он знал: будет нелегкая ночь.

Его рука коснулась выключателя. Мягкий, тщательно отрегулированный свет висящей над столом лампы упал на его лицо, совсем юное, непорочное, почти мальчишеское. Это лицо особенно ценил тот, на кого юноша работал. Впрочем, Керн платил Джоктару не только за это, но и за острый ум, за искусные руки, за быстроту реакции. Он не колеблясь сделал Джоктара главным дилером стола «Звезда—Комета». Однако доверие было не беспредельным. Джоктар знал, что ему временами подстраивают разные коварные ловушки. Уже не одного дилера в Сан-Споте постиг неожиданный и загадочный конец. По меньшей мере, троих взяли агенты службы эмиграции, так называемые Э-люди. Керн сделал все, чтобы его служащие видели, что их ждет в случае шулерства. И Джоктар всегда играл честно: он не заботился о морали — улица этому не учит, — просто честно играть с важными персонами было проще и надежнее.

Джоктар отдавал должное организаторским способностям Керна, но, разумеется, был далек от того, чтобы питать к нему человеческую привязанность. Просто босс Сан-Спота в этом мире постоянного риска являл собой стабильность. Под его опекой Джоктар провел большую

часть своей жизни, о которой и сам толком ничего не знал, он не знал даже, сколько ему лет. Посетители же, прикидывая возраст дилера, всегда ошибались как минимум лет на шесть. В этом был повинен его мальчишеский облик.

Поскольку данное свойство ценилось Керном, Джоктар делал все, чтобы усилить впечатление. Нередко, проигравшись за другими столами, неудачник в надежде вернуть потерянное спешил к столу, где сидел неопытный юнец. Потерпев поражение и здесь, он приходил в неистовство. Но Джоктар не напрасно прошел отличную школу обращения с силовым стилетом. К тому же он владел различными приемами борьбы, вплоть до самых жестоких, и мог искалечить человека на всю жизнь. Недаром Джоктара считали на улицах одним из самых опасных парней, хотя он не применял свое искусство без крайней необходимости.

Клик, клик — тонкие пальцы юноши небрежно перебирали фишки с изображениями звезд и комет. Он соорудил из них пирамиду, затем стал снимать обратно фишку за фишкой. Каждый нерв его чувствовал надвигающуюся угрозу. Он был весь как пружина.

— Э-люди поблизости, — слышался шепот.

Джоктар оторвал взгляд от груды фишек. Рядом стоял Худд, банкомет стола «один-два». Он был в Сан-Споте новичком и вряд ли, как считал Джоктар, мог долго здесь продержаться. Неделя, ну дней десять от силы — и Керн вышвырнет его. Не похоже, что он из полиции, вероятнее, что Худд — шпион другого босса, решившего напасть на Керну. Джоктар едва заметно усмехнулся. Сколько их уже было, подобных попыток! Не меньше, чем фишек на этом столе. Но Керн был опытен и осторожен, никому еще не удалось расшатать его организацию.

— Обычный патруль? — спросил Джоктар как можно безразличнее.

— Нет. По слухам, готовится большая облава.

Вот как, облава. И узнает он об этом от Худда. Джоктар медленно складывал в стопку фишки. Почему Худд? Он ему не друг, с какой стати спасать из Э-сети человека Керна? Видимо, затем, чтобы использовать его в дальнейшем. Или это очередная проверка от босса? Предложат сменить хозяина? Решено. Надо срочно идти к Керну.

Он смахнул карты и фишки в ящик стола и запер его, проведя ногтем по едва заметной щели замка. Затем погасил свет и встал — невысокий, тонкий, — обратив на Худда холодный выжидающий взгляд. Тот смотрел на него с подчеркнутым дружелюбием, даже теплотой. Но Джоктар уже опустил глаза, повернулся и с грацией хищного зверя направился к лифту, связывавшему игорный зал с

апартаментами Керна. Впереди возвышалась мощная фигура Оррина, бывшего звездолетчика, ушедшего из космической службы при странных обстоятельствах, благодаря чему Керн считал его для себя полезным. Охранник круто обернулся, рванув из кобуры бластер. Словно не замечая его, Джоктар ступил на площадку антигравитации. Оррин хохотнул и сунул оружие обратно.

— Ты словно призрак. Хотя бы напей, когда подходишь, не то можешь схлопотать заряд в лоб.

— Ты ничего не знаешь? Вроде пахнет жареным?

Оррин нахмурился:

— Слышал краем уха. Имеешь информацию для босса?

— Может быть. Мне нужно к нему.

Когда подъем закончился, охранник мотнул головой, пропуская юношу вперед. Массивная дверь поехала в сторону, но вдруг затрещал зуммер. Дилер достал силовой стилер и передал его Оррину. К Керну никто не мог войти с оружием, за этим следила чуткая аппаратура. Нарушитель мгновенно уничтожался роботами. Люди могли ошибаться, механические стражи Керна не ошибались никогда.

— Что случилось?

Тщедушное тело босса утопало в глубоком кресле. Его мягкий голос исходил, казалось, прямо из впалой груди. Худобу и нескладность не могла скрыть даже роскошная одежда, так же как каштановые с проседью волосы и длинные бакенбарды не смягчали резкость острых черт лица. Керн кивнул Джоктару на стул.

— Пока ничего, — усевшись, ответил дилер на вопрос.

Керн молчал, ожидая продолжения.

— Якобы Э-люди готовят большую облаву.

— Угу, — Керн зевнул. — Они очистят район от сброда. Кто сообщил? Кто-то из моих раннеров?

— Худд.

— Ах вот как! И сообщил не кому-то, а именно тебе, лично?

Джоктар растянул губы в улыбке, которая казалась бы детской, если бы не ледяной взгляд.

— Ведь так он и должен был сделать, верно?

Он ждал утвердительного ответа. Так бывало всякий раз, когда дилер раскрывал очередную проверку. Но сейчас босс покачал головой.

— Не моя рука, мальчик.

— Тогда Худд подсадной, — уверенно произнес Джоктар.

— Бесспорно. Но кто его подослал и для чего? Я люблю всякие головомолки, они вносят в жизнь разнообразие. Пусть Худд еще

немножко потанцует на проволоке, а мы тем временем выясним, кто держит ее концы. Значит, он вышел на тебя...

— Я за последнее время не получал никаких предложений.— Что-то, мелькнувшее в лице Керна, заставило Джоктара произнести это помимо его воли. Он тут же устыдился собственной слабости.

— Я знаю. Сколько лет ты со мной? Четырнадцать?.. Нет, уже пятнадцать. И все еще смотришься мальчишкой. Хотел бы я разгадать этот секрет, он неоценим в нашем деле. Помню, как явилась та кукла и привела тебя. Ты уже тогда былмышленым. Но откуда ты взялся, вот что я хотел бы знать.

Джоктар ощутил знакомый холод в груди.

— Меня же по твоему приказу зондировали.

— Еще бы. И занимался этим знаток своего дела. Однако от тебя он услышал маловразумительный лепет о большом лайнере в нашем порту. Да и с малышкой той не повезло: она отдала концы раньше, чем док сумел что-нибудь из нее вытянуть. Он уверен, что у тебя заблокировано сознание и тебе никогда ничего не вспомнить.

— Ты, Керн, держишь меня здесь с какой-то особой целью?

— Я же сказал, что люблю загадки. А ты самая интригующая загадка, какая мне встречалась. Годы идут, а ты почти не взрослеешь, все еще выглядишь ребенком. Вместе с тем твой ум быстр, ты никогда не упускаешь удачу. Тебя не привлекают девочки, ты равнодушен к выпивке, наркотикам. У меня еще не было такого отличного дилера. Оставайся таким же — и мы с тобой будем делать наш бизнес, парень... Итак, ты узнал, что Э-люди готовят облаву? Передай по всему дому предусмотренный сигнал.

Джоктар подошел к стенной панели и нажал три клавиши. С этой минуты Сан-Спот перешел на режим высшей готовности. Керн вовсе не опасался Э-облавы: каждые три месяца он платил властям сумму, достаточную для полной экипировки полусотни колонистов.

— Слушай, а вдруг это Норволд? Он тут был недавно. Не его ли это работа? Свяжись-ка с Пассеем, он сегодня дежурит у Норволда. Предупреди, что возможна облава, и, кстати, пусть он пронюхает, куда Норволд спрячет своих двух новых девчонок. Они могут нам пригодиться в случае чего.

— Понял.

На обратном пути Джоктар забрал у Оррина свое оружие. Он размышлял о предположении Керна по поводу Норволда. Откупиться от Э-людей можно, но цена такова, что по карману лишь боссам или их ставленникам. Облавы, устраиваемые Э-службой — способ заполучить людей для работы на дальних планетах. Туда, правда, ехали и добровольцы-колонисты, но их было недостаточно. Дефицит рабочих

рук покрывался за счет принудительной ссылки эмигрантов. Возврата для них не было. Вот почему в преступном мире самым страшным считалось стать жертвой Э-налета. Этих несчастных усыпляли, замораживали и в таком виде везли в рабство. Многие так и не пробуждались от этого жуткого сна. Колонисты считались героями. А эмигранты были всего лишь безликой и бесправной рабочей массой.

Предположим, что меня заберут, — подумал Джоктар. — Откупит ли Керн своего дилера от Э-людей? Сомнительно, чтобы босс выложил такую сумму.

Юноша уже ступил на антиграв, когда пришел сигнал тревоги. Он был беззвучным, но каждого, кто находился в доме, пронизали виброимпульсы. Все-таки Э-рейд! Выходит, Худд не солгал.

Джоктар резко ударил по клавише управления, направив лифт на самый верх. Через нижние двери уже не скрыться, поздно, — придется уходить по крыше.

Но когда площадка поравнялась с третьим этажом, дилер остановил лифт. В порядке ли Керн? Увидев юношу, Оррин устремился ему навстречу.

— Ты куда? Босс велел всем сматываться.

Он встал на площадку возле Джоктара. Во всем Сан-Споте лишь у Керна было достаточно влияния, чтобы столкнуться с Э-службой. Но почему же на этот раз не сработала налаженная система оповещения, и все они оказались захваченными врасплох? Впрочем, Худд предупредил... Худд — на Э-службе? Нет, тогда он ничего не сказал бы Джоктару.

— Что ты об этом думаешь? — спросил дилер у охотника.

Тот пожал плечами:

— Сам ломаю голову. Понятия не имею, где прокол. Единственное, что я знаю точно, так это то, что босс сам вызвал все это. Он и бровью не повел, когда началась тревога.

Мозг Джоктара напряженно работал. У Керна не было, казалось бы, резона наводить Э-людей на Сан-Спот. В то же время босс был мастером создавать такие ситуации, которые давали возможность чужими руками избавиться от неугодных ему служащих. Юноша перебрал в памяти приближенных Керна, стараясь вычислить, кто же именно попал в немилость.

Лифт остановился, и Джоктар поднес руку к стене. Биотоки его ладони сработали как ключ для незаметной двери. За ней начинался узкий коридор. Тревожная вибрация прекратилась. Оррин настороженно оглянулся. «Они, видно, совсем близко. Дай бог, чтобы наши парни успели смыться.»

Коридор заканчивался у ствола шахты, по нему они и стали подниматься. Наверху их наверняка поджидают Э-коптеры, но недаром они предусмотрительно запаслись бомбами с туманом.

— У тебя есть хорошая крыша?

Джоктар интуитивно насторожился. Оррин не мог не знать, что у каждого служащего было в городе тайное убежище для экстренных ситуаций, подобных нынешней.

— Ты что, не хочешь воспользоваться своей?

— Не в этом дело, — буркнул Оррин. — Просто... если за всем этим стоит босс...

Джоктар кивнул. Керн мог навести ищеек на любую нору. Но они были людьми Керна и не имели выбора. Он обязан бежать именно тем путем, который ему предписан. Любое другое логово было под контролем или Норволда, или Дандера, или Руссиана. Людям Сан-Спота путь туда был заказан.

— Давай шевелись, они скоро начнут нас выкуривать, — занервничал Оррин.

Он был прав. Э-люди вот-вот пустят в здание слезоточивый газ и включают ультразвук. Этого не сможет выдержать никто в доме. Джоктар уже стоял, низко пригнувшись, под самой крышей. Было абсолютно темно, и ему приходилось действовать вслепую. Рука нащупала подвешенные у пояса яйцевидные бомбы. Он взял одну, одновременно проверив другой рукой, на месте ли стилет.

Потолок стал еще ниже, до конца коридора пришлось добираться ползком. Вот и люк, ведущий на крышу. Чуть приподняв его, Джоктар выглянул. В глаза ударил свет мощных прожекторов. Он включил пускатель бомбы и, просунув ее в щель, выкатил наружу. Следом отправил и вторую. В этот момент все его тело, каждый мускул и нерв содрогнулись от нестерпимой боли. Он знал, что будет еще хуже: в дело пущены вибраторы.

— Скорее, — прохрипел Оррин.

Извергаемый бомбами туман уже заволакивал все вокруг.

— Ну же! — Оррин без видимого усилия буквально выкинул Джоктара из люка. Вероятно, он оказался особенно восприимчив к вибрации.

Джоктар встал, пригнувшись, готовый мгновенно пустить в ход оружие. Туман уплотнился, и противники не стреляли, боясь угодить в своих же.

Юноша устремился к противоположному краю крыши. Ему предстояло пробежать по самой кромке, затем повернуть и прыгнуть вниз. Подобный трюк никто не взялся бы исполнить вслепую, без

долгих тренировок. Там, внизу, ждала потайная дверь, открывавшая путь отхода, намеченный для него Керном.

Джоктар шагнул вниз, в молочный туман. Он сумел приземлиться на ноги и тут же кинулся к спасительной двери. Оррина не было слышно, тот, скорее всего, не смог заставить себя совершить головокружительный прыжок в ничто. Дилер мгновение колебался, но угроза захвата была сильнее. В их среде действовали законы джунглей. Все знали: во время облавы каждый заботится о себе сам.

Массивная плита послушно повернулась под пальцами юноши. Он юркнул в открывшийся лаз, и тут же его ослепил свет прожекторов, а затем оглушила вспышка стуннера. Опускаясь на пол, он успел предоставить, как Керн впишет имя своего дилера в лист текущих расходов.

Он не сразу открыл глаза, пытаясь осмыслить информацию, передаваемую в его мозг через слух и обоняние. Он был не один: раздававшиеся рядом стоны, бормотание, шепот, а также запах давно немых тел подсказали ему, что вокруг такие же, как и он, пленники.

В памяти всплыли финальные мгновения его бегства: через дверь, которая должна была принести ему спасение, он угодил прямо в руки Э-людей. Его занесли в списки! Джоктара охватила паника. Но уже спустя мгновение он заставил себя вновь расслабиться, ожидая, пока каждая клеточка его тела, каждый нерв не будут готовы к действию. Улица преподала ему немало жестоких уроков. Первый: уметь терпеть. Второй: в борьбе с более сильным противником никогда не действовать наобум.

Чуть приоткрыв глаза и слегка повернув голову, он попытался осмотреться. Рядом лежал Хэгги из Сан-Спота. Из его рта длинной струйкой стекала слюна. А подальше он увидел совершенно незнакомого человека, цвет лица выдавал в нем наркомана.

Не знал он и еще двоих соседей, облик которых говорил о том, что они дрейфтеры, бродяги. Такие чаще всех становятся жертвами Э-рейдов, их захватывают сотнями. Но присутствие здесь Хэгги указывало, что отнюдь не одно убежище в Сан-Споте выдано Э-людям. Ведь Хэгги был не из тех, кого можно схватить случайно. Интересно, попал ли в облаву кто-нибудь из высших служащих Сан-Спота?

Сколько времени продержат их здесь? Джоктар не мог вспомнить, стоят ли сейчас в порту снаряженные в путь Э-корабли. Обычно облавы приурочивались к моменту их полной готовности. Правительство экономило таким образом расходы на содержание здесь тех, кому уготована участь эмигрантов.

Можно ли отсюда бежать? Это, как слышал Джоктар, еще никому не удавалось. Тюрьму покидали те счастливики, за кого кто-нибудь вносил выкуп. Правда бывало, что выпускали человека, сумевшего доказать, что он добропорядочный гражданин, имеет постоянную службу и достаточный заработок. С недавних пор власти стали в этом смысле аккуратнее, поскольку еще не утихли отголоски большого скандала, когда на улице схватили сынка одного высокопоставленного советника и без раздумий отправили его к звездам. Теперь статус эмигранта проверялся гораздо тщательнее. Но для этого и тем более для выкупа нужен был кто-то, кто помогал бы тебе с воли.

Керн? Вероятность дожидаться от босса помощи мала, ничтожно мала. Но в его положении впору цепляться за любой шанс, а шансов практически нет. Его, видимо, обыскали — оружия не было. То, что при нем нашли стилет, определенно поставят ему в вину. Он снова ошупал одежду. Так и есть, исчез и кошелек. Лишь то, что он носил под рубахой с туманных времен своего накрепко забытого детства, еще было с ним.

— Вниманис! — раздавшийся в камере громовой голос подействовал на узников как удар бича. — Всем приготовиться к выходу!

ГЛАВА 2

Как только в стене образовался проем, Джоктар ощутил принуждающие импульсы виброустановки. Избежать мучительной пытки можно было лишь выйдя наружу. Джоктар вскочил на ноги и, наклонившись над Хэгги, потряс того за плечо. Бармен со стоном приоткрыл глаза, в которых сразу отразился ужас от сознания того, куда он попал. Страхнув руку Джоктара, Хэгги на подгибающихся ногах поплелся к выходу. Дилер шел следом, повинувшись зову мощного силового поля. В его тисках можно было только послушно двигаться по залитому светом коридору, но руки были словно спеленуты, нельзя было даже шевельнуть пальцем.

Да, Э-служба оснащена на славу. И не удивительно: Галактический Совет всемерно поддерживал ее политику, благодаря которой цивилизованный мир освобождался от нарушителей спокойствия и при этом обеспечивал освоение новых планет. Столь успешное решение обеих проблем удовлетворяло всех, кроме, разумеется, самих жертв подобных облав — но их мнение никого не волновало.

Бармен уже миновал коридор, вошел в какую-то дверь и теперь разоблачался под присмотром угрюмого медика. Джоктар остановился на пороге.

— А ты давай здесь, — услышал он. — Раздевайся.

Юноша исподлобья бросил быстрый взгляд на врача. Поле сейчас ослабло, но нечего и пытаться напасть: его ждет силовой удар, способный раздавить человека в лепешку. Какой смысл драться, если нет даже микроскопического шанса на победу. Он не торопясь снял куртку, принялся разматывать пояс. Спрятать что-либо немислимо: за ним, конечно, следят. Сняв наконец рубашку, дилер все же попытался прикрыть ладонью диск, висевший у него на груди.

— А ну, брось это! — медик видел все.

И снова Джоктара обуяла паника, его затрясло. Он стоял, шумно дыша. Юноша с трудом восстановил равновесие и до крови закусил губу, чтобы не вскрикнуть от боли. Он знал: этот удар только предупреждение. Джоктар швырнул диск медику. Тот дал ему упасть на пол и насмешливо поддал ногой.

Потом для него и для Хэгги началась обработка. Выполняя задаваемые компьютерами тесты, Джоктар продолжал мучительно искать способ побега, но каждый вариант рассыпался в прах после трезвого раздумья. Через некоторое время его облачили в красный балахон из грубой ткани и ввели в камеру, где находились еще пятеро незнакомых ему людей.

Вскоре из стены появились миски с какой-то едой. Завязался разговор. Все его соседи были молодые дрифтеры, каких на улице слоняются сотни. Сев на скамью, юноша прислонился спиной к стене, держа миску на коленях.

— Эй, парень, — к нему подошел один из обитателей камеры. — Ты из людей Керна, точно? — спросил он с недоброй улыбкой. Целая пропасть разделяла подобных ему бродяг и тех, кто работал на крупных боссов.

— Я был человеком Лэфти до того момента, как он потерпел крах, — заявил парень с неожиданной откровенностью. — Тогда-то я и заметил тебя в Сан-Споте. Небось надеешься, что Керн раскошелится? — спросил он, насмешливо осклабясь.

Джоктар молча пожал плечами, продолжая методично прожевывать безвкусную массу.

— Людей Керна на этот раз не обошли, — вступил в разговор другой, едва выговаривая слова набитым ртом. — Я здесь приметил четверых или пятерых из его команды.

Это было похоже на правду. Но как получилось, что целая свора шпионов — споттеров и раннеров, работающих на босса — не предот-

вратила случившегося? Джоктар не мог взять этого в толк. Услышанное только что лишило его последней надежды на освобождение. Быть может, и сам Керн за решеткой... Кто же за всем этим? Норволд?

— Никто не слышал, куда нас собираются заслать? — голос задавшего вопрос выдавал испуг.

— В порту готов корабль на Авар, — послышался ответ.

— Вот как? А что делают на этом Аваре?

— Работа на полях, — ответил кто-то с неуверенной надеждой.

Джоктар понял, что это лишь догадки. Просто работать в поле было лучше, чем в каком-нибудь руднике.

Тот, что назвался бывшим раннером Лэфти, хмыкнул.

— Что толку загадывать. Все равно выбирать не нам, мы — колонисты. Коль попал сюда, значит, фортуна от тебя отвернулась, вот и все.

Спорить не приходилось. В примолкшей камере раздался чей-то вздох. Джоктар отставил наконец пустую миску.

— Правда, что они нас заморозят? — голос был неприятный, какой-то квакающий.

— Ясно, — кивнул экс-раннер. — В э-кораблях нет места, чтобы позволить нам сидеть и жиреть от безделья. В человека всаживают шприц, он делается как доска. Всех сваливают в штабеля и так везут до самой планеты.

— Я слышал, что не все в конце пути просыпаются.

Неудавшийся раннер развалился на скамейке поудобнее.

— Всякое бывает. Но в живых остается достаточно, чтобы они не остались внакладе. Не удивлюсь, если машины, через которые нас прогоняли, дали сведения, кому из нас по силам выдержать перелет.

— Погоди-ка! — один из узников подошел ближе к двери и вытянул шею. — По-моему, кто-то идет. Неужто они заберут нас прямо сейчас?

Джоктар был уже на ногах. Он взял миску и произвольно держал ее так, как держал в жаркую минуту силовой стилет.

— Собираешься драться, парень? — Экс-раннер угадал его намерение. — Твои шансы равны нулю. Здесь каждый охранник может управлять силовым полем. Лично я не намерен лезть на рожон. Какой смысл подставляться только для того, чтобы доказать собственную смелость?

Он был прав. Но Джоктару эта правота была поперек горла. Беспомощность угнетала, он привык чувствовать себя сильным и бесстрашным. Лишь сейчас до него дошло, что от настоящей жестокости улицы его отгораживали Керн и Сан-Спот. Теперь же он был совершенно один, сразу привыкнуть к этому оказалось очень трудно. Он

отложил миску, опустился на скамью. Взглянув на него, экс-раннер, со свойственной его профессии проницательностью, понял, что задевать этого парня сейчас рискованно.

В дверях вырос охранник, его взгляд выражал презрение. Отыскав глазами Джоктара, он поманил его. Иссаящая было надежда вспыхнула с новой силой. Керн принес выкуп? Джоктар уже был у выхода. Тут же он ощутил знакомые силовые тиски, и искра надежды стала таять.

В конце коридора их встречали двое в форме. Один из них обратился к конвоиру Джоктара:

— Тебя ждет Эриксен, он в офисе. А этого мы доставим сами.

— Чего это вдруг?

— У полиции порта есть к нему вопросы.

Услышанное воодушевило Джоктара. Быть может, Керн начал действовать? У него, как и других боссов, были свои связи с полицией порта.

Силовые пути вновь стиснули юношу.

— Ну ты, шагай вперед!

Они почти бежали, Джоктар даже взмок. Его тревога перерастала в страх. Охранники явно с ним не церемонились, что-то не похоже, что они получили от Керна мзду.

От сильного тычка в спину он буквально влетел в комнату, где, кроме офицера полиции, находился молодой человек в тунике, какой Джоктар прежде не видывал. Космопатруль имел темно-голубую форму, а на этом туника была серебристой. У плеча посверкивала бляха с рисунком созвездия вместо обычных кометы и зодиака. Джоктар восторженно вскрикнул. Где-то в самой глубине заблокированной памяти вспыхнул сигнал тревоги. Предчувствие опасности тут же охватило все его сознание. Он понял, что встреча с этим серебристым может оказаться для него роковой.

Только тут он увидел, что именно держит в руках офицер в невиданной форме. То был диск, снятый с Джоктара на медосмотре. Офицер глядел на юношу враждебно, словно на злейшего недруга. Между тем Джоктар был уверен, что видит этого человека впервые в жизни.

— Так это тот самый, — проговорил полисмен, указав на Джоктара, — что напал на тебя и твоего приятеля?

— Если и не тот, он должен знать их! Разве этот диск не достаточное доказательство? Подумайте сами: откуда к такому бродяге может попасть знак скаута? Ах ты... — он разразился такой изощренной бранью, что Джоктар поощрительно ухмыльнулся. И тут же едва не свалился с ног от оглушительной затрещины.

— Я жду. Говори. Где ты это взял? — вкрадчивый тон полисмена таил не меньшую угрозу, чем открытая ненависть офицера.

— Это было у меня всегда, — хотя Джоктар, к собственному удивлению, говорил правду, он знал, что ему не поверят.

Один из тех, что привели его, проявил нетерпение.

— Нельзя ли поскорее? Мы должны отвести его в офис. Туда пришел тот, кто решил его выкупить.

— Кто будет платить за этот мусор? — взвился офицер в серебристой тунике. Он вновь разразился бранью. — Ты сейчас же все скажешь и отправишься на орбиту. Ну? Кто на прошлой неделе напал на Кандера и прикончил его? И откуда у тебя, грязная свинья, это? — Зажав в руке диск, словно кастет, он ударил Джоктара и рассек ему скулу.

Юноша замотал головой, то ли пытаясь справиться с головокружением, то ли отвергая обвинения. И тогда началась обработка. Он был крепко спеленут силовым полем, его избивали до тех пор, пока не сбили с ног. Джоктар цеплялся за остатки покидавшего его сознания.

Он слышал, как кто-то настойчиво пробивался к двери.

— Мы обязаны доставить его в офис. За него вносят выкуп.

Офицер неистовствовал:

— Ему не отделаться так легко. Он бандит. Его дружки убили Кандера, и ему несдобровать.

До Джоктара донесся голос полисмена, тот пытался урезонить разъяренного офицера:

— Для задержания у нас нет никаких улик, кроме этого знака. А его парень мог найти или купить за стакан у какого-нибудь бродяги. Могло быть такое?

— Но он же сам заявил, что никогда не расставался с диском. Такой знак на улицах не валяется. Тот, кому его вручают, дает клятву беречь знак как зеницу ока и носит его постоянно. Диск могли снять только с мертвого Кандера. Они знали, что делали: обладатель такого знака имеет чрезвычайные полномочия и пользуется всеми правами, положенными офицерам разведки.

— И все же тебе придется найти веские доказательства, чтобы предъявить ему обвинение в убийстве.

— Я сказал, что он не выйдет отсюда!

Полисмен хмыкнул:

— А я сказал, что сейчас мои парни отведут его в офис.

Один из охранников присвистнул:

— Как бы не так. Если мы доставим его в таком виде, то нас самих сошлют к черту на рога.

Тут вмешался второй:

— А давайте прямо сейчас погрузим его на «Гриффин». Запишем в корабль, якобы по ошибке, а когда спохватятся, будет поздно. Не станут же из-за него устраивать догонялки в космосе. Словом, сейчас его, такого, нельзя показывать в офисе. А там, куда летит «Гриффин», его никто не станет слушать.

— И куда он попадет? — заинтересовался офицер.

— На Фенрис.

— Фенрис? Отлично! — офицер явно повеселел.

Джоктар же впервые слышал о такой планете, но веселые нотки серебристого ему не понравились.

— Давайте тогда поскорее доставим его на «Гриффин», — нетерпеливо проговорил офицер.

— Да, нужно торопиться, — поддержал охранник. — Иначе не успеем провести его через предстартовую обработку.

Другой с сомнением произнес:

— Кажется, мы отделали парня так, что он вряд ли сумеет очнуться по окончании полета. Что, если так оно и случится?

Будто сквозь вату, до Джоктара донесся умиротворяющий голос полисмена:

— По-моему, ребята, вы напрасно все осложняете. Ведь никто не узнает, что он побывал здесь, я не вел никаких записей. Другой вопрос, какую басню вы расскажете в офисе. Но это целиком ваше дело, я намерен держаться подальше от этой истории.

Когда Джоктара оторвали от пола, боль вновь хлынула в избитое тело — сознание окончательно отключилось. Очнувшись, он почувствовал, что лежит на чем-то вроде стола притиснутым к нему с такой силой, что любое движение причиняло острую боль.

—...Оболтусы... Не могли еще позднее его приволочь? — Голос звучал отдаленно, его звуки едва проникали в затуманенное сознание Джоктара.

— Что это с ним? В аварию, что ли, попал?

— Ты здесь не для того, чтобы задавать лишние вопросы. Его избили в камере, там постоянно вспыхивают потасовки. А он — отчаянный забияка, вот и получил свое.

Чьи-то руки бесцеремонно касались его, раздевали, переворачивали. Пауза. Укол, сильная боль в предплечье. Снова укол, негромкое жужжание в голове — и темнота, холодная как вечность. Ее леденящее дыхание пронзило юношу, словно удар силового стилета.

Бесчувственное тело сбросили со стола в ящик, очень напоминавший узкий гроб. Затем торопливо закрепили в гнездах датчики контроля и приборы управления. Напоследок ящик сунули в мешок, предварительно обложив чем-то так, что по виду он теперь не

отличался от тысяч тюков, предназначенных для погрузки на корабль.

Достигнув порта, платформу с живым грузом отбуксировали к корабельному люку, откуда торчала стрела крана. Захватывая своими челюстями один тюк за другим, кран укладывал их в трюм с длинными рядами узких ниш. Лишь в конечной точке рейса оттуда извлекнут содержимое — людей, живых или мертвецов, как кому повезет. По планетному времени это будет спустя месяц, за этот срок корабль окажется за полгалактики от Н-Йока.

Когда был уложен на место последний тюк, крышку люка задраили и вскоре «Гриффин» уже дрожал, приподнявшись на столбах пламени. Через минуту он выглядел еще одной яркой точкой на усыпанном звездами небосклоне...

Терпение человека, ожидавшего в офисе Э-станции с толстой пачкой денег, иссякло. Поняв, наконец, что процедура по непонятным причинам затягивается, он потребовал обеспечить ему экстренную связь. Набранный код удивил и слегка обеспокоил находившегося в офисе служащего Э-станции.

Здесь находился еще один человек, карманы которого тоже оттопыривались от банкнот. До его слуха дошли отрывки каких-то разговоров, заставившие его насторожиться. Торопливой беседы с двумя вошедшими в помещение мужчинами в форме оказалось достаточно, чтобы человек поспешно покинул Э-станцию. После долгих колебаний он поборол искушение оставить деньги у себя и понес их хозяину, поджидавшему в тайном убежище. Это был Керн. Известие о том, что акция провалилась, разгневало его настолько, что он тут же отдал суровые приказы в отношении своих агентов, связанных с Э-службой. Но, убедившись в их исполнении и восстановив таким образом собственный престиж, он очень скоро успокоился и выбросил все это из головы.

В небольшом офисе находился еще один, третий, человек, получивший сообщение о непредвиденном повороте событий. Он немедленно связался со своими шефами из столицы. И из центра были отданы новые приказы для пятерых сотрудников, которые находились в пяти разных точках Терры. Еще три агента срочно абонировали места на лайнеры, отправлявшиеся в Н-Йок.

Оба Э-охранника подверглись допросу с пристрастием и под угрозой спецобработки поклялись держать язык за зубами. Их тут же отправили в далекий порт Мелвамбе. Э-служба делала все, чтобы не допустить скандала, к которому оказались бы причастными самые видные политики. Дальнейшая судьба охранников была предрешена: нашли предлог перебросить их на планету Блор, где один прожил

всего год, подхватив пал-пест, а другого вскоре прикончили собутыльниками в пьяной ссоре.

Офицер в серо-серебристой форме сразу же после старта «Гриффина» направился к лучшему ювелиру. По его просьбе диск был вскрыт. Он прочитал внутри имя, и по его лицу разлилась бледность, которую не смог скрыть даже космический загар. Первым его побуждением было выбросить злополучный знак в ближайший мусорный контейнер. Но это показалось ему ненадежным, и возник новый план: разметать зловещий кругляк на атомы в реакторе звездолета. Но по дороге к космопорту он вдруг обнаружил, что диск исчез из его кармана. И тогда он испытал страх, нет, парализующий ужас, какого не знал за все годы прожитой жизни.

Эмиссару Центра, командированному для контроля состояния дел на осваиваемых планетах, было предписано особое внимание обратить на вторую планету светила Дзета Лупи (созвездие Волка). Планета числилась в галактическом каталоге под именем Локи, а ее ближайшую соседку называли Фенрис. Здесь также было тревожно, жизнь колонии в последнее время вышла из-под контроля. В лагере Фенриса среди многих тысяч заключенных нашелся один, бросивший вызов вожаку. Смельчака звали Саммс. Он ухитрился совершить побег из шахты, уже одно это выделило его из массы эмигрантов. Саммс скрупулезно продумал свои дальнейшие шаги, одним из которых был вызов главаря на поединок. Тому ничего не оставалось, как выйти на открытый бой. На его несчастье, соперник оказался чуточку быстрее...

Репорт Б. Морле, направленный Кронфильду, Директору Проекта «Колония 308».

Как выяснили Худд и Русто, объект попал в поле зрения офицера разведки, который его допросил по подозрению в убийстве своего напарника Кандера на том основании, что у объекта при досмотре изъят некий диск. В результате вскрытия внутри диска обнаружена именная надпись: «Марсон, ОС-С-Д 451».

Контакты с Э-станцией сильно осложнились, налицо мощное противодействие. Доступ к любым материалам закрыт. Попытку выкупа объекта делал и небезызвестный Керн.

Кронфильд-Морле, прямая связь:

Кронфильд: Прощупайте этого разведчика, пусть им хорошенько займутся ваши люди. По-моему, история с убитым приятелем —

липа, здесь что-то другое. В последнее время эти люди в сером слишком обеспокоены. Связь с Э-службой беру на себя. Керна отбросьте, он не при чем и в данном деле не фигура.

По каналу служебной связи:

От: Э-служба, станция, Н-Йок, Порт, Ирсон, агент.

Кому: Кронфильд, Директор Проекта «Колония 308».

Сообщение об эмигранте: Пол — мужской. Возраст — около восемнадцати лет. Пункт назначения — Фенрис. Занятие — работа на шахтах. Аттестация — незаконная деятельность, проживание на Терре нежелательно. Микропленка прилагается.

Кодированная связь между Кронфильдом и Морле:

К: Почему ты уверен, что речь идет о нем? В донесении Э-службы не совпадает даже возраст.

М: Их обманула его внешность. В действительности он старше, мои свидетели могут это удостоверить. Он попал на корабль с нарушением инструкций. Ясно, что Э-служба заинтересована спрятать все концы. Уверен: на «Гриффин» попал тот, кто нам нужен. Твои действия?

К: Покуда его доставят, наш агент на Фенрисе уже получит мои инструкции. Эта планета — самый худший из всех вариантов. У меня впечатление, что кто-то хотел упрятать его как можно дальше. И хотел этого не меньше, чем нам хочется его вызволить. Фенрис! Дьявол поberi этих разведчиков! Вообще все пошло так, что хуже некуда. Буду только рад, если Тому и Куллану хорошенько подпалят хвосты. Немедленно информируй меня обо всем, что разнюхают твои парни.

Из Путеводителя по Галактике.

Фенрис: Третья планета звезды Дзета Лупи, Созвездие Волка.

Как и на двух других планетах, условия существования на Фенрисе весьма суровы для терранца. Экспорт: алибит, редкие меха. Признаки культуры коренного населения теперь почти не встречаются. В древних курганах попадаются только примитивные каменные орудия. Зима на планете суровая, длится три четверти года, сопровождается частыми снежными бурями. Галактический порт: Сиваки. Города: Сиваки и Санди — центр добычи алибита. Для туризма планета запрещена. Пропуск на Фенрис — по сертификату формы «А».

...В одном из лагерей, отделенном от других цепью невысоких гор, когда-то уволенный за служебные нарушения космолетчик с радостью и удивлением узнал, что некто выкупил его с подземных работ. Сейчас он сидел напротив человека, вложившего целое состояние в его свободу. Внимательно слушая нового хозяина, он старался досконально запомнить свою легенду. Так появилась еще одна клеточка в кроссворде, над разгадкой которого бился человек в небольшом офисе на Терре.

А «Гриффин» тем временем поглощал гиперпространство, перенося одно из ключевых слагаемых кроссворда с Терры в созвездие Волка. И тот, кто недавно еще был дилером стола «Звезда—Комета», на один шаг приблизился к постижению волнующей тайны своего забытого прошлого и полного приключений будущего.

ГЛАВА 3

Местность вокруг порта Сиваки напоминала лунный пейзаж. Правда, резкие очертания горных пиков, опоясывающих долину, были затушеваны — но отнюдь не смягчены — густой растительностью на склонах гор. Зимой низкорослые деревья и кустарники теряли листву и превращались в нагромождение голых грязно-голубых сучьев, по твердости не уступавших стали.

В преддверии зимы планета становилась голубой. А затем ее сковывал своими тисками холод. От него не спасали ни термокостюмы, ни мех, ни подогреваемые стены куполообразных жилищ. Лютая стужа пронизывала каждого до самых костей.

На Фенрисе добывали алибит. Вереницы людей спускались в шахты; вереницы вагонеток с рудой поднимались на поверхность. Город жил во имя функционирования двух этих встречных потоков. Правда, остались еще чудачки, которые добывали пушнину в поймах рек. Их была горстка, хотя именно они являлись пионерами Фенриса, поселившимися здесь задолго до того, как этот мир голубой стужи опутали своими щупальцами могущественные алибитовые концерны.

В то утро четверо охотников остановились перед стендом для местных сообщений: там появилось объявление об аукционе. Двое пожали плечами и тут же отвернулись, третий красноречиво сплюнул, но

четвертый продолжал вчитываться в листок, отпечатанный на принятом в официальных инстанциях любого мира суконном языке.

— Брось, что толку, — коснулся его плеча один из приятелей. — Нам нечего и думать что-нибудь там купить.

Однако глаза охотника, выглядывавшие из узкой щели между мохнатым капюшоном и шерстяной маской, натянутой на нос и рот для защиты от холода, были по-прежнему прикованы к стенду. Хотя в эту пору каждый человек на Фенрисе из-за теплой одежды казался громадиной, движение, которым читающий сбросил с плеча руку, выдавало молодость, силу и крутой нрав.

— Мы остаемся, — негромко отчеканил он, и даже маска не приглушила повелительной интонации. Второй охотник пожал плечами и продолжал стоять неподвижно, держа руку у пояса, где поблескивал многозарядный бластер, а в ножнах с меховой опушкой болтался двадцатидюймовый клинок.

В эти самые минуты к тем, кого рекламировало объявление, начала возвращаться жизнь. Пытаясь собрать воедино клочки смутных воспоминаний о событиях на Э-станции, Джоктар услышал рядом стоны и бормотание, напомнившие ему пробуждение в Н-Йокской тюрьме.

— Этот задышал.

Его подняли за руки и за ноги на холодный стол. То ли уколы, то ли боль от них постепенно очищали одурманенный мозг. Одеревеневшее тело мучительно отзывалось на каждый толчок снова побежавшей по жилам крови. Но гораздо большие муки приносило сознание того, где он очутился и что его теперь ждет.

Он попробовал сесть на столе и принялся массировать тело, как будто эта добавочная боль могла заглушить душевное смятение. Он обнаружил, что очнулся первым из двадцати, лежавших тут же и не подававших пока признаков жизни. В памяти всплыл набор букв... Фенрис... Название лежавшего за этими стенами мира. Но он понятия не имел, что представляет собой этот мир...

Отсек заполнился людьми в туниках; эмблемы на груди и спине указывали на принадлежность к службе порта. Они приступили к сложным манипуляциям, приводя в сознание неподвижных людей. Джоктар глядел на них, и глаза его застилала ненависть. Но ум игрока, оценив безнадежность ситуации, призвал его к благоразумию. Однако под маской покорности в нем крепло стремление бежать — не менее сильное, чем желание выжить.

К нему подошел охранник и, взглянув на щуплое тело юноши, усмехнулся:

— Похоже, Э-служба взялась за детей. Этот парнишка сыграет в ящик еще до того, как начнется аукцион. Да и кто его купит, замо-рыша...

— А ну, бездельники, вставайте!— подхлестнул грубый окрик. Пленников выстроили в неровную цепочку. Принесли мешки с одеждой.— Давайте живее!

Отыскав свой узел, Джоктар влез в брюки, зашелкнул пояс, сделавший еще тоньше его фигуру.

— Готовы? Теперь еда...

Они гурьбой повалили в соседнюю комнату, где каждый получил разогретый контейнер с густой массой. Ощувив вдруг зверский голод, Джоктар с жадностью набросился на эту полукашу-полусуп и вылизал все до дна.

— Теперь слушайте и смотрите сюда,— охранник ткнул пальцем в экран, засветившийся на противоположной от входа стене.— Запомните: на Фенресе есть только два места, где можно выжить: порт и шахта. Побег равносителен смерти. Он сделал знак напарнику, тот поколдовал над проектором, и на экране замелькали картинки, одна страшнее другой. Казалось, они созданы чьей-то буйной и мрачной фантазией. Демонстрировались жуткие ситуации, в которых несминуюемо оказывался незадачливый беглец. Беззащитная фигурка путника, захваченного врасплох снежной бурей, сменилась крупным планом трупа, заледеневшего на смертельном морозе; далее последовала картина агонии беглеца, наткнувшегося на ядовитый источник... И еще не меньше десятка других ужасов, которые таит эта неуютная планета. Здесь нельзя было даже дышать в открытую: легкие быстро заполнялись кровью от микроскопических ран, нанесенных ледяными кристаллами. Вся эта фантазматория была призвана потрясти воображение любого, в ком теплилась мысль о побеге.

Джоктар же, напротив, только укрепился в решимости бежать при первой возможности.

Наконец, зловещий экран погас.

— Сейчас вас ждет аукцион,— сообщил охранник.— Вас купят для работы в шахте. Старайтесь, не отлынивайте, беспрекословно подчиняйтесь правилам — только при этих условиях у вас будет надежда заслужить когда-нибудь свободу. А теперь — первый десяток, ко мне!

В этой группе оказался и Джоктар. Он стоял вместе с другими на возвышении, сооруженном посреди обширного зала. Зрители расположились вокруг, их было не более дюжины. Большинство устроилось в удобных креслах, а несколько облаченных в меха

мужчин держались отдельной кучкой, стоя у дальней стены. Чувствовалось, что для них здешняя обстановка непривычна.

—... прошли обследование и признаны годными для работы,— монотонно бубнил человек в форме Э-службы.

На помост вскочили охранники. Они бесцеремонно хватали пленников и вертели их в разные стороны, привлекая покупателей живым товаром.

— Откуда здесь взялся этот недомерок? — услышал Джоктар над ухом глумливый голос.— Разве по силам этакой мокрице настоящая работа?

— Не скажи, Ларс,— произнес сидевший в первом ряду толстяк. Подойдя ближе, он продолжал: — Иногда дистрофики выдерживают подольше иных здоровяков.— Он улыбнулся Джоктару и приказал: — А ну, покажи руки.

Юноша тут же почувствовал, как охранник схватил его за руки и вывернул их ладонями кверху. Покупатель потыкал пальцем:

— Мягковаты. Ну, не беда: они быстро превратятся в подошву, когда возьмут кирку. Я рискнул бы его взять, но разумеется со скидкой.— И он подтолкнул Джоктара обратно к кучке пленников.

Когда все в зале получили возможность оценить предлагаемый товар, объявили о начале торгов. Шахтовладельцы быстро раскупили эмигрантов; лишь Джоктар стоял в одиночестве, возвышаясь на своем деревянном пьедестале. Тут он увидел, как один из тех, что стояли у стены, вышел вперед, распахнув пушистую куртку и откинув со лба отделанный мехом капюшон.

— Десять отборных шкур,— его закаленный фенрианскими ветрами голос перекрыл негромкие реплики покупателей в креслах, лениво торговавшихся из-за Джоктара. Тот, что недавно интересовался его руками, вскочил, лицо толстяка исказил гнев.

— Почему сюда пустили это лесное чудовище?

Человек в мехах упорно пробирался к помосту. Он подошел к Э-офицеру, глядя на него сверху вниз.

— Это Э-аукцион, верно?

— Да,— офицер явно был в замешательстве.

— Судя по объявлению, здесь все покупатели равны?

— Привилегий не имеет никто.

— Кто тогда мешает мне назвать мою цену? Я сказал: десять шкур.

Он действительно чем-то смахивал на крупного лесного зверя: ноги в меховых унтах слегка расставлены, корпус наклонен вперед, словно охотник изготавился к драке.

— Десять отборных шкур! — провозгласил аукционер на весь зал.

— Полсотни кредиток, — вступил в торг агент горнорудной компании.

— Пятьдесят шкур!

— Сто кредиток!

Воцарилась тишина. Выждав, офицер повернулся к охотнику: — Ты намерен продолжать?

Тот оглянулся на стоящих у стены приятелей, но их лица были непроницаемы. Тогда охотник развел руками и пошел на свое место. В спину ему неслись издевательские возгласы.

— Убирайся в свое лесное логово и лязгай там зубами на морозе! — прокричал фальцетом толстяк и повернулся к офицеру: — Так я беру его за сотню?

Так Джоктар стал собственностью горной компании. Вместе с другими новичками его накормили, показали койку и облачили в термокостюм. Слушая разговоры вокруг, реплики охранников, юноша старался не упустить хоть сколь-нибудь полезную информацию. Он принадлежал теперь к корпорации «Ярд-Неллис», приступившей к разработке купленных ею недавно участков в предгорьях массива Камадор. Джоктар не мог забыть того, второго покупателя. Но сколько о нем не спрашивал, выяснить сумел немного. Охотников и шахтовладельцев разделяет старая вражда; один из них вступил в торг за Джоктара исключительно с целью вздуть цену и потрясти за карман толстосумов из компании.

На утро их загнали в фургон, мощный тягач поволок его к шахте. Авиации здесь не было. В самом начале освоения Фенриса ее пытались использовать, но самолеты то и дело гибли из-за постоянных бурь, неподдающихся никаким прогнозам. Пришлось ограничиться допотопным наземным транспортом. Для расчистки от снежных заносов по трассам курсировали специальные патрули. Джоктар видел их множество, отметил он и то, что путевая охрана вооружена до зубов. Вряд ли бластеры и нидлеры выданы патрульным для усмирения буранов или расчистки сугробов...

Зачем же привлекать столько людей и средств на охрану в мире, где бегство, как их упорно убеждали, невозможно? Джоктара это всерьез заинтересовало.

Они покинули территорию порта, фургон стало ощутимо потряхивать. Джоктар разглядывал своих попутчиков. Их было десятка полтора: дрифтеров, наркоманов, уже испытывавших «ломку» без желанной затяжки дурманящим дымом. Видно, приглянулись агентам компании и двое громил, по виду — настоящих убийц; скорее всего, они на Терре подвизались в охране какого-нибудь босса. Присмотревшись, Джоктар заключил, что несмотря на устрашающий

вид, они трусоваты и никогда не отважатся на мятеж. Более вероятно, что эти двое будут правдами и неправдами добиваться доверия у новых хозяев и, того гляди, сделаются надсмотрщиками над собственными товарищами.

Постепенно эта разношерстная компания начала сбиваться в стайки. Весь фургон разделился на небольшие группы. Но Джоктар не примкнул ни к одной из них. Он видел, что самые отчаянные и жестокие уже угадали в этой массе друг друга — налицо зарождающаяся банда. Юноша мог бы справиться с любым из них по отдельности: искусство, отточенное в уличных стычках на Терре, выручило бы его и сейчас. Но никакие ловкие приемы не помогут одиночке против целой оравы головорезов.

День, проведенный в тряской колымаге, показался невероятно длинным. Наконец, сгустились сумерки, тягач заглушил двигатель возле небольшой придорожной станции. После относительного тепла в фургоне стужа, царившая на улице, показалась нестерпимой. Мгновенно под одежду забрались тысячи ледяных игл.

Но вот дрожащих людей загнали под купол. Глядя на закованных в мех попутчиков, Джоктар сделал небольшое открытие. Его термостом был ничуть не теплее, чем у всех остальных; у него не было мехов, в какие кутались охранники — и тем не менее холод донимал его гораздо меньше, чем других. Напротив, если на морозе его товарищи цепенели, он чувствовал прилив энергии.

Держа в руках очередной контейнер с той же тепловатой кашцей, он продолжал об этом думать. Память подсказала аналогичные примеры из его прошлого. ...Знойный Н-Йокский полдень. На улицах ни души, все укрылись в дома под защиту кондиционеров. На него же жара практически не действовала, он с удовольствием подставлял тело лучам полуденного светила... А взять тот случай, когда его, совсем еще ребенка, повар с пьяных глаз запер в холодильной камере. Слезы закапали из его глаз, но не от холода, который делал висащие на крюках туши тверже дерева, а чисто по-детски он испугался темноты. Когда Мей, тогдашняя фаворитка Керна, обнаружила его, то чуть не хлопнулась в обморок. Но еще больше потрясло ее, что мальчуган с заиндевшими от стужи волосами и ресницами самостоятельно выбежал из своей темницы навстречу свету и через минуту уже не вспоминал об этом приключении. ...И подобных эпизодов было в его жизни несколько. Джоктар не придавал им значения. И лишь теперь, собрав воедино разрозненные факты, рискнул предположить, что отличается от большинства людей тем, что сохраняет жизнеспособность в гораздо более широком

температурном диапазоне. Быть может, это свойство сослужит ему службу в ледяной пустыне, если он надумает бежать отсюда?

Он настолько погрузился в эти мысли, что не замечал ничего вокруг. Вдруг кто-то с силой пнул его по вытянутой ноге.

— Эй, чего развалился?! Я тебе говорю, мозгляк!

Джоктар поднял глаза. Такого он ожидал, вопрос лишь — раньше или позже. Еще когда на его глазах сколачивалась в их среде банда, он знал, что будет дальше. Все было старо, как мир. Чтобы утвердить свое главенство, следует хорошенько запугать окружающих. Лучший способ — прицепиться к одному и беспощадно его избить, тогда никто не захочет быть вторым... Они решили, что легче всего будет проделывать экзекуцию над Джоктаром.

Волосатая рука протянулась к его груди, мясистые пальцы сгребли в комок куртку у ворота. Его рванули вперед сильнее, чем необходимо, так как ожидали, что он станет упираться. Юноша же мгновенно расслабился и не сопротивился рывку. Для нападавшего такая тактика была необычна, но еще меньше вязался с его жестоким планом дальнейший ход событий...

Подув на расшибленные костяшки пальцев, Джоктар перепрыгнул через рухнувшее на пол тело и приготовился встретить другого верзилу, который, видимо, решил повторить попытку своего друга. Но их сближение прервал раздавшийся от двери окрик:

— Прекратить!

Джоктар тут же почувствовал тиски силового поля. Он стоял, связанный им по рукам и ногам и молча смотрел на приближавшегося охранника. Тот ткнул в него пальцем:

— Пойдешь со мной.— В ту же минуту невидимые путы стиснули юношу еще сильнее.— В тебе, как я вижу, многовато энергии. Это хорошо, на джампере нужен проворный грузчик...

Хотя прозвучавшее название ничего не говорило Джоктару, он сообразил, что здесь его путешествие прерывается, с запертым и охраняемым фургоном покончено. Не прибавится ли у него теперь шансов вырваться на свободу?

— А вы,— охранник вскинул руку, и силовые плети обрушились на эмигрантов с такой силой, что многие не устояли на ногах, образовав на полу стонущую груды тел.— Услышу хоть малейший шум, всем не поздоровится. Слышите, свиньи?...

Он подтолкнул Джоктара к выходу. На улице юноша увидел забавную машину: точь-в-точь как тот тягач, что тащил их фургон, только в несколько раз меньше.

— Смотри сюда,— охранник подвел юношу к мини-тягачу.— Это джампер. На нем возят продукты и другие грузы для разведчиков и

старателей, работающих там.— Его рука указала на синеющие в сумерках горы у самого горизонта.— Не вздумай пытаться бежать, если не хочешь проститься с жизнью. У тебя ведь нет такого,— охранник хвастливо развел полы куртки, подбитой толстым мехом, и тут же торопливо запахнул, спасаясь от прорвавшегося к телу лютого холода.— Термокостюм тебя не спасет: его тепла едва хватит на время, нужное для погрузки джампера. А теперь приступай. Поглядим, что ты можешь, кроме как затевать драки.

Большая груда тюков и ящиков ожидала погрузки. Джоктар принялся один за другим отправлять их в люк машины. Поначалу мешки и ящики показались ему легкими, но заканчивал он погрузку весь мокрый от пота.

— Все? — охранник направился к люку.— Полежай, едем.

Машину рвануло вперед, новоявленный грузчик взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Видно, свое название машина получила не случайно: она то плавно скользила, то вдруг совершала бешеные скачки на выбоинах. Мешки и тюки, а вместе с ними и Джоктара, швыряло по всему кузову.

Несмотря на эту вынужденную гимнастику, юноша почувствовал, что в кузове холодновато-холоднее, чем было в их фургоне. Термокостюм, конечно, действовал — без него мороз попросту сжег бы его тело. И снова Джоктар с удовлетворением отметил, что его состояние вполне приличное. Правда, пальцы в тонких рукавицах мерзли, но они не занемели, полностью сохранив чувствительность.

Наконец, они остановились.

— Выноси грузы с красной меткой, — велел охранник. — Смотри не напутай, не то тебе придется делать все заново.

В открывшуюся дверь люка ворвался пронизывающий ветер, он швырял в лицо мириады колких снежинок. Глотнув этой адской смеси, Джоктар закашлялся, у него перехватило дыхание. Придя в себя, он взялся за работу. Охранник, нахлобучив меховой капюшон и натянув до самых глаз маску, встал с бластером на изготовку.

Бросив в его сторону короткий взгляд, Джоктар удивился: стражник ждал опасности не от него, а смотрел неотрывно в сторону гор, очертания которых неясно проступали в сумерках сквозь завесу из снега и ледяных кристаллов.

Джоктар перетаскивал мешки и ящики в небольшой купол — видимо, это был склад. Но вот грузы с красной меткой кончились. Он вскочил внутрь машины и дверца люка захлопнулась, лязгнув засов. Двигатель взревел, они тронулись. Юноша снял рукавицы и подышал на пальцы. Он вполне в состоянии это вытерпеть!

Мысли его обратились к джамперу. Скорее всего, в кабине двое — охранник и водитель. Оба вооружены, а у него — пустые руки, к тому же дверь люка на запоре. Он перевел взгляд на груз: нет ли там чего-нибудь, что может ему пригодиться? Но сколько он ни старался, не смог вскрыть ни одного контейнера, не имея для этого инструментов. Да он особо и не надеялся: кто станет допускать невольника к оружию? Вооруженный раб — это уже мятежник.

Значит, предпринять попытку он может или во время прогулки, или когда представится более удобный момент. Его опыт игрока подсказывал, что за неудачами должна когда-нибудь начаться полоса везения. Он наблюдал случай, когда человек, попавший в такую полосу, начинал безошибочно угадывать раскладку карт в колоде. Подобное озарение иногда посещало и его самого. Но как научиться пробуждать в себе эту способность в нужный момент? Этого он не знал, этого не умел никто.

А пока остается ждать везения.. Размышляя, юноша машинально растирал руки, словно перед крупной игрой, где от чуткости пальцев зависит все.

Постепенно он приспособился к неровному ходу машины. Им предстояло доставить остаток груза в какой-то отдаленный высокогорный пункт. Еще в порту Джоктар слышал, что жилищам и складам разведчиков постоянно угрожает опасность. От кого? Этого он не знал. Однако, поняв, что работники компании, которые соглашаются жить и трудиться вдали от магистралей и крупных селений, не зря получают повышенные ставки. Это плата за постоянный риск...

Сколько времени живут там эти люди? И много ли их? Есть ли среди них эмигранты? Быть может, с такого горного пункта убежать легче, чем, скажем, с той же шахты?

Джампер вдруг круто затормозил. Патруль? Нет, юноша почувствовал, как то, что только что было полом, становилось стеной кузова. Машина переворачивалась, поначалу не слишком стремительно. Но вот она проехала на борту юзом и закувыркалась, все быстрее устремляясь в бездну. Джоктар, как мог, пытался смягчить удары тела о стены и днище, одновременно стараясь увернуться от мотающихся по всему кузову ящиков и мешков. Мелькнула мысль, что неуправляемая машина падает с какой-то горы. Эта мысль была последней — в глазах у юноши потемнело, и он потерял сознание от оглушительного удара...

Он лежал, боясь пошевелиться. Затуманенным беспамятством глазам постепенно возвращалась резкость. Темень, стужа. Он обнаружил, что коченеет. Он не знал, что бывает такой холод. Собрав всю волю, он слабо двинулся — кажется, кости целы. Ноги придавило

какой-то тяжестью. Он с усилием вытянул из-под груды тюков сперва одну, потом вторую. Избитое тело ныло, невыносимо саднили царапины.

Он прислушался: двигатель молчал. Воздух в кузове терял последние остатки тепла. Страх подступил к горлу. Джоктар отчаянно забарабанил в стенку, но отклика не было. Почему-то он не удивился: шестое чувство подсказало, что снаружи нет живых.

Борта кузова стали совершенно ледяными. Если он не выберется отсюда, джампер станет его могилой. Должен же здесь быть еще один люк, аварийный? Он стал методично прощупывать и простукивать стены. И в той, что после падения машины оказалась у него над головой, одна панель слегка подалась. Подпрыгнув, он толкнул дверцу и расширил проем. Но за ним была чернота...

ГЛАВА 4

Вытянув руку, он тут же отдернул ее: исцарапанные пальцы обожгло прикосновение мерзлых кристаллов. Мгновенно на него обрушился огромный ком. Тогда он подтянулся и, кос-как укрепившись в проеме, принялся разгребать руками засыпавший машину снег. Прошла, казалось, вечность, покуда в его глаза не ударил свет... Тяжело дыша, он уселся на кузов полузасыпанной машины.

Злополучная драка на стоянке произошла вечером. Первую остановку джампер сделал уже в глубоких сумерках. Сейчас небосклон посветлел, ночь кончилась. След упавшей с обрыва машины глубоко пропахал крутой заснеженный склон.

Джоктар снова принялся копать, стараясь добраться до кабины. Вот и она, сильно смятая мощным лобовым ударом. Скорее всего, джампер попал в лавину. Водитель и охранник были мертвы. Им уже не пригодится то, что может помочь Джоктару в борьбе за жизнь.

Солнце стояло высоко, когда юноша расчистил кабину от снега и сумел отворить заклинившую дверцу. Теперь у него была меховая одежда и оружие.

Меховой тулуп оказался велик, но, надетый поверх термокостюма, пришелся почти впору. Ноги до самых бедер обнял ворс меховых унтов. Бластер пришлось взять только один: тот, что принадлежал водителю, разбился во время аварии. Отыскав в кабине контейнеры с пищей, он насытился, остальное взял с собой. Его снаряжение

довершили силовой тесак, карта местности и кое-какие полезные мелочи, найденные у погибших.

Исследовать груз он не стал, все равно много вещей на себе не унести. Быть может, удастся вернуться сюда потом, когда у него появится надежное убежище. Впрочем, не исключено, что к тому времени компания отыщет свой пропавший джампер...

Пока что хлопоты с машиной и снаряжением целиком поглощали его внимание. Но вот все уложено, делать здесь больше нечего. Джоктар огляделся.

Снег ослепительно сверкал в холодных лучах фернианского светила. Громоздившиеся вокруг горы молчали, слышался лишь тоскливый вой ветра среди уродливых скал. И тут Джоктара остро пронзило одиночество. Хотя он ни с кем в своей жизни не сблизился настолько, чтобы назвать кого-то другом, все же всегда рядом были люди — в Сан-Споте, в тюрьме, в фургоне, даже в джампере. Теперь же он был один, совсем один. Только неугомонный ветер теребил мех его длинного тулупа...

Желание найти людей казалось неодолимым. Но ведь это означало возвращение в ту же неволю, из которой он чудом выбрался. Тогда он высоко поднял голову и взглянул в лицо одиночеству так же упрямо и твердо, как смотрел всегда в лицо опасности. Не обращая больше внимания на порывы кинжального ветра, он зашагал в лежащую у подножия горы неширокую долину.

Казалось, она совсем близко, но шел час за часом, а вокруг по-прежнему тянулись скалы. Стало темнее, или глаза заволакивает пелена усталости? Он поднял голову. Солнце, еще недавно игравшее в искристых льдинках, теперь едва угадывалось за тучами. Скрип снега под ногами подчеркивал наступившую недобрую тишину. Даже ветер стих, будто притаившись перед смертельным прыжком. Буря! В памяти тут же замелькали кадры устрашающего урока, преподанного новичкам на Э-станции. Необходимо срочно где-нибудь укрыться, иначе — гибель.

Перед ним выросла гряда смерзшихся камней — следы давней лавины. Обогнув препятствие, он взглянул вперед и не поверил собственным глазам: неподалеку курился дымок! Рука скользнула к бластеру. Люди? Еще один склад разведчиков? Он вооружен, и ему нужно убежище. Переведя бластер на ближний бой, он двинулся на призывный дымок.

До боли в глазах всматривался Джоктар в ледяную пустыню, но нигде не было и намека на человеческое жилье. Порыв снова набравшего силу ветра бросил ему в лицо клочья дыма. Он вдохнул отвратительный запах гнили, тут же его горло, ноздри и глаза

нестерпимо обожгло. Он никак не мог унять кашель, разрывавший легкие. Его согнуло пополам от мучительной рвоты. Он ослабел, от дурноты не спасала даже маска, частично сдерживающая атаку едких испарений.

Джоктар понял, куда попал. В поисках жилья он угодил к ядовитому источнику. Все вокруг — снег, почва под ним, даже камни — было отравлено и несло смерть. Груды белевших тут и там костей — все, что осталось от неосторожно зашедших сюда людей и животных.

Очередной приступ кашля свалил ослабевшего Джоктара с ног. Сорвав с лица маску, он зачерпнул пригоршней снег и прижал его ко рту. С трудом поднявшись на четвереньки, он уползал прочь от губительного гейзера, пока не наткнулся на острые сучья кустов. Силы окончательно оставили его, безвольное тело сползло по склону в неглубокую ложбину. Здесь было тише, кусты как-то защищали от разыгравшейся пурги. Он услышал свое хриплое от ядовитых ожогов дыхание. Жив! С усилием сел, прислонив спину к подветренному склону расщелины. Ему снова повезло: здесь можно переждать бурю.

Ветер окончательно расвирипел: его пронзительный свист закладывал уши, парализовывал мозг. Сознание сосредоточилось на одном: спастись. Джоктар завернулся в тулуп, спрятал в мех ноги и руки, надвинул как можно ниже капюшон и свернулся клубком. Вскоре он погрузился в забытие — полусон, полубеспамятство...

Он приходил в себя не менее мучительно, чем когда его оживляли по прибытии на Фенрис. То же оконечение, та же кинжальная боль от пульсации крови. Джоктар не мог даже подозревать, что до него ни один человек не выжил, застигнутый под открытым небом феирианской бурей. Его воля к жизни оказалась сильнее беспощадной стихии!

Выбравшись из-под пластов снега, Джоктар развязал непослушными еще пальцами мешок и достал саморазогревающийся контейнер с чем-то, похожим на мясо. Эта пища из неприкосновенного запаса джампера была специально напигована витаминами и калориями. Она быстро отогрела его, желудок ощутил приятную тяжесть. Переборов разгулявшийся аппетит, он убрал контейнер с недоеденным мясом в мешок.

Надо было двигаться дальше. Кругом топорщились кусты, и пробираться между ними приходилось ползком. Ни ветерка, безмолвие пустыни нарушалось только шуршанием одежды да скрипением снега.

Ползти оказалось трудно. Кусты, преграждавшие путь, невозможно было сломать, они были тверже камня. Пришлось выжигать себе дорогу бластером. При этом Джоктар постоянно помнил, что у бластера и

у силового тесака запас энергии ограничен, он сэкономил снаряды, как только мог.

Ослепленный вспышками собственных выстрелов, он не сразу понял, что выбрался на открытое место. Туч на небе не стало, но оно сделалось свинцово-серым. Надвигались сумерки. В этом безрадостном свете утесы, окаймлявшие долину, казались особенно мрачными. Следовало подумать об убежище для ночлега.

Он двинулся по заснеженной равнине. Нависшая над нею тишина была не менее зловещей, чем неистовый грохот бури. В этой исполинской ледяной чаше, где тут и там курились смертоносные дымки, он был единственным живым существом. Его грудь снова стиснуло мучительное сознание одиночества. На много миль вокруг не было ни птиц, ни зверя — ничего, что могло двигаться, смотреть, чувствовать.

Отчаяние, сковавшее его, было настолько сильным, что пришла мысль вернуться туда, на трассу, к месту аварии. В плену этого искушения он даже остановился и оглянулся назад, на цепочку собственных следов. И тут тишину нарушил грозный рокот; многократно усиленный горным эхом.

Над ущельем, где он только что прошел, встало белое облако. Лавина! Он стоял и смотрел, как между ним и джампером стремительно вырастает ледяная стена.

Подавленный, Джоктар бесцельно продолжал шагать по долине. Впереди голубела заросшая кустарником узкая низина, но его не привлекало новое сражение с неподатливыми сучьями. И он повернул к черневшему слева утесу. Каждый шаг давался с трудом: налипший на унты и тулуп снег тянул к земле, к тому же разболелась голова.

Еще один мощный удар лавины сотряс горы. Толщи снега навсегда похоронили маленький джампер...

Вдруг совсем рядом он увидел то, что давно искал: укрытие. Под огромным камнем темнел вход в пещеру, и, сжав в руке бластер, он бросился к спасительной щели. В этот миг что-то стремительное и беззвучное прыгнуло ему навстречу. Он не погиб только потому, что оружие было наготове. Вспышка бластера — и он упал под тяжестью свалившегося на него громадного зверя. Хищник был уже мертв, но огромные когти продолжали конвульсивно впиваться в мех тулупа. Джоктар лежал, придавленный тушей, вдыхал запах паленой шерсти и не мог поверить, что остался невредим.

Когда силы вернулись, он выбрался из-под неподвижного тела и стал рассматривать поверженного хозяина пещеры. Тот был страшен. Два ряда острых зубов белели в оскаленной пасти. Четыре широкие лапы с огромными когтями позволяли животному и лазать по

скалам, и передвигаться, не проваливаясь, по глубокому снегу. А шерсть — густая, голубоватая — как нельзя лучше маскировала зверя в этой белой пустыне. Но самыми поразительными были глаза. Они состояли из десятков отдельных линз, причем каждую окаймляли густые ресницы. Одни были широко распахнуты, другие — сомкнуты.

Видимо, таким образом хищник мог регулировать остроту и угол зрения. Плотно прижатые к крупной голове небольшие уши едва выступали из густого серебристого меха. Зверь одновременно напоминал и медведя и исполинскую кошку. Так или иначе, для всего живого это была смерть, молниеносная и беспощадная.

Джоктар разогнулся, одернул искромсанный на спине и плечах шубу. Рана на туше еще дымилась, источая острый запах. Осторожно подойдя ко входу в пещеру, юноша пригнулся и, переведя бластер на режим непрерывного излучения, направил его в темнеющий провал. Внутри полыхнуло, запахло горелой плотью. Он забрался внутрь и выволок оттуда бесформенный ком.

Надо было обживать отвоеванное убежище. Силовым тесаком он нарубил охапку сучьев и разжег в пещере костер. Затем выбрался наружу и пошел к туше. Запах уже не вызывал отвращения. Вкус высококалорийных концентратов, найденных в джампере, успел уже приесться — ему хотелось свежего мяса. Сняв с пояса тесак, Джоктар неумело вырубил кусок, показавшийся наиболее мягким, отнес в пещеру, разрезал на части и нацепил мясо на сук. Затем он водрузил импровизированный вертел над костром.

Жаркое местами обуглилось и по вкусу явно уступало тому, что ему доводилось есть в ресторанах Сан-Спота. Тем не менее он с волчьей жадностью рвал зубами кусок за куском, пока не прикончил все. Тут же он зажарил еще одну порцию, которую убрал в мешок. С его пальцев и губ стекал теплый жир. Он хорошенько умылся снегом и присел у огня.

Он жив и невредим. Он сумел справиться со множеством нешуточных опасностей. У него есть оружие, хотя питание в бластере кончалось и скоро он станет бесполезен. В мешке лежали припасы с джампера. И еще там лежала карта.

Он достал ее и стал изучать в мерцающем свете костра. Толстая линия, огибающая заштрихованные участки неправильной формы, была, скорее всего, дорогой от порта к шахтам, выходящей среди гор. А эти пунктиры — должно быть, пути к складам. В конце одного из них — красный крестик. Не тут ли он разгружал джампер? Поодаль стоял другой крест, он мог обозначать второй пункт, до которого они так и не доехали. Где-то здесь, между двумя красными значками, лежит

теперь под снегом джампер. Хотя такое толкование карты казалось правдоподобным, полной уверенности все же не было.

Зато он с горечью убедился, что нигде, кроме порта и шахт, не было убежища для человека. Идти туда — значит предать свою свободу. Но нельзя же вечно жить в этой пустыне одному, без людей...

Куда идти? На запад, по основной трассе? Но там полно патрулей, его быстро обнаружат и схватят. Ловушки расставлены беглецу и в порту, и на шахтах, и на придорожных станциях. Оставались поселения разведчиков. Он так ничего и не разузнал о них. Сколько людей в жилом куполе? Часто ли им привозят снаряжение и припасы? Есть ли в куполе связь с конторой компании? Наконец, сумеет ли он найти хоть один из них в необъятной пустыне?

Греясь возле костра, Джоктар почувствовал растущую в груди уверенность: он выжил, он сыт, он не раз уже вышел победителем в схватке со смертельной опасностью. Он не намерен сдаваться!

Ночь прошла тревожно: запах убитого зверя привлекал многочисленную живность. Тишину то и дело оглашали рычание, визг, рев сцепившихся возле пещеры хищников, глаза разъяренных зверей сверкали из тьмы. Они, бесспорно, ждали, когда потухнет костер. Джоктару пришлось сесть с бластером на изготовку и до утра подкармливать огонь мертвыми сучьями.

Но с рассветом все утихло, даже ветер не ерошил своим ледяным дыханием гривы снежных дюн. Вокруг пещеры темнело множество больших и маленьких следов, валялись окровавленные клочья рыжей, бурой и голубой шерсти. От туши зверя остались жалкие обрывки шкуры да гигантский объединенный череп...

Джоктар покачал головой и взвалил на плечи мешок. Куда идти? Он считал, что джампер погребен на севере и направился в ту сторону. Снова впереди за клубился ядовитый дым. Чтобы обойти смерть, пришлось карабкаться по заледенелым дюнам. И когда наст не выдерживал, юноша по горло проваливался в рыхлый снег.

Он медленно пробирался по бескрайней белой пустыне. Ни одна птица не показалась в холодном небе, ни одно животное не промелькнуло поблизости. Ночные хищники укрылись в своих норах. Никого...

Стараясь не поддаваться гнетущему чувству одиночества, Джоктар ускорил шаг, стремясь к чернеющим вдали утесам. Там, за ними, должна лежать дорога, по которой давным-давно, целую вечность тому назад он ехал в тряской машине.

Снова навалилось отчаяние. Он остановился, пытаясь перебороть себя. Потерять присутствие духа — значит сыграть на руку тем, кто ждет его в шахте и на дорогах, чтобы схватить и вернуть в рабство.

Для него одиночество оказалось страшнее всех ужасов этой планеты, которыми их запугивали, чтобы лишить надежды на побег.

День шел на убыль, когда Джоктар достиг утесов. Облюбовав камень поудобнее, он сел и стал есть. Сжевав запасенное в пещере мясо, он разгрыз таблетку концентрата. От усталости и обильной пищи клонило ко сну. Но прилив решимости вернул ему силы, он двинулся дальше.

Вскоре он выбрался на дочиства вылизанное ветром каменистое плато. Джоктар устремился к другому его краю, откуда, по его расчетам, должен открываться вид на лежащую в межгорьях долину.

Она раскинулась внизу, отгороженная от мира высокими скалами. И потому что ветер сюда не проникал, каждая неровность на белоснежной глади выделялась графически четко. И тут Джоктар разглядел след. Он тянулся, то пропадая, то проступая вновь, среди деревьев в небольшой рощице.

Как магнитом потянуло его к этим следам. Он бежал, не разбирая пути, падал, полз, снова бежал, покуда не смог ощутить руками две глубокие борозды — следы какой-то машины. Но рядом, рядом! Тянувшиеся вдоль борозды вмятины могли быть только отпечатками человеческих ног... У него сжалось горло. Он глубоко вдохнул морозный воздух и двинулся по этим следам. Сперва они петляли между деревьями, потом вывели его из рощи и повернули на север, где высились горы.

Белесое солнце уже опустилось совсем низко, наступал вечер. Джоктар почти бежал вдоль следа, пока не очутился в какой-то низине. Силы постепенно оставляли его: все тело болело, легкие со свистом заглатывали воздух, сердце бешено колотилось, глаза резало от искрящегося снега. Едва держась на ногах, он добрал до какого-то камня и прислонился к нему, широко открыв застланные пеленой глаза. Он не знал, когда появился здесь этот след. Может быть, сразу после бури, а она утихла почти сутки назад. В таком состоянии ему ни за что не догнать того, кто прошел по этим местам...

Пещер поблизости не оказалось, юноша укрылся в заросшей кустарником расщелине и немного поел. Он обязательно должен выспаться этой ночью. И свернувшись клубком, как во время бури, Джоктар уснул, не обращая внимания на тишину и стужу.

Его потревожил непонятный звук, прорезавший тишину спящих гор. Он с трудом разлепил непослушные ресницы и прислушался. Снова лавина? Не похоже. Что же нарушило его предрассветную дрему? Рычание зверя? Крик человека?

Он взялся за мешок. Еды почти не осталось, вечером он прикончил последнюю порцию мясного концентрата. Теперь вся надежда на след. Он приведет его туда, где есть пища и убежище.

Джоктар выбрался из кустарника и снова двинулся по следу. И тут, словно обухом по голове, ударила мысль: в том ли направлении он идет? А если этот человек шел в противоположную сторону? Постояв несколько минут в нерешительности, юноша упрямо тряхнул головой и продолжил прежний путь. Без припасов ему не выдержать обратной дороги: только вперед — и да будет с ним удача!

Фортуна не оставила его, он уверился в этом, наткнувшись на следы чьей-то стоянки. Незнакомец устроил привал довольно комфортабельно: под защитой каменной насыпи чернело пепелище костра. Скинув рукавицы, Джоктар погрузил руку в золу: еще теплая! Страх больше не было: он идет верно, его бластер пока действует. Остается только догнать того, кто прокладывает перед ним ровный след.

Теперь, когда нужда в спешке отпала, юноша решил экономить силы. Но тянулся час за часом, а впереди не было видно ничего, кроме все тех же следов. Затем ему повстречалась дневная стоянка незнакомца. Терранец сделал короткий привал тут же, у еще тлевшего кострища. По всем признакам их разделяли два-три часа пути. Преодолеет ли он этот разрыв к ночи?

Густые сумерки уже спустились на равнину, когда узкое, как нож, ущелье огласил грозный рык:

— Ар-р-р-х...

Это никак не походило на человеческий голос. Вспомнив таившуюся в пещере белую пушистую смерть, Джоктар замер и потянулся к оружию.

Но вместо рева изготовившегося к атаке хищника он услышал характерный треск бластера. Камень в нескольких футах от него задымился и почернел от удара пущенной человеком молнии.

Не раздумывая, юноша метнулся в сторону, упал и перекатился за груды камней. Это было весьма призрачной защитой против бластера.

— Эй, выходи!

Приказ был произнесен на языке Терры, смысл его был ясен. Но Джоктар, вместо того, чтобы повиноваться, еще плотнее вжался в мертвую почву.

ГЛАВА 5

— Я сказал, выходи, эй, снупер!

Окрик гулким эхом отразился от стен ущелья. Тут же последовал выстрел, камни задымилились вокруг места, где залег Джоктар.

Он уже оправился от неожиданности и пытался разобраться в ситуации. Похоже, здесь была устроена засада: человек был готов к нежелательной встрече и ждал ее. Разве стал бы действовать столь скрытно служащий компании, имевший все права и полную свободу передвижения в этих краях? Вспомнилось обилие оружия у патрулей, опасливая настороженность погибшего охранника. Кого, кроме редких зверей, могли так бояться люди компании? Почему-то всплыл образ охотника, пытавшегося купить его на аукционе...

Размышления прервал новый выстрел. Заряд угодил совсем рядом, кажется, Джоктару даже опалило ресницы. Ему ничего не оставалось, как подчиниться.

Подняв руки, он вышел из-за своего укрытия. Никакого движения впереди, где прячется стрелок — неизвестно.

— Ну, я вышел. Что тебе нужно?

— Ничего, снупер. Я не хочу иметь никаких дел с такими, как ты, прихлебателями компании, — ответил голос из-за камней.

Джоктар сообразил, что на его одежде нашиты эмблемы горнорудной корпорации.

— Я не из компании, — сбивчиво заговорил он, — эту одежду я снял с...

Но тот же голос оборвал его:

— Ты, кажется, дожدهшься, что я сожгу тебя. А ну, положи свой бластер туда, на тот красный камень и возвращайся, откуда пришел. Живее, черт побери! — Возле правой ноги юноши расцвела ослепительная вспышка, зашипел снег.

Руками, непослушными скорее от гнева, чем от страха, Джоктар отстегнул с пояса бластер и отнес его к камню. Затем он угрюмо побрел назад, прикусив губу от ярости.

Его вынудили лишиться оружия, которое в этом мире помогало удерживаться на грани, разделявшей жизнь и смерть.

Судя по всему, незнакомец не следил за ним. Подавленный юноша вернулся к месту своего короткого дневного привала. Силы окончательно иссякли, идти он больше не мог, тем более, что надвигалась ночь. Он вымотался настолько, что уже не думал о человеке с бластером, который мог подстергивать его за каждым камнем. Натаскав сучьев, он развел костер, чтобы отогреть измученное тело. Только

взглянув случайно на побелевший рукав тулупа, он понял, что снова идет снег. Установившееся после бури недолгое затишье кончалось, до слуха донесся вой ветра в горах.

Соорудив из горящих веток факел, Джоктар стал осматривать отвесные утесы в поисках укрытия. Его внимание привлекла едва заметная трещина, настолько узкая, что в нее едва проходили пальцы. Чуть повыше виднелась новая трещина, за ней еще одна... Они были удивительно прямыми, такого не могла сделать природа! Здесь потрудились люди, и потрудились не на шутку, прорубая в камне глубокие борозды. Зачем? Это, скорее всего, была своеобразная лестница. Да, да, лестница — ведь в щели можно вставлять колья, а по ним взбираться все выше и выше! А если колья потом убрать, стена снова станет неприступной для любого, кто не владеет ее секретом.

Лицо беглого эмигранта искривила ухмылка, которую при всем желании нельзя было счесть довольной улыбкой. Его сумели обезоружить, но он нашел лестницу, которая наверняка ведет к тайной тропе там, наверху. Воспользовавшись ею, он избежит засады в злополучном ущелье. Джоктар вновь недобро усмехнулся. Еще поглядим, чья возьмет!

Завтрашний день решит все. А сейчас — спать. Забившись между высоких камней, он уснул. Все сильнее завывал ветер, запорашивая снегом следы, в которых была вся его надежда...

Утро началось с поиска сучьев, способных выдержать его вес. Набрав несколько штук, он начал подъем, последовательно вынимая нижние опоры и перенося их все выше. Оказалось, что желобки тянутся не до самого верха. Они привели к узкой полке, заметить которую снизу было невозможно. По этому выступу, врезанному в тело утеса, можно было передвигаться только на четвереньках, придерживая цеплявшийся за неровный свод мешок. Впрочем, Джоктар не забыл вытащить все колышки из щелей в отвесной стене. От дувшего навстречу ветра глаза его слезились, губы растрескались. Прицепленный на место бластера силовой тесак то и дело стучался о камни. Присматриваясь к углубленному в скалу карнизу, Джоктар увидел следы древних орудий. Эту первобытную дорогу прорубили аборигены Фенриса в незапамятные времена. Их, похоже, не смущало, что передвигаться здесь можно только почти ползком. Но каково было юноше преодолевать таким образом этот нескончаемый путь!

— Выходит, я вернулся к образу жизни далеких предков, — пробормотал Джоктар, стараясь не думать о сбитых об острые камни коленях и окровавленных ладонях. Он получал сейчас наглядный урок древней истории...

Вот уже триста лет терранцы занимались исследованием Галактики. На нескольких планетах были найдены следы цивилизаций, угасших задолго до того, как на Terre возникла жизнь. Были также обнаружены четыре разумные расы, две из них — гуманоидные. Но посещение этих миров было под запретом, так как открытые цивилизации еще не были готовы к выходу в космос.

Некоторые ученые настаивали на гипотезе, что некогда существовала могущественная раса, подчинившая себе всю Галактику. Многие необычные явления и предметы, обнаруженные на разных планетах, объявлялись следами этой сверхцивилизации. В большинстве же своем научный мир склонялся к версии, что наш звездный мир состарился и теперь лишь кое-где теплится разумная жизнь, когда-то буквально кишевшая чуть ли не вокруг каждого светила. Теперь населенные когда-то планеты стали голыми и безжизненными, а разумная жизнь для нашей Вселенной — скорее исключение, чем правило...

Джоктару вспомнились слышанные от космопроходцев рассказы о загадках иных миров, фильмы, где показывали удивительные здания, на стенах которых были изображены не менее удивительные существа, даже отдаленно не походившие на людей.

Не исключено, что и эту тропу сделали такие же странные существа. Она вовсе не предназначалась для передвижения двуногих гуманоидов. Размышляя обо всем этом, юноша упорно продвигался вперед, то и дело стучаясь головой о нависавший над ним каменный козырек. В какой-то момент удары прекратились: потолок явно повышался. Скоро Джоктар смог встать во весь рост. Он устремился вперед, изредка поглядывая на лежащую внизу долину.

Вот он, красный камень, возле которого ему устроили засаду. Джоктар лег, опасаясь снова быть замеченным. Узкая долина впереди расширялась; там в лучах солнца блестело скованное льдом озеро, окруженное зарослями кустов и деревьев.

Неподалеку от него возвышался курган, наверняка воздвигнутый когда-то руками разумных существ. Это было поистине грандиозное сооружение: склоны сплошь выложены каменными плитами высотой в человеческий рост. Они были довольно грубо обтесаны, но пригнаны друг к другу удивительно точно. Пологость кургана перерастала наверху в высокую отвесную стену. Это была настоящая крепость, способная защитить от любой опасности. Нижние плиты наполовину погрузились в землю, значит, каменная цитадель стоит здесь много веков. Но и сейчас она обитаема!

Над курганом вился дымок. Джоктар вспомнил ядовитый источник. Нет, на сей раз здесь, несомненно, человеческое жилье. Сверху были видны хижины, разбросанные внутри крепостной стены;

вокруг жилищ сновали человеческие фигурки. Отсюда не было возможности рассмотреть этих людей. Но и этоо расстояния было ясно, что хижины не похожи на жилые купола горных рабочих. Это было государство в государстве, крепость во вражеском стане. Этим людям повезло, что на Фенрисе не используются самолеты и коптеры. Иначе с этим оплотом несогласных было бы быстро покончено с помощью нервно-паралитического газа или включенного над крепостью вибратора. Но авиации не было, и здесь можно было жить, не завися от боссов горных предприятий. С ними, как догадался Джоктар, обитатели крепости постоянно враждовали.

Где-то здесь наверняка живет и тот, кто подстерег возле красного камня Джоктара. Ему же было необходимо вернуть свой бластер и заодно выяснить, от кого скрываются эти люди.

Вечерело. Призывно мерцали в лагере огоньки костров. Это не только тепло и пища, это людское общество. Однако Джоктар понимал, что идти в крепость рискованно. Вряд ли его там ждет радушный прием, а в худшем случае чужака просто-напросто убьют. Он пошел по тропе дальше по склону утеса, мимо крепости. Через некоторое время тропа повернула вниз, в долину.

Но очень скоро пришлось остановиться: впереди была бездна. Джоктар лег ничком и начал шарить руками по отвесной скале. Так и есть, щель! Хорошо, что колышки он уложил в свой мешок. Спуск был легче, чем подъем, и занял меньше времени. Добравшись до подножия утеса, он оказался в небольшой пещере.

Утомленное и израненное тело требовало отдыха. Разжигать костер, находясь довольно близко от крепости, юноша не рискнул. Спал он беспокойно: мучили кошмары. Снова и снова лез он по отвесному утесу, а вокруг вонзались в камень вспышки бластера.

Его разбудили гулкие удары собственного сердца. Голова раскалывалась от боли, пережитое во сне волнение теснило грудь. Чтобы стряхнуть наваждение, он выполз из пещеры. Стояла глубокая ночь, фенрианская луна сияла на черном небосклоне, заливая призрачным светом одетую в снежные покровы планету.

Терранец внимательно осматривался, пытаясь найти способ скрытно подобраться к кургану. Но ничего не приходило в голову; в любом случае его выдадут собственные следы на рыхлом снегу долины. Вдруг послышался какой-то звук. Джоктар весь подобрался: это хрустел снег под ногами. А вот и негромкие голоса. Сюда идут люди!

Он осторожно выглянул из-за камней. На фоне рощицы чернел силуэт вышедшего из нее человека. Он обернулся и призывно махнул кому-то. Джоктар присмотрелся: у этого парня был ворп! Из тени

деревьев появился еще человек — снова ворп! В сравнении с этим, самым страшным из всего арсенала Терры оружием, бластер просто игрушка. Применять ворп могли только патрули, да и то в самых исключительных ситуациях. На каждый ворп выдавалось властями специальное разрешение, за каждый выстрел владелец отчитывался.

Вслед за вооруженными таким образом мужчинами появились еще двое. У них, как и у товарищей, на ногах были широкие пластины, позволяющие ходить по глубокому снегу. Последний из четверых тащил за собой низкую тележку с полозьями, оставлявшими на снегу такую знакомую Джоктару двойную борозду!

Они подошли ближе, до пещеры донеслись обрывки разговоров.

— ...хорошо придумано...

— Они надолго зарекутся устраивать свои склады на западе, если мы ограбим хоть парочку. Охранники и нос высунуть побоятся.

— Верно! — со смехом проговорил кто-то. — Руз нас прикроет в случае погони. Он здорово сообразил надевать на ноги лапы зазаара. Увидев такие следы, эти трусливые шакалы забьются обратно под свой купол. Они и так боятся отходить далеко от своей дороги.

— А где парень, которого Меррик встретил сегодня в долине? — озабоченно спросил другой голос.

— Меррик его сегодня поймает. Он решил сначала дать снуперу вдоволь побегать и хорошенько устать. Так что скоро чужак будет у нас. Послушаем его басни, прежде чем поступить как обычно.

— Не понимаю, как он прошел почти до лагеря и мы его не заметили?

— Меррик говорил, что он весь в лохмотьях. Похоже, их джампер накрыла буря. Если это и случилось, то вечером, и в темноте он просто заблудился и потерял дорогу. Ну, хватит гадать, скоро он сам все расскажет.

— Верно, не будем забывать о своем деле.

— То-то и оно, нам ведь нужно успеть до рассвета.

Джоктар задумчиво проводил взглядом небольшой отряд, который вскоре потерялся среди деревьев. После недолгих колебаний юноша избрал ход, достойный игрока — он двинулся следом!

Через некоторое время он сидел высоко на перевале, спрятавшись в расщелине. Где-то внизу затаились те четверо, их белая меховая одежда была неразличима на снегу. Неподалеку виднелся небольшой жилой купол. У входа качалась на ветру лампа, отбрасывая блики света на колею джампера, огибавшую полукругом купол.

Джоктар в ожидании дальнейших событий думал о расположившейся внизу четверке и их товарищах в лагере. Ясно, что горные компании — отнюдь не полновластные хозяева планеты. Есть

люди, по их меркам — преступники, бросившие вызов промышленникам. Единственная ли это организация, или в других местах есть еще враги компаний — этого юноша не знал. Но он точно знал, что эти люди — терранцы. Как они оказались здесь: на Э-корабле или как-то иначе? На многие свои вопросы Джоктар пока не имел ответа.

Еще в Сан-Споте ему доводилось слышать о восстаниях на дальних планетах. Властям противопоставляли себя организации, объединявшие весьма разношерстную публику. Одни оставляли цивилизованный мир ради погони за приключениями. Упорядоченный уклад терранского общества был не по душе разного рода авантюристам и преступникам, тихая комфортная жизнь была скучна и для отставных звездолетчиков. Они-то и бежали на другие планеты, где сколачивалась колония (или банда — кто как считал)*свободных от законов людей. И горы Фенриса, несмотря на ужасный климат планеты, для подобной колонии были просто идеальным убежищем.

Мысли прервал скрип полозьев: четверка подвезла свою тележку к самому перевалу. Один направился прямо к укрытию Джоктара. Но не доходя нескольких шагов, он остановился и стал раздеваться. Сбросив на снег свою шубу белым мехом наружу, он надел поверх термокостюма теплое пальто, украшенное эмблемами компании. Затем нахлобучил на голову капюшон, а нижнюю часть лица скрыл под толстым шарфом.

Переодетый таким образом, человек вышел к следу джампера и преобразился: он шел шатаясь, то и дело падая на снег. Затем с трудом поднимался, брел вперед и снова падал... Как ни критически оценивал Джоктар актерский талант незнакомца, он не мог не признать, что уловка весьма удачна: наверняка обитатели купола бросятся на помощь служащему компании, потерпевшему аварию в пути. Тем временем оба ворпмена спрятались по обе стороны от входа в купол. Их товарищ продолжал представление. Вот он вполне натурально упал и надолго замер, уткнувшись лицом в снег. Затем стал делать отчаянные, но безуспешные попытки подняться. Джоктар с одобрением отметил, что сцена исполнена блестяще — похоже, эти трюки проделываются не впервые.

Наконец, в спектакль включились новые персонажи. Двое в термокостюмах выбежали из купола. Тут же один из налетчиков юркнул в открытую дверь и запер ее за собой. Как только первый из тех, кто вышел на помощь, приблизился к лежащему, тот сделал неуволимое движение (Джоктар владел этим приемом), и его спаситель оказался в снегу. Второй ошеломленно застыл на месте.

В окошке купола трижды мигнул огонь. Увидев сигнал, вперед выступили двое с ворпами в руках, направив черные дула на хозяев купола.

— Ни с места, иначе смерть!

Только безумец будет спорить с ворпом. Увидев страшное оружие, люди компании замерли. Лежавший на дороге налетчик поднялся и стал отряхиваться. А тот, кого он так ловко уложил в снег, нервно воскликнул:

— Лесные звери!

Налетчик усмехнулся:

— Хочешь, чтобы я разорвал тебе пасть, дабы научить вежливости? Мы не звери, а свободный народ Фенриса, понял? — Он улыбался, но голос таил угрозу.

— Свободные люди в форме компании... — проворчал другой, дрожа от холода в термोकостюме.

— Почему бы и нет? — весело отпарировал «артист», шегольским жестом поправляя пальто. — Отличная одежда. Передайте мою похвалу Наоласу, он может гордиться... Теплая одежда да необходимые припасы нужны не только людям компании, но и нам. За этим мы и явились. Шевелитесь, ребята, ведите нас в купол. Поглядим, чем вы богаты.

Налетчики вместе с жертвами скрылись за дверью. Джоктар вскочил: он должен уснуть к повозке. Оружия там, конечно, нет. Но он видел какие-то мешки и надеялся пополнить оскудевшие запасы пищи. Но ограбить грабителей он не успел. Из купола кто-то вышел, и юноша мгновенно спрятался за куст.

Сквозь ветки он видел, как налетчик убрал оружие в кобуру, ему некого было здесь бояться. Джоктар было напрягся, но, измерив глазами расстояние, сник: пока он будет ломиться через кустарник, его без труда уничтожат. Юноша схватил свое единственное оружие, силовой тесак, и нажал кнопку на рукоятке, проверяя энергию.

Человек быстро подошел к повозке, взялся за шнур и, оторвав успевшие примерзнуть полозья, потянул к куполу. Разочарованный Джоктар не двинулся — умением терпеть и ждать он овладел в совершенстве.

Налетчик скрылся в куполе, но от повозки юношу отделяло теперь гораздо большее расстояние. Вдруг он услышал отдаленный гул и уловил сотрясение почвы. Сюда ехала какая-то машина, скорее всего, джампер.

Его экипаж вооружен, налетчики вот-вот окажутся в капкане...

Джоктар раздумывал: если встретить сейчас джампер и предупредить его команду, налетчики наверняка будут побеждены. Но сможет ли он рассчитывать на благодарность победителей?

Он не знал, чью сторону принять. Одни могли отправить его в рабство на шахту, другие уже отняли у него бластер и, судя по

подслушанному разговору, не намерены быть к нему благосклонными. Так и так его участь будет плачевна. Не лучше ли выждать и понаблюдать за развитием событий? Ведь может случиться, что они перебьют друг друга и в наилучшем положении окажется он, призвавший в союзники здравый смысл.

Мозг все еще взвешивал каждый из вариантов, а Джоктар уже действовал. Он прекрасно понимал, что его поступки не имеют ничего общего со здравым смыслом...

ГЛАВА 6

Его руки зачерпнули снег, пальцы сжали белые крупницы в плотный комок. Джоктар, не знавший игр с детства, невольно слепил снежок — оружие тысяч поколений терранских ребятишек. Перебросив холодный ком с ладони на ладонь, юноша швырнул его с меткостью, приобретенной благодаря упражнениям в метании силового стилета. Снежок со стуком расплющился о стену купола. Этот звук произвел не меньший эффект, чем залп бластера. Один из налетчиков выскочил с ворпом в руках и залег за тележкой.

Услышав явственный теперь шум мотора, он пронзительно свистнул. Второй ворпмен метнулся наружу, бегом пересек поляну перед куполом и взял оружие наизготовку. Они не собирались бежать, к немалому удивлению Джоктара, грабители были полны решимости драться.

Третий выскочил и спрятался за деревом. Купол словно поджидал гостей. В гостеприимно распахнутых дверях стоял человек в пальто с эмблемами компании.

Джампер затормозил. Из кабины выскочил охранник и направился было к куполу, но приостановился. Его, по-видимому, смутила необычная тележка. Рука потянулась к бластеру, но в тот же миг его сразил меткий выстрел из засады. Оглушительно шарахнул ворп. Гирлянда молний проглотила джампер у самого днища, металл потек, словно воск. Из кабины высунилось дуло бластера, но снова прорычал ворп — и кабины не стало.

Джоктар восхитился профессионализмом нападающих. Всего несколько минут назад он запустил снежок в купол, а теперь джампер был покалечен, экипаж частью уничтожен, частью пленен и препровожден в купол. Победители залезли в развороченный кузов, бегом осмотрели груз и перенесли на тележку два больших ящика.

Джоктар внимательно наблюдал за человеком в одежде компании. Тот остановился у купола и долго рассматривал отпечаток снежка на стене. Затем повернулся, как бы пытаясь определить возможную траекторию. Казалось, он смотрел прямо на Джоктара! Юноша всем телом вжался в снег. Но человек уже присоединился к своим товарищам, стал вместе с ними выносить из купола тюки и грузить их на тележку.

К полудню работа была закончена. Одетых в шубы пленников вывели и привязали к обгоревшему джамперу. Затем захватчики направили оружие на купол и через несколько минут он был разрезан на бесформенные куски. Компания могла теперь вычеркнуть из описи имущества машину и склад...

— Слушайте свой приговор, — один из налетчиков обратился к пленникам. — Мы могли бы вас сжечь, как поступили бы вы, случись поменяться ролями. Но вам дается шанс. Мы уходим. Если сумеете освободиться, доберетесь до следующего склада, он цел пока еще. Кто из вас выживет, пусть передаст Ансону Бургу, что скоро в этих горах не останется ни одного его купола!

Не вслушиваясь в неразборчивые стенания и проклятия связанных, двое впряглись в тележку, ворпмены встали по бокам. Отряд тронулся, и его путь лежал точнехонько туда, где затаился Джоктар.

Он попытался встать, но тело не слушалось: от долгого лежания в снегу оно одеревенело. Пытаясь скрыться, он пополз глубже в кусты, и тут же рывкнул ворп.

Беглеца спасло то, что пальто сидело на нем свободно. Заряд попал в рукав, лишь слегка зацепив плечо. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Джоктар, мыча от жгучей боли, покатился по снегу. Услышав совсем рядом крики и треск сучьев, понял: бежать поздно, его заметили. Вся левая сторона тела онемела, рука висела плетью. Но правой он потянулся к тесаку. Затуманенными от боли глазами увидел, как кто-то раздвигает ветки кустов. Оскалившись позвериному, попытался поднять тесак.

— Вот он!

Благодаря новому усилию, силовое оружие поднялось еще на дюйм, но вдруг вылетело из его руки, выбитое метким выстрелом. Джоктар почувствовал, что сейчас потеряет сознание от новой волны нечеловеческой боли. Он привалился здоровым плечом к скале. Зачерпнув рукой снег, приложил его ко лбу в надежде, что холодное прикосновение поможет победить парализующую слабость.

— Никак еще один? — в лицо юноше смотрел черный глаз ворпа. — Волоки его сюда, поглядим, что это за птица.

Он крепко сжал зубы, чтобы не крикнуть от боли, когда его схватили. И еще он изо всех сил старался не упасть, остаться на ногах.

Человек в одежде компании пристально посмотрел на Джоктара и покачал головой:

— Он не из этих. Погляди на следы: парень шел за нами.

— Зачем?

— Это он пусть скажет сам. Берем его с собой.

— Но как же...

Налетчик, в чужом пальто вероятно, старший отряда спросил, глядя на юношу:

— Это ты подал нам сигнал снежком?

— Я, — вымолвил Джоктар и упал на колени: ноги больше не держали его. Еще немного — и он свалился бы в пропасть, но его подхватили чьи-то сильные руки. Снова тело пронзила боль, которую он уже не смог вынести. Больше он ничего не помнил...

Он понял, что движется куда-то. Скрипели полозья. Он открыл глаза и увидел, что лежит в повозке на каких-то не слишком мягких тюках. Резкой болью отзывались в теле рывки и сотрясения.

— Ну что, проснулся? — кто-то наклонился над ним. Повернув голову, он встел взгляд того, в пальто с эмблемами.

— Я не с шахты, — едва шевеля губами, пробормотал Джоктар. Он заставил себя выговорить эти, казавшиеся крайне важными, слова.

— Тогда ты нарядился не в ту одежду.

— Так же, как и ты, — Джоктар попытался иронически усмехнуться, но лишь болезненная гримаса тронула его губы.

— Однако... — не ожидавший такой реплики, человек даже споткнулся. Но тут же продолжил расспросы:

— Ты из людей Скена? Или Кортоски? Тогда это не ваша территория.

— Я эмигрант, — голос юноши постепенно окреп. — Был грузчиком в джампере и вот сбежал...

— А где же джампер? — в вопросе явно сквозило недоверие.

— Попал в лавину. Водитель и охранник погибли, а я сумел выбраться из кузова. На мне шуба охранника.

— Ну и история! Интересно, с каких пор эмигрантами становятся дети? — Он отбросил капюшон с лица Джоктара и посмотрел ему прямо в глаза, сердито и недоверчиво.

— Мне больше лет, чем кажется. Да и когда Э-служба особенно разбиралась с теми, кто попадется в ее сети? Впрочем, и здесь то же самое — ведь Ярд-Неллис купила меня без всяких колебаний.

— Трудно верится во все это. Но если ты сказал правду, то ты молодец, что сумел выбраться из серьезной передрыги. С какой планеты тебя, говоришь, привезли?

Джоктар прикрыл глаза. Разговор отнимал больше сил, чем у него было. Затем тихо сказал:

— С Терры. Еще мы зовем свой мир Терраном... — Произнося это, он не открывал глаз и потому не увидел, какое неподдельное удивление вызвал его ответ...

Вероятно, он какое-то время снова находился в забытии. Когда стало возвращаться сознание, первым его ощущением было приятное тепло. Не беспокоила и болезненная тряска — значит, его уже не везут, и он в помещении. Открыв глаза, он сразу же зажмурился от яркого света атомной лампы. Его устроили возле стены, обросшей мхом. Крыша в хижине была низкая, ее сплели из каких-то гибких прутьев. Джоктар шевельнулся на своем ложе и хотел потянуться, но почувствовал, что не может двинуть левой рукой, хотя боли не было.

Чья-то рука поправила на его забинтованной груди меховое пальто. Он посмотрел. Лицо, свободное теперь от капюшона и маски, густо покрывал знакомый терранцу вечный космический загар. Как оказался здесь звездолетчик?

— Мне сказали, что ты с Террана, — незнакомец говорил отрывисто и властно. — Какой порт? Мелвамбе? Варрамура? Н-Йок?

— Точно, Н-Йок.

— Джет-Таун?

Услышав вопрос, Джоктар понял, что этот человек знаком с улицей. Может быть, ему известна и тайная жизнь «верхнего» города? Он осторожно ответил:

— Я был дилером у Керна.

Видел ли он когда-нибудь это лицо в переулках Джет-Тауна или в игорном зале? Пожалуй, нет. Тем более его удивила уверенная реплика незнакомца:

— Керн... Сан-Спот?

Ничего не скажешь, этот человек неплохо знал и «верхний» город. Допрос между тем продолжался.

— «Трехмерное пространство»? «Звезда—Комета»? «Один-два»?

— «Звезда—Комета».

Незнакомец глянул с сомнением:

— Ты слишком молод для такого стола.

Всю боль и отчаяние последних дней вложил Джоктар в резкую отповедь:

— Слушай меня, летчик. Я проработал за этим столом пять лет. Если ты знаком с Керном, то должен знать, что какой-нибудь недотепа не продержался бы у него и одного месяца.

Летчик вдруг расхохотался:

— Поделом мне: нельзя задевать профессиональную честь. Да, я знаю Керна и вынужден поверить, что ты специалист высокого класса. А что до твоего возраста... — он потербил подбородок и смерил юношу оценивающим взглядом, — что ж, в бизнесе для всех находится место. Как твое имя, дилер?

— Джоктар.

Брови звездолетчика поползли вверх: — Просто Джоктар? Ну и имечко... Где ты только его получил?

— А где ты получил свое?

Летчик раскатистым смехом показал, что оценил ответ, и вдруг произнес: — Гафл сендзи корг а клайвун...

Эти звуки ничего не говорили Джоктару, но в мозгу что-то отозвалось. Может, как раз в той, заблокированной зоне его сознания? Там, где похоронена память о детстве? Превозмогая слабость, он приподнялся на локте:

— Что ты сейчас сказал?

Летчик нахмурился, взгляд его стал ледяным.

— Если ты не понял, мои слова не имеют для тебя значения. Выходит, ты здесь из-за обыкновенной Э-облавы?

Кивнув, юноша снова опустился на постель. Он был заинтригован, и то, что собеседник увел разговор в сторону, его разочаровало. Но летчик, словно не замечая обиженного вида Джоктара, настойчиво расспрашивал его до тех пор, пока не узнал всю жизнь юноши, включая похождения на Фенрисе.

— Я гляжу, ты очень везучий.

— А ты, гляжу, поверил всем моим рассказам, — Джоктара утомили дотошные расспросы, его терпение висело на волоске.

Летчик снова расхохотался:

— Мальчик, ты бы не смог солгать при всем своем желании. Ведь когда ты начал просыпаться, я дал тебе порошок истины.

Здоровая рука юноши гневно сжалась в кулак.

— А иначе нельзя было? — голос был тихим и ровным, но глаза извергали молнии.

— На этой планете — нельзя, если не хочешь нарваться на лазутчика компании. Принять что-нибудь на веру — значит, попасть в лапы к промышленникам.

Хотя объяснения летчика выглядели убедительно, ярость Джоктара не остыла.

— Кто ты такой? — процедил он.

— Мое имя Рисдайк. Но оно тебе ничего не скажет.

Не в силах побороть искушение побольнее уколоть летчика, Джоктар спросил:

— Вычеркнут из списков?

Потемневшее лицо Рисдайка показало, что стрела попала в цель. Но он сумел сдержаться и ответил почти спокойно:

— Ты угадал, вычеркнут.

Затем, вставая, бросил:

— Отдыхай. Позже с тобой поговорит шеф.

Уходя, он выключил атомную лампу, чтобы Джоктар мог уснуть. Но сон не шел к юноше. Он рылся в памяти, как игрок в колоде карт, пытаясь найти счастливую комбинацию. Но как ни бился, связной картины не вырисовывалось.

Смутно, как в полузабытом сне: большой звездный лайнер; женщина, произносящая какие-то слова, то ли ему, то ли сама себе... О чем она говорит? Об осторожности, об опасности, которая исходит от больших мужчин в красивой форме.

Что это были за люди? Полиция? Может, они были в серо-серебристом, как тот офицер на Э-станции? Наверное, наркотик, названный летчиком «порошком истины», что-то сдвинул в его памяти, разбудил отголоски упавших на самое ее дно впечатлений. Он твердо знал, что серая форма — опасность, он ее ненавидит и боится. Но почему?

Откуда-то пришла уверенность, что летчик знает что-то такое, что могло бы отдернуть таинственную завесу в его сознании. Ему что-то говорили звуки имени... Рисдайк... И этот странный язык... В каком мире узнал его космопроходец?

Он сказал непонятную фразу после того, как юноша назвал себя. Джоктар никогда особо не задумывался о своем имени. Большинство людей носят двойные имена, это так. Но на улице, где он рос, хватало короткой клички. Джоктар... знакомое сочетание звуков как-то по особому звучало, гулко отдаваясь в усталом мозгу, который уже погружался в сон...

Два последующих дня юноша напрасно ждал Рисдайка, чтобы спросить его о многом, но тот не приходил. За Джоктаром — не слишком умело, но старательно — ухаживал незнакомый мужчина. Он был не словоохотлив, лишь иногда бросал короткую фразу насчет погоды в долине. Но стоило Джоктару случайно упомянуть о хищнике, напавшем на него из пещеры, как «сиделка» преобразился: он обрушил на юношу поток самой разной информации о животном мире Фенриса, о нравах и повадках здешнего зверья.

Слушая Руза, Джоктар все яснее понимал: то, что его путешествие было более или менее благополучным — редчайшее, дьявольское везение. Чем иначе объяснить, что новичок, незнакомый с особенностями Фенриса, сумел пережить и страшную бурю, и нападение зазаара?

— По твоим поступкам ясно: ты — прирожденный охотник, — заявил Руз. — Когда твоя рана затянется, я возьму тебя на настоящую охоту.

— Разве вам не хватает того, что есть на складах компании, которые выграбите?

— Нет, мы должны охотиться. Даже для того, чтобы купить оружие и снаряжение, необходимое для успешного налета, нужны деньги. Наши деньги — это пушнина. Кроме меня, здесь еще пятеро охотников, а сбытом мехов занимается шеф: уж он не продешевит, торгуясь со скупщиками.

— Спасибо за хорошую аттестацию, Руз.

Джоктар узнал голос, хотя никогда не видел лица его обладателя. На пороге хижины стоял налетчик, возглавлявший нападение на склад. Тот самый, что переодевался в форму компании. Он был на несколько дюймов выше Рисдайка, суше и стройнее, чем увалень Руз. Вошедший присел на край постели Джоктара.

— Я слышал, ты решил идти с Рузом в горы?

— Не сомневайся, шеф, парень хорош, — горячо заговорил охотник. — Ведь он выдержал бурю и победил зазаара!

Шеф задумчиво кивнул:

— Ты прав, Руз. Он хорош настолько, что это мне кажется даже странным. Впрочем, каких чудес на свете не бывает... Кауто фэйврил оруто...

Опять слова на непонятном языке, и опять они что-то всколыхнули в мозгу Джоктара.

— Я не понимаю...

Шеф разочарованно вздохнул:

— Выходит, ты не... Жаль. Хотя... Может, со временем выяснится? Как знать... Ну ладно. Зашел тебя поблагодарить за снежок, которым ты так вовремя запустил в склад. Догадываюсь, что ты не в ладах с компанией, так?

— Зачем ты спрашиваешь? По-твоему, я мог поступить иначе?

— Если бы ты их предупредил, то получил бы свободу.

— Ты это серьезно?

Уловив в голосе юноши сомнение, шеф улыбнулся:

— Ты прав, вряд ли их благодарность была бы настолько щедрой, это не тот народ...

— Я так и понял, улица научила меня не верить властям.

— Твой опыт тебя не подвел. К тому же тебе сверхъестественно везет. Один из тысячи ухитряется убежать, а среди беглецов только одному из пятисот удается прожить больше недели.

— Да, нелегко тебе пополнять свою банду.

— Среди нас только двое эмигрантов. Остальные: или свободные охотники, или люди без прошлого.

— ?...

— Они никому не обязаны объяснять, кем были раньше и почему оказались здесь.

— Всех вас объединяет ненависть к компании?

— Не к компании, — покачал головой шеф. — Без шахт Фенрис остался бы голый пустыней. Но у промышленников грабительские, варварские методы. Шахты занимают ничтожную часть территории планеты. Компании добывают и вывозят алибит. И все. Больше они ничего не хотят знать. Их не устраивает, что на Фенрисе живут еще люди. Они гоняют туда и обратно корабли, но не привозят ничего, что нужно нам. Под их нажимом наложен запрет на посещение планеты туристами, торговыми кораблями. Такая изоляция позволяет им нещадно и безнаказанно эксплуатировать эмигрантов.

Ведь если рядом с шахтами вырастут города свободных людей, будет налажено регулярное сообщение Фенриса с другими мирами, компаниям понадобится в сотни раз больше охраны и дорогих заградительных устройств, чтобы не дать разбежаться эмигрантам. А сейчас лучший сторож — сама планета, где человек может существовать только в порту или на шахтах.

Им нужен алибит — и только алибит. А нам нужно, чтобы это была планета для людей. Да, климат здесь суров, долгая зима жестока. Но второе поколение поселенцев уже сможет жить в этих условиях. Человек — очень приспособляемое существо, и ты пример этому. И кое-чему другому...

— Чему именно? — Но пролить свет на туманные намеки собеседника Джоктару не удалось: шеф резко поднялся и покинул хижину.

Кодированная связь между Кронфильдом и Морле.

М: Разведчики ни причем, они вышли на нашего человека случайно. Тот, кто взял диск, действительно был уверен, что наш предмет причастен к смерти напарника. Он служит в Третьем секторе, никогда не имел контактов с Пятым сектором, никогда не видел Леннокса. Этого человека можно исключить из нашей схемы.

К: Радует хоть то, что схема сократилась на одну позицию. Ты внедрил агента к Керну?

М: Попытался. Керн — один из тех боссов, у которых в руках и улица, и власти. Даже служба порта предпочитает не связываться с ним.

К: Кто все же спровоцировал Э-облаву?

М: Темное дело. Началось, вроде бы, с благословения самого Керна: ему хотелось убрать кого-то, кто вышел из доверия. Но затем события повернулись неожиданно для него: Э-люди устроили чистку по всем правилам. Знаю абсолютно точно, что избавляться от нашего предмета босс не хотел, он внес за него выкуп, как и еще за десятерых, схваченных в облаве.

Об истории предмета: Худд разнюхал, что когда-то у Керна появилась женщина с малышом. Она оказалась больной и вскоре умерла, якобы от своей болезни. Так это или нет — не столь важно теперь. Ясно одно: ребенок тот самый. А есть ли сообщение с Ферриса?

К: Его пытался купить с торгов человек Тома, но вынужден был отступить, чтобы не привлекать к себе внимания. О нашем предмете предупреждены охотники. На планете кое-что готовится, быть может, когда каша заварится, удастся под шумок вытащить парня оттуда. Поступила непроверенная информация о появлении какого-то весьма бойкого молодого человека. Если это наш, то мы еще намучаемся с ним. Но заполучить его мы должны, чего бы это не стоило. А дубы в мундирах только ставят нам палки в колеса, чтоб они сгорели!

Сообщение в офис Тарбанд Майнинг Компани, Проект 65, Феррис.

Склад в Голубых горах разгромлен шайкой преступников. Собираемся организовать карательную акцию. Можем ли мы рассчитывать на помощь патруля?

Ответ из офиса:

Не предпринимайте никаких акций. Ситуация изучается Комитетом в Центре. Нельзя допустить шума. Запомните: никакого шума, пока на Локи находится советник Куллан.

ГЛАВА 7

— Саммс настаивает на встрече. С той поры, как он прикончил Рэймара на поединке и стал во главе банды Кортоски, все было спокойно. Теперь он надумал собрать Большой совет.

Джоктар стоял за дверью своей хижины; его не видели те, кто слушал крупного мужчину, собравшегося, судя по экипировке, в дальний путь.

— Люди Саммса уже миновали Пять Пиков. Они ждут нас и представителей Элберса. Саммс желает общего разговора. Он уверяет, что продумал для нас великолепную...

— Может быть, Хоган, это то, что нам нужно? — вмешался Рисдайк. — Вспомни: Рэймар был слишком неговорчив. Он хотел быть сам по себе, чтобы с ни с кем не пришлось делиться. Похоже, что Саммс смотрит на дело иначе.

— Значит, Саммс и Эберс... — размышлял вслух шеф, он же Хоган. — Думаю, встретиться будет не вредно. Послушаем, что нам предложат — последнее слово все равно за нами. Хотелось бы думать, что там все чисто. Давайте прикинем: к моменту встречи наш отряд будет где-то на Ривер Айленд. Погода, — он посмотрел на небо, — вроде, не должна испортиться. Значит, встреча состоится через три дня, так и передай его людям, Марко. Тебя будут сопровождать двое с ворпами. Это на тот случай, если нам подстраивают ловушку.

В дверную щель Джоктар видел многозначительные ухмылки на лицах собравшихся. Он понял, что здесь люди испытывают друг к другу доверия не больше, чем в Джет-Таунских переулках. Затем все разбрелись, возле хижины остались только Хоган и Рисдайк.

— Что ты об этом думаешь? — спросил легчик.

— Саммса до его поединка с Рэймаром поддерживал Неркс.

— Подожди, но ведь Неркс перебежал на сторону компании! Он трясется от страха, что за предательство получит пулю, и не высовывает носа из Харбанда. Не подозреваешь ли ты, что и Саммс решил перекинуться? Не потому ли посылаешь с Марко ребят с ворпами?

— Все может быть, — лениво проговорил шеф и крикнул: — Джоктар!

Юноша открыл дверь хижины и встал на пороге.

— Думаю, бой, — обратился к нему Хоган, — тебе знакомы подобные проблемы, на улице они сплошь и рядом. Слушай. К северу от нас базируется банда Кортоски. Ее шефом был Рэймар. Не бог весть какой стратег, но хороший драчун, умел держать своих людей в страхе. Потом в банде появился такой же везучий беглец, как ты. Говорят,

этот Саммс — из третьего поколения колонистов Марса, это помогло ему быстро освоиться в здешних условиях.

Саммс сколотил в банде группу своих приверженцев, в их числе был парень по имени Неркс. Он отлично думает, умен, но по натуре не вожак. Многие его недолюбливали: было в нем что-то такое... Четыре месяца назад отряд, который вел на дело этот самый Неркс, попал в засаду. Это была, безусловно, заранее расставленная ловушка. Теперь Неркс живет вместе с людьми компании — и, по слухам, живет припеваючи.

— Он задержал своих? — Рисдайк не мог этому поверить.

— Выходит так, — пожал плечами Хоган. — Но слушай дальше. Вскоре Саммс вызывает Рэймара на поединок, убивает его и становится предводителем банды.

Шеф поднял глаза и в упор посмотрел на Джоктара.

— Что подсказывает тебе твой опыт, бой?

— Мне кажется, что Саммс — подсадной.

— Кем же, по-твоему, и для чего он подослан? — за ленивой интонацией шеф, как показалось юноше, скрывал заинтересованность.

— Понятно кем, компанией. Ясна и цель: захватить верх в банде и сдать ее. Или сделать так, чтобы в стычках уничтожить другие сообщества свободных людей.

— А Неркс?

— Наверняка, его напарник, засланный раньше. Он прижился в банде, потом появился Саммс и стал бороться за лидерство. Подставив под бластер свой отряд, Неркс убил двух зайцев: и банду ослабил, и передал компании информацию от Саммса.

Хоган довольно рассмеялся. Рисдайк же, напротив, все более мрачнел по мере того, как осмысливал предположения Джоктара.

— Не стоит пренебрегать мнением знатока Джет-Тауна. Что сделал бы Керн в подобной ситуации?

Джоктар пожал плечами, но тут же поморщился: он забыл, что левое плечо ранено.

— Тут масса вариантов. Для такого босса, как Керн, они оба, со всеми своими хитростями, — открытая книга. — И юноша рассказал, как хозяин Сан-Спота — великий мастер интриги — принимал осложнение какой-нибудь акции не с огорчением, а с радостью и интересом. И как безотказно всегда действовал запущенный Керном механизм самой сложной операции.

Рисдайк медленно проговорил:

— Выходит, если Саммс приглашает нас в долю...

Но Хоган перебил:

— Если он умен, то предложит нам стоящую совместную операцию. Не станем уклоняться от участия в Большом совете, но и об осторожности не забудем. — Затем шеф повернулся к Джоктару: — Мой юный друг, нужна твоя помощь. Выросший на улице мыслит иначе, чем обычный охотник. Ты должен сам посмотреть на Саммса. Твое мнение о нем и его предложениях может послужить нам на пользу. Постарайся стать на ноги за эти дни, ты пойдешь на Совет вместе с нами.

Через три дня небольшой отряд вышел в путь. Он, в основном, состоял из незнакомых Джоктару трапперов, первых поселенцев Фенриса. Еще были с ними два старателя, не выдержавшие конкуренции с монополией. Юноша знал в отряде лишь троих: охотника Руза, отставного космолетчика Рисдайка и самого шефа. Он был когда-то в Сиваки торговцем, но когда компания закрыла порт для гражданских кораблей, Хоган разорился и ушел в горы.

Вскоре отряд разделился. К месту переговоров Джоктар шел вместе с Хоганом, Рисдайком, Рузом и траппером по имени Толкус.

Но юноша догадывался, что впереди и позади их скрытно сопровождают остальные.

Погода была на редкость хороша, ни ветерка. Джоктар даже снял с лица маску. Они вошли в небольшой лесок. Солнце играло на стволах деревьев. Наверное, подумалось юноше, в летнюю пору Фенрис выглядит гораздо приветливее, чем зимой. Их тропу пересекала другая. Руз осмотрел ее и объявил:

— Лэмби, бык. Очень большой.

— Давно он здесь прошел?

Траппер встал на колени, чуть ли не обнюхивая вдавленные в снег огромные следы.

— Не больше часа тому назад.

— А наши парни, — заметил Рисдайк, — что идут впереди, миновали это место часа два назад. Но они настороже, их не застать врасплох ни зверю, ни человеку.

Но тревога Руза росла.

— Раз бык идет по следу человека, значит он бешеный. Может быть, его ранил какой-нибудь мазила. Эти идиоты охранники с перепугу готовы палить во все, что движется. А раненый лэмби, тем более бык, смертельно опасен для любого, кто попадется на пути.

— Что ж, Руз, проследи за этим, — распорядился Хоган. — Дальше нас поведет Толкус. Мы не можем всем отрядом заниматься одним спятившим быком.

Руз быстро ушел вперед. Делегация двинулась за вторым охотником, внимание которого было приковано к сбитым с деревьев и валявшимся на снегу сучьям.

Рисдайк на ходу просвещал Джоктара:

— Теперь этот недобитый бык будет кидаться на любого встречного человека, или на то, что пахнет человеком. Он может сутками идти по следу, устраивать в кустах засады, покуда не вонзит рога в свою жертву. Он движется абсолютно бесшумно, поэтому первый раунд обычно остается за ним. Если рядом есть еще люди, они расстреливают быка-убийцу.

— Но жертве на это уже наплевать,— меланхолично заметил Джоктар. Вспомнив, как на него прыгнул зазаар, юноша добавил: — Я чувствую, здесь хватает подобных маленьких сюрпризов?

— Даже с избытком,— кивнул Хоган.— Тем более важно, чтобы первая встреча с лэмби стала для него последней. Что и говорить, этот мир мало приспособлен для беззаботных наслаждений.

— Но разве не может он стать приемлемым для тех, кто решил здесь жить? — Рисдайк изо всех сил отстаивал Фенрис.

— Ты считаешь, что для этого нужно совсем немного: пообрубить щупальца компаний, сделать планету открытой для всех, так? — В голосе Хогана зазвучали знакомые ленивые нотки.— По-твоему, стоит добиться этого и планета превратиться в рай? — допытывался шеф.

— А тебе, я вижу, в это не верится? — Рисдайк улыбался, но за его улыбкой пряталась злость.

— Могущество слов так же хорошо известно, как разница между мечтой и реальностью.— Шеф заговорил задумчиво и серьезно.— Допустим, мы объединимся и заставим монополии признать наши права, а то и вовсе убраться с планеты. Но и тогда она не станет раем, как не стали им другие населенные миры. Не эти, так другие люди будут домогаться прав на богатства Фенриса. Из свободных охотников выделятся пушные боссы, из старателей — крупные промышленники, из мелких торговцев — влиятельные коммерсанты. И со временем хозяевами здесь станут новые монополии, тягаться с которыми мелким предпринимателям будет не под силу — их тихо сомнут. А потом придет час, когда на планете будет продана с торгов шкура последнего зазаара; алибитовые россыпи, которые сейчас у самой поверхности, исчезнут, а мощное оборудование для разработки глубоких недр окажется по карману только крупным компаниям...

Хоган ненадолго умолк, словно давая слушателям возможность возразить ему, но все молчали, подавленные мрачными прогнозами. Поправив на лице шерстяную маску, шеф продолжал:

— Нравится нам это или нет, но история имеет свойство повторяться. Новые лидеры поведут новые поколения людей по той же старой дороге, через те же ошибки, те же подъемы и спады, победы и поражения... Человек просто не может жить иначе. Предложите ему другой путь — и он его, скорее всего, не примет. Он раз за разом будет проходить один и тот же предначертанный цикл, пока не исчезнет с лица вселенной, так же бесславно, как те, что были до него.

— Ты имеешь в виду тех, кто построил курган и крепость, где разбит наш лагерь? — спросил Джоктар.

— Угадал. Я уверен, что этот форт — оплот владевшей когда-то этим миром могущественной монополии, благоденствию которой угрожали разные оборванцы и преступники. Этот волчий мир всегда был таким. В жестоком климате выживают только жестокие люди, с жестокими нравами. Эта крепость — памятник вечной вражде жестоких людей, которыми двигали те же стремления, что и сейчас: стяжать и защищать от других то, что получено стяжательством...

Треск и шипение, раздавшиеся неподалеку, мгновенно подтолкнули всех троих к действию. Еще не растаяло в окрестностях эхо, а Джоктар уже стоял за деревом, росшим среди густых кустов. Шеф и летчик молниеносно скрылись из виду, словно их испарил ядерный взрыв, угроза которого в давние времена переполняла ужасом население Терры. Но этот страх не помешал все же разгореться атомной войне. Она унесла многие миллионы людей, но те, кто выжил, были или самыми сильными, или самыми предусмотрительными. Из них сложилось новое общество, которое не разделяли бедность и богатство. Каждый мог добиться денег или славы собственными силами и умом. Это было общество, ценившее индивидуальность личности, общество, достойное своей миссии покорителей Галактики.

...Она еще дымилась, испепеленная зарядом бластера, — ветка дерева, стоявшего в том месте, до которого их троице оставалось сделать один единственный шаг. Джоктар вспомнил, что он безоружен и что одна его рука действует пока неважно. Может, здесь охотятся на лэмби? Но ни один из них не похож на быка... Кто-то подкарауливал здесь их делегацию с бластером в руках. Джоктар еще старательнее слился с деревом: он не хотел стать мишенью для неизвестного стрелка.

Кто стрелял? Может, это член их же банды, пожелавший занять место босса, но избравший для расправы с Хоганом более коварный способ, чем открытый поединок? Юноша покачал головой: везде и всюду было так же, как на улицах Джет-Тауна — хитрость и предательство, подлость и коварство. И побеждал, как правило, не самый сильный, а самый хитрый и коварный.

Где сейчас оба его спутника? Затаились, как он сам, или обходят невидимого врага с тыла? Нигде ни звука, ни малейшего движения.

Чуть слышно скрипнул снег. Джоктар затаил дыхание, боясь выдать себя облачком пара, вырывавшемся из-под маски в морозном воздухе. Снова хрустнул снег. Юноша повернул голову на звук. Какая-то фигура сливалась с тенью густого кустарника, но это не было человеком. Мелькнуло серо-голубое... Мех? Щетина? Шерсть? На мохнатой голове торчат острые рога, два по бокам, третий посередине. И со всех трех свисают красные клочья свежей плоти. Эти рога убивали, убивали совсем недавно.

Глубоко посаженные глаза зверя настороженно бегали... Джоктару почудилось, что скрывший его ствол дерева вдруг стал стеклянно прозрачным. Животное двигалось медленно, но отнюдь не боязливо. Следом за головой из кустов показались поросшие шерстью могучие плечи; длинные ноги оканчивались острыми копытами, как и рога, несущими смерть. Наконец, бык вышел на тропу, его ноздри возбужденно раздувались.

Зверь порвнялся с деревом, где стоял безоружный юноша. Никогда еще не ощущал он такого страха, как в этот миг. Страх, который парализует волю, расслабляет мышцы, подавляет всякую способность к сопротивлению. Бык медленно миновал дерево. Оцепенев, Джоктар глядел вслед ему, не веря еще своему спасению: зверь преследовал кого-то другого!

Видимо, животное учуяло запах этого другого: бросившись огромными прыжками вперед по тропе, бык резко свернул затем в сторону и стал продираться сквозь густой кустарник. Треск ломаемых сучьев почти заглушил треск бластера. И тут же из кустов донесся отчаянный вопль. Зверь? Человек? Снова выстрел — и снова крик, крик живого существа, которому в эту минуту предстоит умереть...

Запах паленой шерсти донесся до Джоктара. Он помчался по следу быка, туда, где только что кто-то (КТО?) нашел свою смерть.

Бык проломил своим телом коридор в сплошной стене твердых, как железо, сучьев. Нырнув в этот тоннель, юноша через минуту был на месте трагедии. Заряд бластера почти полностью сжег голову зверя, а под его гигантской тушей лежал человек. Руз и Хоган пытались освободить придавленное тело. Откуда-то появился Рисдайк.

— Кто, Толкус?

— Помогите-ка, — бросил Хоган. Сообща они столкнули с лежащего тяжеленную тушу. Хоган откинул капюшон с лица человека. Джоктар видел его впервые.

— Кто же это? — недоуменно спросил Рисдайк.

— Никогда его не видел, — пожал плечами Руз.

Хоган перевернул тело: на запятнанной кровью одежде эмблем компании не было.— Кто же его послал в засаду на нашем пути? — размышлял вслух Хоган. — Саммс? Эберс? Или еще кто-то, кому я стал поперек дороги?

— Только не охотник, — горячо заговорил Руз. — Ты же знаешь: ни один траппер не поднимет на тебя руку, шеф!

— Надеюсь, — голос Хогана звучал чересчур лениво для такой ситуации. — Но бывает всякое. Ясно одно: он готовил смерть или мне, или вам. Я могу даже предположить, что и быка сюда специально приманили, чтобы уничтожить нас. Злоумышленник не мог предвидеть, что сам станет жертвой своего дьявольского замысла. Если же зверь вышел сюда случайно — что ж, спасибо ему: он спас нам жизнь. Пожалуй, стоит быть еще осторожнее и двигаться без спешки. Вряд ли, узнав о случившемся, кто-нибудь станет укорять нас за небольшое опоздание.

— Вот значит как... — возбужденное дыхание Рисдайка облачками пара прорывалось сквозь защитную маску. — Я предлагаю поторопиться. Хочу поглядеть, для ко́го из тех, кто пришел на Совет, наше благополучное прибытие явится неожиданностью.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Хоган. — Тогда поспешим. Джоктар, тебе это пригодится, — он нагнулся и протянул юноше бластер, являвшийся возле погибшего.

Для переговоров был выбран остров, стоявший по середине скованного льдом русла реки. Был ли он когда-то насыпан искусственно или являлся вершиной скрытой под водой скалы — сказать трудно. Но он, несомненно, был одним из форпостов древней культуры Ферниса. Вокруг острова тянулась сложенная из каменных глыб стена, которую венчал высокий конус. Из его разрушенной временем вершины тянулся дымок.

— Гляди, там уже ждут, — подтолкнул летчик Руза, кивая на конус.

Но Руз не повернул головы. Его взгляд был прикован к далеким горам. Джоктар посмотрел туда же и заметил клубившиеся над пиками тучи.

— Конец хорошей погоде. — Траппер указал на северо-восток. — Оттуда идет буря.

— Вот как? — Хоган повернулся к Толкусу, который догнал их на опушке леса. — Обойди всех наших, предупреди: пусть ищут укрытия. Иди скорее.

— А как же... — попытался возразить Рисдайк.

— Если кто-то и хочет помериться с нами силами, он сейчас тоже видит эти тучи. — Хоган мотнул головой в сторону гор. — Только

сумасшедший станет затевать драку, когда вот-вот грянет буря. Лучше подумаем, где нам самим укрыться.

Поверх льда русло реки припорошил снег. Он был испещрен следами чьих-то ног и санных полозьев. А вот и сани, составленные штабелем возле пролома, служившего входом в конус. Вслед за Хоганом юноша начал подниматься по ступеням. Они были не шире ладони и изрядно обледенели, один неверный шаг и ты уже летишь к оставшемуся далеко внизу подножию стены...

— Эй! — крик Хогана гулко отразился от вековых стен. В проломе появились фигуры людей, один из них сделал приглашающий жест. Джоктар с любопытством осматривал необычное сооружение. Вся верхняя часть конуса была разделена целыми когда-то перегородками на небольшие отсеки (кельи? камеры?). Теперь они были полузасыпаны мерзлой землей вперемежку со снегом. В центре круга, очерченного основанием конуса, пылал костер. У стены громоздилась куча дров.

Джоктар выглянул наружу. Погода менялась на глазах: небо сделалось низким и серым, вокруг заметно потемнело, черные тучи возле гор быстро сгушались.

— Шторм уже близко, — объявил человек, выглянувший из конуса вслед за Джоктаром. Он хотел что-то добавить, но порыв ветра заставил его спрятать лицо в капюшон и нырнуть обратно, под защиту каменных стен.

Да, Фенрис был Фенрисом. Совсем недавно сияло в небе солнце, а сейчас и реку, и остров, и конус накрыла сплошная масса беснующегося снега. Костер был быстро передвинут к стене, подальше от входа, куда задувал ветер. Все расселись у огня, приготовившись переждать под этими ненадежными сводами безудержную ярость фенрианской бури.

Джоктару вспомнились устрашающие наставления, полученные новичками по прибытии на планету. Нет, не только на шахтах и в порту мог спастись от бури человек. Жилища исчезнувших ныне обитателей Фенриса защищали от непогоды ничуть не хуже, чем купола компании. О том, что творится снаружи, напоминали лишь завывания свирепого ветра. Они были так сильны, что сидящие рядом люди не могли слышать друг друга.

ГЛАВА 8

Джоктар сидел, прислонясь к стене. Он чувствовал, как сотрясается конус под ударами бури. Но вот к вою ветра добавился новый звук: треск. И тут же рухнул, не выдержав напора урагана, кусок стены. Сосед юноши стал быстро отползать подальше от опасной зоны. Джоктар полез следом. Неподалеку раздался чей-то крик.

В образовавшийся пролом ворвалась пурга. Стараясь уберечься от ее ледяных языков, они перелезли через какую-то перегородку. Джоктар наткнулся на что-то мягкое, послышался стон. Человек лежал, придавленный грудой обломков. Почти ничего не видя и не слыша из-за сильного шквала, они принялись освобождать раненого. Наконец, им это удалось. Они попытались перевернуть пострадавшего на спину. Тот на секунду открыл глаза, вскрикнул и вновь лишился чувств.

Преодолевая напор взбесившейся стихии, они кое-как сумели перетащить неподвижное тело к костру, что тлел возле стены. Только сейчас Джоктар почувствовал, что раненое плечо снова невыносимо разболелось — нагрузка оказалась не по силам. Едва сдерживая стоны, юноша привалился к стене. Его напарник пытался тем временем привести пострадавшего в сознание. Ему, вероятно, нужен был свежий воздух, но об этом не могло быть и речи, покуда снаружи бушует снежный шторм.

Казалось, ход времени остановился... Сколько уже длится буря — час? день? Наконец Джоктар заметил, что шквалы ветра стали реже стучаться в стену. В проломе стало видно, как меж ключев туч начало проглядывать небо. Буря явно шла на убыль и вскоре совершенно улеглась. Люди переглядывались, не веря наступившей тишине. Они снова, в который уже раз, оказались сильнее свирепого нрава Фенриса.

— Это Гегли, — обсыпанный снегом человек наклонился над лежащим. — С ним все кончено.

— Гэгли? — Хоган приподнял капюшон на лице пострадавшего. — Мертв. Ты потерял пилота, Саммс.

— Ну, потерял... — широкие плечи одного из мужчин почти пренебрежительно поднялись под толстой шубой. Его светлые глаза казались ледяными, в них ничего нельзя было прочесть. Отвернувшись от лежащего тела, Саммс крикнул: — Эберс!

Какой-то человек обернулся на зов, но не спешил подойти, продолжая счищать с одежды налипшие снеговые комья.

— Не спеши, Саммс, — он говорил размеренно, привыкший, что его слушают. — Пока мы еще не готовы переварить твои идеи.

Светлые глаза над маской не выразили ничего, лишь рука слегка дернулась. Саммс тут же овладел собой, но все видели: рука потянулась было к бластеру. Люди остались неподвижны, лишь Рисдайк чуть шире расставил ноги, словно готовясь к схватке.

Вскоре костер, снова передвинутый в центр конуса, весело пылал, освещая рассеявшихся вокруг участников Совета. Сначала решили перекусить; каждый достал из своего мешка съестные припасы. Не дожидаясь, пока все покончат с едой, главарь банды Кортоски нетерпеливо поднялся и заговорил, прохаживаясь взад и вперед перед костром.

— Компания Харбанд решила сделать площадку для посадки кораблей прямо здесь, возле своих шахт. Кораблям компании уже не нужен будет порт Сиваки. Если и другие концерны оборудуют собственные космодромы, Сиваки будет закрыт за неадаптивность. И тогда исчезнет всякая надежда на то, что когда-нибудь на Фенрисе появятся свободные торговцы или туристские лайнеры.

— И что же ты предлагаешь? — лениво — ох уж, это безразличие в голосе! — спросил Хоган. Саммс развернулся к нему, словно для драки.

— Что угодно, только не просиживать задницы в бездействии!

Джоктар пристально наблюдал за Саммсом. У того даже в минуты крайнего возбуждения выражение ледяных глаз совершенно не менялось. Поведение, манера речи наталкивали на мысль о горячем темпераменте. У подобных людей бластер или кулак обычно опережают мысль. Таковы многие в банде Кортоски, горячность шефа сродни их собственной натуре.

Но... Никак не вязались с бесшабашностью эти серые холодные глаза. И Джоктар поверил им, а не манерам Саммса. Это был игрок, но его игра была значительно серьезнее Сан-Спотовских карт или фишек, здесь на кону совсем иные ставки. Юноша многое бы дал, чтобы узнать, чья воля конечно же, не слепой случай сделала из Саммса эмигранта и бросила его на Фенрис. Так или иначе, решил Джоктар, перед ним очень и очень опасный тип.

— Итак, ты призываешь к действию, — продолжал Хоган с той же ленивой. — И какую роль ты отводишь нам? В чем суть твоего плана?

— Скоро на новой площадке Харбанды сядет первый корабль. Он доставит, кроме шестерых членов экипажа, двух важных боссов компании. А что, если мы организуем им встречу? Если боссы будут у нас в руках, мы сможем диктовать Харбанду свои условия.

— Откуда ты все это знаешь, Саммс? — за пламенем костра лица говорившего не было видно, но юноша узнал хрипловатый размеренный голос Эберса.

— Хмм... У Саммса свой, абсолютно надежный, осведомитель. На него работает Неркс, — проговорил Хоган, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Верно, Неркса внедрил в компанию я, — покладисто заявил Саммс. — Если начнется заваруха, он нам здорово поможет. А пока, ты прав: информация.

— Неужели компания так доверяет Нерксу? — послышался чей-то голос. — Ведь его захватили у Спины Ящерицы, когда весь отряд попал в засаду и был перебит...

Хоган подхватил:

— Действительно, один Неркс остался невредим. И в связи с этим возникают вопросы, на которые тебе, Саммс, придется нам ответить. Ведь ты не назовешь случайностью, что в том отряде оказались почти все сторонники Рэймара? И еще скажи: чем Неркс зарабатывает доверие новых хозяев — двурушничеством?

Вокруг поднялся гул голосов. Но Саммс не обратил внимания на этот ропот.

— Неркс оказался в плену. Он умен, у него всегда наготове убедительная легенда. Это его и спасло.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Хоган, — что Неркс был готов к тому, что окажется в плену?

— А сейчас, — вступил Эберс, — ты бросаешь нам клич, собираешь всех вместе, чтобы мы принялись друг к другу. Три банды должны сообща захватить площадку и корабль! Ничего не скажешь, лакомая наживка. И ты надеялся, что мы ее заглотим?

— Захват площадки, — обратился к Эберсу Хоган, — только первая стадия плана. Потом мы берем в плен боссов и, угрожая их жизням, принуждаем компанию сделать нам уступки, чтобы жизнь свободных людей на Фенрисе стала лучше. Я верно понял, Саммс?

— Как у вас все гладко, заслушаешься! — не сдавался Эберс.

— Допустим, все удастся и боссы окажутся у нас. А на помощь Харбанду явятся патрули. Они обложат нас в горах, как волков, и мы передохнем с голоду. И где мы будем прятать боссов? Ведь убежище должно быть и надежным, и достаточно близким к месту переговоров...

— Согласен, — кивнул Хоган, — это проблема. Построить какое-то убежище — значит привлечь к нему патрули. А находиться в постоянном движении, чтобы нас не засекли — этого не выдержат пленники, они подойдут еще до окончания переговоров.

— Они не подохнут, если убрать их с Фенриса! — обронил Саммс.

На какое-то время воцарилось молчание. Реплика подействовала на Совет сильнее, чем самый разрушительный удар бури. Джоктар уловил в голосе Саммса скрытое напряжение — тот готовился к большой игре.

Хоган провел ладонью по лицу:

— Так, так. А ты подумал о том, что на Локи сейчас советник Куллан?

По всему было видно, что вопрос не понравился Саммсу. Снова его рука скользнула к бластеру — и снова замерла на полпути: время открытой войны еще не подошло.

— А что, Куллан многое может? — заинтересовался Эберс. — Его слово что-то значит для боссов?

И снова заговорил не Саммс, а Хоган:

— Да, у него есть авторитет: он избран в Высший Совет. Позиция Куллана известна давно: он против власти монополий в пограничных мирах, значит, он противник компаний. Теперь, когда у него голос в Высшем Совете, он перешел в наступление. Понятно, что это беспокоит многих и многих боссов.

Но наступление идет. Года три назад Секция Колонизации основательно подверглась перетряске. Во главе Проекта поставили некоего Кронфильда. Он далек от политики — сугубый технарь. Его поддерживает, однако, сам Альварн Томлистор. Этот самый большой Том основал новую организацию, куда вошли Албан Фрейт, Орсфо-Колль, Майнинг Корпорэйшн и еще некоторые.

Джоктар прикинул: сосредоточенные в одних руках доходы названных компаний составляли поистине астрономическую цифру.

— Тебе, Саммс, должно быть известно, что у Большого Тома сильная рука в правительстве. Так что Куллан — человек Кронфильда. Сейчас, когда зашевелился Большой Том, встряска идет по всей Галактике. Уже два месяца Куллан торчит на Локи и собирает досье против компании.

— А теперь, — усмехнулся Хоган, — представим себе, что на Локи садится корабль с боссами Харбанда и кем-то из нас. Как только Куллан об этом узнает, он пожелает встретиться с нами. Всеу этому тоже есть место в твоём плане, Саммс?

Главарь банды Кортоски ничем не проявил, что его сразили доводы Хогана. — Ты знаешь все. У тебя точнейшая информация, Хоган.

Но Хоган еще не сказал всего. Он продолжал:

— Для перелета на Локи нужен пилот. Гэгли мертв, да и за пульт он не сядет лет пять. Похоже, ты с самого начала рассчитывал на нашего Рисдайка... Скажи, когда ты планируешь захват площадки?

— Ты что, хочешь участвовать в этой бредовой акции? — взвился Эберс.

— Мне кажется, она таит немало возможностей.

— Еще бы! — заорал Эберс. — Столько, чтобы всем нам была крышка!

Наконец, заговорил Саммс:

— А ты намерен так и гнить, отсиживаясь в горах? Или свободные люди Фенриса дадут бой компании или они перестанут быть свободными!

— Он смотрит вперед, — обратился Хоган к Эберсу. — Как только закроют порт Сиваки, с нами быстро покончат: торговать мы не сможем вообще. Ты знаешь, сколько на планете одиночек? А много ли их за последнее время вступило в твою или мою банду? Мало, приток новичков не возмещает даже наших потерь. В общем, жить нам осталось от силы полгода, а потом конец...

Снова послышался вокруг костра глухой ропот. Эберс недоверчиво посмотрел на Саммса, но говорить продолжал с Хоганом:

— Ты считаешь, что его план может удалиться?

— Дело, конечно, трудное. Но, учитывая ситуацию, мы не должны упускать ни единого шанса. Наш шанс — Неркс. Ты не забыл, что он работает на Саммса?

— Что-то плохо верится во все это, — протянул Эберс, но протест его уже не был столь решителен.

Саммс показал на тело Гэгли:

— Мы сегодня потеряли человека. Возможно, еще и буря унесла чью-то жизнь. Чем умирать вот так, ни за что, лучше смерть в бою!

— Сколько ты можешь выставить людей, Эберс? — спросил Хоган.

— Два моих отряда сейчас в пути, я их вызову. Возможно, присоединится кто-то из одиночек. Думаю, наберется человек пятьдесят. Но на дело, разумеется, пойдут только добровольцы.

— Примерно столько же будет и моих людей. А твоих, Саммс?

— Даже если я уговорю одиночек, то не более сорока, — Саммс говорил безучастно, его мысли были далеко. — Допустим, мы заполучим корабль. Рисдайт поведет его на Локи. Но кто полетит на переговоры с Кулланом? Все мы просто не поместимся в звездолете.

— Выберем комитет, — предложил Хоган. — Остальные наши будут действовать на Фенрисе, попытаются захватить шахты. Освободим и вооружим эмигрантов. Они не умеют вести уличные бои, но смогут хотя бы защищать занятые нами купола.

— Новое дело, — не унимался Эберс. — Сколько же времени придется удерживать шахты? А если на нас пойдут патрули?

— В этом плане,— сказал Хоган, вставая и прохаживаясь,— больше, чем нужно, всяких «но», «если» и прочих неясностей. Но в целом Саммс меня убедил: чем медленно отступать перед компаниями — а именно это мы все время и делаем,— рискуем на большую игру. Захват заложников и встреча с Кулланом — наш козырный ход. Пусть даже акция провалиться — о ней заговорят, а для компаний подобная огласка вредна, особенно в данный момент.

— Нас запомнят героями, павшими за лучшую долю,— меланхолически прогнусавил Эберс, воздев глаза вверх.— Ладно, может, шанс и впрямь есть. Но какой же он маленький, этот шанс!

— Из маленьких шансов состоит большая история человечества.

Хоган взял свой мешок и приладил за спиной.

— Тебе Неркс подаст сигнал к началу операции?

— Обязательно. Ваше дело — собрать людей.

— Договорились. Пошли,— кивнул Хоган своим. Джоктар, Руз и Рисдайк двинулись за шефом к выходу. Когда замерзшая река осталась позади, Хоган заговорил с терранцем:

— Как тебе показался Саммс?

— Он остался очень огорченным.

— Почему?

— Ты стал играть картами, которые он кропил, чтобы сыграть самому.

— Да,— рассмеялся Хоган,— мне пришлось внести свои поправки в его планы.

— Но ты поддержал его, а глядя на тебя, и Эберс вошел в дело,— неодобрительно буркнул Рисдайк.

— Хоган предложил нам свой, гораздо глубже проработанный план,— возразил Джоктар. И затем тихо, чтобы не слышали остальные, спросил шефа:

— Ты человек Куллана?

— У тебя, я вижу, богатая фантазия, бой,— усмехнулся в ответ Хоган.

На фенрианском небе сияла луна. Она была ярче, но холоднее, чем ночное светило Террана. Голубой свет падал на заросший кустарником склон, где тут и там были разбросаны купола, защищающие жерла шахт компании Харбанд. Купола были ярко освещены, а на прилегающих к ним территориях постоянно рыскали лучи мощных прожекторов. Кроме того, периметр этих территорий был обнесен ультразвуковой оградой. Мощные вибраторы создавали непреодолимое препятствие и для злоумышленников, и для хищных зверей.

Все эти меры, подумалось Джоктару, делают их затею абсолютно нереальной.

Хоган будто подслушал его мысли. Привстав, он приложил к глазам окуляры и проговорил:

— Еще бы. Никому, в том числе и нам, не удастся незамеченными пересечь освещенный участок. Да и ультразвуковой барьер... Если, конечно,...

— Опять «если», «но», «может быть»... Вибраторы отключит Неркс.

— Это точно? — беспокойно прошептал Рисдайк.

— Что-то вы носы повесили, — засмеялся Хоган. — Операция еще не началась, не поздно удрать. Ну что, герои?

— Вот он! — выдохнул Рисдайк. Бывший летчик весь подался вперед, не отрывая глаз от серебристой иглы корабля в ночном небе.

— Значит, все правда. — Окуляры шефа были направлены не в небо, а на купола, по которым то и дело скользили лучи прожекторов.

К ним подполз еще один налетчик.

— Джемпер приближается, — сообщил он. — Наши подали сигнал готовности.

Согласно плану операции, они несколько часов назад ворвались в расположенную неподалеку придорожную станцию. Радиоустановку разбили, увели джемпер и тягач. Теперь эти машины везли сюда вооруженный отряд. Было обговорено, что для подошедших машин барьер будет отключен. А приехавшие люди позаботятся, чтобы его не включили, прежде чем все не окажется внутри охраняемой зоны.

Маленький джемпер был уже близко; за ним из-за поворота выкатилась машина тягача. Раздался протяжный свист, какие-то тени засновали в темноте. Вот послышался вдалеке ответный свист, в ближайшем куполе замигал огонек, ему ответили из джемпера вспышкой прожектора.

— Лишь бы никто не напутал с сигналами, — процедил Хоган, лежа плечом к плечу с Джоктаром.

Ультразвук невидим. Водителю джемпера оставалось только гадать, минует ли он благополучно вибрационные ножи, или они разорвут на части его мышцы и нервы.

Характерными неровными прыжками джемпер достиг открытого пространства, где его тотчас захватил и повел луч прожектора. В свете другого луча двигался тягач. Если появление здесь в этот момент машин покажется охране подозрительным, вот-вот поднимется тревога. Джоктар положил палец на спусковой крючок бластера.

Луч одного из прожекторов очертил полукруг, затем уперся в небо.

— Есть сигнал.

Неркс действовал минута в минуту.

Машины на максимальной скорости прошли зону ультразвука — пронесло! Из кузовов посыпались люди и со всех ног кинулись к куполам. Тишину взорвало рывканье ворпов и треск бластеров. От вспышек выстрелов вокруг стало светло, как днем.

В первой волне нападающих бежал и Джоктар. Рядом с не-
постижимой для его комплекции скоростью мчался Руз. Вот траппер свернул влево, Джоктар и Рисдайк устремились за ним.

Корабль уже стоял на поле. Команда отправилась отдыхать в купола, но в звездолете наверняка оставался часовой. Успеет ли он, заметив опасность, закрыть люки? Руз припал на колено, выстрелил. Рисдайк припустил еще быстрее к кораблю. На мгновение вспышка выстрела осветила борт, темный овал люка и падающую наземь скорченную фигуру часового. Рисдайк был уже у трапа, Джоктар полез по ступеням следом за пилотом. Сейчас обе их фигуры были отличной мишенью на серебристом фоне корабля. Вот они уже внутри; летчик тут же побежал к кабине. Джоктар немного отстал, осматриваясь в коридоре. Хотя пилот накануне прочел ему целую лекцию о типах кораблей, ориентировался он в запутанных переходах слабо. Да и как узнать, какого типа этот корабль?

Нельзя было исключить, что кто-нибудь из экипажа находится сейчас в одной из запертых кают или в трюме. Но времени на обыск не оставалось. Вот в чрево корабля вскочил Руз и быстро задраил люк. Сейчас же звуков боя не стало слышно, лишь их собственные шаги гудко разносились по огромной металлической сигаре.

Вбежав в кабину, они увидели сидящего перед пультом Рисдайка. Он внимательно изучал знаки и символы на клавишах. Руз запер дверь и плюхнулся в кресло. Джоктар тоже сел, восстанавливая дыхание после бешеной гонки. Теперь они, наконец, в относительной безопасности.

— А что если из Сиваки уже летит сюда патрульный корабль? — беспокойно спросил траппер.

— А что он сможет сделать, — беззаботно улыбнулся Рисдайк. — Попытается сжечь нас своими хвостовыми дюзами? Но это и для патруля будет равносильно самоубийству. Так что операция продолжается, братцы!

ГЛАВА 9

Пилот уже заканчивал предстартовую процедуру. Наконец, он чуть толкнул какой-то рычаг и удовлетворенно откинулся в кресле.

— Порядок. Мы в деле.

Джоктар понимал, что их противники знают о возможностях корабля и не посмеют приблизиться. Откинувшиеся заслонки демонстрировали закопченные жерла дюз, из которых в любую минуту могла извергнуться смерть. Их корабль, приспособленный для пассажирских перевозок, прежде выполнял патрульные рейсы, на нем сохранилось мощнейшее вооружение для покорения враждебных миров. Руз развеселился:

— Не пощекотать ли их немного?

— Пожалуй. Дадим один залп, чтобы хорошенько их пугнуть. Джоктар, нажми вон ту кнопку, белую, слева в четвертом ряду.

Юноша тронул кнопку, и один из экранов кабины осветился. В нем были видны купола, вокруг которых мелькали вспышки выстрелов.

Рисдайк подрегулировал резкость, пробежал пальцами по клавиатуре пульта и нажал какую-то кнопку. В темном небе над куполами появился маленький шарик света, который начал быстро разбухать. Через минуту ослепительное сияние залило все небо, вспышки бластеров и ворпов с трудом угадывались в этом море зеленоватого света.

— Здорово! — Руз был восхищен. — А теперь куда стрельнем?

— Давай по скале, — предложил пилот. Он произвел новые манипуляции, перевел прицел и... ураган зеленого света забушевал в горах позади куполов. Когда огонь погас, на месте острой скалы не осталось ничего, кроме огромной воронки с гладкими стеклянистыми краями. Яма все росла, все углублялась, пока окончательно не истощилась энергия выстрела.

— Надеюсь, эта маленькая иллюминация не прошла для них незамеченной, — весело потер руки Руз. — Не удивлюсь, если одна из шахт стала теперь вдвое шире. Слушай! — продолжал траппер, — а что, неплохая идея: разнести их шахты в клочья?

— Идея отличная, — ухмыльнулся Рисдайк. — Но нам приказано ждать. — Он включил еще один обзорный экран.

Хотя бой продолжался; было заметно, как ослаб огонь тех, кто обстреливал купола.

— Корабль, отвечай... Корабль, отвечай... — резкий, с металлическим призвуком, голос заполнил кабину. Джоктар и Руз оше-

ломленно уставились друг на друга, схватившись за бластеры. Рисдайк взял микрофон:

— Я корабль. Кто вызывает?

— Это Вэй. Вы что, идиоты, надумали сжечь тут всех?

— Это, Вэй, зависит от вас. Каждые две минуты я буду приближать выстрел к куполам на милю, откуда вы не прекратите сопротивление.

Наступила пауза, затем снова тот же голос:

— Кован, это Вэй! Ты понял? Говорю из купола. Ты что, не слышишь меня?

— Уточню, — пилот явно забавлялся. — Это не Кован, а Рисдайк, командир корабля. Мы действуем от имени Свободных людей Фенриса. Я знаю, что ты в куполе и уже держу его под прицелом.

Ответа не было. Руз хохотнул:

— Пусть пережевывает то, что услышал. Этому ему хватит надолго, за многие годы Вэю впервые по-настоящему подпалили шкуру.

— Огонь прекратился, бластеры молчат, — сообщил Джоктар, глядя на экран.

Рисдайк схватил микрофон и начал считать: — Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть... Поправка на одну милю сделана... Пять. Четыре. Три... Смотри, Вэй!.. Два... Один!

Он вдавил до отказа кнопку. Снова зеленый цветок всепожирающего пламени расцвел на склоне горы, снова волны ослепительного света залили мир.

— Теперь уж точно попал в шахту, — довольно кивнул Руз.

— Но я знаю Вэя: он упрям как бык.

— На Фенрисе он самый главный в компании Харбанд. Но, — Рисдайк поднял два пальца, — ведь там сейчас боссы, прибывшие из Центра. Вряд ли им улыбается перспектива спореть вместе с Вэем.

— Слушай, корабль. Я — Саа Ким. — В искаженном динамиком голосе явно слышалась тревога. — Я уполномоченный Харбанда. Чего вы хотите? Назовите свои условия.

— Условия узнаете у тех, кто штурмует купола.

Через минуту на крыше купола вспыхнул белый огонь. Пилот удовлетворенно потянулся:

— Вот и все. Они сдаются. Этот Саа Ким готов вести переговоры.

Руз хлопнул себя ладонью по колену:

— Отлично сработано! Наш шеф будто всю жизнь только и делал, что брал штурмом шахты!

— Боюсь, — нахмурился Рисдайк, — что в ближайшее время у него еще будет немало трудностей.

Джоктар откинулся на сидении и прищурился.

— Значит, все-таки Саммс...

— Он самый. — Руз поднялся, взмахнул несколько раз затекшими руками и уселся в кресло у стены. — По-моему, Саммс спит и видит себя главным боссом. Но даже в своей банде его положение не слишком прочно: больно уж дурно воняет от этой истории с отрядом Неркса. Наш шеф вряд ли уступит главенство, тогда Саммсу придется вызывать Хогана на поединок. Шансов на победу у него не больше, чем у прутика против вопра. Наш Хоган без нужды не показывает прыти и даже кажется медлительным, но я видел дважды его поединки с претендентами. Он жив — здоров, а те нахалы остались лежать на месте.

— И все же, кто он такой, Хоган? — подался вперед Джоктар.

В голосе Рисдайка юноша услышал лед и металл.

— Запомни, парень. Здесь, на Фенрисе, не спрашивают, кем человек был в другом мире. Тут Хоган торговал в порту, пока его дело не лопнуло. Тогда он ушел в горы.

— По-моему, — вставил Руз, — он не всегда был торговцем или охотником, я это чувствую. Он откуда-то получает самую свежую информацию обо всем, что творится за пределами Фенриса. Вспомните, как и о чем говорил он на Совете. Сдается мне, что за Хоганом стоит очень большой...

— Корабль!

Этот голос узнали все. Рисдайк схватил микрофон:

— Я корабль. Слушаю, шеф.

— Все идет по плану. Сделка заключена, гости на подходе. Встречайте нас у люка.

— Понятно. Сделаем, шеф.

— Интересно, до чего они договорились, — заерзал в кресле Руз. — Сбегаю, узнаю...

— Сиди, — положил ему пилот руку на колено. — Откроешь люк — а там засада...

— Могу я узнать, когда мы полетим к Локи? — не унимался Руз.

— Успокойся, скоро, — пожал плечами Рисдайк.

— Локи... — проворчал Руз. Проклятые планеты... На Фенрисе — холод, на Хеле — несусветная жара, а на Локи — голые камни да вода. Не миры, а сущая преисподняя...

— Ты оказался здесь добровольно.

— Да, но...

— Сюда идут, — оповестил Джоктар, не спускавший глаз с экрана. Руз посмотрел:

— Да, это шеф с Саммсом и теми двумя. Я пошел открывать люк.

Прочные ремни удерживали Джоктара в узком ложе. Ускорение уже не давило, напротив, его тело норовило всплыть в воздух. Невесомость... Испытывал он ее когда-нибудь прежде? Смутные воспоминания подсказали: да, он уже летал так. Куда?.. Когда?..

Видимо, корабль начал маневр: на тело снова навалилась тяжесть. Юноша старался расслабиться, затем повернул голову.

Рядом лежал Хоган. Глаза его были плотно закрыты, видимо, еще действовал наркотик. Снова к Джоктару пришла та же мысль: он не такой, как другие. На него почти не действуют уколы, после которых все на корабле, кроме пилота, спят и не чувствуют перегрузок.

Он же бодрствовал, но не ощущал неудобств. Ни вибрация корабля, ни узкое ложе, ни даже перегрузки не угнетали его. Эти ощущения, напротив, давали прилив энергии. Быть может, для его организма повышенное давление и тяжесть — не осложнения, а родная стихия?

Перегрузка пошла на убыль. Джоктар освободился от ремней и сел, магнитные подошвы сапог прижались к полу. Он знал: до трапа нужно сделать четыре шага. Точно, вот и ступени. Он не был пилотом, но откуда-то пришло к нему это знание: четыре шага...

Юноша отворил дверь в кабину управления. Рисдайк полулежал в кресле, держа руки на пульте. Хотя кораблем управляли сейчас автоматы, человек обязан быть наготове.

Терранец занял кресло напротив видео. Почти во весь экран висел Фенрис: где серебристый, где темно-голубой. И везде ужасающе холодный... Таким знали его те, кто боролся за выживание на ледяных просторах неласковой планеты.

Джоктар прикрыл глаза... Серебристый шар... Нет, там был другой цвет... Из недр его спящей памяти вдруг полихнуло так ярко, что юноша вздрогнул.

— Золото... — пробормотал он, словно в трансе. — Золотая планета...

Лицо Рисдайка, полудремавшего в своем кресле, ожило.

— Золотой мир, — проговорил он мечтательно. — Есть во Вселенной место, которое так называют. Фаллиане знают его... И снова из уст пилота полились таинственные звуки: — Фалл, Ируктар ллиуми, Рис сия тур мана...

Музыка этих слов вошла в Джоктара, он почти понял их смысл. Но тут же физически почувствовал монолитный барьер в сознании, разрушить который он не мог. Его душило бессилие и бешенство. Он понял, что всю жизнь не имел ничего более ценного, чем погребенное в нем самом сокровище. И не отыскав его, он не сможет быть счастлив.

— Кто такой Фаллиан? Где этот Золотой мир? — требовательные вопросы юноши прозвучали, как выстрелы бластера.

Рисдайк, немного помолчав, ответил на второй вопрос:

— Его нет ни на одной нашей карте.

— Почему?

— Потому что, когда человечество узнало о нем, оно отвергло протянутую руку. Вернее, ее оттолкнули трусы от имени всех людей, — с горечью произнес Рисдайк.

— Как же так?

— А вот так. — Рука пилота, лежащая на пульте, сжалась в кулак, готовая со всей силы стукнуть по нежным клавишам.

— Наши прекрасные боссы там, на самом верху, не пожелали мириться с тем, что в Галактике кто-то выше нас.

— Выше? Но ведь Кандас, Тас и Зафт еще не знают космоплавания, а тлоляне пока не летают дальше планет своего солнца.

— Тех, кто отстают от нас, знают все. Их мы охотно признаем. Но... — с уст летчика сорвалось гневное ругательство, — ни ты, ни другие никогда не слышали даже краем уха о Фаллиане... Но я знаю — он существует... Я видел видеоленту... Я слышал голос... — Его смягчившееся на минуту лицо вновь помрачнело. — Ты знаешь, за что меня выкинули из космической службы? Потому что я хотел лететь туда, хотел найти Золотой мир. Хороший разведчик — внушали мне боссы — дисциплинирован. Он не видит, не слышит и не думает ни о чем, что запрещено Уставом.

— Ты разведчик?

— Был. В Отделе Исследований. Однажды, патрулируя в одном дальнем секторе, я обнаружил на астероиде маяк и ответил на зов. Не я первый его нашел: туда уже летал один корабль и привез ленту. Я расшифровал ее, нарушив приказ. Потом я решил лететь туда — снова вопреки строжайшему запрету.

— Куда ты хотел лететь?

— На зов маяка, туда уже ушло несколько наших кораблей, экипаж которых видел ленту. Но перед этим я доложил, что слышу маяк, и они послали за мной патруль. Я даже не успел передать, что ждем.

— Чего ждем?

— Тех, кто поставил маяк. Они существуют. На ленте я видел, как фаллиане прилетели к Терре, как патрули встретили дружественные корабли и попытались уничтожить, правда безрезультатно. Так человечество оттолкнуло посланцев, направленных к нам для помощи.

— А ты?

— За то, что я узнал о фаллианах, меня уволили и сослали на Хел простым рабочим. Оттуда меня вызволил Хоган, который искал пилота: видимо, собирався обзавестись торговым кораблем. Хоган тоже знает о Фаллиане.

— А что стало с разведчиком, который побывал у маяка и привез ленту?

— Он вернулся, но...

— Там он был в плену и бежал?

— Нет! — Рисдайка явно рассердило предположение. — Там он был свободен. Ленты говорят, что фаллиан не следует опасаться — они ищут только мирных контактов. Так что этот разведчик угодил в плен не там, а здесь... Вскоре он был расстрелян собственным шефом.

— За что?

— Он побывал там и мог доказать, что Золотой мир существует. Хотя по поводу его смерти было сфабриковано фальшивое объяснение, кое-какие слухи просочились — ведь весь персонал не расстреляешь... Нет сомнения: Марсон был у фаллиан, видел Других — тех, кто летает в недоступные нам миры. Ему было хорошо там, но он вернулся.

— Зачем?

— Он привез от них приглашение.

— Почему же служба не вступила в контакт?

— Потому что наши высшие боссы испугались. Другие владеют тем, чего нет у нас — бессмертием.

Рисдайк сидел прямо, вперив взгляд в экран, где висел в пустоте диск Фенриса. Какие видения проплывали в эту минуту перед глазами пилота?.. Когда он заговорил вновь, голос его был тусклым и бесцветным.

— Люди — и боги... Смертные — и вечные... Одни завидуют другим, боятся и ненавидят их за то, что будущее у богов бесконечно. Марсон вошел в контакт — и боссов обуяли страх и ненависть к Другим, перед которыми они всего лишь неразумные дети.

В кабине появился Хоган, облаченный в тунику офицера Космической службы. В таком виде он мог бы пересечь Н-Йок, и никто не заподозрил бы в нем мелкого торговца или предводителя банды. Он, видимо, слышал их разговор.

— Все это неправда. Другие не бессмертны. Эта выдумка выгодна тем, кто хочет представить Других нелюдями, монстрами. В Золотом мире просто живут гораздо дольше, чем в наших.

— Но зачем понадобилась эта ложь? — допытывался Джоктар.

— Это давняя и запутанная история, — начал Хоган, опускаясь в кресло. — Контакты с Другими зародились лет пятьдесят назад.

Фаллиан видели Морре, Ксанга, Том (дед Большого Тома), Марсон, про которого ты сегодня слышал.

— Я слышал и про Морре, — сказал Джоктар. Но ведь он давно умер, а звездный Союз, который был образован благодаря гениальному уму и организаторскому таланту Морре, теперь снова распадается.

— Согласен, Морре — гений, но он — злой гений. Фанатик с манией величия. То, что он узнал при первом контакте с Другими, привело его в ярость. Все силы он вкладывал в утверждение собственного превосходства, и вдруг оно оказалось под угрозой. Так что вовсе не для человечества, а лично для Морре Другие представляли опасность. И тогда он сделал все, чтобы не допустить новых контактов. Фальсифицировалась ложная информация, появились нелепые слухи о жестокости Других. Например, была организована «утечка» информация о гибели Тома, якобы захваченного и убитого Другими.

Влияние Морре было тогда почти безграничным. Он добился своего: человечество стало думать о таинственной расе, как о монстрах, контакт с которыми чрезвычайно опасен. Всю эту акцию Морре организовал с присущим ему блеском. Он уже умер, а мы до сих пор пожинаем горькие плоды его амбиций, сфабрикованной им лжи.

— Даже без войны не обошлось, — грустно заметил Рисдайк.

— Да. Эту войну развязали мы. Фаллианцы поняли, видимо, ее подоплеку и ушли — ради своей и нашей безопасности. Но они и потом стремились контакту с людьми, разбрасывали вблизи наших звездных трасс свои маяки. Эти устройства были избирательно настроены на «волну» тех, кому контакт может быть интересен. И время от времени то один, то другой корабль — торговцы, разведчики — уходил в Золотой мир, услышав зов маяка... Однако, сейчас нам нужно думать не о Фаллиане, а о Локи...

— Верно, ведь мы хотим встретиться с Кулланом.

Хоган не отозвался, погрузившись в раздумья. После долгого молчания он, судя по всему, принял важное решение и заговорил:

— Перед приходом сюда я беседовал с Саа и Минтой. Боссы предлагают вместе с ними идти на встречу с Кулланом. Мы с Саммсом согласились взять их с собой. Но вот в чем загвоздка: мы непрерывно будем находиться под явным и тайным наблюдением. Нужно, чтобы был еще кто-то, более свободный. Бой, — он подошел к Джоктару, — как твое плечо? Дай-ка я на него взгляну.

Юноша расстегнул тунику и скинул ее, затем снял рубашку. По его мнению, рана почти зажила. О ней напоминал порядочный шрам, который уже затягивался розовой кожей. Но Хогану что-то не нравилось.

— Заживает неплохо, — он потрогал рубец. — Но если рана чуть растреволжится, может начаться воспаление. Так что по прибытии на Локи ты отправись в клинику.

— Зачем?

— Затем, что кто-то из нас должен остаться без «хвоста». И потом, я хочу быть уверен, что с тобой все будет в порядке и ты никуда не денешься.

Джоктар замер, продев голову в ворот рубашки.

— Не беспокойся, без бумаг и без денег я не смогу улететь куда бы то ни было.

— А я и не думаю, что ты сбежишь. Но тебя могут увезти силой.

— Ты опасаясь, что меня, как беглого эмигранта, схватит патруль?

— Послушай, — Хоган стоял перед юношей, заложив руки за пояс и раскачиваясь на носках. — Если мои предположения верны, то тебе, бой, есть кого бояться и кроме патрулей.

Глаза Рисдайка понимающе сузились, он согласно кивнул.

— Но за что меня могут преследовать? — запротестовал Джоктар. — Ведь к вашей войне с промышленниками Фенриса я почти не причастен.

— Фенрис? — Хоган рассмеялся, но тут же лицо его вновь стало серьезным. — Это наша ближайшая и, вероятно, простейшая задача. Мы опутаны дюжиной пауков, которые ткут свои сети с непревзойденным коварством. У нас немного шансов вырваться из их липкой паутины. Но если мы сумеем прорвать ее, то преве́рнем всю Галактику. Мы добываем свободу не для одного Фенриса, а для целой расы, именуемой человечеством!

ГЛАВА 10

Хоган, задумавшись, пристально разглядывал свои, лишенные загара, но большие и твердые руки. Его пальцы машинально двигались. Джоктару пришли на память нервные руки игрока, перебирающего полученные от дилера карты перед тем, как сделать ставку. Наконец, шеф спросил:

— Когда мы сядем на Локи?

Рисдайк нажал какие-то клавиши и взглянул на то, что появилось в окошечках приборов.

— На этой крошке мы будем через неделю по планетарному времени. Этот корабль — сама скорость.

— Целая неделя... — Хоган был разочарован.

— Что с нашими пассажирами?

— Они неважно перенесли наркотик, — нахмурился Хоган. — Особо нужно присмотреть за Саа — он такой хилый. Минта значительно крепче.

— А как Саммс?

— Хмм... Он строит радужные планы. Дайте ему свободный Фенрис, и через пяток лет — заявляет он — с ним будут считаться и Саа, и ему подобные.

— Ага, Саммс желает Фенрис. Ясно...

— Саммс желает очень многого. Другой вопрос, чего он добьется...

Джоктар решил вмешаться:

— Он опасен.

— Это твоя оценка? — Хоган благожелательно кивнул юноше. — Ты проницателен. — Однако, — он усмехнулся, — есть у Саммса одно «но»: его аппетиты несоразмерны с его возможностями. А теперь, мой раненый гладиатор, — проговорил Хоган, потрепав юношу по плечу, — ты отправишься в свою каюту и до самого прилета будешь лежать с серьезной раной. Тебе не придется симулировать, я позабочусь об этом, бой.

Хоган сдержал слово. Отыскав в медицинском отсеке нужные инструменты, он весьма профессионально сделал рану чрезвычайно болезненной. В результате этих манипуляций к моменту прибытия корабля на Локи Джоктар не думал ни о чем, кроме горящего от боли плеча.

Корабль сел на поверхность планеты удивительно мягко: Рисдайк еще раз продемонстрировал свой пилотский класс. Хоган пришел в каюту к Джоктару и, встав возле самой койки, дал последние наставления:

— Как только мы сойдем, тебя немедленно повезут в клинику. Им приказано определить тебя в изолятор — это хорошо. Лечись и ни о чем не беспокойся — когда придет время, мы дадим о себе знать.

...Норнес, столица Локи, был построен на множестве островов. Джоктар видел их в иллюминатор воздушного скутера, куда его перенесли прямо из люка корабля. Внизу проплывали приземистые, не выше пяти этажей, здания. Скутер сел возле одного из них. Джоктару отвели комнату на самом верхнем этаже. Вероятно, каменный берег острова был близко: день и ночь в него с усыпляющим монотонным рокотом бились волны прибоя.

Он сидел на своей койке, когда неотличимый от остальной стены овал заискрился и исчез. В образовавшийся проем шагнул тот же самый медик, что принимал его и заботливо устроивал в палате. Но сейчас лицо вошедшего было хмурым. И когда он заговорил, голос был отчужденным, почти враждебным:

— Что за игру затеял Хоган?

— Игру? — переспросил Джоктар. Его мозг, затуманенный лихорадкой — результат сделанной Хоганом операции — не мог мгновенно сориентироваться.

— Я дал согласие лечить тебя здесь, — насупившись, проговорил врач, — но совсем не хочу, чтобы мне свернули шею.

— Не понимаю, о чем...

Медик, не дослушав, протянул юноше капсулу:

— На, раскуси. У тебя прояснится в голове.

Джоктар послушно раскусил оболочку. Разлившаяся во рту жидкость имела вкус острый и освежающий. Тут же он ощутил, как в мозгу тает обволакивающий его вязкий туман.

— К тебе посетители. По-моему, не очень приятные...

Мгновенно юноша интуитивно почувствовал атмосферу опасности, такое чутье не раз выручало его из беды на улицах Джет-Тауна. Знает ли Хоган обо всем происходящем, или эти события разворачиваются за его спиной?

У входа коротко звякнул сигнал. Медик резким толчком бросил Джоктара в постель. Терранец понял: он лег и откинул голову на подушку, демонстрируя слабость. Однако глаза из-под прикрытых ресниц неотрывно смотрели на контур входного отверстия. Вот по нему пробежала знакомая уже искристая рябь, снова дверь растворилась в воздухе. В ней показался незнакомый медик, за ним шагнул мужчина с густым космическим загаром, в серебристо-серой тунике, на эмблемах которой переливался рисунок созвездия. Внимание юноши привлекли большие звезды на плечах космолетчика: не ниже рангом, чем командор Сектора!

Плечи вошедшего плавно переходили в напряженные бицепсы рук. Джоктар поглядел ему в глаза. В них не тлела знакомая юноше вечная вражда — глухая неприязнь улицы, слепая злобность наркоманов, привычная — и тем особо опасная — безжалостность бандитов... Нет, нечто более страшное увидел он в этих глазах. Рука юноши невольно опустилась к поясу, на котором сейчас не было оружия. Медик, как бы предупреждая, крепко сжал его потную от слабости кисть. Человек в сером продолжал смотреть на Джоктара. Во взгляде не было гнева или ненависти, он смотрел так, как смотрят на странный предмет, но не на живого человека.

— Точно. Он! — глухо произнес офицер, и тотчас в комнату вошли двое в форме.

Где-то сзади раздался взволнованный голос врача:

— Вы не имеете права. У больного налицо гнойное воспаление, тяжелая лихорадка.

Чуть позже голос добавил:

— Я подозреваю фанговую лихорадку.

Те замерли, боясь приблизиться. Медик назвал самую страшную и заразную из всех известных болезней.

— Это специальный изолятор с силовой защитой, — продолжал врач. Его коллега, пришедший вместе с людьми в сером, подтвердил:

— Я уже доложил Ленноксу: это специзолятор индекса «А».

Медик разжал руку, державшую кисть юноши и смело повернулся к офицеру.

— Я понимаю, что сопротивляться бессмысленно. Внизу, наверняка, целый отряд ваших людей. Но вы, командор, обязаны знать: больной с подозрением на фангоид не должен покидать изолятор до тех пор, пока не будет абсолютно исключена всякая опасность этой инфекции. Это приказ Галактического Совета, и вам он известен.

Он повернулся к другому медику, его голос звучал повелительно:

— Шоу, проводи этих посетителей в бокс «С» и проследи, чтобы всем была сделана профилактическая прививка: они переступили порог специзолятора. А теперь идите за ним. Все. Быстро!

Уверенный тон подействовал: через минуту дверь снова затянулась непрозрачным пластиком. Джоктар медленно сел. Врач устало провел ладонями по лицу и вдруг улыбнулся.

— Теперь они заняты на несколько часов — пока не закончатся профилактические прививки. Но... если через десять часов у тебя не проявятся симптомы фангоида, они возьмут тебя прямо здесь. За всем этим стоит Леннокс, а он не дурак, вокруг все наверняка заблокировано на случай твоего бегства. Зачем ты понадобился Ленноксу?

— Понятия не имею. Я даже никогда его не видел.

Но на нем, наверняка, серая туника, — пришла откуда-то мысль. — Серая туника — опасность. Почему? Если бы знать это!

— Нужен Хоган, — медик тем временем размышлял вслух. Что за манера: никогда ничего не объяснит, сами, мол, выкручивайтесь в случае чего.

— А как связаться с Хоганом? — встрепнулся Джоктар.

— Юноша, — голос звучал устало и раздраженно. — Уже битый час я только этим и занимаюсь. Но ни по одному из оставленных им трех адресов его не смогли застать.

— Его схватили? — полуутвердительно спросил Джоктар. Мозг его лихорадочно работал: взяли Хогана — началась охота за всеми его людьми. Но совершенно непонятно, почему этой, чисто полицейской, акцией руководит Леннокс?

— Нет, не схватили, я бы об этом уже знал. Но все равно тебя нужно срочно убрать отсюда и надежно спрятать. Дело не простое: клиника окружена охранниками.

Джоктар понял: ему необходима берлога не хуже той, что Керн устроил для него в Сан-Споте. Но здесь он не знал никого, не ориентировался в этом городе. Он помнил лишь острова, соединенные мостами. А что может быть легче, чем перекрыть мосты?..

— А если по воздуху?

Медик пожал плечами:

— Питание всем скутерам передается по энергетическим лучам из центральной станции. В первую очередь они отключат питание — и весь воздушный транспорт будет парализован.

— Помню, Хоган говорил, что будет на Семи Морях. В каком это месте?

Врач достал микропленку, вложил ее в видеоустройство и напечатал ее на стену. Перед ним возникла четкая и очень подробная карта. Медик комментировал:

— Здесь клиника. Семь Морей — второй остров слева, вот тут. Живут там, в основном, высокопоставленные боссы. Почти весь остров, имеющий форму треугольника, занят одним гигантским зданием, также о трех углах. На западном побережье разбит великолепный сад.

Это здание — настоящий город, со своими театрами, кафе, лавками и магазинами. Есть прекрасные залы для проведения конференций, симпозиумов. В таком доме можно провести всю жизнь, никуда больше не выходя. Да и охранять его нетрудно.

— Кого туда пропускают беспрепятственно?

— Весь персонал, а также многих гостей. Дело в том, что формула каждого из этих людей хранится в памяти опознавательной системы.

— Нельзя ли подделать мою формулу?

— Нужна сложная операция, а это займет немало времени.

— Неужели кодирование всех формул сделано с ведома и согласия высших боссов?

— Конечно, ведь меры безопасности в их же интересах. Тем более, что Локи — традиционное место встреч не только боссов Фенриса и Хела, но и планетных систем Бета Лупи и Альфа Лупи. На острове Семи Морей совершаются миллиардные сделки. Понятно, что их участники требуют надежнейшей охраны своих персон.

На Джоктара вдруг повесело чем-то очень знакомым.

Да это же Джет-Таун! Те же порядки, что в «Верхнем» городе!

— Значит, подделка исключена. Но кто-то может пройти туда, минуя контрольную аппаратуру?

— Только патрули. Да еще наши «друзья» разведчики.

— Хммм, патрули...

— Нет, нет, это исключено. Каждый патрульный имеет личный знак — код идентификации личности, подделать который невозможно. Ты тут же будешь схвачен, как самозванец, если не ответишь на запрос-сигнал другого патрульного. Разведчики — другое дело. У них и экипировки такой нет, да и заняты они сейчас не в Семи Морях, а здесь — твоей персоной.

Джоктар слез с койки, подошел к карте и начал всматриваться в зигзаги улиц, стараясь запомнить мельчайшие подробности. Вдруг он показал медику свои руки:

— Они черезчур бледные, нужен загар.

— Это не твоя забота.

— Через сколько времени станет темно?

— Темно? Можешь на это не рассчитывать, вечером все острова осветит яркая иллюминация. Что у тебя на уме?

Осторожность, впитанная в плоть и кровь за годы жизни в Джет-Тауне, подсказала юноше ответ:

— От тебя мне нужен план здания клиники и пигмент для кожи. Об остальном ты не будешь знать, зато не сможешь и рассказать, даже под «порошком истины».

— Ты прав. — Врач заторопился. — Силовое поле, запирающее твою комнату, могу открыть только я или мой помощник. Так что сиди спокойно и жди: я принесу все, что тебе нужно. А «темнота», то есть вечер, наступит уже скоро, через час. Не будем поэтому терять времени.

Проводив медика, Джоктар стал мерить шагами небольшую комнату. Лекарство, находившееся в капсуле, оказалось поистине чудодейственным: боль и озноб как рукой сняло, к нему вернулись силы и ясность мыслей.

Итак, ему нужно попасть отсюда на остров Семи Морей. Самим простым казалось переодеться разведчиком. Человеку в сером вряд ли станут задавать лишние вопросы... Где же запропастился этот медик?

Наконец врач вернулся и тут же взялся за дело. Он нанес на лицо и руки юноши какую-то жидкость, и вскоре на них проступил тот характерный загар, который отличает космонавтов от всех других людей. Затем медик подал ему сверток:

— Это форма здешнего персонала. В конце коридора есть антиграв, на нем ты опустишься на первый подземный этаж.

— А сколько всего подземных этажей? — спросил Джоктар, переодеваясь. После неудачного бегства через крышу Сан-Спота, он стал отдавать предпочтение подземным путям.

— Четыре. Первый этаж — служебный. На втором — помещения персонала и администрации. На третьем — информационное хранилище. Ну а четвертый отдан под энергетические системы.

— А как с выходами наружу?

— Кое-что я для тебя придумал, — врач довольно улыбнулся. — Смотри. Вот схема ворового этажа. Его площадь недавно увеличили, появился вот этот коридорчик. Тут решено оборудовать с десяток кабинетов. А пока есть только одна маленькая комнатка. Вот здесь. Улавливаешь, как она расположена?

— Еще бы. Коридор подходит вплотную к берегу острова, а эта комнатка оказывается прямо под мостом.

— Вот, вот. Теперь дальше. Это план первого этажа, куда ты спустишься на лифте. Здесь я отмечаю крестиком кладовую аварийного оборудования. Есть там и небольшой чьювер. Берешь его, идешь на второй этаж, вырезаешь в комнатке кусок стены — и ты под мостом. Чем плохой план?

— Ты-то как же? Они ведь сообразят, что сам я никогда бы не выбрался отсюда.

— Пусть думают, что хотят. Другой вопрос, что они смогут доказать? И потом: разведчики не объясняют, зачем ты им нужен. Как только ты исчезнешь, мы сразу кладем на твое место пациента с настоящей фанговой лихорадкой. Когда болезнь в разгаре, лицо у человека раздувается так, что его и мать родная не узнает. Им потребуется несколько дней, чтобы догадаться о подмене. Надеюсь, что ты за это время сумеешь найти Хогана и все у вас будет как надо... Если, конечно, он не попал в руки патруля. Ну, а если так — я почему-то верю, что ты и тогда сможешь позаботиться о себе. Ну, иди...

Врач подошел к стене, дверь открылась и пропустила Джоктара. Во весь коридор — бледнозеленые сплошные стены, хотя в них, наверняка, есть двери. Юноша оглянулся: проема, откуда он только что вышел, уже не стало — перед ним была стена, такая же глухая, как остальные... Он дошел до лифта и спустился на служебный этаж. Неподалеку послышались голоса, юноша припал к стене.

Он припомнил схему. Коридор выходит в большой холл, за ним нужно войти в новый коридор. В конце его — запертая дверь, ключом для которой служит маленький силовой конус, зажатый сейчас в его

ладони. Там нужно отыскать чьювер и спуститься этажом ниже. Пройдя через ряд помещений, он попадет в пустую комнату, где ему предстоит применить похищенный аппарат.

Вроде он ничего не забыл, но... Многое зависит от того, сколько сейчас здесь людей. Правда, уже настает час ужина, большинство отправится в столовую. Но могут остаться те, кто занят срочной работой...

Голоса стихли, удаляясь. Джоктар двинулся вперед. Вот и большой холл. В креслах у стены сидели девушка и парень, одетые так же, как он. Перед ними на столе стояли напитки и какая-то еда, а рядом светился экран, от которого они не отрывали глаз. Сумеет ли он незамеченным пересечь холл? Попытаться можно: они так захвачены зрелищем, что ничего не видят вокруг. Джоктар усилием воли заставил себя идти неторопливым шагом. Искоса взглянув на экран, он увидел плавающие в невесомости фигуры танцовщиц, выделявавших замысловатые пируэты под таинственную музыку. Зрелище было поистине феерическим, оно полностью поглотило внимание молодой пары. Наконец, просторный холл позади. Его никто не окликнул...

Стараясь ступать как можно бесшумнее, он пробежал коридор, достиг указанной медиком двери и вставил конус в едва заметное отверстие. Дверь подалась, он вошел внутрь.

Вдоль стен тянулись стеллажи с самой различной аппаратурой и инструментом. Найдя то, за чем он сюда пришел, юноша испытал тревогу: небольшой, по словам медика, чьювер был, однако, слишком громоздким, чтобы нести его незаметно. А ведь тащить эту махину нужно бог знает в какую даль — через этажи, коридоры, холлы...

Он стоял в раздумьи посреди кладовой, пока взгляд его не наткнулся на стоявшую в углу тележку с пылесосом и полотером. Стащив пылесос, он задвинул его за стеллаж, а на его место водрузил чьювер.

Выкатив тележку в коридор, Джоктар запер кладовую. Теперь предстояло пройти обратный путь до антиграва, не навлекая на себя подозрений. Он снова почувствовал себя дилером, но сейчас ставкой в игре была его жизнь.

На пороге холла он на секунду остановился, прислушиваясь: оттуда доносилась все та же «космическая» музыка. Сидевшим перед экраном молодым людям она, по всей видимости, нравилась: звук был включен на максимум. Юноша усмехнулся: в первый раз он оценил балет в невесомости, хотя обычно к подобным зрелищам относился безразлично. И под гремющую «музыку сфер» он неспешным шагом пересек холл, толкая перед собой тележку.

Вот и коридор. Никого. Лифт. Все тихо. Нажав кнопку спуска, он перевел дыхание. Спокойно, нужно готовиться к новому переходу.

Внизу кабинеты служащих, почти нет шансов никого не повстречать на пути.

Антигравитационная площадка остановилась; толкая тележку, Джоктар двинулся вперед. Три двери — прямо, потом — налево по коридору. Так, теперь направо до конца и еще раз направо. Нарисованный медиком план стоял перед глазами, терранец был уверен, что идет правильно — он снова был уверен в себе.

Опять голоса, они совсем рядом. Двое в туниках с эмблемами младших медиков шли навстречу, оживленно беседуя. Первый был настолько поглощен разговором, что не обратил внимания на Джоктара. Но второй остановился и резко спросил:

— Почему ты здесь в вечернее время?

— Срочная работа, шеф. Аквариум в солярии дал течь...

Юноша, к своему облегчению, увидел, что ему поверили. Он мысленно поблагодарил врача за его советы.

Придирчивый медик проворчал, обращаясь к напарнику:

— Аквариум течет чуть ли не неделю, а они только сейчас удосужились послать рабочего...

Джоктар не спеша покатил свою тележку дальше, убеждая себя, что он направляется по важному делу — отремонтировать аквариум...

ГЛАВА 11

Незаметно для себя он наклонялся над тележкой все ниже и ниже, поминутно ожидая окрика или заряда бластера, который сожжет ему спину. Но он продвигался вперед ярд за ярдом, минуя закрытые двери, полуоткрытые двери, распахнутые настежь двери, из-за которых доносились голоса, музыка, смех. Было время ужина, но на этом этаже, похоже, все придерживались какой-то изнурительной диеты и по вечерам не ходили в столовую...

За поворотом он увидел, что впереди две открытые двери: слева и справа по коридору. Легенда о ремонте аквариума здесь не годилась: хотя вода из него и продолжала, по всей вероятности, сочиться, но происходило это в другом крыле этажа. Стараясь унять бешеные удары сердца, терранец заставил себя идти вперед тем же неторопливым деловым шагом.

Казалось, коридор тянется уже многие мили. Но вот, наконец, юноша завернул за угол, в недавно оборудованную секцию. Все двери здесь были закрыты: помещение, как и предупреждал медик, пока

пустовало. Теперь осталось добраться до последней комнаты и пустить чьювер в ход.

Джоктар втащил тележку в пустой кабинет и в изнеможении присел возле стены, намечая взглядом план предстоящих работ.

Затворив дверь и подперев ее для верности тяжелой тележкой, он взял в руки аппарат и, передвинув регулятор на максимум, нажал гашетку. В его уши, в мозг ворвался невыносимый низкочастотный вой. Все тело сотрясилось от вибрации, отдававшей болью в плохо зажившем плече. На стене против него вспухло пышущее жаром белое пятно. Оно было нестерпимо ярким, юноше пришлось прикрыть глаза. Он жал и жал на гашетку, борясь с вибрацией и адской жарой. Она становилась все сильнее, но он не отпускал чьювер до тех пор, пока не запахла паленой тканью его туника. Тогда он отошел от раскаленной стены в другой конец комнаты и выключил машину. Здесь он набрался смелости приоткрыть воспаленные глаза. По ослепительно белому контуру стекал расплавленный камень. Резь в глазах не унималась, он опять прикрыл их. А когда через минуту вновь поднял обожженные веки, то увидел, что стена по линии выреза стала заметно тоньше. Джоктар разогнал тележку и со всей силы ударил в стену. Она, не выдержав тарана, подалась, и тележка выскочила на улицу. Юноша втащил ее обратно и снова ударил в оплавленный камень, еще и еще, пока дыра не расширилась настолько, чтобы он смог пролезть. Снаружи донесся рокот прибора, морской ветер обдувал стену, охлаждая ее жаркое дыхание. Джоктар снова подпер дверь тележкой, чтобы проникнуть в комнату было нелегко, и вышел наружу.

Над головой светилась огнями ажурная радуга моста, соединявшего этот остров с соседним. Совсем рядом бились волны — он находился у подножия крутого скалистого берега.

Терранец принялся в темноте ощупывать каменный откос. Он обнаружил углубления и трещины, по которым, при известной ловкости, можно было подняться вверх. Он начал подъем; первые шесть футов дались довольно легко, но до моста было еще порядочно. Гораздо труднее оказалось карабкаться дальше: здесь строители моста обрабатывали и сгладили камни, уцепиться было не за что. Когда юноша оседлал наконец балку под мостом, все его тело была дрожь изнеможения.

Силы понемногу возвращались. Пора подумать о дальнейшем пути. Идти по ярко освещенному мосту Джоктар не рискнул. Его прожженная во многих местах одежда, необъяснимое появление «из-под земли» чуть ли не на середине моста сразу насторожили бы охранников.

Выбор был невелик: если не по мосту, значит — под ним, хотя это очень трудно. А там придется достать где-то форму разведчика. Где? Как? Терранец покачал головой: не время сейчас об этом думать, ближайшая задача — попасть на соседний остров. Он верил, что ему это удастся. Ему до сих пор чертовски везло, полоса удачи должна и будет продолжаться!

Он пополз вперед по скользкой балке. Внизу билась о сваи вода, он ощутил на лице соленые брызги. Прожив много лет в Н-Йоке, он не научился плавать. Пришлось вспомнить годы тренировок: передвижение по ажурной арматуре требовало кошачьей ловкости. Внизу бурлили волны; над головой грохотали идущие по мосту машины. И те, и эти звуки кричали о поджидавшей его опасности. Но он упорно полз, прыгал, скользил вперед, лишь изредка приостанавливаясь, чтобы утереть заливавший глаза горячий пот. Для него в эти минуты вся Вселенная умещалась на узком ребре очередной балки, по которой нужно пройти и не сорваться в пенистую пучину. Он двигался почти вслепую: под мостом было темно, хитросплетения стоек и штанг приходилось угадывать или нащупывать.

Он не знал, сколько времени длился этот путь. Но вот он уцепился за последнюю опору, упиравшуюся в высокую каменистую стену — берег другого острова. Успокоив дыхание и дав минутный отдых мышцам, он подпрыгнул, и его пальцы ухватились за первый выступ, а ноги нашли первую трещину для опоры...

Это был нелегкий подъем, но он справился с ним. Достигнув набережной, юноша поскорее залез за каменный парапет. Все вокруг было тихо. Он осторожно приподнялся и выглянул из-за своего укрытия. Медик не соврал: его изъятию из госпиталя Леннокс действительно придавал экстраординарное значение. Неподалеку, вблизи фонаря, лениво прохаживался полицейский. Но рядом — Джоктар в отчаянии вцепился в камень парапета — рядом стоял человек в серой тунике.

Но что это? Разведчик сделал полицейскому прощальный жест и пошел — терранец не верил своему везению — пошел один вглубь острова! Прячась за парапетом, Джоктар, пригнувшись, двинулся за ним. Разведчик повернул в какой-то парк, где в тусклом свете редких фонарей кусты и деревья отбрасывали спасительную густую тень. Юноша почувствовал себя в родной стихии: на улицах ему не раз приходилось вот так же выслеживать соперника, представителя враждебного клана. От куста к дереву, от тени к тени. Парк кончился, освещенные окна домов обозначали городской квартал. Улица! Здесь не было равных тому, кто вырос в Джет-Тауне. Едва различимый в

тени домов силуэт скользнул вперед, обогнал разведчика и растаял в ближайшем подъезде.

Все ближе цоканье гравитационных подошв. Джоктар приготовился. Будь разведчик помассивнее, или заподозри он что-то, исход мог быть другим. Но он шел беспечно, полностью раскрытый для удара. И терранец нанес свой коронный удар, за который получил бы «отлично» от инструктора по рукопашному бою. Подхватив обмякшее тело, Джоктар опустил его наземь и снял со своей жертвы одежду. Он снова подумал, что сегодня ночь удач. Теперь у него есть серая туника, есть бластер, еще — его везенис.

Довершив свой наряд серой форменной пилоткой разведчика, терранец оттащил бесчувственное тело в темноту подъезда. Он знал: его жертва еще минимум час будет лежать здесь в беспамятстве, да и потом не сразу сможет вразумительно отвечать на вопросы тех, кто его обнаружит. А вопросов возникнет немало: ведь Джоктар «пожертвовал» оглушенному разведчику свою тунику с эмблемами клиники...

Редкие прохожие, торопившиеся по своим делам, не обратили никакого внимания на стройного офицера, уверенно шагавшего по улицам. Терранец пересек остров и оказался у моста, перекинутого к Семи Морям. Здесь не исключены встречи с охранниками. Джоктар замедлил шаг возле освещенной витрины магазина и стал рассматривать идентификационный жетон, оказавшийся в кармашке туники.

Итак, теперь он Рог Килинджер, имеет особое задание командора Леннокса. Чудесно! Он поднял глаза к витрине — там были цветы, множество чудесных букетов в чудесном магазине. И ночь в ярко освещенном городе была чудесной ночью! Разве доблестный разведчик Килинджер, вернувшись из полного опасностей рейса к враждебным планетам, разве не имеет он права этой чудесной ночью вволю повеселиться на острове Семи Морей? Только этот дворец развлечений достоин смягчить мужественную суровость космического волка Рога Килинджера, которому сам Леннокс доверяет особые и, конечно же, секретнейшие поручения!..

Полицейские! Они через каждую сотню ярдов стояли вдоль моста. Но ни один не обратился к Джоктару, не взглянул на проходящего мимо разведчика пристальнее обычного.

Медик не преувеличивал, расписывая роскошь Семи Морей. Вот он, знаменитый сад, где в отблесках разноцветных огней красуются здания причудливой архитектуры. Их шпили и вычурные башенки тонули в ночном небе Локи. Из темноты вдруг донеслось:

— Ваш идентификационный знак?

Как можно небрежнее Джоктар достал и протянул его.

— У тебя здесь дело, разведчик?

— Еще бы, — ухмыльнулся Рог Килинджер, — ведь я только что из дальнего рейса.

Полицейский хмыкнул:

— Боюсь, что ситуация не в твою пользу, тебе придется сегодня воздержаться от напитка грез. Говорят, ваш командор рвет и мечет.

— Все правильно, — пожал плечами беззаботный гуляка. — На то он и командор. А я — простой офицер, забывший в походе вкус напитка грез и запах хорошей отбивной.

— Выпей и за меня кубок, — полицейский улыбнулся и протянул ему жетон. — А мне еще долго здесь торчать сегодня.

— Что-то стряслось? — спросил Джоктар с вежливым безразличием.

— Тревога «Б», — пожал плечами часовой. — Это не особенно серьезно. «Б» объявляют всякий раз, когда какой-нибудь высокий босс обнаружит у себя на заднице прыщик. Не прячь свой знак далеко: сегодня придется часто его предьявлять.

— Спасибо, учту.

Махнув часовому на прощание, Джоктар вошел в сад. Если бы его побег был раскрыт, охрана не была бы столь беспечна! Вокруг, заглушая рокот прибоя, звучала музыка, смех, веселые голоса. Эти звуки были знакомы юноше — центры развлечений везде, в общем, одинаковы.

Из боковой аллеи вынырнула компания разряженных в дорогие туалеты людей и направилась, смеясь и щебеча, к ярко освещенному зданию. Джоктар решил не отставать и оказался на террасе, уставленной столами. Свободных мест не было; он увидел дверь и вошел в смежный зал. Здесь угощалось множество людей, одетых по моде самых разных планет. В многоголосье языков и наречий юноша различал иногда и терранскую речь.

Он попытался было вслушаться в слова, надеясь получить какую-то информацию, но вдруг заметил сидящего за одним из столиков человека в серой форме. Резко изменив маршрут, он пошел через зал мимо жующих и вкушающих изысканные напитки людей. Пряные запахи щекотали ему ноздри, от острого приступа голода он ощутил спазм в желудке. Стараясь отвлечься от мыслей о еде, он ускорил шаг, на ходу осматривая веселящуюся публику. Вдруг его взгляд остановился на двух мужчинах, вышедших из отдельной ниши. Они, перекидываясь короткими фразами, двинулись в том же направлении, что и Джоктар. В облике одного из них терранец уловил что-то знакомое. Вот мужчина чуть повернул голову... Это был Саммс!

Мгновенно оказавшись у двери, Джоктар рванул ручку и вышел прочь. Он предполагал попасть еще в один зал, а оказался на городской улице. Его оглушил смех и громкий говор ярко одетых людей, стоявших на движущихся лентах тротуаров. Раствориться в этой нарядной толпе ничего не стоило. Но вот среди ярких одежд мелькнула темная и потому приметная здесь — туника Саммса.

Джоктар, перескакивая с одной ленты на другую, стал пробираться поближе. Когда он был уже совсем рядом, Саммс и его спутник вдруг перешли на другую ленту, свернувшую в узкую малолюдную улицу. Чтобы остаться незамеченным, Джоктар приостал, пропустив вперед несколько более нетерпеливых попутчиков.

«Делегатов с Фенриса, — рассуждал юноша, — наверное, поселили всех вместе. Значит, следуя за Саммсом, он отыщет и Хогана».

В это время невысокий спутник Саммса любезно раскланялся с какой-то женщиной, повернувшись при этом в профиль. Юноша напряг зрение: сомнений нет, это же Саа, босс компании Харбанда! Ну и парочка! Их дружеская беседа накоротке никак не вязалась со смертельной враждой людей, еще недавно державших друг друга на прицеле бластера. В колоде Джоктара появилась козырная карта: его подозрения в двурушничестве Саммса подтвердились. Но сейчас эта карта только мешала игре: он уже был убежден, что дальнейшая слежка приведет к Хогану.

В этот момент оба сошли с движущегося тротуара. Для принятия решения у терранца были считанные секунды. Они уже свернули к зданию, где светилась кабина антигравы. Джоктар соскочил с ленты и успел встать на площадку лифта рядом с Саа.

Саммс, уже протянувший руку к панели управления, оглянулся. Джоктар замер: сейчас его узнают! Но то, что он увидел в обычно ледяных глазах, было совсем уж неожиданно. В них он прочел удивление и беспокойство. Такие эмоции в глазах, которые никогда ничего не выражали!

— Почему ты здесь? — голос Саммса звучал требовательно. — Мы же договорились с Ленноксом: до девятнадцати часов — никаких действий.

— Командор решил, что предосторожность не помешает, — пожал плечами терранец. — Я для страховки.

Нескрываемое беспокойство промелькнуло и на лице Саа.

— Зачем было в последнюю минуту корректировать тщательно согласованный план? Твое появление вместе с нами ставит под угрозу предстоящие переговоры.

Джоктар сообразил, что оказалось в центре каких-то событий. Но что же, Саммс действительно не узнает его? Или узнал, но не подает

виду? И с какой стороны причастен ко всему этому Леннокс со своими разведчиками?

— Я получил приказ, — лаконично ответил он.

Вполне может случиться, что сейчас Саммс прикажет ему выйти из кабины и отправиться восвояси. Но тот нажал кнопку, антиграв стал подниматься; не скрывая раздражения, Саммс все давил и давил на кнопку, площадка разгонялась все быстрее... Джоктар ухватился за поручень: резкая остановка сбросит человека в пропасть глубиной в десятки промелькнувших этажей.

Однако Саммс плавно замедлил подъем, они благополучно выбрались из кабины и оказались в холле. Первое, что бросилось терранцу в глаза, была зеленая туника полицейского и голубая — патруля. Саммс может подойти к ним, сказать пару слов и...

Но Саммс решительно направился к двери. Он прислонил ладонь к замку, дверь отворилась. Терранец шагнул в комнату. Саа, прежде чем войти, чуть замешкался, как бы преграждая своей спиной дорогу навязчивому разведчику. Но Джоктар неотступно следовал за ними.

Комната была богато обставлена. Скользя взглядом, юноша увидел утонувших в объятиях пышных кресел Рисдайка и Хогана. Но на их лицах было написано что угодно, только не блаженство. Джоктар перевел взгляд на стоявшего возле кресел патрульного офицера. Небольшой дискообразный пульт в его руках сказал юноше многое: оба свободных фенрианца были стиснуты силовыми путями.

— Сдается мне, — проговорил Джоктар, — что здесь играют не на равных.

Офицер вскинул голову — его глаза наткнулись на злобещий зрачок бластера.

— А ну брось это! — приказал терранец. Патрульный слегка разжал ладонь, державшую пульт. Хоган с Рисдайком шевельнулись: тиски поля ослабли.

— Ну-ка, быстро! — Джоктар протянул руку и поймал брошенный диск.

— Теперь вы, все трое, туда! — махнул он в направлении дальней стены. Когда Саммс, Саа и офицер подчинились, юноша сунул бластер в кобуру и подошел к пленникам.

— И вы, и я знаем, что это, — он поднял над головой диск управления, — можно настроить на непрерывное излучение. Я попробую вспомнить эту комбинацию... Трое у стены вдруг задержались под силовыми плетями. Саммс изрыгал проклятья, не преминув упомянуть всех предков Джоктара довольно нелестным образом.

— Ага, я, кажется, вспомнил! Так, а теперь вот так. Готово! — Джоктар застопорил кнопку в нажатом положении, затем положил

диск на пол.— Вы будете исполнять там свои акробатические номера, пока не иссякнет энергия, а произойдет это не скоро.

Саммс разразился потоком брани, адресовав одно из замысловатых ругательств Ленноксу.

— А он тут причем? — удивился Рисдайк.

— Наши друзья считают этого юношу посланцем командора, — рассмеялся Хоган.— Они клюнули на его маскарад.

Он обнял Джоктара за плечи:

— Молодец, бой. Но как ты ухитрился раздобыть эту форму, оружие и появиться здесь в самый критический момент?

Саммс, злобно прищурившись, взглянул на юношу, разглядев, наконец, его самого, а не одежду. В глазах, узнавших его, загорелся мстительный огонь. Джоктар понял, что до конца своих дней Саммс будет помнить эту проделку и при случае жестоко отплатит за нее.

— Меня пытались забрать из клиники разведчики, — объяснил терранец Хогану.— Я решил, что лучше сам уйду отсюда. Но я так и не знаю, зачем им понадобился...

— Саммс, — Хоган вернулся в кресло.— Признаю, я недооценил тебя. Ты человек Леннокса? Не потому ли командор в курсе всех наших планов и маршрутов?

— Я давно подозревал, Саммс, — вставил Джоктар, — что ты играешь мечеными картами.

Юркий Саа заерзал, ища наименее болезненное положение в силовых тисках.

Поняв безнадежность своих попыток, он заговорил:

— Я разумный человек и ценю людей, умеющих мыслить. Ты, Хоган, показал себя отличным логиком, способным занять гораздо более высокое положение, чем руководить шайкой отщепенцев. Да и мой Харбанд, я чувствую, для тебя лишь мелкая и побочная цель. Мы оба — деловые люди и могли бы заключить сделку.

— Такая оценка моей скромной персоны для меня лестна, — со светской вежливостью ответил Хоган.— Да, я человек здравомыслящий и опираюсь на логику. И что же ты мне предлагаешь?

— Деньги... Тебе мало?.. А твою жизнь?

— Меня в равной мере интересует и то, и другое. Не пора ли тебе, однако, начать открывать твои карты?

Рядом с тщедушным бизнесменом у стены стоял Саммс. Джоктар видел, как сузившиеся глаза в упор разглядывали Хогана, изучали его. Так человек глядит на своего заклятого врага, решающая схватка с которым неминуема. Взгляд серых глаз снова был ледяным, к Саммсу вернулась обычная самоуверенность. На что он надеялся? Чего-то ждал?

Терранец вмешался в разговор:

— Они умышленно тянут время.

ГЛАВА 12

— Конечно, — ухмыльнулся Хоган. — Тем не менее, будем хотя бы вежливы, если не можем проявить положенную почтительность к человеку, представляющему не кого-нибудь, а могущественную компанию.

Саа едва заметно кивнул: большего не позволяли силовые путы. Тем не менее тон его был язвительным:

— Я должен был обзавестись вверительными грамотами?

— К чему формальности? Я не сомневаюсь в твоих полномочиях. Итак, что конкретно может сделать для нас компания?

— Например, изменить правила импорта на более либеральные, чтобы Фенрис могли посещать свободные торговцы.

— А что в ответ требуется от меня?

— Не ходить к Куллану.

— Вот оно что! А я ломал голову: как ты, заслуживший репутацию неггибаемого человека, легко и просто обещаешь то, чего мы безуспешно добиваемся годы. Это наталкивает на определенные предположения. Но я не требую, чтобы ты подтвердил их правильность. Компании почувствовали перемену ветра, который может сейчас сдуть их с Фенриса при первом же публичном скандале. А поднять его, опираясь на нашу информацию, может советник Куллан, убежденный противник монополий. Лично я уверен, что компаниям в их нынешнем варварском обличье существовать недолго. Их крах приближается неотвратимо, и теперь поздно цепляться за полумеры, как поздно возводить дамбу, когда половодье уже началось. Ты же рассчитываешь, заключив со мной сделку, выиграть полгода, а то и год. Ты веришь, что за этот срок деньги и связи помогут вам перетянуть на свою сторону большинство в правительстве и получить карт-бланш на дальнейшее расширение богатств пограничных планет.

— Еще раз убеждаюсь в твоем уме, Хоган. мы можем отлично поладить, — улыбнулся Саа и тут же поморщился, истязаемый силовым бичом. — Война, объявленная тобой на забытой людьми планете, может затронуть не один сектор Галактики. Вот почему я пытаюсь сейчас хотя бы одного противника превратить в союзника — это все равно, что суметь обуздать разлившуюся реку.

— Я понимаю, ты хорошо информирован. — Хоган бросил взгляд на Саммса. — Тебе мало сделки с ним, понадобился еще и я. Не слишком ли мелкая игра для такого магната, как ты?

— Один твой козырь, — Саа показал глазами на включенный диск, — бьет все мои карты.

— Так уж и все?

— Мы напрасно теряем время. Час назад Леннокс считал, что достиг своей цели. И мы могли спокойно разыгрывать свою партию. Но теперь расклад изменился: козыри перешли к тебе. Но Леннокс еще не сделал своего хода.

Хоган сидел неподвижно, на его лице застыла холодная усмешка. Но Джоктар знал, что нервы шефа сейчас вибрируют, как натянутые струны.

— Я вижу, ты знаешь очень много.

— Да, знаю. И поверь, Хоган, я действительно осознал необходимость пересмотра методов освоения планет, ибо прежняя политика уничтожит нас. Но ты сейчас занес руку для удара по самой верхушке. Берегись: на твоем пути Леннокс, он постарается взять свое. Помни мои слова.

Вместо ответа Хоган взял со стола микрофон спецсвязи. С уст Саммса слетело сдавленное ругательство. Хоган набрал код, экран осветился. На нем появилось чье-то лицо, вопросительно глядевшее на Хогана. Тот поднес микрофон ко рту:

— Советник, это я, Хоган. Мы получили информацию, что Леннокс...

Речь его прервалась, он не мог больше произнести ни звука. Удар, нанесенный врагом, проник через стены, через пол, через воздух и достиг цели.

— Вибратор,— едва прохрипел Джоктар, скорчившись от нестерпимой боли. Мощностъ излучения указывала, что его источник где-то совсем рядом.

Извиваясь и хрипя от боли, покатился по полу Рисдайк. Хоган, обливаясь потом, пытался противостоять разрывающему мозг и тело кошмару. Прижимая ко рту микрофон, он тщился произнести хоть одно членораздельное слово. Джоктар, несмотря на жуткие судороги во всем теле, устоял на ногах. Он даже ухитрился сделать несколько шагов к двери и направить на нее бластер.

Сзади послышался полустон-полухрип. Терранец оглянулся. Хоган, с искаженным болью лицом, глазами показывал на судорожно сжатый в его руках микрофон. Джоктар двинулся к нему, содрогааясь от изнуряющей пытки ультразвуком. Он сумел дотащиться до шефа и взял микрофон, стараясь при этом держать вход под прицелом бластера.

Собрав все силы и удивляясь, откуда они берутся, он поднес микрофон ко рту. Только это может спасти их! Напрягая непослушные губы, стараясь хоть на секунду унять бьющийся в такт вибрации язык,

он мучительно пытался превратить свое звериное мычание в человеческую речь.

— 3-з-д-е-сь в-виб-бр-р-атор... — Каким трудом дались ему эти слова! Если бы только их понял человек, мелькнувший на экране...

Экран! Он снова осветился. Появившийся на нем человек смотрел несколько мгновений на него, перевел взгляд на скрючившегося Хогана и исчез. И тут же сокрушительная судорога сбила Джоктара с ног, микрофон покотился по полу, экран погас.

Видимо, вибратор переключили на максимум. У Рисдайка из горла хлынула кровь. Саа без чувств обвис, поддерживаемый лишь силовым полем диска. На тряпичную куклу с закатившимися глазами походил и патрульный офицер. Из троих только Саммс не совсем еще отключился.

Страшная боль потрясла Джоктара. Но он вдруг почувствовал, что даже сейчас может двигаться, и лениво удивился этому. В помутненное сознание пробивалась мысль о необходимости защищаться. Превозмогая судороги, он прополз мимо Рисдайка и ухватился за стол, пытаясь подняться на ноги. Рядом в кресле неподвижно лежал Хоган. Джоктар отметил, что шеф в сознании. Вот он задержался, глядя на вход.

Джоктар обернулся: дверь отворилась, пропустив человека в костюме высшей защиты. Терранец знал, что это такое. Бластер бесполезен, даже выстрела в упор этот человек просто не заметит. И все же Джоктар заставил себя подняться на ноги — пока есть силы, он не хотел сдаваться.

Неизвестный подходил все ближе. По пути он перевернул ногой бесчувственное тело Рисдайка, затем направился к распростертому в кресле Хогану. В руке человека блеснул металл. Джоктар слышал еще в Сан-Споте об этих маленьких смертоносных устройствах, но никогда раньше их не видел. Итак, это убийство. Он пришел, чтобы навсегда заткнуть рот Хогану.

Разделявшее их расстояние Джоктар мог бы преодолеть одним прыжком, если бы не парализующая мышцы вибрация. И все же...

Бластер весил тысячи тонн. Но терранец поднял эту тяжесть и направил не на убийцу, а на диск, что валялся на полу. Треснул выстрел — и между Хоганом и незнакомцем вырос ослепительный огненный столб. Выплеснувшаяся энергия диска ослабила на миг действие ультразвука, и освобожденный из тисков Хоган ринулся на остолбеневшего от неожиданности противника. Оба повалились на пол, Джоктар наел сверху и, размахнувшись бластером, ударил битого с ног человека по голове.

Но измочаленный вибрацией, он не сумел оглушить врага, как не сумел и среагировать на ответный удар. Кулак в тяжелой перчатке бросил Джоктара на пол, а встать на ноги уже не было сил...

Из руки незнакомца вырвалась черная молния, Хоган вздрогнул и затих на полу. Затем человек повернулся к Джоктару; на лице, защищенном прозрачной маской, мелькнуло изумление. Он сделал шаг к юноше, поднял его одной рукой и швырнул в кресло. Руки в перчатках ухватили терранца за ворот туники и разорвали ее сверху донизу. Глаза человека впились в грудь, но, не обнаружив того, что искали, остановились на плече, где багровел едва зарубцевавшийся шрам. Незнакомец склонился к портативной рации, висевшей на плече, и что-то проговорил.

В тот же миг вибрация исчезла. Но никто из находившихся в комнате людей не пошевелился — они были в глубоком беспамятстве. Жесткие перчатки схватили руки терранца и заломили за спину. Вокруг кистей обмотался прочный ремень. Затем от грубого толчка Джоктар снова очутился на полу.

Рядом загромыхали сапоги — сюда вошли люди. Юношу рывком подняли и он встретил холодный взгляд человека в серой тунике, который приходил за ним в клинику. Удостоверившись, что перед ним тот, кого он искал, командор удовлетворенно кивнул и повернулся к другим.

Джоктар проследил за его взглядом. Рисдайк, Саа и офицер патруля лежали без чувств. Глубок ли обморок у Саммса и Хогана, юноша не знал.

Леннокс схватил за волосы Хогана и повернул к себе. Хоган открыл глаза, его лицо исказила гримаса ненависти и боли. Губы командора тронула издевательская ухмылка.

— Ты проиграл, снупер.

В глазах Хогана что-то дрогнуло, из горла вырвался хрип, Леннокс счел это проявлением протеста.

— Теперь ты будешь там, где тебе навсегда заткнут пасть. Хотел бы я знать, как справится со своей миссией твой шеф, если в игре не будет тебя... — Взглянув на искаженное ненавистью лицо Хогана, Леннокс дал волю своей ярости. — Никто, ты слышишь, снупер, — он с такой силой рванул Хогана за волосы, что голова стукнулась о спинку кресла, — я говорю, никто не может перехитрить разведчика!

Он перевел взгляд на Джоктара, и в его глазах юноша уловил то же безразличное презрение к непонятному существу, что поразило его еще в клинике.

Командор процедил с угрозой:

— Мы выпотрошим тебя, щенок, протащим через все тесты. И если ты действительно... Тогда прощайся с жизнью... Келсс!

Офицер в серой тунике вытянулся перед Ленноксом.

— Коптер ждет на террасе. Немедленно бери этих — и в штаб. Обоих...

— Ты не слишком спешишь, командор?

Расталкивая разведчиков, в дверь входили люди в голубых туниках. Леннокс пригнулся, словно в ожидании схватки. Но тот, кто вошел первым, был безоружен. Туника члена правительства была приспущена на плече, открывая звезду Советника. Именно этого человека видел Джоктар на экране.

— Гражданские власти не должны вмешиваться в наши дела, советник, — заговорил командор.

— Ты говоришь, — поднял брови Куллан, — что это ваше дело? Разве хоть один из этих людей числится в твоей службе? Давай поглядим на них вместе. Вот Саа Ким — руководитель компании Харбанд. А это — один из патрульных. Разве патрули подчинены разведчикам? Напротив, это ваша служба подконтрольна их адмиралу. Ну, а эти, — он указал на Саммса, Хогана и Рисдайку, — делегаты с Фенриса, которым я назначил встречу на завтра. Впрочем, уже за полночь, так что на сегодня. Итак, я не вижу здесь людей, находящихся у тебя в подчинении.

Леннокс рванул с пола связанного Джоктара, поставил его на ноги.

— Но этого я могу взять, он-то мой!

— Твой? — Куллан внимательно посмотрел на юношу.

— Дебор!

На зов подошел один из патрулей.

— Насколько мне известно — а если я ошибаюсь, вы с Ленноксом меня поправите — каждый разведчик всегда и везде должен носить при себе идентификационный знак. Так?

— Да, советник, — отчеканил патрульный.

Леннокс уग्रюмо молчал.

— Тогда, Дебор, я прошу тебя посмотреть, есть ли знак у этого человека.

Джоктар скосил глаза. В обивке пустого кресла, между сиденьем и подлокотником, чуть поблескивал ободок жетона, похищенного им вместе с серой формой. Он, видимо, вывалился из кармашка в тот момент, когда разведчик порвал на нем тунику.

— Ну же, Дебор!

Патрульный нерешительно переминался с ноги на ногу, не в силах побороть устоявшееся почтение к серой форме. Леннокс притянул

Джоктара поближе к себе, как бы утверждая свои права на одного из подчиненных.

— Ну зачем же так, командор! Если он твой, у него есть диск. Если нет — гражданские власти разберутся, зачем этому молодому человеку понадобился сей маскарад.

Темный загар на лице Леннокса приобрел зеленоватый оттенок. Сдерживая бешенство, он сделал шаг назад. Офицер патруля обнажил грудь Джоктара, провел по кармашкам туники.

— Диска нет, советник, — отрапортовал он.

— Выходит, я прав, он просто переодет в форму разведчика. Его дело будет рассмотрено по обычной процедуре. Вообще, многое для меня здесь непонятно, и я займусь всем этим, не откладывая... Патруль, проводите всех, включая и командора, в мою резиденцию.

Леннокс сделал протестующий жест. Но Куллан продолжал:

— Не бойтесь, командор, они не сбегут — на этот счет я позаботился. Но всем этим людям необходим отдых, а также медицинская помощь. Пусть их приведут в порядок, и тогда мы встретимся.

Спустя час все они сидели в приемной у Куллана. Джоктар облюбовал для себя подоконник, на который падали с улицы розоватые отсветы зари. В его руке был большой кубок с тонирующим напитком. Прихлебывая прохладную жидкость, юноша внимательно следил за всем происходящим.

Рисдайк откинулся в кресле. Хотя кровотечение остановилось, но сквозь загар на лице летчика проступила болезненная бледность, его бил озноб. Сидевший рядом с ним Саммс уже почти оправился от пытки ультразвуком. Серые глаза были, как обычно, льдисты и непроницаемы. Саа выглядел неважно, он то и дело отпивал из широкого сосуда какое-то целебное снадобье. Леннокс ухитрился в мягком кресле сидеть неподвижно и прямо, словно бы в тисках силового поля. С ним резко контрастировала поза Хогана, устроившегося в кресле с непринужденным изяществом. Не было только патрульного офицера. Зато в комнате оказался незнакомец в тунике шефа офиса. Джоктар видел, как этот человек, который назвался директором Кронфильдом, войдя, дружески поздоровался с Хоганом как со старым знакомым. Кронфильд расположился напротив них, заняв место за столом подле Куллана.

— Вот и рассвет, — проговорил советник, обернувшись к окну. — Это глубоко символично: нам тоже предстоит пролить свет на чрезвычайно запутанное дело.

Он взял в руки лежавший на столе лист бумаги.

— Это петиция, врученная мне от имени тех, кто называет себя Свободными Людьми Фенриса. Они делегировали на Локи Рисдайка,

Саммса и Хогана. К делу причастен и советник Саа, один из руководителей Харбанда. Кстати, он не возражает против обсуждения претензий в адрес компаний?

— На скачках не может победить тот, чья лошадь захромала, — витиевато ответил Саа Ким, пряча свои чувства за вежливой ухмылкой, унаследованной им от дальних предков. — Мы с Хоганом уже обговорили основной круг наших вопросов и, надеюсь, пришли к соглашению. Оговорюсь, что я могу отвечать только за одну нашу компанию. Вместе с тем...

— Вместе с тем брешь, — подхватил Куллан, — пробитая тобой в политике монополий, заставит и других промышленников пойти на уступки. Ты это хотел сказать, Саа? Я тоже так думаю. И поэтому позабочусь, чтобы Высший Совет безотлагательно обсудил весь комплекс существующих на пограничных планетах проблем и вынес взаимоприемлемые решения. Не могу не отметить, что ты, Саа, проявил завидную мудрость и гибкость в довольно непростой ситуации.

Саа вновь улыбнулся:

— Да уж, в такую острую ситуацию я никогда раньше не попадал и, надеюсь, не попаду впредь.

— Следующий вопрос. — Тон Куллана стал сухим и официальным. — По приказу этого офицера разведки тебе нанесен моральный и физический ущерб, имело место покушение на твою свободу. Ты вправе заявить официальный протест.

На этот раз Саа улыбнулся как можно шире:

— Советник, поскольку это уже не касается вопросов по Фенрису, я предоставляю тебе самому разбираться с разведкой. А этот офицер... Нет, я воздержусь от подачи протеста. Теперь же, поскольку вопрос исчерпан, позволь мне уйти. — Он встал и тронул за рукав Саммса. — Ты идешь со мной?

Саммс повел плечом, отстраняясь от этого прикосновения. Он согнулся, положив локти на колени, и неотрывно глядел на Хогана. А может быть, на Леннокса? Наступившую паузу прервал Куллан:

— Если ты, Саа, уклоняешься от подачи протеста, рассчитывая договориться с этим офицером, то напрасно. Он теперь вряд ли правомочен заключать сделки. Или ты настаиваешь на своих полномочиях, командор?

Леннокс продолжал сидеть так же прямо, однако каким-то непостижимым образом он будто уменьшился в размерах.

— А ты что скажешь? — этот вопрос, произнесенный сдавленным от волнения голосом, заставил всех посмотреть на Саммса. Тот стоял, привыкший, в упор глядя на Хогана, и ждал ответа.

— Саммс, я хочу сделать тебе подарок.— В голосе зазвучала знакомая ленивая интонация.— Это всем подаркам подарок, Саммс. Я дарю тебе Фенрис! Что бы ты там не планировал, но дело ты сделал хорошее. Хорошее, во-первых, для всех, кто послал нас сюда. Когда Саа выполнит свои обещания, это пробьет изрядную брешь в стене, которой Фенрис отгорожен от всего мира. Словом, для Свободных Людей планеты начнется новая, счастливая эра. Благодарю тебя, босс,— усмехнулся Хоган, отвечивая Саа шуточный поклон.

Директор Харбанда склонил в ответ свою изящную голову, не забыв вежливо улыбнуться.

— Во-первых,— Хоган вновь повернулся к Саммсу,— это дело хорошо оборачивается и для тебя. Ты теперь первый человек на Фенрисе, герой, чьи лавры никто не осмелится оспаривать. Желаю тебе стать большим боссом на твоей планетке, для этого у тебя есть все качества, даже в избытке. И последнее. Можешь не говорить, что ненавидишь меня. Я это знаю. Теперь же, после моего подарка, ненавидишь еще сильнее — мы и об этом оба знаем. Что ж, прощай новый герой Фенриса! — Хоган поднял руку и помахал Саммсу с уничтожающей усмешкой.

Саммс с трудом оторвал от соперника полный ненависти взгляд. Сдерживая бешенство, он отвесил Куллану деревянный поклон и вышел рука об руку с Саа. Перед ними лежало их будущее, хотя каждый из двоих партнеров представлял это будущее по-своему.

Когда они скрылись за дверью, Хоган произнес, как бы подводя черту:

— Конец главы. Или книги?

— Во всяком случае, первого тома,— задумчиво добавил Кронфильд.

— Пожалуй,— согласился Куллан.— Но и второй том не менее захватывающий...— Он поднялся и, заложив руки за спину, долго стоял у окна, наблюдая бег облаков, окрашенных пурпуром зари. Затем вернулся к своему креслу и переставил его так, чтобы сесть лицом к лицу с Ленноксом. Его голос зазвучал уверенно и твердо.— Мы знаем все, даже то, о чем ты, командор, и не подозреваешь. А пока отвечай: кто дал тебе право под всеми звездами Галактики ставить барьеры фаллианам?

ГЛАВА 13

Старательно сохраняемая до сих пор выдержка изменила Ленноксу. Его лицо вновь побледнело от бешенства, в глазах загорелась лютая ненависть.

— Если тебе известно все, известно и то, кто дал мне такое право.

— Ты словно гордишься тем, что сделал... Двадцать лет назад отважный смельчак принес в наш мир самый большой подарок, о каком могло мечтать человечество. К тебе, командор, обратился он за помощью, но его ожидали предательство и смерть.

— Я не признаю твоих обвинений, советник, — замотал головой Леннокс. — Я выполнял свой долг и приказы командования. Хотя, не скрою, я был согласен с этими приказами. Да, я велел убрать Марсона, но он уже не был человеком. Для блага людей был убит этот оборотень, этот монстр, явившийся со своими мерзкими предложениями. — Злобная усмешка искривила губы Леннокса. — Лучше благодарите богов, что я помешал этому предателю выполнить свою чудовищную миссию.

— Подобная точка зрения известна. — Ледяной тон Кронфильда резко диссонировал со злобными выкриками Леннокса. — Известен фанатизм сторонников этой позиции. Но многие видят проблему и ее историю иначе. Марсон, один из лучших разведчиков, ни в чем не изменил своему долгу первооткрывателя новых миров. Он вошел в контакт с неведомой доселе расой, одновременно с нами существовавшей в Галактике. Причем не он был инициатором контакта, Марсон просто поспешил на зов, приняв сигнал с просьбой о помощи. Те, к кому он прилетел, приняли посланца человечества с добротой и открытостью. Он долго жил среди них, изучая эту расу, хотя ее и не было в списке цивилизаций, с которыми разрешен контакт. Поняв, насколько полезной для людей может стать дружба с Другими, он решил вернуться. Марсон знал, что на карту поставлена его карьера и даже жизнь. Но он верил, что найдет разумных людей, которые выслушают его доводы и захотят удостовериться в истинности его доказательств. Он пришел с высокой миссией, он мог рассчитывать на неприкосновенность, ограждающую послов любого ранга. Но ему не дали дойти до тех, кто мог бы оценить значимость сокровища, которое Другие предлагали человечеству. Марсон не успел сделать первых шагов, как был схвачен и убит. Служба разведки постаралась, что бы всякая память об этом исчезла. Но Другие не теряли надежды на контакт. Они торопились, зная, что срок жизни людей гораздо короче их собственного. Они боялись, что ныне живущее поколение исчезнет

с лица Терры, так и не узнав о зове дружественной расы. И пятнадцать лет назад контакт повторился. На этот раз в наш мир летели двое добровольных послов, взявших с собой в качестве доказательства еще одного — третьего.

Рука Леннокса непроизвольно нырнула к поясу и в бессильной ярости стиснула пустую кобуру. Проследив глазами этот жест, Кронфильд лишь покачал головой, не прерывая своего рассказа.

— Втянутым в этот новый контакт оказался разведчик Ксанга, выполнявший рейс по той же орбите, что когда-то и Марсон. Его история повторилась, но корабль Ксанги летел в наш мир с двумя пассажирами: женщиной и ребенком. Ксанга знал о гибели Марсона, понимал, что его ждет. Но он рискнул вернуться, выбрав для посадки глухую планету Кирс. Однако там он угодил в ловушку, был опознан и схвачен полицией порта. Опасаясь, что его заставят выдать тех, кто прибыл с ним, Ксанга предпочел смерть и покончил с собой. Как удалось женщине с ребенком просочиться сквозь полицейские кордоны и покинуть Кирс, осталось загадкой, в которую уже никому не проникнуть. Но они каким-то чудом ухитрились добраться до Терры.

Другие считали, что сумели застраховать женщину от любых опасностей, подстерегающих ее в мире людей. Но одного они не предусмотрели: ей не привит иммунитет к нашим болезням. Через короткое время женщина умерла в Джет-Тауне, районе порта Н-Йок, где она скрывалась со своим малышом. Ребенок остался жив.

Пустой кубок выпал из руки Джоктара. Но никто не обернулся на шум — все были захвачены странной историей, которую излагал Кронфильд.

— По терранским меркам, мальчик выглядел лет на шесть, хотя на самом деле он был вдвое старше. Для безопасности ребенка его память была прочно заблокирована. Мальчишку прибрали к рукам люди, связанные с преступным миром и ничего не подозревающие о его происхождении. Он и сам не помнил о себе решительно ничего. Теперь, Леннокс, хотелось бы вернуться к понятию долга — вы ведь на него ссылаетесь. Какие, по-вашему, мотивы двигали Марсоном, покинувшим рай Других ради счастья людей? Во имя чего сознательно шел на смерть Ксанга? Что заставляло эту женщину рисковать собой и ребенком? Только избавьте меня от необходимости выслушивать дурацкие бредни, состряпанные службой разведки после первого контакта с Другими. Мозги обывателей до сих пор старательно начиняются этими идиотскими баснями.

— Идиотскими баснями? — Леннокс задохнулся от возмущения. — Так ты называешь правду об этих нелюдях?

— А ты что называешь правдой? Утверждение, что Другим даровано бессмертие? Это не более чем вымысел. Даже та скучная информация, которой мы располагаем, свидетельствует, что Другие гибнут, как и люди, в катастрофах, а в прошлом они теряли множество своих в галактических войнах. Но если и не брать это, доказано, что жизнь их тоже конечна, просто срок ее несравненно длиннее нашего. Нет, не это заставляет бояться Других, а то, что они мудрее нас, совершеннее духовно и физически. Кое у кого это порождает комплекс неполноценности. Уверен, что, узнав Других лучше, люди увидят не только их сильные, но и слабые стороны...

Леннокс, обуреваемый яростью, злобно сплюнул:

— Они добираются до нас, чтобы поставить низшую расу себе на службу. А ты хочешь стать их пособником!

Кронфильд нахмурился:

— До чего же живуч страх, порожденный ложью! Полвека назад истеричный человек принял секретное сообщение. Вольно или невольно, ошибочно или преследуя собственные деспотические цели, он посеял ложь, возведя из нее стену между нами и расой Других. Но правда всплыла. Те, кто, рискуя жизнью, изучал рапорты полувековой давности, узнали истину, искаженную волей фанатика. Но только три года назад нашлись люди, достаточно влиятельные, чтобы получить доступ ко всем материалам. И тогда рассыпалась в прах гнусная ложь, которую дал миру бесноватый гений Морре. Он повинен в жутком преступлении, совершенном по отношению к Другим. Да, эта раса нуждается в нас — для своего существования, для воспроизводства новых поколений Всегалактической расы!

Звонящий голос Кронфильда вдруг сорвался от волнения. Стараясь овладеть собой, он сделал глоток из стоящего перед ним кубка. Все молчали, пытаясь осознать услышанное. И вновь заговорил Кронфильд, заговорил мягко, как говорят о мечте, о самом сокровенном.

— Другие... древняя гуманоидная раса, во всем превзошедшая нашу цивилизацию... Они преодолевают такие звездные расстояния, которые недоступны нашему разуму. Они дружески помогали мирам, которые существовали до нас. Тем, что на память грядущим покорителям нашей очень старой Галактики оставили лишь пыльные руины некогда прекрасных городов. Много лет назад произошла катастрофа: Золотой мир попал под воздействие неисследованного космического излучения. Других постигла роковая мутация, которая ведет к вымиранию этой расы. От их союзов между собой стали рождаться дети исключительно женского пола. Но есть выход: от браков с мужчинами родственной гуманоидной расы на свет

появляются дети двух цивилизаций — фаллиане. Такие союзы дают Галактике людей с замечательными качествами: превосходными умственными и физическими данными, огромной продолжительностью жизни. Долго и мучительно искали Другие расу, которая подошла бы им для продолжения рода. Сильно уменьшилось за это время число жителей Золотого мира — они, увы, не бессмертны. И какова же была радость Других, когда они узнали про нас! Их зов был мольбой о помощи...

— Чтобы плодить гибридов, метисов, чудовищ! — презрительно вставил Леннокс.

— Гибридов — да. Но вовсе не чудовищ, а людей улучшенной породы. В этом убедились те, кто не поддался на лживую пропаганду союзников Морре и внял зову маяка. Один из них — Марсон, взявший в жены женщину другой расы. Там, в Золотом мире, у них родился сын со всеми качествами фаллианца. Когда Марсон погиб, его жена привезла мальчика на Терран, чтобы показать людям общее дитя двух цивилизаций. Но сделать это появилась возможность только сейчас, спустя столько лет! Нынешнее поколение не получит дара фаллиан, но наши сыновья и дочери, наши внуки, правнуки станут здоровее и умнее, они будут жить дольше и счастливее нас. А через много, по нашим нынешним понятиям, лет численность фаллиан вырастет, и взаимопроникновение обеих рас даст миру цивилизацию долгожителей.

— Ты просто лишился рассудка! — заорал Леннокс. — Ты толкаешь наш народ на совокупление с монстрами!

Кронфильд, словно не слыша обвинений командора, произнес:

— Ничего, что процесс ассимиляции будет длительным. Главное, что начало ему уже положено. Я руковожу Проектом, который занимается этой проблемой. Еще немного — и мы сможем рассекретить нашу работу, ее результаты станут достоянием всех. Людям пора узнать правду о Других.

— Ты не пойдешь на это! — В голосе Леннокса зазвучала угроза. — Ты пытаешься вывернуть все наизнанку. Морре предвидел результаты, а он был гений. Другие не сверхлюди, а исчадия ада, которым нужны рабы для воспроизводства их дьявольского отродья!

— Ты видел одного из них. Он разве похож на дьявола, на монстров, фигурирующих в рапортах Морре?

Леннокс напрягся, как согнутый клинок. Его ненавидящий взгляд нашел Джоктара. И внезапно он кинулся на юношу, норовя вцепиться ему в горло. На помощь Джоктару пришли навьки, доведенные до автоматизма за годы жизни в городских джунглях. Он откинулся назад, но там было окно. И ему пришлось отчаянно бороться за

собственную жизнь с обезумевшим сильным мужчиной, который, оскалась, тянул руки к его горлу. Но вот рука юноши нырнула под подбородок командора и уперлась ему в кадык. Леннокс захрипел, его лицо залилось кровью. Он замотал головой, хватая руками воздух, пытаясь ускользнуть от безжалостных тисков, сдавивших его шею. Наконец, Джоктар оттолкнул обмякшее тело на руки Хогану и стал вытирать кровь со своего лица.

Вошли вызванные Кулланом патрули. Джоктар стоял, глядя в окно, и не повернул головы, когда из комнаты выносили полубесчувственного командора. Сердце юноши снова стиснуло пронзительное ощущение одиночества. Он с горечью осознал, как открытая сегодня тайна отделила его от людей, находившихся в комнате, от всех людей приютившего его мира.

Монстр... Гибрид... Что хорошего, если в Галактике появятся сотни, тысячи существ, которым такие, как Леннокс, не будут давать прохода? Таковы люди — он знал их по воспитавшей его улице. Этой расой движет темное, злобное начало, оно заставляет людей с наслаждением мучить и издеваться над теми, кто не похож на них...

И Джоктар вдруг почувствовал себя жертвой, за которой гонятся, которую толпа загнала в угол. И все его существо захлестнул ужас, отчаянный ужас загнанного зверя.

За окном вставало солнце. Оно отливало золотом в волнах моря, окрасило румянцем скалы островов. На Локи оно было теплее фенрианского, Джоктар ощутил его горячее прикосновение сквозь прозрачный пластик окна. Он вдруг понял, что в своей жизни смотрел на солнце считанные разы: как и все в Джет-Тауне, он вел ночную жизнь.

Золотой мир... Ласковый и теплый, как это солнце.

Он услышал за спиной шорохи, шаги, но не обернулся. Ему не было до них дела — он другой. Другой... Таких, как Леннокс, много, а он теперь отгорожен глухой стеной от всех, кого знал, к кому привязался в этом мире.

Солнце... Золотая планета... Он пойдет туда, к Другим, к таким, как он. Что ж... Джоктар кинул еще один взгляд на солнце и повернулся к людям, сидевшим за его спиной.

Но в комнате был один Хоган. Он разглядывал юношу с особым выражением, знакомым Джоктару еще по Фенрису.

— Поверь, ты не один. — Голос Хогана звучал мягко, даже ласково. — Не позволяй проникнуть в твою душу яду, выпущенному Ленноксом.

— Я гибрид,— Джоктар с трудом заставил себя произнести это уничтожающее слово.

— Ты фаллианец,— поправил Хоган.— А это не одно и то же. Верь мне, я знаю...

— Что ты можешь знать...— пожал плечами юноша.

— А ты думаешь, что твой отец и Ксанга — единственные, кто попал к Другим? Я сам вернулся оттуда четыре года назад.

— Ты? Мелкий торгаш с Фенриса?

— Маска торговца помогла мне скрыться, чтобы не повторить участь Марсона и Ксанги. Я скитался, ждал, пока Кронфильд начнет действовать. И искал тебя. Мы знали, что ты есть. Но где?

Хоган подошел и положил руки на плечи юноши.

— Я верил, что найду тебя. И ты нашелся! Прошу тебя: выбрось слова Леннокса из головы, он просто не знал правды. Таким, как он, понадобится время, чтобы понять, что мир изменился — в нем появился ты. Ну, веришь мне?

И Джоктар увидел в дружеском взгляде Хогана свет правды. Этот свет поглотил и растворил в себе смятение юноши. Исчезло все, что терзало его.

Джоктар затаенно улыбнулся: он сумел справиться и с этим. Он — настоящий фаллианец!

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.Фармер. УБИТЬ БОГА. Научно-фантастический роман. <i>Перевод И.Николаева</i>	4
А.Нортон. ВСАДНИК С ВОРДЕНА. Научно-фантастический роман. <i>Перевод П.Дымова</i>	100
А.Нортон. СОКРОВИЩЕ ТАИНСТВЕННОЙ РАСЫ. Научно-фантастический роман. <i>Перевод П.Дымова</i>	228

Убить бога: Сб. научно-фантаст. прозы США: Пер. с англ. /
У 17 Сост. А. Сазонова.—СПб.: филиал «Васильевский остров»,
1992.—336 с.

ISBN 5-7012-0313-1

В сборник вошли произведения двух всемирно известных американских писателей-фантастов, входящих в первую «десятку» мира—Андре Нортон и Филиппа Дж. Фармера. Включенные в книгу романы признаны одними из лучших произведений американской научно-фантастической литературы XX века.

С $\frac{47003000000-155}{022(01)-92}$ без объявл.

ББК 84.7 США

УБИТЬ БОГА

Сборник научно-фантастической прозы

Редактор Л. Сдобина

Технические редакторы Ю. Жихарев, А. Лютиков

Корректоры А. Тарасова, А. Левченко

ИБ №7268

Сдано в набор 10.09.91. Подписано в печать 01.04.92. Формат 60х88 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.00. Уч.-изд. л. 20.78. Тираж 25000 экз. Заказ № 208. Цена договорная. Филиал «Васильевский остров» объединения «Всесоюзный молодежный книжный центр»: 191028, С-Пб., Манежный пер., 2 совместно с АО «МСТ». Набор произведен в МНПП «ТЭКИНКОМ»: 620219, Свердловск, ГСП-494, Гагаринский пер., 4. Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика»: 195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

**КОЛЛЕГИЯ СОСТАВИТЕЛЕЙ
при МГП «А Ю» приглашает**

**ПЕРЕВОДЧИКОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

а также профессиональных составителей литературных сборников к
сотрудничеству в подготовке последующих книг жанра.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ—ДЕТЕКТИВ—ФАНТАСТИКА»

Заявка должна включать краткую аннотацию переведенной книги
(либо предлагаемого сборника) данные об авторе и первой
публикации этого произведения за рубежом на языке оригинала,
краткие данные о переводчике (составителе).

Предложения просьба направлять по адресу: 195298 г.Санкт-Пе-
тербург, пр. Косыгина, 26/1.

Рукописи включаются в план редакционной подготовки только
после их рецензирования квалифицированными специалистами.

Оплата принятых работ — на договорной основе.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

